Нюрнбергский процесс

Нюрнбергский процесс

СУД НАД НАЦИСТСКИМИ СУДЬЯМИ

(СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ)

Под общей редакцией
и со вступительной статьей
Р. А. Руденко

Издательство
«ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
Москва — 1970 г.

Составитель

М. Ю. РАГИНСКИЙ

Перевод с английского

В. И. ВАЛИЦКОЙ

341 **Нюрнбергский** процесс. Суд над нацистскими
Н97 судьями. Сборник материалов. М., «Юридическая литература», 1970.

352 с.

В 1965—1966 гг. издательство «Юридическая литература» выпустило трехтомник «Нюрнбергский процесс», в котором, в частности, содержались некоторые материалы судебных процессов американских военных трибуналов по делам гитлеровских финансистов, промышленников, генералов, дипломатов и т. д.

В настоящем сборнике, который можно считать логическим продолжением трехтомника, впервые публикуются материалы судебного процесса американского трибунала над группой руководителей юстиции гитлеровской Германии, известного как суд над нацистскими судьями, или дело № 3.

Сборник материалов представляет интерес не только для специалистов, но и для широких кругов советской общественности.

1—10—5
96—69

Четверть века прошло с тех пор, как победоносные вооруженные силы Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции разгромили на полях сражений нацистский вермахт и спасли человечество от фашистского порабощения и гибели. Прошли десятилетия, но люди всего мира помнят и никогда не смогут забыть чудовищные преступления гитлеризма против народов СССР, Польши, Чехословакии, Югославии, Франции и других стран Европы, преступления, которых не знала история человечества.

Нацисты замучили, расстреляли и задушили в газовых камерах миллионы людей, покрыли Европу густой сетью лагерей смерти. Они создали зловещую «индустрию человеконстребления», превратили самую войну в педантично организованную систему государственного бандитизма. Холодный и преступный расчет руководил всей этой системой. В совершение военных преступлений были втянуты десятки тысяч человек, все звенья государственного и партийного аппарата фашистской Германии.

Преступления гитлеровцев были направлены против коренных, жизненных интересов всех народов, всего человечества.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в докладе на торжественном собрании, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне, говорил:

«Нельзя без гнева и боли вспоминать о зверствах гитлеровцев на нашей земле, на территориях других стран. Времена фашистской оккупации были трагедией для целых народов. Можно ли забыть о чудовищных преступлениях гитлеризма, совершенных в Советском Союзе, Польше, Югославии, Чехословакии и других странах Европы, о кострах из живых людей, о душегубках, о лагерях смерти.

Можно ли забыть о миллионах мужчин, женщин, стариков и детей, сожженных в крематориях Освенцима, удушенных в газовых камерах Майданека, замученных на плацах Маутхаузена. Набат Бухенвальда и ныне звучит в сердцах людей, будит в них ненависть к фашизму и расизму, требует наказания тех, кто виновен в преступлениях против человечества»[1].

Неотвратимое наказание нацистских военных преступников стало одной из целей в справедливой войне народов против фашизма, требованием всего человечества.

Ни одна страна антигитлеровской коалиции не понесла таких тяжелых жертв, как СССР, и никто не внес такого огромного вклада в дело военного и морально-политического разгрома гитлеризма, как Советский Союз. Это был поистине героический подвиг советского народа в смертельной борьбе против самого гнусного и опасного порождения империализма — германского фашизма. Народы Советского Союза сражались не только за себя, не только за свое настоящее и будущее, но и за судьбы многих стран Европы, над которыми нависла опасность фашистского порабощения.

Великая освободительная миссия Советского Союза, решающий вклад советского народа и его Вооруженных сил в разгром гитлеризма создали важнейшие предпосылки для организации и осуществления судебного преследования нацистских военных преступников, открыли дорогу суду над Герингом и Кейтелем, Гессом и Ширахом, Розенбергом и Шпеером, Штрейхером и Деницом, а также другими заправилами «третьего рейха».

В Нюрнберге (20 ноября 1945 г.— 1 октября 1946 г.) состоялся судебный процесс над главными военными преступниками, который справедливо называется всеми честными людьми земного шара судом народов, а приговор, покаравший организаторов и исполнителей чудовищных преступлений, — приговором истории.

Никогда ни один судебный процесс не объединял все свободолюбивые элементы мира в таком единодушном желании покончить с реакцией, агрессией, человеконенавистничеством и мракобесием. Нюрнбергский процесс отразил гнев и возмущение человечества чудовищными зло-

[1] Л. И. Брежнев, Великая победа советского народа, Политиздат, 1965, стр. 15.

деяниями, виновники которых должны были быть наказаны для того, чтобы подобные преступления никогда не могли повториться.

Именно поэтому в обвинительной речи советского представителя на Нюрнбергском процессе подчеркивалось, что процесс проводится не только во имя памяти миллионов жертв фашистского террора, но и во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем. С таких же позиций подходили к оценке роли процесса в Нюрнберге в то время и обвинители от других стран — членов Международного Военного Трибунала[1].

В 1945 году на весь мир прозвучали слова Потсдамских соглашений: никогда больше не допустить возрождения разбойничьего германского милитаризма. Жизненные интересы всех народов требуют навсегда исключить не только возможность агрессии со стороны германского империализма, но и возможность повторения нацистских преступлений против человечества.

Международный Военный Трибунал провел первый процесс над главными военными преступниками. Вслед за тем предстояло судебное разбирательство дел других нацистских преступников, ожидавших решения своей участи в Нюрнбергской тюрьме. В первую очередь должны были рассматриваться дела преступной верхушки немецких монополий, в интересах которых велись агрессивные войны и порабощались целые страны.

Но процесс над преступными руководителями монополий не состоялся, равно как и международные процессы над другими главными военными преступниками европейских стран оси. Международный Военный Трибунал в октябре 1946 года вопреки своему Уставу перестал существовать.

Объясняется это тем, что Трибунал был создан и действовал в результате согласованной политики стран антигитлеровской коалиции. Но как известно, империалистические круги некоторых западных держав и прежде всего США уже в 1945 году начали атаку на союзнические соглашения, принятые во время войны и вскоре после ее окончания. Западные державы начали проводить новую политику

[1] См. «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах», т. I, Госюриздат, 1957, стр. 505, 458, 395, 340.

в германском вопросе, стали грубо попирать Потсдамские соглашения. Они пренебрегли и Лондонским соглашением от 8 августа 1945 г. об организации и принципах деятельности Международного Военного Трибунала, фактически отказались от совместно принятых деклараций и заявлений по поводу обязательного судебного преследования и наказания нацистских военных преступников.

Но прекратить суды над нацистскими военными преступниками и выпустить их всех из тюрем было не так просто — слишком свежи были в памяти нацистские злодеяния, слишком велик был гнев народов. Народы не забыли деклараций союзных держав, в которых те торжественно провозгласили свою решимость найти даже на краю света всех нацистских военных преступников и передать их в руки правосудия.

В этих условиях правящие круги США, отказавшись от практики международных судебных процессов, были вынуждены все-таки организовать серию отдельных процессов над нацистскими военными преступниками, проводившихся американскими трибуналами.

В Нюрнберге начали свою деятельность американские военные суды[1]. В здании Дворца юстиции, где Международный Военный Трибунал судил группу преступных главарей нацистского рейха, в 1947—1949 гг. состоялось двенадцать процессов. Были рассмотрены следующие дела: группы нацистских медиков, которые осуществляли бесчеловечные эксперименты над людьми, участвовали в умерщвлении миллионов людей в гитлеровских концлагерях; заместителя Геринга фельдмаршала Мильха; группы руководящих работников нацистской юстиции; руководителя главного административно-хозяйственного управления СС (ВФХА) Освальда Поля, ведавшего всеми гитлеровскими концлагерями, и его подручных; промышленного магната Фридриха Флика; директоров химического концерна «ИГ Фарбениндустри»; гитлеровского фельдмаршала Листа и других, виновных в массовых казнях заложников; главарей гиммлеровского ведомства — управления рас и поселений; «эйнзатцгрупп» во главе с Отто Олендорфом; Альфре-

[1] См. «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в трех томах», т. 1, «Юридическая литература», 1965, стр. 229—230.

да Круппа; группы нацистских дипломатов и руководителей министерств и ведомств «третьего рейха»; группы руководящих гитлеровских генералов-преступников[1].

* * *

В марте 1969 года в Москве состоялась Международная конференция по вопросам преследования нацистских преступников. В этой широкопредставительной конференции

[1] По 12 делам было предъявлено обвинение 185 нацистским преступникам; 4 обвиняемых покончили самоубийством, в отношении 4 — дела выделены в связи с их болезнью; перед судом предстали 177. Трибуналы оправдали 35 и осудили 142 к следующим мерам наказания: к смертной казни — 24, пожизненному заключению — 20, к тюремному заключению на разные сроки — 98, в том числе 9 сразу же были освобождены по зачету срока предварительного заключения. Конфискация имущества судом была применена только по делу Круппа, но приговор не был исполнен, все имущество американские власти вернули Круппу в полной сохранности. Закон № 10 Контрольного Совета предусматривал и такие меры наказания, как каторжные работы, штраф, лишение гражданских прав, но они ни по одному делу не были применены («Trials of War Criminals Before the Nuremberg Military Tribunals», Washington, 1951, Vol. XV, pp. 1140, 1149).
Однако вскоре американские власти в Германии начали кампанию помилования и пересмотра приговоров. Была выработана хитроумная система: исполнение приговора затягивалось путем подачи различного рода жалоб и ходатайств на имя военных оккупационных властей США в Германии, затем апелляционные жалобы и ходатайства об аннулировании обвинения направлялись в Верховный суд, военному министру и в другие инстанции Соединенных Штатов, а в итоге сначала в порядке помилования смертная казнь заменялась пожизненным заключением, затем пожизненное заключение заменялось заключением на определенный срок или «до пределов отбытого», а если речь шла об очень одиозной фигуре, то вместо снижения срока заключения «до пределов отбытого» применялось освобождение «по болезни». Именно так и поступил 31 января 1951 г. верховный комиссар США в Германии с Францем Шлегельбергером, одним из главных обвиняемых по делу «судей», осужденным к пожизненному заключению, освободив его «по состоянию здоровья», с эсэсовским палачом Францем Эйреншмальцем — ближайшим подручным Освальда Поля, заменив ему смертную казнь 9 годами заключения. Через непродолжительное время почти все осужденные военными трибуналами по 12 процессам были по просьбе властей ФРГ освобождены американскими властями.
На примере Шлегельбергера и Лаутца очень хорошо видна типичная судьба многих тысяч нацистских преступников в ФРГ. Обычно, как это и было в случае с упомянутыми судьями-преступниками, им назначались весьма солидные пенсии. Так, Шлегельбергер получил министерскую, а Лаутц — генеральскую пенсию.

приняли участие министры юстиции и генеральные прокуроры, ученые-юристы европейских социалистических стран, видные государственные и общественные деятели Англии, Италии, Франции, ФРГ, Норвегии, Бельгии и некоторых других стран Европы.

Конференция единодушно высказалась в поддержку Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества, одобренной 26 ноября 1968 г. XXIII сессией Генеральной Ассамблеи ООН.

В принятом Конференцией Обращении, распространенном Генеральным секретарем ООН в качестве официального документа Организации Объединенных Наций, говорится: «Мы обращаемся ко всем парламентам, правительствам, международной общественности, к демократическим силам в Западной Германии, ко всем, кому дороги мир, свобода и демократия, с призывом предпринять любые индивидуальные и коллективные усилия в благородной борьбе за то, чтобы ни один военный преступник не ушел от справедливого наказания»[1]. Конференция приняла резолюцию, осуждающую преступную войну американских империалистов во Вьетнаме и агрессию израильских экстремистов на Ближнем Востоке.

На Конференции также отмечалась необходимость максимально усилить пропаганду материалов Нюрнбергского процесса, продолжать раскрытие преступной сущности нацизма, гитлеровских преступлений.

В этом отношении за последнее десятилетие сделано немало. Издательство «Юридическая литература» в 1957—1961 гг. опубликовало материалы Нюрнбергского процесса над главными военными преступниками в 7-ми томах; в 1965—1966 гг.— Сборник материалов в 3-х томах, содержащий много новых документов о подготовке гитлеровцами агрессивных войн, о чудовищных злодеяниях на оккупированных территориях и тягчайших преступлениях против народов. Эти документы убедительно свидетельствуют о том, насколько лживыми и лицемерными являются попытки западногерманских реакционных кругов снять ответственность с гитлеровцев за эти преступления. В трехтомном сборнике содержатся некоторые материалы судебных процессов американских военных трибуналов по де-

[1] «Известия» 1 апреля 1969 г. № 78.

лам: «ИГ Фарбениндустри», Круппа, Флика, Мильха, главарей административно-хозяйственного управления СС и «эйнзатцгрупп», группы нацистских дипломатов и руководителей министерств и центральных ведомств «третьего рейха», нацистских медиков, некоторых руководящих гитлеровских генералов и главарей гиммлеровского управления рас и поселений.

В настоящем томе, который можно считать логическим продолжением трехтомника, публикуются материалы судебного процесса американского трибунала над группой руководящих работников нацистской юстиции, известного как суд над нацистскими судьями, или дело № 3, по обвинению Йозефа Альтштеттера и других. Вниманию читателей предлагаются с некоторыми сокращениями официальные материалы процесса: обвинительный акт, речи обвинителей и приговор. Эти материалы (в переводе с английского языка, на котором велся процесс) публикуются в СССР впервые.

Главным обвинителем на этом процессе выступал юрист по образованию бригадный генерал армии США Телфорд Тэйлор, который возглавлял обвинение и по остальным 11 процессам, проведенным в Нюрнберге американскими трибуналами. Кроме него обвинителями по делу нацистских судей являлись Чарльз М. Ла Фоллет, Роберт Д. Кинг, Альфред М. Вулейхен, Сэди Б. Аббутонт.

На процессе фигурировали многочисленные документы, которые подчас независимо от субъективных желаний того или иного обвинителя или члена американского военного трибунала в целом раскрывали человеконенавистническую сущность фашизма и его чудовищные злодеяния; поэтому положения приговора звучат актуально и в наши дни.

Как подчеркивалось в Основном документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве, «империализм породил фашизм — режим политического террора и лагерей смерти»[1].

В период нацистского режима в Германии террор был его сущностью и закономерностью. Германский империализм рвался к мировому господству, расширял свое «жизненное пространство», а выпестованный им фашизм уничтожал ради этого значительную часть населения захвачен-

[1] «Документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий», Политиздат, 1969, стр. 18.

ных территорий, оставшихся в живых хотел превратить в рабов.

Приговор Международного Военного Трибунала установил, что «на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным войскам. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами». И далее приводилась формула нацистов о политике по отношению к восточным территориям: «Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть. Поэтому обязательные прививки и медицинское обслуживание немецкими врачами представляются излишними. Рост славянского населения является нежелательным»[1]. Такова была преступная нацистская политика в отношении населения временно оккупированных территорий СССР и Восточной Европы.

По так называемому генеральному плану «Ост» и другим нацистским планам[2] предполагалось разными путями уничтожить 60 миллионов славян — чехов, поляков, русских, украинцев, белорусов, а остальных сделать рабами. Евреев и цыган намечалось истребить полностью.

Миллионы людей истребили гитлеровцы в лагерях смерти, в душегубках, в застенках гестапо. Эти злодеяния проводились планомерно и продуманно, составляли государственную политику «третьего рейха».

В организации массовых убийств наряду с СС и гестапо немаловажную роль играли нацистские юристы, представшие в феврале 1947 года перед американским военным трибуналом в Нюрнберге. Конечно, на скамье подсудимых оказались далеко не все, кто подводил «правовую основу» под преступления гитлеровского режима. Достаточно в связи с этим вспомнить о Гансе Глобке, который при Гитлере разрабатывал пресловутые расистские нюрнбергские законы, обрекшие на смерть шесть миллионов евреев, который подготовил вместе со своими подручными десятки

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 384—385.
[2] См. «Нюрнбергский процесс...», т. 3, стр. 125, 128, 131—148, 152, 239. См. также «Нюрнбергский процесс...», т. IV, стр. 692—696.

террористических «законов», ставивших польских и советских граждан в положение бесправных рабов. И этот самый Глобке, ставший впоследствии ближайшим помощником западногерманского канцлера Аденауэра, так и не был судим ни американским трибуналом, ни судом ФРГ[1].

Нацистские судьи выносили противоречащие самому понятию правосудия смертные приговоры, передавали гестапо и полиции для казни ни в чем не повинных людей, отправляли на виселицу даже тогда, когда не только дни, но и часы гитлеровского рейха были сочтены. Огромная сеть всякого рода специальных и особых судов, грубо попирая общепризнанные нормы судопроизводства, восполняла палаческую деятельность «эйнзатцгрупп» и «эйнзатцкоманд» СС и СД, гестапо и ЗИПО (полиция безопасности).

Нацистская пропаганда демагогически называла гитлеровский рейх «народным государством», чтобы прикрыть классовый характер фашистской диктатуры как террористической диктатуры крупного капитала. Такой же демагогический прием гитлеровские идеологи применяли и в области судопроизводства. Нацистские неправосудные суды истребляли лучших представителей немецкого народа, а специально созданное судилище для рассмотрения в порядке упрощенного судопроизводства так называемых дел о «государственной измене» кощунственно было наречено «народной судебной палатой». Эта «палата» играла важную роль в общей системе нацистского террористического режима, она должна была придать видимость «законности» фашистской расправе с противниками гитлеровского режима.

И совсем не походило на правосудие то, что творили нацистские судьи и прокуроры на территории Чехословакии, Польши, Франции и других оккупированных стран Европы. Что же касается временно оккупированных районов РСФСР, Украинской и Белорусской ССР, то там фашистские оккупанты, как правило, не считали нужным прибегать даже к видимости суда, а расстреливали, вешали и уничтожали миллионы людей на основании приказов военных комендантов, армейских и гражданских властей,

[1] В 1963 году Глобке заочно был приговорен Верховным судом Германской Демократической Республики к пожизненному заключению (см. «Нюрнбергский процесс...», т. 3, стр. 213).

специально созданных гитлеровцами карательных формирований и учреждений.

Важное значение процесса над нацистскими судьями и публикуемых в настоящем томе материалов этого процесса заключается в разоблачении террористической человеконенавистнической сущности нацистской юстиции.

На основе многочисленных документальных и иных доказательств американские обвинители обосновали вывод о том, что «подсудимые и их коллеги исказили, извратили и в конечном счете совершенно уничтожили в Германии правосудие и закон» (стр. 36), что эти лица «разделяют со всеми руководителями «третьего рейха» — дипломатами, генералами, партийными лидерами, промышленниками и другими — ответственность за смерть и страдания, которые «третий рейх» причинил всему миру и самой Германии» (стр. 36).

Неоспоримо было доказано, что «идеология «третьего рейха» была абсолютно несовместима с духом права, законности», «сама «идея права» была враждебна идеологии «третьего рейха», что «третий рейх» не мог существовать при наличии законности, а закон не мог существовать в «третьем рейхе» (стр. 48).

На скамье подсудимых фактически находились не только нацистские главари, но и их единомышленники, весь механизм кровавого гитлеровского режима.

Определенное значение имела оценка американским трибуналом деятельности нацистских судей и прокуроров как преступной и указание на то, что эта преступная деятельность была связана с подготовкой к агрессивным войнам (стр. 145, 183, 218, 225).

Трибунал установил, что программа истребления по расовым мотивам (геноцид) проводилась также и судами в качестве составной части общей политики рейха (стр. 228), «хотя роль, которую сыграло министерство юстиции в истреблении поляков и евреев, по сравнению с массовыми истреблениями миллионов людей, которые осуществляли в концентрационных лагерях СС и гестапо, была относительно невелика, тем не менее суды внесли большой вклад в «окончательное решение вопроса»[1] (стр. 245).

[1] Так нацисты зашифровали свои человеконенавистнические планы уничтожения миллионов людей.

На судебном процессе по делу Шлегельбергера и других, как и на процессе над главными немецкими военными преступниками, было доказано и в приговоре трибунала зафиксировано, что «общая политика нацистского режима заключалась в том, чтобы терроризировать и истреблять гражданское население оккупированных территорий» (стр. 224), и что ссылка подсудимых на то, что они будто бы не знали о зверствах в концентрационных лагерях, является лживой. Именно к этим же приемам прибегали подсудимые на других процессах по делам военных преступников в Нюрнберге, а западно-германские реакционные историографы взяли эту версию на вооружение, пытаясь фальсифицировать историю нацистской Германии.

Говоря о большом значении суда над нацистскими судьями, нельзя в то же время пройти мимо существенных недостатков, свойственных этому процессу.

Читатель не может не обратить внимание на то, что и обвинители и трибунал пытались всячески превозносить правовую систему и правосудие США, выставить Соединенные Штаты в роли защитника справедливости и законности. Но достаточно напомнить о судилище на Фоли-сквер, о так называемом процессе руководителей Коммунистической партии США, о «крестовом походе» американской реакции против всего прогрессивного и демократического, чтобы убедиться в лицемерии и лживости американской «демократии». Факты неопровержимо свидетельствуют, что после войны Соединенные Штаты становятся на деле мировым жандармом; что империалистические круги США грубо нарушают элементарные нормы и национального и международного права, а преступная война против Вьетнама, военные преступления и преступления против человечности, творимые американской военщиной и ее соучастниками против вьетнамского народа, напоминают злодеяния гитлеровцев.

В составе американских вооруженных сил в Южном Вьетнаме действуют специальные карательные подразделения, которые ничем не отличаются от эсэсовских «зондеркоманд» и «эйнзатцгрупп», орудовавших в годы второй мировой войны на оккупированных гитлеровцами территориях Европы. В конце 1969 года международной общественности стало известно о страшном злодеянии, о дикой расправе американской военщины с мирным населением Южного Вьетнама: в марте 1968 года они уничто-

жили деревню Сонгми, истребив почти всех ее жителей, среди которых большинство составляли женщины и дети. По свидетельству очевидца — американского сержанта Майкла Бернгардта, опубликованному в газете «Нью-Йорк таймс», в течение 15—20 мин. более 500 жителей деревни были расстреляны из карабинов и пулеметов.

Это злодеяние — не изолированный эпизод. В тот же период американские агрессоры совершили многочисленные убийства мирных жителей в других вьетнамских деревнях.

Американская военщина всячески стремится скрыть творимые злодеяния, преуменьшить их преступный характер, а официальные представители США пытаются снять с себя ответственность за массовые убийства в Сонгми и других населенных пунктах Вьетнама.

Когда американский обвинитель говорил: «Мы стремимся восстановить в Германии истину» (стр. 114) — это объективно не соответствовало действительности, так как уже тогда реакционные силы США стремились восстановить германский милитаризм. Также далеки от истины были утверждения обвинителя, что американский трибунал имеет «одинаковый авторитет с международным», что трибунал американский, но он сформирован в международном плане и т. п. (стр. 69—71). Это была попытка обмануть мировое общественное мнение, оправдать отказ правящих кругов США от проведения международных процессов, от согласованных принципов судебного преследования и наказания нацистских преступников.

В ряде случаев трибунал был непоследователен, а иногда даже игнорировал очевидные факты. Так, несмотря на то, что на процессе помощник подсудимого Ротхауга — имперского обвинителя при так называемой «народной судебной палате», под присягой подтвердил, что его шеф был «агентом СД в Нюрнберге», трибунал не признал Ротхауга виновным по разделу четвертому Обвинительного акта (принадлежность к преступным организациям); подсудимым Барниккелю, Петерсену и Небелунгу — активным деятелям так называемой «народной судебной палаты» вынесен оправдательный приговор без анализа доказательств и без обоснования вывода о невиновности; совершенно неубедительна мотивировка оправдания Кухорста — председателя специального суда, эсэсовца и нацистского гауштелленлейтера; не обоснован и не мотивирован вывод

о невиновности по разделам второму и третьему Обвинительного акта (военные преступления и преступления против человечности) Йозефа Альтштеттера — руководителя отдела министерства юстиции, оберфюрера СС, награжденного Гитлером за особые заслуги «золотым партийным значком».

В отдельных случаях в приговоре заметно явное стремление преуменьшить вину подсудимых, как-то их выгородить. Особенно наглядно это проявилось в отношении Германа Кухорста (стр. 328—329), Освальда Ротхаута (стр. 316), исполнявшего обязанности министра юстиции Франца Шлегельбергера (стр. 254) и главного имперского обвинителя при так называемой «народной судебной палате» Эрнста Лаутца (стр. 296). Некоторые серьезные погрешности допущены и в общих выводах, когда делается попытка свалить все на Гитлера (стр. 169, 171).

Бросается в глаза и мягкость мер наказания, к которым американский трибунал приговорил Альтштеттера (5 лет лишения свободы), Ротенбергера (7 лет) и в особенности Лаутца (10 лет), хотя и признал последнего виновным в геноциде. Сохранилась документация 393 дел, по которым Лаутц необоснованно добился вынесения смертных приговоров, фактически же таких дел было значительно больше.

Уже в 1951 году осужденные трибуналом Лаутц, Шлегельбергер, Иоэль и Аммон оказались на свободе, а через непродолжительное время были выпущены и все остальные осужденные по делу «судей».

Как подчеркивал немецкий публицист Е. Квидам, рука об руку с созданием этого государства (ФРГ) «шло великое отпущение грехов»[1].

Общеизвестно, что на протяжении всего существования западногерманского государства правящие круги при поддержке западных держав и в особенности США проводили политику покровительства и попустительства нацистским военным преступникам.

Не так давно гамбургский журнал «Шпигель» опубликовал следующие статистические данные: за 20 с лишним лет в Западной Германии было проведено 77 004 расследования по делам нацистских военных преступников.

[1] Е. Квидам, Красные мантии из Карлсруэ, ИЛ, 1958, стр. 58.

51 877 лиц были оправданы или дела о них были прекращены. За все 20 лет были осуждены 6192 нацистских преступника, причем очень немногие из них были приговорены к пожизненному заключению. Остальные отделались мягкими приговорами, многие были освобождены тут же, в зале суда[1].

Известная деятельница западногерманской юстиции Барбара Юст-Дальман, проанализировав данные о всех процессах военных преступников, имевших место в Западной Германии с 1946 до 1961 года, вычислила, что в среднем по каждому обвинению в убийстве последовало наказание в размере одной марки штрафа или 10 мин. тюремного заключения[2].

Общепризнанным фактом стало также засилье нацистских судей и прокуроров в органах юстиции Западной Германии.

Как известно, Закон № 4 Контрольного Совета для Германии от 30 октября 1945 г.[3] установил: «В целях осуществления перестройки немецкой судебной системы все бывшие члены нацистской партии, принимавшие активное участие в ее деятельности, а также другие лица, непосредственно осуществлявшие карательную практику при гитлеровском режиме, должны быть смещены с судейских и прокурорских постов и не могут быть впредь допущены на эти посты». Но и этот закон был нарушен в Западной Германии, как и положения Потсдамских соглашений о реорганизации судебной системы в соответствии с принципами демократии и законности.

В конце 50-х годов в органах юстиции ФРГ работали около 1200 судей и прокуроров, которые при Гитлере принимали непосредственное участие в вынесении террористических приговоров[4]. Дело дошло до того, что на пост генерального прокурора ФРГ был выдвинут член нацистской партии с 1933 года, крупный чиновник гитлеровской прокуратуры Вольфганг Френкель, а руководителем центрального ведомства по расследованию нацистских преступлений

[1] См. Г. Александров, Неонацизм в судебной практике ФРГ («Международная жизнь» 1969 г. № 11, стр. 33).
[2] См. «НДП — новая нацистская партия. Сборник статей», изд-во «Прогресс», 1968, стр. 17.
[3] Е. Квидам, цит. раб., стр. 42.
[4] См. В. Розен, Нацисты и боннская Фемида, изд-во «Международные отношения», 1966, стр. 110.

ряд лет был активный нацист, военный преступник Эрвин Шюле. На одном из заседаний бундестага депутат Райсманн констатировал, что свыше 90% судей, «выносящих сегодня приговоры, выносили их в течение 12 лет существования «третьего рейха». Что касается прокуроров, то «почти все служившие во времена нацизма остались на своих постах»[1].

В Западной Германии и Западном Берлине, как подчеркивал 21 февраля 1969 г. на международной пресс-конференции член Политбюро ЦК СЕПГ профессор Альберт Норден, на свободе находятся 52 бывших судьи и прокурора, служивших в гитлеровской «народной судебной палате». Они вновь занимают ответственные посты в судебном аппарате или получают большие государственные пенсии. За 20 лет существования боннского государства, продолжал профессор Норден, не понес заслуженного наказания ни один из кровавых фашистских судей. В то же время только после принятия в 1951 году пресловутых законов об изменении уголовного законодательства ФРГ было возбуждено более 200 тыс. дел против демократов и прогрессивно настроенных граждан[2].

В 1951 году в Западной Германии начали действовать чрезвычайные суды по политическим делам, созданные в нарушение конституции ФРГ. Эти суды уполномочены карать за так называемую «государственную измену» и за «посягательство на конституцию». Большего издевательства над идеей правосудия нельзя представить, ибо само создание чрезвычайных судов является грубым нарушением Основного закона западногерманского государства.

Материалы, публикуемые в настоящем томе, имеют не только историческое значение. В деле борьбы с милитаризмом и неонацизмом известную роль сыграют и материалы судебного процесса над руководителями нацистской юстиции. Они также напоминают о кровавом гитлеровском режиме, о чудовищных злодеяниях фашизма, заставляют задуматься над опасностью возрождения нацизма и милитаризма.

[1] Е. Квидам, цит. раб., стр. 60.
[2] См. «Убийцы в судейском одеянии. Сборник материалов», изд-во «Цайт им бильд», ГДР, 1969, стр. 5.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Соединенные Штаты Америки в лице нижеподписавшегося Телфорда Тэйлора, Главного обвинителя по военным преступлениям, который должным образом был назначен представлять правительство Соединенных Штатов в привлечении к ответственности за военные преступления, предъявляют обвинение в том, что обвиняемые по данному делу участвовали в общем плане или заговоре совершить военные преступления и преступления против человечности и действительно совершили эти преступления. Определение данных преступлений содержится в Законе № 10, который должным образом был принят Союзническим Контрольным Советом[1] 20 декабря 1945 г. Эти преступле-

[1] Контрольный Совет — высший контрольный орган союзных держав, учрежденный в 1945 году после разгрома гитлеровской Германии на основе соглашения правительств СССР, США, Великобритании и Временного правительства Французской Республики для осуществления верховной власти в Германии на время выполнения ею основных требований безоговорочной капитуляции. Контрольный Совет состоял из главнокомандующих вооруженными силами в Германии четырех союзных держав. В его функции входило: достижение согласованных действий и решений по главным политическим, экономическим и другим вопросам, общим для всей Германии, контролирование германской центральной администрации и руководство через соответствующие органы администрацией Большого Берлина. Контрольный Совет единогласно принял в 1945—1947 гг. ряд постановлений, направленных на осуществление

ния включают убийства, жестокое обращение, истязания, пытки, зверства, ограбление частной собственности и другие бесчеловечные действия, изложенные в разделах первом, втором и третьем настоящего Обвинительного акта. Некоторым подсудимым вменяется также в вину принадлежность к преступной организации, что изложено в разделе четвертом настоящего Обвинительного акта.

Лицами, которые привлекаются к ответственности как виновные в этих преступлениях и которые соответственно именуются обвиняемыми по данному делу, являются:

Йозеф Альтштеттер — министериальдиректор, руководитель отдела гражданского законодательства и гражданского процесса (отдел VI) имперского министерства юстиции; оберфюрер СС.

Вильгельм фон Аммон — министериальрат, руководитель отдела уголовного законодательства и администрации (отдел IV) имперского министерства юстиции; занимался координированием уголовных преследований иностранцев за преступления против германских войск на оккупированных территориях.

Пауль Барниккель — имперский обвинитель при так называемой «народной судебной палате»[1]; штурмфюрер СА.

Герман Кухорст — главный судья специального суда (зондергерихт) в Штутгарте; главный судья первого уголовного сената ландсгерихта в Штутгарте; член руководства нацистской партии в гау, член СС.

Карл Энгерт — министериальдиректор, руководитель отдела мест заключения (отдел V) и отдела, который тайно передавал заключенных в ведение гестапо (отдел XV) имперского министерства юстиции; оберфюрер СС; вице-президент так называемой «народной судебной палаты»; ортсгруппенлейтер НСДАП.

Гюнтер Иоэль — референт имперского министерства юстиции по вопросам уголовных преследований; главный

решений Потсдамской конференции 1945 года, в том числе Закон № 10 «О наказании лиц, виновных в военных преступлениях, преступлениях против мира и против человечности». Однако вследствие политики западных держав деятельность Контрольного Совета была прекращена 20 марта 1948 г. — Составитель.

[1] Подробно о «народной судебной палате» см. стр. 23, 44, 45, 162. См. также «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 9. — Составитель.

государственный обвинитель Вестфалии в Хамме; оберштурмбанфюрер СС; унтерштурмфюрер СД.

Герберт Клемм — статс-секретарь имперского министерства юстиции; министериальдиректор, руководитель отдела юридического образования и юридической подготовки (отдел II) в министерстве юстиции; вице-президент национал-социалистской лиги юристов; обергруппенфюрер СА.

Эрнст Лаутц — главный имперский обвинитель при так называемой «народной судебной палате».

Вольфганг Меттгенберг — министериальдиригент, руководитель отдела уголовного законодательства и администрации (отдел IV) имперского министерства юстиции; занимался координированием уголовных преследований иностранцев за преступления против германских войск на оккупированных территориях.

Гюнтер Небелунг — главный судья четвертого сената так называемой «народной судебной палаты»; штурмфюрер СА; ортсгруппенлейтер НСДАП.

Рудольф Ёши — судья специального суда в Нюрнберге и преемник подсудимого Ротхауга в качестве главного судьи того же суда; член руководства нацистской партии в гау; администратор — руководитель национал-социалистской лиги юристов.

Ганс Петерсен — постоянный заседатель первого сената и особого сената так называемой «народной судебной палаты»; обергруппенфюрер СА.

Освальд Ротхауг — имперский обвинитель при так называемой «народной судебной палате»; ранее был главным судьей специального суда в Нюрнберге; член руководства нацистской партии в гау.

Курт Ротенбергер — статс-секретарь имперского министерства юстиции; вице-президент академии германского права; гауфюрер национал-социалистской лиги юристов.

Франц Шлегельбергер — статс-секретарь, исполняющий обязанности министра юстиции.

Карл Вестфаль — министериальрат, руководитель отдела уголовного законодательства и администрации (отдел IV) имперского министерства юстиции; официально нес ответственность за вопросы уголовного процесса и исполнения судебных приговоров в пределах рейха.

Раздел первый

ОБЩИЙ ПЛАН ИЛИ ЗАГОВОР

1. В период между январем 1933 и апрелем 1945 года все обвиняемые, привлекаемые по настоящему делу, действуя в осуществление общего плана, противоправно, преднамеренно и сознательно вступили в заговор и сговорились между собой и с различными другими лицами совершить военные преступления и преступления против человечности, как они определяются в статье II Закона № 10 Контрольного Совета.

2. На протяжении периода, охватываемого настоящим Обвинительным актом, все обвиняемые, привлекаемые по настоящему делу, действуя сообща друг с другом и с иными лицами, противоправно, преднамеренно и сознательно являлись основными исполнителями или соучастниками планов и мероприятий, связанных с совершением военных преступлений и преступлений против человечности, отдавая приказы или подстрекая к их совершению либо давая согласие на участие в них или участвуя в их разработке.

3. Все обвиняемые, привлекаемые по настоящему делу, действуя сообща друг с другом и с иными лицами, незаконно, преднамеренно и сознательно являлись руководителями, организаторами, подстрекателями и соучастниками создания и осуществления указанного общего плана или заговора, планов и мероприятий, которые были направлены к совершению и связаны с совершением военных преступлений и преступлений против человечности; в соответствии с этим они несут индивидуально ответственность за свои собственные действия и за все действия, совершенные любым лицом или любыми лицами для осуществления такого общего плана, заговора, планов и мероприятий.

4. Указанный общий план или заговор, а также (конкретные.— *Прим. перев.*) планы и мероприятия охватывали совершение военных преступлений и преступлений против человечности, как они излагаются в разделах втором и третьем настоящего Обвинительного акта, выразившихся в том, что обвиняемые незаконно, преднамеренно и сознательно поощряли, оказывали пособничество и подстрекали к совершению, а также участвовали в совершении зверств и преступлений против личности и собственности, включая ограбление частной собственности, убийство, истребление, увод в рабство и для других целей, незакон-

ное содержание под стражей, пытки, преследования по политическим, расовым и религиозным мотивам и плохое обращение с тысячами людей, включая германских граждан, граждан других стран и военнопленных, а также направленные против этих лиц другие бесчеловечные акты.

5. Частью указанного общего плана или заговора (конкретных.— *Прим. перев.*), планов и мероприятий явилось принятие, издание, претворение в жизнь и придание силы ряду документов, которые именовались законами, указами и приказами и являлись преступными как по своему замыслу, так и по исполнению, а также сотрудничество с гестапо, СС, СД, ЗИПО и РСХА[1] для осуществления преступных целей, в ходе которого обвиняемые, извращая судопроизводство и отказываясь соблюдать процессуальные нормы, совершали те убийства, жестокости, истязания, пытки, зверства и другие бесчеловечные акты, которые более полно описаны в разделах втором и третьем настоящего Обвинительного акта.

6. Указанный общий план или заговор (конкретные.— *Прим. перев.*), планы и мероприятия включали захват имперским министерством юстиции полного контроля над отправлением правосудия, в том числе и над разработкой законодательных актов, касающихся всех отраслей права, и осуществление контроля над судами и тюрьмами. Верховное отправление правосудия в 1934 году было передано имперскому министерству юстиции. В соответствии с этим над существующей системой обычных судов были поставлены чрезвычайные суды, имевшие преобладающе политический характер, с широкой и произвольной уголовной юрисдикцией. «Народная судебная палата» стала первичной и окончательной судебной инстанцией по делам о «государственной измене» и «измене». Территориальная юрисдикция этого суда была распространена в 1939 году не только на все территории, аннексированные[2] рейхом, но и на «протекторат» (Богемия и Моравия). Начиная с 1933 года специальные суды также были поставлены над обычной судебной системой, подчиняющейся имперскому министерству юстиции. Эти специальные суды по своему

[1] Главное имперское управление безопасности в гитлеровской Германии.— Составитель.

[2] В данном случае — захваченные гитлеровской Германией.— Составитель.

характеру относились к органам такого рода, которые до захвата власти НСДАП были запрещены. Юрисдикция специальных судов распространялась на все «политические» дела, а также на все действия, которые рассматривались как враждебные либо по отношению к партии, к правительству, либо к продолжению ведения войны. Каждому оберландсгерихту был придан по крайней мере один специальный суд; государственные обвинители могли произвольно передавать в этот суд любое дело из амтсгерихтов или из уголовного отделения ландсгерихтов. Невзирая на гарантии, содержащиеся в Веймарской конституции[1] и в Германском акте о судоустройстве, которые гласили, что никто не может быть лишен своего компетентного судьи, и запрещали создавать чрезвычайные суды, указанные суды были учреждены в Германии, а также в «протекторате» и на оккупированных Германией территориях.

7. Указанный общий план или заговор (конкретные.— *Прим. перев.*), планы и мероприятия включали использование судопроизводства в качестве мощного орудия преследования и истребления всех противников нацистского режима вне зависимости от их национальности, а также преследования и истребления рас. Упомянутые выше специальные политические суды применяли жестокие наказания и приговаривали к смерти политических противников нацизма и представителей определенных расовых и национальных групп. Меньшинство в «народной судебной палате» представляли доверенные нацистские юристы, а большинство — столь же доверенные лица, не являвшиеся юристами, которых Гитлер назначал из эсэсовской элиты и партийной иерархии. «Народная судебная палата», действовавшая в сотрудничестве с гестапо, стала судом ужаса и получила печальную известность из-за чрезмерной жестокости приговоров, которые она выносила, из-за секретности судебного разбирательства и из-за того, что подсудимым отказывалось в каком-либо подобии судебного процесса. Специальные суды выносили наказание жертвам по закону, осуждавшему всех, кто оскорблял «здравое чувство

[1] Веймарская буржуазная конституция 1919 года, как и все другие буржуазные конституции, лишь декларировала гарантии демократических институтов, но фактически эти гарантии не соблюдались. — Составитель.

народа»[1]. Независимость судейского сословия была ликвидирована. Судей увольняли по политическим и «расовым» мотивам. Министерством юстиции всем судьям и прокурорам рейха периодически направлялись письма, содержавшие инструкции о тех результатах, которых они должны добиваться. Гестапо и СД постоянно шпионили за судьями и представителями адвокатского сословия, ориентировали их на то, что исход дел, которыми они занимаются, должен соответствовать политике нацистской партии. Роль судей, прокуроров и во многих случаях также адвокатов практически сводилась к роли исполнителей административного органа нацистской партии.

Раздел второй

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

8. В период между сентябрем 1939 и апрелем 1945 года обвиняемые по данному делу преднамеренно и сознательно совершали военные преступления, как они определяются в Законе № 10 Контрольного Совета. Это выразилось в том, что они были основными участниками или соучастниками в совершении таких преступлений, отдавали о них приказы или подстрекали к их совершению, давали согласие на участие в совершении этих преступлений и участвовали в разработке планов и мероприятий, повлекших за собой совершение зверств и преступлений против личности и собственности, включая, но не ограничиваясь этим, ограбление частной собственности, убийство, пытки, незаконное заключение в тюрьмы тысяч людей, а также совершение в отношении их жестокостей и других бесчеловечных действий. Указанные преступления охватывают факты, изложенные в параграфах 9—19 включительно настоящего Обвинительного акта, и совершались против граждан оккупированных территорий и служащих вооруженных сил стран, находившихся в тот период в состоянии войны с германским рейхом, которые содержались германским рейхом как воюющей стороной под стражей.

[1] В целях обмана немецкого народа нацисты демагогически заявляли, что действия всех противников гитлеровского режима якобы оскорбляли «здравое чувство народа».— Составитель.

9. Чрезвычайные специальные суды... использовались всеми подсудимыми в целях создания и фактически создавали царство террора для подавления политической оппозиции нацистскому режиму. Это осуществлялось главным образом через «народную судебную палату» и различные специальные суды, которые применяли в отношении граждан оккупированных территорий преступное злоупотребление... дискреционной властью, неоправданное вынесение смертного приговора, предварительную договоренность о приговоре между судьями и прокурорами, дискриминационную судебную практику и другие преступные методы, которые в комплексе приводили к убийствам, жестокостям, пыткам, зверствам, ограблению частной собственности и другим бесчеловечным актам.

10. Особые суды огульно относили евреев (независимо от их подданства), поляков, украинцев, русских и представителей других национальностей в восточных оккупированных территориях к категории «цыган», подвергали их дискриминационным и чрезвычайным уголовным законам и судопроизводству... Этих лиц, которых по сговору и соглашению между министерством юстиции и СС произвольно относили к «асоциальным элементам», министерство юстиции как на время отбывания наказания к тюремному заключению, так и на последующий период передавало организации СС, которая доводила их до гибели, заставляя непосильно работать. Многие из этих лиц проходили... перед чрезвычайными судами, а после отбытия установленного им наказания передавались гестапо для «превентивного заключения» в концентрационных лагерях. Евреев, освобождаемых из тюрем, передавали гестапо для препровождения в Освенцим, Люблин и другие концентрационные лагеря. Описываемые выше методы приводили к убийствам и пыткам тысяч таких людей и к жестокому обращению с ними. Особую ответственность за эти преступления и за участие в них несут обвиняемые фон Аммон, Энгерт, Клемм, Шлегельбергер, Меттгенберг, Ротенбергер и Вестфаль.

11. Министерство юстиции подвергло германские уголовные законы последовательной серии расширительных толкований и искажений. В конечном итоге пассивное пораженчество, мелкие неопасные правонарушения и тривиальные частные высказывания стали квалифицироваться как измена; это было сделано в целях истребления евреев

и других граждан на оккупированных территориях. Привлечение к суду, процессы и вынесение обвинительных приговоров стали откровенным средством системы убийства и истребления, смерть — привычной санкцией. Юрисдикция германского уголовного кодекса была распространена на весь мир[1] и стала охватывать как действия не немцев, так и немцев, проживающих за пределами рейха. Лиц, не являющихся германскими гражданами, осуждали и казнили за «государственную измену», которую они якобы совершили в отношении рейха. Описанная выше практика приводила к убийствам, пыткам, незаконному тюремному заключению тысяч людей и к жестокому обращению с ними. Обвиняемым Барниккелю, Кухорсту, Клемму, Лаутцу, Меттгенбергу, Небелунгу, Ёши, Петерсену, Ротхаугу, Ротенбергеру, Шлегельбергеру и Вестфалю вменяется в вину особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

12. Министерство юстиции способствовало незаконному присоединению (к рейху) и оккупации Чехословакии, Польши и Франции и претворяло эти акции в жизнь. Были созданы специальные суды с целью облегчить истребление поляков и евреев и подавить политическую оппозицию в целом, для чего применялся упрощенный... процесс и претворялись в жизнь драконовские карательные санкции. Эти суды приговаривали только к смертной казни или передаче в СС для истребления... Устанавливались чрезвычайные правила и процедуры, опирающиеся на предубеждение (что представляло собой нарушение даже имперского уголовного законодательства, которое было незаконно распространено на оккупированные территории), приговоры обговаривались заранее, суд и казнь осуществлялись через несколько часов после вручения обвинительного акта. Описанные выше методы приводили к убийству и незаконному тюремному заключению тысяч людей, а также к жестокому обращению с ними. Обвиняемым Клемму, Лаутцу, Меттгенбергу, Шлегельбергеру и Вестфалю вменяется в вину особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

13. Министерство юстиции совместно с ОКВ и гестапо принимало участие в исполнении приказа Гитлера «Мрак и туман»; в соответствии с этим приказом граждан оккупи-

[1] Так в оригинале.— *Прим. перев.*

рованных территорий, обвинявшихся в оказании сопротивления оккупационным войскам, тайно увозили для негласного суда над ними, который осуществлялся специальными судами министерства юстиции на территории рейха; местонахождение жертв, суд над ними и их последующая судьба сохранялись в абсолютной тайне; это служило двойной цели — терроризировать родственников и друзей жертв и закрыть для них доступ к каким бы то ни было доказательствам, свидетелям или защитникам. Подсудимого не уведомляли о решении по его делу, и почти во всех случаях тех, кто был оправдан или отбыл наказание, министерство юстиции передавало гестапо для «превентивного заключения» до окончания войны. В ходе осуществления описанных выше мер тысячи людей были убиты, подверглись пыткам, жестокому обращению и незаконному заключению. Особая ответственность за эти преступления и за участие в них вменяется в вину обвиняемым Альтштеттеру, фон Аммону, Энгерту, Иоэлю, Клемму, Меттгенбергу и Шлегельбергеру.

14. Сотни лиц, не являвшихся германскими гражданами, которые содержались в заключении в подведомственных имперскому министерству юстиции тюрьмах, были незаконно казнены и убиты. Смертные приговоры приводились в исполнение при отсутствии необходимых официальных приказов, в сроки, когда могла быть подана просьба о помиловании. Без всякой судебной процедуры были казнены многие лица. Когда войска союзников стали успешно продвигаться вперед, по приказу министерства казнили много так называемых «неполноценных» или «асоциальных» заключенных, содержавшихся в тюрьмах, вне зависимости от наказания, к которому они были приговорены. Во многих случаях в указанных местах заключения действовали порядки, которые не отличались от порядков в концентрационных лагерях. Обвиняемым Энгерту, Иоэлю, Клемму, Лаутцу, Меттгенбергу, Ротенбергеру и Вестфалю вменяется в вину особая ответственность за указанные преступления и за участие в них.

15. Министерство юстиции принимало участие в нацистской программе обеспечения чистоты расы, в ходе которой существовавшие законы о стерилизации и кастрации использовались для истребления евреев, «асоциальных элементов» и граждан оккупированных территорий. В результате осуществления этой программы были стерилизо-

ваны тысячи евреев. Умалишенные, престарелые и хронические больные, а также граждане оккупированных территорий, отнесенные к так называемым «бесполезным едокам», систематически уничтожались. В ходе осуществления описанных выше мер были убиты и подвергнуты жестокому обращению тысячи людей. Обвиняемым Лаутцу, Шлегельбергеру и Вестфалю вменяется в вину особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

16. Министерство юстиции обеспечивало неприкосновенность и амнистию в случае привлечения к суду и осуждения членам нацистской партии, совершавшим серьезные преступления против граждан оккупированных территорий. Членам нацистской партии, которые были осуждены за доказанные преступления, гарантировалось помилование. С другой стороны, дискриминационные меры против евреев, поляков, цыган и других лиц, причислявшихся к «асоциальным элементам», выражались в чрезмерно суровых карательных санкциях и смертных приговорах, в лишении права предъявлять иски и пользоваться правом апелляции, подавать просьбы о помиловании и быть амнистированными, в лишении права на защиту. К ним применялись чрезвычайные уголовные законы, допускавшие смертную казнь за любые преступления, а все дела, к которым были причастны евреи, подлежали передаче в гестапо для «особого обращения». Обвиняемым фон Аммону, Иоэлю, Клемму, Ротенбергеру и Шлегельбергеру вменяется в вину особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

17. Декрет[1], подписанный имперским министром юстиции и другими лицами, предусматривал лишение гражданства всех евреев Богемии и Моравии в случае изменения ими места жительства в результате их высылки или иных причин; при потере же евреями гражданства их имущество автоматически конфисковывалось рейхом. В семейное и наследственное право были внесены дискриминационные изменения, в результате которых еврейская собственность по смерти владельца передавалась рейху, а наследники-евреи не получали никакой компенсации. Особая ответственность за эти преступления и за участие в них вменяется в вину Альтштеттеру и Шлегельбергеру.

[1] См. стр. 152. — Составитель.

18. Министерство юстиции выносило условные приговоры и отменяло судебные приговоры, участвуя тем самым в программе Гитлера по подстрекательству германского гражданского населения к убийству представителей вооруженных сил союзников на территории рейха. Обвиняемым Клемму и Лаутцу инкриминируется особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

19. Указанные военные преступления представляют собой нарушения международных конвенций, в особенности статей 4—7, 23, 43, 45, 46 и 50 Гаагской Конвенции 1907 года и статей 2, 3 и 4 Женевской Конвенции 1929 года, законов и обычаев ведения войны, общих принципов уголовного законодательства, вытекающих из положений уголовного права всех цивилизованных стран, внутренних законов тех стран, где такие преступления были совершены, и статьи II Закона № 10 Контрольного Совета[1].

Раздел третий

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

20. В период между сентябрем 1939 и апрелем 1945 года обвиняемые, привлекаемые по настоящему делу, преднамеренно и сознательно совершали преступления против человечности, как они определяются Законом № 10 Контрольного Совета. Они являлись основными участниками или соучастниками планов и мероприятий, повлекших за собой совершение зверств и преступлений, включая (но не ограничиваясь этим) убийства, истребление, обращение в рабство, высылку, незаконное заключение в тюрьмы, пытки, преследования на политической, расовой или религиозной почве, жестокое обращение и другие бесчеловечные действия против германских граждан и граждан других стран, а также отдавали приказы или подстрекали к совершению указанных действий.

21. Чрезвычайные специальные суды использовались всеми обвиняемыми для создания царства террора в целях подавления политической оппозиции германскому рейху, в результате чего в отношении германских граждан и граж-

[1] См. стр. 127—132. — Составитель.

дан оккупированных территорий применялась практика преступного злоупотребления судопроизводством и процессом, осуществлением наказания, что приводило к убийствам, истязаниям, жестокостям, пыткам, зверствам, ограблению частной собственности и другим бесчеловечным актам. Эти преступления более подробно излагаются в параграфе 9 настоящего Обвинительного акта, который инкорпорируется здесь путем отсылки.

22. Специальные суды применяли в отношении некоторых германских граждан и граждан оккупированных территорий дискриминационные и чрезвычайные уголовные законы и порядок судопроизводства и отказывали им в каком-либо подобии судебного разбирательства. Осужденные германские граждане и граждане других стран, которых относили к разряду политических заключенных и уголовных преступников, передавались в главное имперское управление безопасности для истребления в концентрационных лагерях. Указанные преступления более подробно излагаются в параграфе 10 настоящего Обвинительного акта, текст которого инкорпорируется здесь путем отсылки. Особая ответственность за эти преступления и за участие в них вменяется в вину обвиняемым фон Аммону, Энгерту, Иоэлю, Клемму, Лаутцу, Меттгенбергу и Ротенбергеру.

23. Германские уголовные законы в результате внесения в них обвиняемыми ряда дополнений, а также с помощью расширительного толкования и искажения превратились в мощное орудие для подавления германского народа и для истребления определенных категорий граждан оккупированных территорий. Эта программа привела к убийствам, пыткам, незаконному содержанию в тюрьмах тысяч немцев и граждан оккупированных стран и к жестокому обращению с ними. Данные преступления более подробно излагаются в параграфе 11 настоящего Обвинительного акта, который инкорпорируется здесь путем отсылки. Особая ответственность за эти преступления и за участие в них вменяется в вину обвиняемым Барниккелю, Кухорсту, Клемму, Лаутцу, Меттгенбергу, Небелунгу, Ёши, Петерсену, Ротхаугу, Ротенбергеру, Шлегельбергеру и Вестфалю.

24. Министерство юстиции через «народную судебную палату» и ряд специальных судов способствовало незаконному присоединению (к рейху) и оккупации Чехослова-

ции, Польши и Франции и претворяло эти акции в жизнь[1]. Указанные преступления более подробно излагаются в параграфе 12 настоящего Обвинительного акта, который инкорпорируется здесь путем отсылки. Обвиняемым Клемму, Лаутцу, Меттгенбергу, Шлегельбергеру и Вестфалю инкриминируется особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

25. Министерство юстиции принимало участие в исполнении приказа «Мрак и туман», по которому лица, совершившие преступления против рейха или германских войск на оккупированных территориях, тайно доставлялись в гестапо в Германию, где предавались специальным судам. Осуществление этой акции приводило к убийствам, пыткам, незаконному тюремному заключению тысяч людей и к жестокому обращению с ними. Указанные преступления более подробно излагаются в параграфе 13 настоящего Обвинительного акта, который инкорпорируется здесь путем отсылки. Обвиняемым Альтштеттеру, фон Аммону, Энгерту, Иоэлю, Клемму, Меттгенбергу и Шлегельбергеру вменяется в вину особая ответственность за совершение этих преступлений и за участие в них.

26. В пенитенциарных учреждениях, находящихся в ведении имперского министерства юстиции, сотни германских граждан и граждан других государств подвергались убийствам, жестокому обращению, истязаниям, пыткам, зверствам и другим бесчеловечным актам. Детали, касающиеся этих преступлений, изложены в параграфе 14 настоящего Обвинительного акта. Особая ответственность за указанные преступления и за участие в них вменяется в вину обвиняемым Энгерту, Иоэлю, Клемму, Лаутцу, Меттгенбергу, Ротенбергеру и Вестфалю.

27. Особые «суды наследственного здоровья»[2] извращали законы и практику, касающиеся евгеники и стерилизации, в отношении германских граждан и граждан других стран, что привело к систематическому убийству тысяч

[1] На временно оккупированной территории СССР террористические функции выполнялись так называемым министерством восточных оккупированных территорий, возглавлявшимся пресловутым Розенбергом, специально созданными эйнзатцгруппами и эйнзатцкомандами, приданными гитлеровским воинским соединениям (как правило, армиям).— Составитель.

[2] Речь идет о специальных судах, которые должны были проводить в жизнь фашистские законы о «чистоте расы».— Составитель.

граждан и к жестокому обращению с ними. Тысячи германских граждан и граждан иных стран, помещенные в лечебницы для умалишенных, систематически истреблялись. Указанные преступления более подробно освещаются в параграфе 15 раздела второго настоящего Обвинительного акта, который инкорпорируется здесь путем отсылки. Особая ответственность за эти преступления и за участие в них вменяется в вину обвиняемым Лаутцу, Шлегельбергеру и Вестфалю.

28. Министерство юстиции обеспечивало членам нацистской партии неприкосновенность и амнистию в случае привлечения их к ответственности и осуждения за совершение серьезных преступлений против граждан оккупированных территорий. К членам нацистской партии, которым был вынесен обвинительный приговор за доказанные преступления, применялось помилование. С другой стороны, против так называемых «асоциальных» германских граждан и граждан оккупированных территорий велись дискриминационные судебные процессы. Указанные преступления более подробно излагаются в параграфе 16 раздела второго настоящего Обвинительного акта, который инкорпорируется здесь путем отсылки. Обвиняемым фон Аммону, Иоэлю, Клемму, Меттгенбергу, Ротенбергеру и Шлегельбергеру вменяется в вину особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

29. Дискриминационные изменения были внесены в германское семейное и наследственное право с единственной целью — конфисковать еврейское имущество и претворялись в жизнь министерством юстиции. Все еврейское имущество после смерти владельца конфисковывалось в пользу рейха. Евреев и поляков как в Германии, так и на оккупированных территориях лишали гражданства, у них изымали и конфисковывали имущество и не давали им возможности зарабатывать на жизнь; это осуществлялось государством, партийными организациями и отдельными членами нацистской партии. Указанные преступления более подробно изложены в параграфе 17 настоящего Обвинительного акта, который инкорпорируется здесь путем отсылки. Обвиняемым Альтштеттеру и Шлегельбергеру вменяется в вину особая ответственность за эти преступления и за участие в них.

30. Министерство юстиции выносило условные приговоры и отменяло судебные приговоры, участвуя тем самым

в программе Гитлера по подстрекательству германского гражданского населения к убийству представителей вооруженных сил союзников на территории рейха. Следствием такой программы были убийства и пытки многих людей и жестокое обращение с ними . . . Особая ответственность за эти преступления и за участие в них вменяется в вину обвиняемым Клемму и Лаутцу.

31. Перечисленные преступления против человечности представляют собой нарушения международных соглашений, включая статью 46 Гаагской Конвенции 1907 года, законов и обычаев ведения войны, общих принципов уголовного законодательства, вытекающих из положений уголовного права всех цивилизованных наций, внутренних законов тех стран, где такие преступления совершались, и статьи II Закона № 10 Контрольного Совета[1].

Раздел четвертый

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ПРЕСТУПНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

32. Обвиняемые Альтштеттер, Кухорст, Энгерт и Иоэль виновны в принадлежности к организации, которая приговором Международного Военного Трибунала по делу № 1[2] была признана преступной, а именно: каждый из упомянутых обвиняемых после 1 сентября 1939 г. являлся членом охранных отрядов национал-социалистской партии, именуемых СС.

33. Обвиняемые Кухорст, Ёши, Небелунг и Ротхауг виновны в принадлежности к организации, которая приговором Международного Военного Трибунала по делу № 1 была признана преступной, а именно: Кухорст, Ёши и Ротхауг после 1 сентября 1939 г. принадлежали к руководящему составу нацистской партии на уровне гау, а Небелунг после 1 сентября 1939 г. являлся ортсгруппенлейтером.

34. Обвиняемый Иоэль виновен в принадлежности к организации, которая приговором Международного Военного Трибунала по делу № 1 была объявлена преступной, а

[1] См. стр. 127—132. — Составитель.
[2] Здесь и далее имеется в виду Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. — Составитель.

именно: обвиняемый Иоэль после 1 сентября 1939 г. являлся членом службы безопасности рейхсфюрера СС, именуемой СД.

Принадлежность к указанным организациям является нарушением параграфа 1 (d) статьи II Закона № 10 Контрольного Совета.

На основании вышеизложенного настоящий Обвинительный акт передается Генеральному секретарю военных трибуналов[1], и обвинения, которые здесь приводятся против вышеназванных обвиняемых, представляются на рассмотрение военных трибуналов.

Действующий от имени
Соединенных Штатов Америки
Телфорд Тэйлор,
бригадный генерал армии США,
Главный обвинитель по делам
о военных преступлениях

Нюрнберг, 4 января 1947 г.

[1] См. сноску на стр. 115. — Составитель.

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОЙ РЕЧИ ОБВИНЕНИЯ[1]

Бригадный генерал Тэйлор: Настоящий процесс необычный, поскольку подсудимые обвиняются в преступлениях, совершенных именем закона. Эти люди совместно со своими ныне покойными или бежавшими коллегами были воплощением того, что в «третьем рейхе» считалось правосудием.

Большинство подсудимых в разное время являлись судьями, прокурорами или чиновниками министерства юстиции рейха. Все они профессиональные юристы, вполне привыкли к судебным процессам и судебным помещениям, хотя их теперешняя роль, возможно, и нова для них.

Но суд — это значительно большее, чем судебное помещение; это — судебный процесс и человек (с точки зрения душевных и нравственных качеств); это — дом закона, о чем подсудимые знали или должны были знать в минувшие времена ... Действительно, сущность обвинения заключается в том, что подсудимые, руководители германской системы юстиции, сознательно и преднамеренно попирали право и закон, принимали участие в жутком маскараде зверской тирании под маской правосудия и превращали германскую юридическую систему в машину деспотизма,

[1] Первым выступил Главный обвинитель Т. Тэйлор, вслед за ним другие обвинители: Ла Фоллет, Кинг, Вулейхен. — Составитель.

захвата, грабежа и кровопролития. Методы, которыми данные преступления были совершены, возможно, в некоторых отношениях и новы, но сами преступления — нет. Они стары, как старо человечество, и их названия — убийство, пытка, грабеж и другие — тоже известны. Жертвы этих преступлений неисчислимы и практически включают граждан всех стран Европы...

Подсудимые и их коллеги исказили, извратили и в конечном счете совершенно уничтожили в Германии правосудие и закон. Они превратили судебную систему в составную часть фашистской диктатуры. Они создали и ввели в действие специальные суды, подчинявшиеся только политическому диктату гитлеровского режима. Они совершенно уничтожили видимость независимости судей. Они запугивали и отказывали в основных правах тем, кто представал перед судом. «Процессы», которые они вели, превращались в ужасные фарсы, а видимость некоторой юридической процедуры служила только для того, чтобы обманывать несчастных жертв.

Такое поведение было позором для профессии юриста. Многие из этих злодеяний вполне могут быть причислены к преступлениям ... Доказательства, подтверждающие такую систему поведения подсудимых, будут непременно представлены суду, поскольку они составляют важную часть в доказывании преступлений, в которых подсудимые обвиняются ...

Подсудимые призываются к ответу за убийства, пытки и другие зверства, которые являлись результатом и неизбежным следствием (и они это знали) выполнения ими функций судей, прокуроров и министерских чиновников.

Эти люди разделяют со всеми руководителями «третьего рейха» — дипломатами, генералами, партийными лидерами, промышленниками и другими — ответственность за смерть и страдания, которые «третий рейх» причинил всему миру и самой Германии.

В этой ответственности доля германских юристов не наименьшая. Они не более могут избежать ответственности благодаря своим судейским мантиям, чем генералы благодаря своим мундирам.

Несколько слов в пояснение. Некоторые из доказательств в настоящем процессе относятся к законам, которые действовали еще до начала войны 1939 года. Эти за-

коны должны быть исследованы, чтобы показать, что действия подсудимых являлись частью общего заговора или плана совершения преступлений, которые фактически были осуществлены после начала войны; что подсудимые полностью понимали и имели в виду преступные последствия своих законов в период войны, но ни один из этих законов не предъявляется в настоящем Обвинительном акте в качестве самостоятельного преступления.

Обвинения в Обвинительном акте весьма ограничены в целях ясности и простоты. Нет необходимости в этом процессе подвергать проверке вопросы, связанные с виновностью как таковой, поскольку обвинение и доказательства значительно глубже.

Подсудимые обвиняются в преднамеренном использовании своего служебного положения.

Они сознавали, что разработанные ими официальные акты (законы) повлекут за собой убийства, пытки и тюремное заключение для тысяч лиц в нарушение международного права, как это предусмотрено в Законе № 10 Контрольного Совета.

Нет необходимости исследовать здесь, какие акты, изданные до войны, должны квалифицироваться как преступления против человечности по Закону № 10, поскольку основная масса доказательств относится к законам, вступившим в силу во время войны.

Короче, подсудимые обвиняются в убийствах и других зверствах, которые они совершали, разрушая в Германии право и правосудие и используя формы судопроизводства для преследования, порабощения и уничтожения людей в огромных масштабах. Цель данного судебного разбирательства — рассмотреть эти обвинения и вынести по закону приговор в соответствии с представленными доказательствами.

Подлинные цели данного судебного процесса, следовательно, шире, чем наказание нескольких лиц за смерть и страдания многих тысяч. Я уже сказал, что подсудимые знали или должны были знать, что суд является храмом закона. Но это было, я опасаюсь, за много лет до того, как кто-либо из подсудимых обитал в нем. Их преступления против Германии, как и преступления против тех, кто умер или страдал от их рук, велики. Они даже более позорны. Они осквернили германский дворец правосудия и отдали себя диктатуре «третьего рейха» «со всеми ее террористи-

ческими методами, с ее циничным и открытым отрицанием управления посредством закона»[1].

Дворец может быть вновь освящен. Это не может быть сделано в мгновение ока или с помощью какого-то простого ритуала. Это не может быть сделано на каком-либо простом заседании или в каком-нибудь одном месте. Это, конечно, не может быть сделано только в Нюрнберге. Но мы здесь имеем, я полагаю, возможность и серьезные обязательства помочь в достижении данной цели.

Перед нами люди, которые сыграли ведущую роль в разрушении законности в Германии. Их необходимо судить в соответствии с законом. Это тем более необходимо, так как их будут судить по принципам, в которых они в качестве юристов отказывали другим. Приговор по закону — единственная справедливая судьба для обвиняемых; обвинение ничего другого не требует.

ГЕРМАНСКАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

На скамье подсудимых 15 человек[2]; все они занимали высокие судебные должности и все до одного юристы по образованию. Чтобы понять этот процесс, необходимо уяснить общую структуру германской судебной системы и те места, которые занимали в ней отдельные подсудимые ...

СУДЕБНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ДО 1933 ГОДА

...Основным источником германского уголовного права является Уголовный кодекс 1871 года. К нему делались многократные дополнения, но полностью кодекс никогда не пересматривался. Для нашей цели достаточно отметить классификацию уголовных преступлений. Тяжкие преступления, наказуемые смертью или тюремным заключением на срок свыше пяти лет, называются преступлением; менее тяжкие преступления, наказуемые тюремным заключением или существенным штрафом, называются правонарушением; незначительные преступления называются проступком.

[1] Из приговора Международного Военного Трибунала по делу главных немецких военных преступников («Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 321).— Составитель.
[2] В отношении 16-го подсудимого — Вестфаля дело за его смертью было прекращено.— Составитель.

Вопросы уголовного судопроизводства регулируются Уголовно-процессуальным кодексом от февраля 1877 года; вопросы юрисдикции и организации суда регламентированы Общим актом о судоустройстве от января 1877 года. И в Германской империи[1] и в Веймарской республике назначение судей и прокуроров и вынесение приговоров являлись тщательно охраняемыми прерогативами отдельных германских земель. Поэтому имперское министерство юстиции оставалось преимущественно министерством федерального законодательства. Аномалия чрезвычайно унифицированного федерального права, отличающегося от системы судов отдельных земель, продолжалась вплоть до прихода к власти Гитлера. Несмотря на то, что назначение судей оставалось в ведении многочисленных земель, германская судебная система была хорошо организована и чрезвычайно унифицирована до того, как Гитлер пришел к власти. Основой судебной системы являлись амтсгерихты, которых насчитывалось свыше 2000; к их компетенции относилось отправление правосудия в качестве суда первой инстанции по незначительным гражданским делам и менее тяжким уголовным преступлениям. Отправление правосудия по более значительным гражданским и уголовным делам относилось к компетенции ландсгерихтов, которых насчитывалось около 180. Главные апелляционные суды Германии назывались оберландсгерихтами. Их было 26, т. е. по одному в каждой из земель или провинций (позже были созданы еще 9: в Австрии, Данциге, Польше, Судетах и Богемии, т. е. всего их стало 35). Оберландсгерихты рассматривали апелляции на все решения амтсгерихтов и ландсгерихтов по гражданским делам и вторичные апелляции по уголовным делам, первоначально слушавшимся в амтсгерихтах. Президент оберландсгерихта являлся также главой администрации всех судов в своей провинции. Имперский верховный суд в Лейпциге составлял вершину судебной пирамиды. Он решал важные правовые вопросы, связанные с интерпретацией законов рейха, и рассматривал апелляции на решения оберландсгерихтов по гражданским и уголовным делам, рассмотренным по первой инстанции в ландсгерихтах. Имперский верховный суд был также пер-

[1] Имеется в виду Германия до ноября 1918 года.— Составитель.

вой и последней инстанцией для важных дел о государственной измене.

Судьи имперского верховного суда назначались имперским президентом. Судьи самых низших судов назначались соответственно правительствами земель. До прихода к власти национал-социалистов правительство не могло смещать судью; для этого требовалось официальное обвинение в дисциплинарном суде, состоящем из лиц, равных ему по рангу. Такая неприкосновенность пребывания в должности судьи гарантировалась статьями 102 и 104 Веймарской конституции.

СУДЕБНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Захват власти Гитлером оказал на германскую судебную систему незамедлительное и решительное влияние. Декрет от 24 марта 1933 г. санкционировал издание имперским правительством декретов, имеющих силу закона, и предусматривал, что они могут «отклоняться от Веймарской конституции, положения которой, гарантировавшие права граждан, были уже приостановлены декретом от 28 февраля 1933 г.»[1]. Следовательно, для практических целей функции законодательной и исполнительной власти были объединены в гитлеровском кабинете, и тем самым конституция фактически была лишена содержания.

В 1934 году судебная администрация была полностью изъята из компетенции германских земель и сконцентрирована исключительно в имперском правительстве. Первый закон, по которому судебная администрация передавалась имперскому правительству, издан 16 февраля 1934 г. Он предусматривал, что все суды должны провозглашать при-

[1] Речь идет о декрете президента Германской республики Гинденбурга «О защите народа и государства». Декрет был подписан также рейхсканцлером Гитлером, министром внутренних дел Фриком и министром юстиции Гюртнером. Параграф 1 декрета гласил: «Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 имперской конституции, впредь до дальнейших распоряжений отменяются. Поэтому ограничения свободы личности, свободы выражения мнений, включая сюда свободу печати, право союзов и собраний, нарушение тайны почтово-телеграфной корреспонденции и телефонных разговоров, производство обысков и конфискаций, а также ограничения права собственности, допускаются независимо от пределов, обычно установленных законом».— Составитель.

говор от имени германского народа, наделял имперского президента властью помилования, которая раньше принадлежала землям, санкционировал издание имперским министром юстиции постановлений в связи с передачей судебной администрации в компетенцию имперского правительства. Эта общая директива приводилась в исполнение вторым и третьим законами о передаче судебной администрации в компетенцию имперского правительства, опубликованными соответственно в декабре 1934 и январе 1935 годов.

Вследствие этого министерства юстиции земель были ликвидированы, а все их функции и принадлежавшая им власть сконцентрированы в имперском министерстве юстиции, которое стало при Гитлере высшей судебной властью империи. Гитлер провозгласил себя «высшим законодателем германского народа» уже в речи в рейхстаге 13 июля 1934 г., защищая убийства, происшедшие во время подавления путча Рема[1].

1. Имперское министерство юстиции

Централизация германской судебной администрации, естественно, вызвала значительное расширение сферы действия и объема функций имперского министерства юстиции...

В течение первых восьми лет гитлеровского режима министром юстиции был Франц Гюртнер, назначенный при правительстве Папена и остававшийся в этой должности до своей смерти в январе 1941 года. При Гюртнере двумя главными высокопоставленными чиновниками были подсудимый Шлегельбергер и Роланд Фрейслер, каждый в должности статс-секретаря. После смерти Гюртнера до августа 1942 года обязанности министра исполнял Шлегельбергер, но все это время он был «исполняющим обязанности», и ему никогда официально не присваивался ранг министра. В августе 1942 года имперским министром юстиции был назначен Отто Георг Тирак, в то время президент так называемой «народной судебной палаты», а Шлегельбергер ушел в отставку. Фрейслер же унаследовал от Тирака пост президента «народной судебной палаты».

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. 1, стр. 86.— Составитель.

При Тираке был только один статс-секретарь. Сначала Тирак назначил на этот пост подсудимого Ротенбергера, но в январе 1944 года Ротенбергеру предложили уйти в отставку и его место занял подсудимый Клемм.

Наряду с подсудимыми Шлегельбергером, Ротенбергером и Клеммом четыре других подсудимых занимали высшие должности в министерстве юстиции, а остальные служили в нем в различное время на протяжении своей карьеры. Подсудимый Клемм, будучи статс-секретарем, возглавлял также отдел II министерства, занимавшийся вопросами юридического образования. Подсудимые фон Аммон и Меттгенберг и подсудимый Вестфаль были высокопоставленными чиновниками отделов III и IV, которые в конце концов были слиты и фактически направляли все вопросы уголовного законодательства, уголовного судопроизводства и обвинения. Подсудимый Альтштеттер возглавлял отдел VI, в компетенции которого находились гражданское законодательство и гражданский процесс. Подсудимый Энгерт после службы в «народной судебной палате» возглавил отдел V — места заключения и отдел XV, созданный в 1942 году и упраздненный в 1944 году. К компетенции отдела XV относилась тайная передача определенных категорий лиц из обычных тюрем в гестапо. Министерство юстиции контролировало множество других судебных институтов, включая различные специальные суды и квалификационное ведомство, где экзаменовались кандидаты на замещение должностей судей и юристов. Оно контролировало академию германского права и ряд ассоциаций адвокатов, а также специальные учебные лагеря для ознакомления молодых юристов с нацистской идеологией. Наиболее важным из всего этого является осуществление министерством надзора за всей судебной системой от имперского верховного суда до амтсгерихта. Эти функции включали назначение, перемещение и продвижение по службе всех судей..

2. Иерархия общих (регулярных) судов

Централизация судебной администрации в имперском министерстве юстиции не оказала сначала явного воздействия на структуру системы общих судов. Существовавшая иерархия судов — амтсгерихт, ландсгерихт, оберландсге-

рихт и рейхсгерихт (имперский верховный суд) — продолжала действовать. Наиболее важным событием в первые годы «третьего рейха» было создание чрезвычайных, в том числе специальных судов.

Под влиянием войны, однако, система общих судов значительно изменилась, хотя их основные принципы остались прежними. Эти изменения преследовали цель ускорить рассмотрение дел в суде и сократить численность судебного персонала, что и было достигнуто главным образом двумя путями: сокращением числа судей, необходимого для слушания отдельных категорий дел, и резким сокращением права апелляции.

Многие из этих изменений были осуществлены в начале войны — в 1939 году. С этого момента все дела в амтсгерихтах и все гражданские дела в ландсгерихтах слушались только одним судьей; уголовные дела в ландсгерихтах слушались в составе трех судей, но председатель суда мог рассматривать такое дело и единолично, если предмет спора был несложен. По уголовным делам, рассмотренным в амтсгерихтах, можно было апеллировать лишь в ландсгерихт; по гражданским делам, слушавшимся в амтсгерихтах, можно было апеллировать прямо в оберландсгерихт, минуя ландсгерихт.

Дальнейшее решительное урезывание права апелляции произошло в 1944 и 1945 годах. Вообще апелляцию можно было направить только с разрешения суда, слушавшего дело, и разрешение давалось лишь для регулирования вопросов особой важности. Судебные функции оберландсгерихтов были почти (если не полностью) ликвидированы, хотя функции административного надзора сохранялись.

3. Чрезвычайные суды

Самым решительным и радикальным изменением в судебной системе «третьего рейха» было, однако, создание различных чрезвычайных судов. Эти незаконные суды пронизали всю судебную систему, и в конце концов к ним перешли все судебные дела, связанные с политикой или войной.

В первую неделю после захвата власти декретом от 21 марта 1933 г. были образованы специальные суды (зондергерихте). В каждом районе создавалось по одному спе-

циальному суду. Каждый из этих судов состоял из трех специально подобранных судей. Им была предоставлена юрисдикция в отношении правонарушений, перечисленных в чрезвычайном декрете от 28 февраля 1933 г., в том числе и подстрекательства к неповиновению правительственным распоряжениям, преступлений типа саботажа, действий, «подрывающих общественное благосостояние». Предусматривались особые меры для ускоренного рассмотрения дел в специальных судах, и не предполагалось каких бы то ни было апелляций на их решения. Через несколько недель были вновь воссозданы чрезвычайные военные суды, ликвидированные Веймарской конституцией. К их компетенции относилось рассмотрение всех дел о правонарушениях, совершенных военнослужащими. В июле 1933 года были созданы специальные «суды наследственного здоровья», более известные как «стерилизационные суды», во главе со специальным апелляционным «судом наследственного здоровья».

Но наиболее известным нацистским нововведением была так называемая «народная судебная палата», созданная по декрету от 24 апреля 1934 г. после того, как имперский верховный суд оправдал обвиняемых по делу о поджоге рейхстага[1].

[1] На 5 марта 1933 г. были назначены выборы в рейхстаг и прусский ландтаг. Гитлеру и его хозяевам понадобился повод, чтобы оправдать необузданный террор против рабочего класса и его организаций и тем самым сократить число голосов, отдаваемых левым партиям. В этих целях германские фашисты осуществили беспрецедентную провокацию: по заранее разработанному Гитлером, Герингом и Геббельсом плану нацисты в ночь на 28 февраля 1933 г. подожгли здание рейхстага. Прибыв в горящий рейхстаг, Гитлер сразу же заявил: «Это перст божий — теперь никто не помешает нам железным кулаком уничтожить коммунистов». В пылающем здании рейхстага был задержан психически больной Маринус ван дер Люббе, которого нацистские провокаторы пытались представить «голландским коммунистом», чтобы свалить вину за поджог рейхстага на коммунистов. Гитлер и его клика пошли еще на одну провокацию: сфабриковали судебный процесс и посадили на скамью подсудимых выдающегося деятеля международного рабочего движения Г. Димитрова. Суд происходил в Лейпциге с 21 сентября по 23 декабря 1933 г. Но подлинным обвинителем на процессе был Георгий Димитров, он разоблачил нацистскую провокацию, раскрыл перед всем миром звериный облик фашизма. Очевидный провал фашистской провокации и движение протеста во всем мире против лейпцигского судилища заставили гитлеровский суд вынести Г. Димитрову и двум другим подсудимым оправдательный приговор. — Составитель.

«Народная судебная палата» заменила верховный суд в качестве суда первой и последней инстанции для большей части дел о «государственной измене».

«Народная судебная палата» имела отделы, или сенаты, каждый из которых состоял из пяти членов. Двое из пяти должны были быть профессиональными судьями, остальные трое являлись доверенными нацистскими непрофессиональными судьями, отобранными из числа офицеров высших рангов вермахта и СС или из партийной иерархии. Они назначались лично Гитлером сроком на пять лет по рекомендациям министра юстиции. Было образовано шесть сенатов, каждый из которых слушал дела из определенных географических районов Германии. В 1940 году был создан особый сенат для пересмотра дел, по которым, по мнению главного имперского обвинителя, было применено недостаточное наказание.

Со временем нацистскими декретами понятие «измена» было чрезмерно расширено; как специальным судам, так и «народной судебной палате» предоставлена юрисдикция в отношении весьма разнообразных преступлений.

В 1936 году, например, вывоз имущества из Германии был объявлен преступлением против национальной экономики, и «народной судебной палате» предоставлена юрисдикция в отношении подобных дел. В 1940 году новый декрет еще более расширил юрисдикцию специальных судов и «народной судебной палаты», передав в их подсудность новые многочисленные категории преступлений, таких, как уклонение от воинской повинности и слушание иностранных радиопередач.

К концу войны по декрету от февраля 1945 года были учреждены чрезвычайные военно-полевые суды в районах, которые находились под «угрозой приближающегося противника».

Каждый такой суд состоял из трех членов, назначенных имперским комиссаром обороны, обычно гаулейтером. Председателем военно-полевого суда являлся профессиональный судья, который заседал вместе с судьей из нацистской партии, из вермахта или СС.

Эти военно-полевые суды могли приговаривать обвиняемых только к смертной казни, вынести оправдательный приговор или передать дело на рассмотрение обычного суда.

Тирак был президентом «народной судебной палаты» вплоть до его назначения имперским министром юстиции. Его сменил Фрейслер, бывший в то время статс-секретарем министерства юстиции, который оставался на посту президента почти до конца войны, когда был убит во время воздушного налета. Подсудимый Энгерт являлся вице-президентом «народной судебной палаты» вплоть до перехода в министерство юстиции в 1942 году. Подсудимый Петерсен, единственный непрофессиональный юрист на скамье подсудимых, был обергруппенфюрером СА и заседал в качестве непрофессионального судьи по многим делам в первом и особом сенатах «народной судебной палаты».

Трое из подсудимых являлись судьями специальных судов.

Подсудимый Кухорст был главным судьей специального суда в Штутгарте, а подсудимый Ротхауг — главным судьей специального суда в Нюрнберге. Подсудимый Ёши также заседал в специальном суде в Нюрнберге и заменил Ротхауга на посту главного судьи, когда последний стал имперским обвинителем. Ёши являлся также президентом чрезвычайного военно-полевого суда в Нюрнберге.

4. Прокуроры

Обвинение по уголовным делам в «третьем рейхе» находилось в ведении специальной группы государственных обвинителей, руководимой министром юстиции. В «третьем рейхе» значительно возросла смена состава прокуроров и судей.

Подсудимый Ротхауг, например, покинул кресло специального судьи в Нюрнберге для того, чтобы стать имперским обвинителем при «народной судебной палате». Подсудимый Барниккель тоже занимал такой пост при «народной судебной палате». Подсудимый Иоэль в 1943 году ушел из министерства юстиции и стал главным государственным обвинителем при оберландсгерихте Вестфалии в Хамме.

Однако наиболее значительным прокурором из числа подсудимых являлся Эрнст Лаутц, главный имперский обвинитель при «народной судебной палате». В этом качестве Лаутц вел многие важные дела в «народной судебной палате».

Раздел первый

РАЗРУШЕНИЕ ПРАВА И ПРАВОСУДИЯ В ГЕРМАНИИ

Я обращаюсь теперь к рассмотрению средств, с помощью которых подсудимые и их коллеги захватили управление судебной машиной Германии и превратили ее в страшное орудие совершения преступлений, в которых они обвиняются согласно Обвинительному акту.

Разрушение права в Германии было, конечно, неотъемлемой частью установления диктатуры в «третьем рейхе». В начальной стадии диктатура возникла из декретов 1933 года, которые отменили конституционные гарантии свободы и облекли гитлеровский кабинет законодательной властью, не ограниченной конституционными рамками. Эти декреты, как мы знаем, положили конец праву и демократии[1]. Но значительно больше требовалось сделать для того, чтобы достичь диктатуры в масштабах, предусмотренных авторами «третьего рейха». Свободу выборов надо было ликвидировать, так чтобы иметь возможность фальшивый внешний лоск выборности распространить на все нацистское здание. Гражданская служба должна была быть очищена от инакомыслящих чиновников. Следовало создать вездесущую и безжалостную полицейскую систему. Требовалось множество других мер. Но прежде всего необходимо было уничтожить право и правосудие.

На первый взгляд, причина для этого не могла появиться. Нацистский кабинет мог росчерком пера издать любой угодный ему закон. Суды, поскольку они не были достаточно смелыми, чтобы отвергнуть саму основу гитлеровской власти, чего они и не сделали, были бы вынуждены карать за нарушение таких законов. Разве этого не было достаточно для осуществления гитлеровских целей?

Ответ двоякий. Особенно в первые годы «третьего рейха» гитлеровское правительство преследовало цели и применяло методы, которые в то время не могли быть санкционированы обычным законодательством. Режим не был еще достаточно сильным, внутренне и внешне, чтобы выдержать столкновение с бурей неодобрения, которую могло встретить подобное законодательство. Нацистское прави-

[1] Имеются в виду буржуазное право и урезанная буржуазная демократия.— Составитель.

тельство понимало это и стремилось достичь таких целей с помощью обходных методов, часто в нарушение духа закона. И это делалось не потому, что это правительство было стеснено или связано существующим правом и испытывало уважение к закону. Результаты процесса о поджоге рейхстага, например, поставили его в чрезвычайно затруднительное положение и на практике привели к созданию «народной судебной палаты».

Но имелась еще и другая, более существенная причина. Идеология «третьего рейха» была абсолютно несовместима с духом права, законности. «Третий рейх» не мог существовать при наличии законности, а закон не мог существовать в «третьем рейхе».

Возьмем один пример: даже при строгом антиеврейском законодательстве имели место вынужденные ситуации, когда ненасытные немцы в гражданском процессе или чрезмерно усердные полицейские чины по любому уголовному делу ошибочно тащили еврея в суд. Другими словами, даже по нацистскому законодательству могли иметь место случаи, когда евреи были по закону правы. Теперь кажется неправдоподобным, что германский суд должен был дискредитировать немца благодаря решению, принятому в пользу еврея. Подобные запутанные проблемы могли рассматривать только суды, которые вовсе не являлись подлинными судами и на которые можно было положиться в игнорировании закона или в интересах проведения идеологических взглядов или, как это было позже, провозглашения евреев животными, которые могли просить нисколько не больше, чем несправедливо побитая собака, судебного вмешательства и защиты.

Такого рода проблемы были значительно более затруднительными в отношении поляков, которых нацисты рассматривали как нечто меньшее, чем человек, но большее, чем еврей. Позднее, я полагаю, у нас будет мрачное настроение от документальных доказательств, характеризующих спектакль, в котором некоторые из подсудимых сами принимали участие, тщетно борясь с неразрешимой проблемой, как достичь определенного надежного порядка и стабильности в оккупированной Польше, не давая в то же самое время полякам какого-либо закона, на который они могли бы опираться.

Короче, сама «идея права» была враждебна идеологии «третьего рейха», и неудивительно, что ее главные творцы

признали этот факт сразу же после прихода нацистов к власти. В 1930 году сам Гитлер заявил, касаясь решения суда в отношении некоторых нацистов:

«Мы можем заверить судей, что, если национал-социалисты возьмут власть, они будут уволены без всякой пенсии» («Фелкишер беобахтер» 27 августа 1930 г.) ...

Позднее Трибуналу будут представлены документы, которые подробно свидетельствуют о создании новой национал-социалистской системы права. К тому времени, я полагаю, станет несомненным, что «национал-социалистская система права» являлась нелепым противоречием терминов. Создание какой-либо системы права никогда не было задачей «третьего рейха». Напротив, ее основная цель состояла в уничтожении даже следов права в Германии и замене его сплошной бюрократией, которая должна определять награды и наказания в соответствии с деспотической идеологией и тактической потребностью диктатуры ...

Ганс Франк суммировал это: «Таким образом, не может быть сомнения в том, что духовный порядок и идеология, как это выражено в партийной программе, должны быть приняты во внимание в толковании и применении каждой из норм существующего закона» («Нация созерцает свой принадлежащий по праву закон» — лекция в Ростокском университете 13 февраля 1936 г.).

Теперь мы можем проследить некоторые из мер, к которым прибегли «законные» властители «третьего рейха» для того, чтобы превратить судебную систему в раболепного, но эффективного агента режима. О некоторых из них уже говорилось. Централизация судебной администрации имперским правительством, наделение всеобъемлющей властью имперского министерства юстиции и создание чрезвычайных судов — существенные меры в этом процессе. Стоящие обособленно такие законы могли бы не вызвать возражений, хотя создание чрезвычайных судов специально запрещено статьей 105 Веймарской конституции. Но эти первые шаги были только прелюдией к серии ужасных ударов по наиболее важным органам судебной системы. Ранняя история таких организованных нападок на основы права обобщена в приговоре Международного Военного Трибунала:

«Подобным же образом под контроль были взяты и судебные органы. Судьи снимались со своих постов по политическим и расовым мотивам. За ними шпионили, и они

подвергались сильнейшему давлению с тем, чтобы вынудить их вступить в нацистскую партию, причем в ином случае им грозило увольнение. Когда верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, обвиняемых в причастности к поджогу рейхстага, дела о государственной измене были изъяты из его юрисдикции и переданы вновь образованному «народному суду»[1], состоявшему из двух судей и пяти чиновников нацистской партии. Были учреждены специальные суды для преследования лиц, совершивших политические преступления, причем только члены партии назначались на должность судей. Граждане арестовывались СС по политическим мотивам, содержались в тюрьмах и концентрационных лагерях, причем судьи не имели никакой власти каким-либо образом препятствовать этому. Члены нацистской партии, осужденные за совершение преступления, амнистировались. В 1935 году несколько должностных лиц концентрационного лагеря Хохштейн были обвинены в зверском обращении с заключенными. Высокопоставленные нацистские чиновники пытались оказать влияние на суд, и после того, как эти должностные лица были осуждены, Гитлер всех их освободил. В 1934 году правительство рассылало всем германским судьям «письма судьям», инструктировавшие их, «какой генеральной линии» им следует придерживаться»[2].

Разрушение права и законности продолжалось на всем протяжении существования «третьего рейха». Период с 1933 года до начала войны характеризуется появлением специальных судов и неизменным уменьшением процессуальных гарантий. После 1939 года война ускорила превращение правосудия по уголовным делам в диктаторскую административную процедуру, пока в конце войны не исчезла всякая видимость законного судопроизводства.

Мы обратимся теперь к рассмотрению отдельных эпизодов этого процесса.

а. 1933—1939

Немедленно после захвата власти нацисты стали упорно наносить удары по независимости и неприкосновен-

[1] Речь идет о так называемой «народной судебной палате».— Составитель.

[2] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 318—319. — Составитель.

ности суда, смещая или понижая в должности политически ненадежных судей и чиновников министерства юстиции. Временный декрет от 7 апреля 1933 г., по которому это осуществлялось, предусматривал следующее:

«Чиновники, чья политическая деятельность в прошлом не дает гарантии в том, что они все время безоговорочно действовали в интересах национального государства, могут быть уволены с работы. В течение трех месяцев после увольнения они получают прежнюю заработную плату, после чего получают три четверти своей пенсии и соответствующие пособия»[1].

В 1937 году подобные методы нашли выражение в законе о гражданской службе. Результатом этого явилось устранение с судейских постов и из штата министерства юстиции всех евреев и лиц от смешанных с евреями браков, социал-демократов и других противников нацистского режима.

Материальное уголовное право в течение этого периода было радикальным образом подорвано введением авторитарной идеологии «третьего рейха» и концепцией: преступник — враг государства. Основной целью новых уголовных постановлений являлось создание условий, прочно ограждающих новых правителей от всякой конкуренции и нападок. Начало непрекращающемуся потоку законов, которые имели своей целью защиту отдельных лиц, институтов и символов «третьего рейха» от всяческих нападок политических противников, положил декрет «о защите народа и государства»[2]. Сфера деятельности для применения кары за измену и «государственную измену» была значительно и произвольно расширена. Сфера применения смертной казни, к которой в прошлом приговаривались за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах, также чрезвычайно расширилась. Рука об руку с усилением наказаний и расширением круга наказуемых деяний шло расширение сферы германской уголовной юрисдикции за пределы территориальных границ Германии. Новое

[1] Этот декрет представляет собой один из более 40 декретов и законов, предъявленных обвинением в качестве доказательства под номером N «g» — 715. Большинство из них воспроизведено в хронологическом порядке в разных частях приговора. — Составитель.
[2] См. сноску на стр. 40. — Составитель.

запрещение «осквернения расы», например, влекло применение наказания за проступки, совершенные и за границей.

Примеров подобных драконовских и тиранических декретов можно привести легион.

Декрет от 24 апреля 1934 г. предусматривал наказание к смертной казни или пожизненным каторжным работам или каторжным работам сроком на два года и более в следующих случаях:

«(1) если деяние имело в виду создание или поддержку заговора для подготовки государственной измены или

(2) если деяние было направлено на то, чтобы сделать вооруженные силы и полицию непригодными для выполнения ими долга по охране Германской империи от внутренних и внешних нападок, или

(3) если деяние было направлено к оказанию влияния на массы путем изготовления или распространения письменных материалов, звукозаписи или изображений или путем установки радио, телеграфа или телефона, или

(4) если деяние было совершено за границей либо было совершено таким образом, что нарушитель взял на себя ввоз письменных материалов, звукозаписи или изображений из-за границы в целях распространения их в пределах страны».

К августу 1938 года эта тенденция развилась в отношении тех деяний, по которым все следующие поступки были наказуемы смертной казнью:

«1. Всякий, кто открыто требует или подстрекает других уклоняться от несения обязательной военной службы в германских или союзных вооруженных силах или иным образом открыто пытается парализовать или подорвать волю германского народа или союзной нации самоутвердиться путем службы в армии;

2. всякий, кто склоняет или предпринимает попытку, чтобы склонить солдат или призывников из резерва к неповиновению, сопротивлению или оскорблению действием начальства или к дезертирству или незаконному отсутствию или иным нарушениям дисциплины в германских или союзных вооруженных силах и

3. всякий, кто уклоняется сам или заставляет другого уклониться от несения военной службы полностью или частично или временно путем нанесения себе увечья или

предумышленного симулирования или каким-либо другим образом».

Но нацистские юристы не хотели менять букву уголовных законов; они разрушили дух и метод толкования уголовных законов для того, чтобы дать возможность судам налагать наказания, выходящие за пределы закона, в соответствии с политической идеологией режима. Таким образом, в июне 1935 года статья 2 уголовного кодекса была дополнена следующим положением о том, что всякий, кто совершает деяние, которое закон признает наказуемым или которое заслуживает быть наказуемым в соответствии с основными идеями уголовного законодательства или здравыми чувствами народа, должен быть наказан. Если к этому деянию не может быть прямо применен специальный уголовный закон, он должен быть наказан в соответствии с законом, скрытый смысл которого может быть наиболее легко применим к этому деянию.

Одновременно уголовно-процессуальный кодекс был дополнен следующими статьями:

«Статья 170а. Если деяние заслуживает наказания в соответствии со здравыми чувствами народа, но уголовное наказание кодексом не предусмотрено, обвинение может исследовать, действительно ли могут быть применены к этому деянию основные принципы уголовного закона и действительно ли можно помочь восторжествовать правосудию с помощью надлежащего применения этого уголовного закона».

«Статья 267 а. Если главное разбирательство показало, что обвиняемый совершил деяние, которое заслуживает наказания в соответствии со здравыми чувствами народа, но наказание за которое не предусматривается уголовным законом, суд может исследовать, действительно ли могут быть применены к этому деянию основные принципы уголовного закона и действительно ли можно помочь восторжествовать правосудию с помощью надлежащего применения этого уголовного закона».

Одновременно имперскому верховному суду было предписано аннулировать его прежние решения для того, чтобы привести право в соответствие с идеологией «третьего рейха». Декрет гласил:

«Имперский верховный суд, как высшая судебная инстанция Германии, должен считать своим долгом осуществление интерпретации закона, которая принимает во

внимание изменение идеологии и правовых концепций, проводимых новым государством. Для того, чтобы быть в состоянии выполнить эту задачу, необходимо не придавать значения решениям прошлого, которые были вызваны другой идеологией и другими правовыми концепциями...».

... С административной точки зрения предвоенные годы характеризовались еще более тесным сотрудничеством гиммлеровского гестапо и имперского министерства юстиции.

В феврале 1937 года Гиммлер приказал, чтобы все гестаповские дела стали доступными для прокуроров. В следующем месяце имперский министр юстиции Гюртнер обратился с письмом ко всем прокурорам:

«Для того, чтобы этот приказ достиг своей цели и в интересах самого тесного сотрудничества между прокурорами и руководителями гестапо, я настоящим приказываю, чтобы в будущем прокуроры по установившемуся порядку адресовывали все запросы по расследованиям, которые они должны вести на основе сообщений политического характера, полученных непосредственно ими от полицейских властей, через компетентные государственные полицейские органы. Если в случаях, основанных на подобных сообщениях, необходимые допросы обвиняемого или свидетеля производятся самим судом и полицейские власти вовсе не привлекаются к работе, я требую, чтобы государственные полицейские органы информировались о работе как можно быстрее».

Германские юристы, которые так тесно сотрудничали с гиммлеровской креатурой, в равной степени хотели защитить «сверхрьяных нацистов» от уголовной ответственности даже за наихудшие эксцессы. Позже, в 1939 году, группа СА совершила ужасные насилия и пытки над некоторыми политическими заключенными, которые находились в концентрационном лагере Кемна, вблизи Вупперталя в Руре. Это грубое нарушение закона и поругание имперский министр описал следующим образом:

«В лагере некоторые из заключенных были подвергнуты самому жестокому обращению. В большинстве случаев вскоре после их прибытия и во время допросов их избивали по обнаженному телу резиновыми дубинками, хлыстами, палками, плетями из бычьей кожи и другими предметами. Во многих случаях они должны были принимать это

наказание лежа на специальных плетеных из камыша скамейках, на которых их силой удерживала стража, истязуемым вставлялись в рот кляпы из бумаги, куска одежды, мешка и тому подобных вещей для того, чтобы помешать их крикам. Заключенных, которые теряли сознание, обливали водой, чтобы они очнулись, и опять продолжали избивать. После этого заключенных, с которыми очень плохо обращались, запирали в помещении под лестницей или в лифте и содержали без какой-либо медицинской помощи, еды и питья. В ряде случаев из-за полученных увечий и побоев их необходимо было отправлять в больницу.

Некоторых заключенных заставляли также есть селедку, которая была к тому же посыпана солью.

Когда заключенные съедали селедку и испытывали, естественно, мучительную жажду, им не давали воды для питья».

Несмотря на это, в отношении руководителей СА ограничились разбирательством в дисциплинарном суде нацистской партии, которое закончилось простым выговором и лишением их права занимать государственные посты в течение одного года.

Досье министерства юстиции, касающиеся этого ужасного эпизода, содержат рекомендации различных официальных лиц, в том числе подсудимого Иоэля, о необходимости прекращения судебного разбирательства в отношении преступников. Эти рекомендации были приняты и препровождены Гитлеру министром юстиции Гюртнером, который сослался на то обстоятельство, что обвиняемые были неопытными стражниками концентрационных лагерей, что большинство жертв являлись коммунистами, что в некоторых случаях жертвы были непокорными и не поддающимися дисциплине и что коммунисты особенно сильно удерживали позиции в районе Вупперталя.

b. 1939—1945

До начала второй мировой войны основная цель нацистских уголовных нововведений заключалась в подавлении внутренней оппозиции новому режиму и создании невыносимых условий жизни для евреев. В первые годы войны нацистские юристы были в значительной степени заняты проблемами, связанными с оккупацией Польши, Франции

и других территорий, захваченных вермахтом. Распространение германского права на оккупированные территории и грубое поругание законов, совершенное уже самой оккупацией, породили военные преступления и преступления против человечности в огромных масштабах, которые будут описаны должным порядком. Германское уголовное право широко применялось также к поступкам, совершенным за пределами рейха, даже в тех случаях, когда они совершались иностранцами ...

Но война привела к появлению большого количества новых уголовноправовых актов и в самой Германии. На это новое законодательство оказали влияние нужды войны, но в него вошли также заранее обдуманные концепции национал-социалистской уголовной политики. Основной целью являлись обеспечение безопасности нацистского режима и поддержка экономической и военной мощи Германии путем чрезвычайно суровых мер уголовного наказания.

Позднее, когда военное положение Германии ухудшилось, наказание к смертной казни стало обычным приговором за огромное множество деяний. Возросшие трудности в связи с воздушными налетами имели своим результатом смертную казнь или длительное тюремное заключение за нарушение правил светомаскировки ...

Экономические трудности и сокращение сырья и продовольствия сопровождались законами, устанавливающими тюремное заключение и даже смертную казнь для всякого, кто уничтожит либо украдет еду или другие припасы. К концу войны были предприняты отчаянные попытки предотвратить неминуемое поражение смертными приговорами за распространение слухов, слушание иностранных радиопередач и даже за самые слабые критические замечания в адрес гитлеровского режима или проявления пессимизма в отношении шансов на военный успех Германии...

Через две недели после начала войны был издан декрет, который предусматривал, что в случае, если у имперского обвинителя имеются «серьезные опасения» относительно справедливости приговора, он может в течение одного года после его вынесения подать чрезвычайную апелляцию и добиться вторичного процесса по этому делу. Чиновники имперского министерства юстиции, контролирующие государственных обвинителей, просматривают решения по уго-

ловным делам и побуждают прокурора подавать апелляции в тех случаях, когда они полагают, что наказание недостаточное. Если первое решение выносилось обычным судом, то второй процесс проводился специальным уголовным сенатом имперского верховного суда. С другой стороны, если первое решение было вынесено «народной судебной палатой», второй процесс проводился особым сенатом «народной судебной палаты».

В 1940 году подобная процедура была подтверждена декретом от 21 февраля, в результате чего имперский государственный обвинитель мог подавать в верховный суд петицию для «аннулирования» окончательного приговора регулярного уголовного суда или специальных судов «в случае, если решение суда несправедливо вследствие ошибочного применения закона к установленным фактам». Верховный суд санкционировал либо вынесение нового приговора, либо возврат дела в низшую инстанцию для нового рассмотрения с обязательными инструкциями о том, какими правовыми принципами следует руководствоваться. Не согласованное с этой тщательно разработанной системой усиления наказания право имперского обвинителя требовать отмены окончательного приговора путем аннулирования процедуры было расширено в 1942 году... (Декрет от 13 августа 1942 г.). Новые правила предусматривали обвинение, но не защиту с неограниченным правом требовать нового рассмотрения в течение года после вынесения приговора...

Можно было бы предположить, что после проведения чистки от евреев и раскола судей по политическому признаку в 1933 году, в результате постоянной зависимости оставшихся судей от угрозы отставки по политическим причинам в 1937 году и их полного подчинения имперскому министерству юстиции в 1939 году, Гитлер получил, наконец, удобную судебную систему для своих наиболее экстремистских целей. Однако очевидно, что догитлеровское правовое обучение иногда оказывало неудачное действие, так что даже надежные нацистские судьи иногда выносили решения, не соответствующие идеологии и чаяниям «третьего рейха». Во всяком случае нечто подобное кризису произошло в германской судебной системе в 1942 году.

26 апреля 1942 г. Гитлер произнес в рейхстаге речь, в которой подвел итоги тяжелой зимы 1941—1942 гг. и при-

звал германский народ к еще большим жертвам для достижения победы. В этой речи Гитлер сделал несколько замечаний относительно германской юридической профессии и управления юстицией, которые имели немедленный и определенный эффект. Гитлер сказал: «Я полагаю, что лица германской юридической профессии поймут, что не нация для них, а они для нации, что мир, который включает Германию, не должен ухудшиться для того, чтобы мог существовать формальный закон, а Германия должна жить независимо от противоречий формального правосудия...

Отныне я буду... вмешиваться и удалять с должности тех судей, которые явно не понимают требований настоящего момента».

Незамедлительно после выступления Гитлера рейхстаг 26 апреля 1942 г. принял резолюцию, в которой отмечалось: не может быть сомнений, что в настоящем состоянии войны, когда германский народ ведет борьбу за самое свое существование, фюрер должен осуществить право, которое он провозгласил для того, чтобы делать все возможное, что служит или помогает добиться победы. Поэтому фюрер своею властью, как глава нации, верховный главнокомандующий вооруженными силами, глава правительства и высшая инстанция исполнительной власти, как глава судейского сословия и вождь партии должен иметь возможность всеми средствами, которые он сочтет удобными, обеспечить выполнение долга немцами, будь то простой солдат или офицер, низший или высший государственный чиновник или судья, руководящий или низший функционер партии, рабочий или предприниматель. В случае нарушения долга он имеет право сам налагать наказание после добросовестного изучения дела. Это может быть сделано без учета так называемых прав гражданской службы. В частности, он может отстранить от должности, лишить чина и положения, не прибегая к установленной процедуре.

Эта угроза фюрера и резолюция рейхстага смели последние остатки независимости судебной системы в Германии. Кроме того, через несколько месяцев имела место полная реорганизация руководства министерства юстиции. Шлегельбергер был заменен Тираком. Специальным декретом Гитлера от 20 августа 1942 г. новому имперскому министру были даны широкие полномочия для того, чтобы

привести администрацию судебной системы в соответствие с потребностями режима. Декрет гласил:

«Сильная администрация судебной системы необходима для выполнения задач великой германской империи. Поэтому я поручаю и уполномочиваю имперского министра юстиции создать национал-социалистскую администрацию судебной системы и принять все необходимые меры в соответствии с моими директивами и инструкциями, разработанными совместно имперским министром с главой имперской канцелярии и лидером партийной канцелярии. Он может, таким образом, отступать от любого действующего закона».

В то же время Роланд Фрейслер покинул министерство юстиции с тем, чтобы занять пост президента «народной судебной палаты», и обвиняемый Ротенбергер занял прежний пост Фрейслера — пост статс-секретаря. Несколько раньше в этом же году Ротенбергер, до того бывший президентом оберландсгерихта в Гамбурге, привлек внимание фюрера, представив на его рассмотрение длинный список тезисов по вопросам «судебной реформы». Эти тезисы являются любопытным документом, они подробно рассказывают о почете и достоинстве функций судьи и потребностях судебной системы как фундамента «третьего рейха», но причину того, что они получили одобрение фюрера, можно более ясно представить из следующих отрывков:

«Кризис административной структуры судебной системы в настоящее время достиг кульминационной точки. Должна быть создана абсолютно новая концепция администрации судебной системы, в частности национал-социалистская судебная система, и для этого недостаточно успокоительной целебной мази; только хирургический нож, как это будет показано позже, сможет помочь справиться с болезнью.

Однако критерием функций юстиции, правосудия и, в частности, судей в национал-социалистской империи должно быть правосудие, отвечающее требованиям национал-социализма...

Осуществление подобной далеко идущей революции во внутренней и внешней политике возможно только в том случае, когда, с одной стороны, все старомодные институты, концепции и привычки будут разрушены, и если необходимо, жестоким образом, и когда, с другой стороны, институты, которые сами по себе нужны, но не являются

непосредственно инструментами для достижения великой цели и которые фактически мешают этому, временно будут отброшены на задний план. Все крики о беззаконии, деспотизме, несправедливости и пр. в настоящее время являются не чем иным, как отсутствием понимания политической ситуации...».

В то время, когда он был назначен министром, Тирак стал президентом германской академии права и «национал-социалистской ассоциации юристов». Характер новой администрации судебной системы отражен в сообщении Тирака в германской академии права следующим образом:

«Формулирование законов является не предметом науки и самоцелью, но делом политического руководства и организации. Поэтому деятельность академии в направлении формулирования законов должна координироваться с задачами политического руководства».

Ко времени своего назначения Тирак и Ротенбергер рассмотрели претенциозную программу упрощения иерархии германских судов, решительного сокращения числа судей и «модернизации» подготовки и обучения судей в соответствии с господствующими политическими идеями. Многое из этой программы они не успели реализовать, но Тирак и Ротенбергер преуспели в развитии новых способов контроля над судебными решениями со стороны правительства. Это также было намечено в тезисах Ротенбергера, представленных Гитлеру:

«Судья, который верен фюреру, должен судить «как фюрер». Для того, чтобы гарантировать это, следует установить должность офицера связи без всяких промежуточных звеньев между фюрером и германским судьей... Он должен сообщать немецкому судье волю фюрера путем аутентичного толкования законов и правил. В то же самое время он должен по просьбе судьи давать обязательную информацию о текущих процессах, в которых затрагивались основные политические, экономические и правовые проблемы, которые не доступны для обозрения отдельных судей».

Частично контроль за исполнением достигался с помощью совещаний прокуроров и судей, на которых прокурор сообщал судье, какой приговор министр юстиции считает подходящим в данном конкретном случае. Но более эффективным средством была серия конфиденциальных

циркуляров судьям, известных как «письма судьям», которые Тирак за своей подписью в качестве министра юстиции посылал судьям и прокурорам. Тирак объявил о предстоящей серии таких циркуляров в сентябре 1942 года в следующем письме:

«С целью оказания помощи судьям в выполнении их высшего долга... я решил издавать «письма судьям». Они будут распространяться среди всех немецких судей и прокуроров. Эти письма будут содержать решения, которые имеет смысл особенно отметить ввиду важности их результатов или аргументации. На этих решениях я покажу, какие лучшие решения могли быть или должны были быть приняты; с другой стороны, буду ссылаться как на образцы на хорошие и важные для общества решения.

«Письма судьям» не имеют в виду создать новую казуистику, которая повела бы к дальнейшему окостенению администрации судебной системы и опеке над судьями. Они скорее будут рассказывать о том, как думают судебные власти применить национал-социалистские концепции в правосудии, и в связи с этим давать судьям внутреннюю уверенность и свободу, чтобы прийти к правильному решению.

Содержание этих писем конфиденциально; их должен хранить глава учреждения и знакомить каждого судью и прокурора под расписку.

Для публикации «писем судьям» необходимо сотрудничество всех судей и прокуроров. Я рассчитываю на то, что мне будут представлены подходящие решения всех звеньев судебной системы. При публикации не будут названы ни фамилия судьи, ни наименование суда.

Я убежден, что «письма судьям» помогут оказать влияние на администрацию судебной системы единым образом в соответствии с доктринами национал-социализма».

Первое письмо было опубликовано 1 октября 1942 г... В нем излагалось и комментировалось некоторое количество уголовных дел и вынесенных по ним приговоров. Были приведены четыре дела о нарушениях правил светомаскировки. Те приговоры, согласно которым подсудимый наказывался смертной казнью, были одобрены; все другие критиковались как слишком мягкие...

Начиная с октября 1942 года «письма судьям» выходили регулярно и продолжали заполняться проповедями предельной жестокости в вынесении приговоров...

Повсеместное разрушение правосудия достигло своей кульминации в самом конце войны в виде создания чрезвычайных гражданских военно-полевых судов, о которых уже упоминалось. Этим чрезвычайным судам была предоставлена юрисдикция в отношении «всех преступлений, в результате которых подвергаются опасности боевые силы или подрывается оборонительная мощь народа». Если данные суды устанавливали виновность обвиняемого, то могли вынести лишь смертный приговор. Окончание войны оборвало короткую жизнь этих судов после десяти недель судебного террора.

На протяжении войны административные и уголовные отделы министерства юстиции продолжали сотрудничать в деле охраны юристов «третьего рейха» от наказания за их неисчислимые преступления против поляков, евреев и других «нежелательных элементов». Ко времени успешного завершения польской кампании неопубликованные декреты приостановили все судебные преследования в отношении немцев в Польше за любые уголовные преступления, которые они совершили в отношении поляков на протяжении этой войны... В 1941 году обвиняемый Шлегельбергер заверял Рудольфа Гесса в том, что он должен рассматривать «благожелательно» амнистии по любому делу о жестокостях, совершенных после завершения польской кампании. Вот один из многих примеров. Два немца, один из которых был сержантом полиции, застрелили в Польше весной 1940 года двух польских священников — «никаких иных причин, кроме как ненависти к католической церкви,— не было». Специальный суд приговорил их к 15 годам каторжных работ за непредумышленное убийство. Через 2 года отбывания срока наказания Гиммлер заявил, что немцы помилованы и что им предоставляется возможность «заслужить аннулирование приговора службой на фронте». По просьбе Гиммлера министр юстиции сократил срок наказания до 5 лет и оба они были освобождены от тюремного заключения и определены для службы в отряд «ваффен СС».

После прихода Тирака и Ротенбергера сотрудничество министерства юстиции с гиммлеровской полицией стало еще более тесным. 18 сентября 1942 г. Тирак и Ротенбергер провели совещание с Гиммлером и другими высшими чинами СС в штаб-квартире Гитлера. По поводу совещания Тирак сделал следующие заметки:

«1. Исправление путем специального обращения имеющимися в распоряжении полиции средствами, когда судебный приговор не является достаточно суровым. По совету рейхслейтера Бормана между мной и рейхсфюрером СС было достигнуто следующее соглашение:

a. В принципе время фюрера ограничено, чтобы обременять его подобными вопросами.

b. Имперский министр юстиции будет решать вопрос о необходимости специального обращения.

c. Рейхсфюрер СС будет отсылать сообщения, которые он направлял до этого рейхслейтеру Борману, имперскому министру юстиции.

d. Если мнения рейхсфюрера СС и имперского министра юстиции совпадают, окончательное решение по делу остается за ними.

e. Если их мнения не совпадают, запрашивается мнение рейхслейтера Бормана и он будет, возможно, информировать фюрера.

f. В случаях, когда решение фюрера о мягком приговоре становится известным через другие каналы (такие, как письмо от гаулейтера), рейхслейтер Борман будет препровождать сообщение имперскому министру юстиции. Дело будет тогда решаться, как уже описывалось, рейхсфюрером СС и имперским министром юстиции.

2. Передача антисоциальных элементов вместо отбывания ими срока наказания рейхсфюреру СС для их уничтожения непосильным трудом. Лица, содержащиеся под превентивным арестом в интересах безопасности, осужденные сроком более чем на три года евреи, цыгане, русские, украинцы, поляки; сроком более чем на восемь лет чехи и немцы должны все быть переданы согласно решению имперского министра юстиции. Прежде всего должны быть переданы самые вредные антисоциальные элементы из числа упомянутых. Я буду информировать об этом фюрера через рейхслейтера Бормана...

14. Согласовано, что, принимая во внимание цели правительства решить восточные проблемы, дела евреев, поляков, цыган, русских и украинцев в дальнейшем не будут рассматриваться обычными судами, поскольку это касается наказуемого преступления, но должны разрешаться рейхсфюрером СС. Это не применяется к гражданским искам к полякам, чьи фамилии зарегистрированы или внесены в германские расовые списки».

Мы говорили вначале, что подсудимые и их коллеги полностью ниспровергли правосудие и закон в Германии... «Третий рейх» превратился в царство деспотизма, смерти и, наконец, отчаяния.

...Извращенность и жестокость нацистской системы могут на первый взгляд показаться бессмысленной жестокостью. Но это не так. Фанатичные, жестокие и неуравновешенные германские лидеры никогда не были бесцельными.

Закон и правосудие были разрушены по определенной причине потому, что по самой своей природе мешали завоеванию, разрушению и уничтожению — тому, чему властители «третьего рейха» решили следовать. Нацистские специальные суды являлись издевательством над буквой и духом закона... Они являлись методом, преднамеренно выбранным в целях вызывать смерть, пытки и порабощение.

Теперь, когда мы проследили ступени заговора, настало время, чтобы мы рассмотрели убийства и другие зверства, которые являлись преднамеренными и подлинными результатами этого заговора.

Разделы второй и третий

ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Обращают на себя внимание два обстоятельства, когда мы исследуем преступления, которые вменяются подсудимым по Обвинительному акту.

Во-первых, дьявольское новшество, заключавшееся в предумышленном использовании государственной властью этой нации национальной системы правосудия и ее аппарата в качестве орудия разрушения — средства убийства, порабощения, пыток, жестокости и воровства.

Во-вторых, массовый характер и, следовательно, чудовищность преступлений, совершенных подсудимыми с помощью топора палача, в который превратились весы правосудия, и горна, в котором огонь поддерживался... расовым фанатизмом и ненавистью, раздувался пагубным влиянием целенаправленной пропаганды. К этому следует добавить рассчитанные удары явно позорного законода-

тельства, контролирующего судей и оказывающего влияние на суды, и преднамеренную попытку сделать неэффективной или полностью ликвидировать защиту, каковой обычно пользуются обвиняемые в судах...

Эти обстоятельства последовательно оказали определенное воздействие, внесли в умы подсудимых сумятицу и неясность до такой степени, что они не понимали ни прав, ни полномочий настоящего Трибунала судить этих подсудимых по международному праву или другим нормам, по которым их преступления могут быть определены и осуждены.

Следовательно, мы должны теперь внести ясность в вопрос о полномочиях, согласно которым и от имени которых мы действуем.

Настало время огласить нормы, по которым мы будем доказывать и утверждать виновность этих подсудимых. Краткий обзор истории недавних лет будет полезен и, следовательно, правилен.

30 октября 1943 г. премьер-министр Черчилль, премьер Сталин и президент Рузвельт подписали Московскую Декларацию[1]. Та часть ее, которая имеет отношение и проливает свет на понимание того, чем мы здесь заняты, гласит следующее:

«Эта Декларация не затрагивает вопроса о главных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом и которые будут наказаны совместным решением правительств-союзников».

Ясно, что те преступники, чьи преступления не имеют определенных географических границ, должны быть наказаны, но необязательно должны быть судимы по «совместному приговору»; необязательно — объединенным или международным трибуналом союзников[2]. Таким образом, основная политика в вопросе наказания была ясно сформулирована.

Эти же три державы встретились в Потсдаме после безоговорочной капитуляции Германии. На встрече при-

[1] Декларация об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства, опубликованная в Москве 30 октября 1943 г. (см. «Нюрнбергский процесс...», т. I, стр. 20—21). — Составитель.

[2] Здесь и далее Тэйлор делает попытку оправдать отказ США от проведения международных процессов над нацистскими преступниками. Подробнее о позиции США в данном вопросе см. вступительную статью. — Составитель.

сутствовали также представители Франции[1]. Были достигнуты соглашения и взаимопонимание по поводу политики, которую будут проводить эти правительства в отношении Германии и военных преступников. О двух таких соглашениях следует упомянуть, поскольку они проливают свет на значение и международный характер настоящего Трибунала...

В соглашениях, подписанных в Потсдаме 2 августа 1945 г., записано:

«Три Правительства отметили обсуждение, которое происходило в последние недели в Лондоне[2] между британскими, американскими, советскими и французскими представителями с целью достижения соглашения о методах суда над теми главными военными преступниками, чьи преступления по Московской Декларации от октября 1943 года не относятся к определенному географическому месту. Три Правительства подтверждают свои намерения предать этих преступников скорому и справедливому суду...».

Мы, таким образом, видим, что три державы развили свое решение, высказанное в Москве, в отношении того, что они определили как нормы, по которым эти преступники должны быть наказаны. Но нормы суда еще должны быть результатом «общего приговора» держав, подписавших Московскую Декларацию совместно с представителями

[1] Это не совсем точно. На Берлинской конференции, проходившей в Сесилиан-Хоф близ Потсдама с 17 июля по 2 августа 1945 г., участвовали главы правительств и министры иностранных дел СССР, США и Великобритании (см. «Нюрнбергский процесс...», т. I, стр. 38—42). На конференции были приняты важные решения и соглашения, к которым присоединилась Французская Республика. Декларацию о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии подписали представители правительств СССР, США, Великобритании и Французской Республики (см. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, Госполитиздат, 1947, стр. 273—281).— Составитель.

[2] В результате было подписано Соглашение между СССР, США, Великобританией и Францией о судебном преследовании и наказании главных военных преступников Европейских стран оси. Этим Соглашением был учрежден Международный Военный Трибунал и утвержден Устав, установивший юрисдикцию и функции Трибунала, определивший нормы материального уголовного права и процесса, на основе которых затем судили главных немецких военных преступников в Нюрнберге. — Составитель.

Французского государства. Решение о судебном преследовании и наказании было принято спустя шесть дней в Лондоне.

Но в Потсдаме было достигнуто другое важное соглашение. Державы были заняты достижением соглашения о политических и экономических принципах, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. Среди них мы обнаруживаем и имеющее отношение к пониманию того, что мы здесь делаем.

«А. Политические принципы

1. В соответствии с Соглашением о контрольном механизме в Германии[1] верховная власть в Германии будет осуществляться Главнокомандующими вооруженных сил Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки, Соединенного Королевства и Французской Республики, каждым в своей зоне оккупации, по инструкциям своих соответствующих Правительств, а также совместно по вопросам, затрагивающим Германию в целом, действующими в качестве членов Контрольного Совета.

2. Поскольку это практически осуществимо, должно быть одинаковое обращение с немецким населением по всей Германии.

3. Целями оккупации Германии, которыми должен руководствоваться Контрольный Совет, являются:

... III) Уничтожить национал-социалистскую партию и ее филиалы и подконтрольные организации, распустить все нацистские учреждения, обеспечить, чтобы они не возродились ни в какой форме, и предотвратить всякую нацистскую и милитаристскую деятельность или пропаганду.

[1] Соглашение между Правительствами СССР, США, Великобритании и Франции об организации контрольного механизма союзников в Германии на период выполнения Германией основных требований безоговорочной капитуляции. Текст Соглашения утвержден Европейской Консультативной Комиссией 1 мая 1945 г. (см. «Сборник документов Московской, Тегеранской, Крымской, Берлинской конференций и Европейской Консультативной Комиссии 1943—1945 гг.», изд-во МИД СССР, 1946). — Составитель.

IV) Подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни»[1].

8 августа 1945 г. державы, которые присутствовали в Потсдаме, с помощью своих равным образом представленных уполномоченных достигли в Лондоне Соглашения, в преамбуле которого имеется место, касающееся «военных преступников» и в статье 1 — «главных военных преступников». Соглашение предусмотрело также организацию Международного Военного Трибунала для суда над подобными преступниками и разработку Устава, определяющего устройство, юрисдикцию и функции этого Трибунала. Устав являлся составной частью упомянутого Соглашения, достигнутого в тот же день. Две вещи заслуживают внимания в этом отношении. Устав дал определение преступлений, и, таким образом, предстояло устанавливать, кто является «военным преступником». Вслед за тем прилагательное «главный» стало... в лучшем случае использоваться для установления сравнительной нормы, определяющей серьезность совершенных преступлений; критерием при этом служили исключительно мнения комитета в составе главных обвинителей либо практические и технические нужды конкретного процесса...

20 декабря 1945 г. те же три союзные державы, которые подписали Московскую Декларацию, и те же четыре державы, которые подписали Потсдамское Соглашение, заключили Лондонское Соглашение и разработали Устав Международного Военного Трибунала, приняли Закон № 10 Контрольного Совета для Германии.

Закон № 10 предусмотрел возможность создания данного Трибунала и способ, согласно которому он должен функционировать; определил действия, признающиеся преступными, юрисдикцию, принципы осуществления правосудия и наказание, которое может применяться к виновным. Преамбула Закона № 10 ясно раскрывает, что он был введен в силу с тем, чтобы выполнить две задачи:

во-первых, «в целях осуществления Московской Декларации от 30 октября 1943 г., Лондонского Соглашения от 8 августа 1945 г. и Устава Международного Военного Три-

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. I, стр. 39—40.— Составитель.

бунала...» и, во-вторых, «...в целях установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников, за исключением лиц, против которых ведется преследование Международным Военным Трибуналом...».

...Очевидно, что вторая цель является осуществлением Потсдамского Соглашения, которое требовало «одинакового обращения с немецким населением по всей Германии»... Таким образом, был принят межсоюзнический курс. Способ осуществления являлся делом права, а не власти нескольких договаривающихся государств, действующих в своих зонах оккупации через своих зональных командующих.

Следовательно, данный Трибунал является международным по своему правовому источнику, так же как по своей юрисдикции в отношении дела и подсудимых.

30 сентября и 1 октября 1946 г. приблизительно через 13 месяцев после подписания Лондонского Соглашения и создания Устава и более чем через 9 месяцев после того, как был опубликован Закон № 10, Международный Военный Трибунал вынес приговор в отношении отдельных подсудимых, признанных виновными.

После приговора Международного Военного Трибунала командующий американской зоны для проведения в жизнь Закона № 10 Союзного Контрольного Совета для Германии и выполнения задач, в нем сформулированных и предварительно обусловленных четырьмя государствами, подписавшими Лондонское и Потсдамское Соглашения, издал 18 октября 1946 г. распоряжение № 7 относительно организации и полномочий некоторых военных трибуналов.

По этому распоряжению и был создан данный Трибунал. В распоряжении сформулированы процессуальные принципы, по которым он действует, однако положения Закона № 10 не ограничили рамки его юрисдикции в отношении лиц или предмета рассмотрения, а также не определили нового состава преступлений...

Изучение Устава, Закона № 10 и распоряжения № 7 показывает, что статья II Закона № 10 аннулирует все законы о сроке давности на период с 30 января 1933 г. по 1 июля 1945 г. Он содержит также положения, по которым настоящий Трибунал не должен признавать имеющими силу на данном процессе доводы защиты о том, что нацистское правительство даровало кому-либо из данных под-

судимых ту или иную неприкосновенность, помилование либо амнистию...

Аналогичным образом статья X распоряжения № 7 ни в коей мере не является ограничением полномочий данного суда в плане установления виновности или невиновности обвиняемых, привлекаемых по настоящему делу[1]...

Это положение сформулировано в выражениях, рассчитанных на то, чтобы должным образом оградить права подсудимых... и исключить толкование, что оно действует, как притесняющее правило, которое существенным образом ограничивало бы настоящий суд в принятии им его собственных окончательных решений о виновности или невиновности данных подсудимых. Это разумное правило, направленное на то, чтобы избежать ненужного повторного представления признанных фактов на процессе по данному делу. Как таковое оно нисколько не подрывает авторитет данного суда и не влияет на параллельный характер его юрисдикции по отношению к юрисдикции Международного Военного Трибунала.

Таким образом, в заключение наша позиция формулируется следующим образом: настоящий Трибунал, подобно Международному Военному Трибуналу, является продуктом «совместного решения» стран, подписавших Московскую Декларацию, и Франции; вопросы, которые он имеет право рассматривать, и преступления, входящие в его юрисдикцию, установлены теми же державами, он имеет юрисдикцию в отношении тех же лиц, которым Обвинительным актом инкриминируется совершение данных преступлений. Таковы основные элементы, по которым все суды, коим приходилось решать этот вопрос, всегда определяли наличие параллельной юрисдикции как вопроса права.

Мы столь подробно остановились на вопросах одинаковой компетенции данного Трибунала и Международного Военного Трибунала и на том, что они имеют параллельную юрисдикцию, по причинам юридического характера, а также в связи с соображениями политики. Для нас данные вопросы представляются важными, и, учитывая это, мы сочли нужным их изложить...

Г-н Ла Фоллет: Во-первых, мы придерживаемся мне-

[1] Текст статьи опущен, так как он приведен в приговоре. См. стр. 121. — Составитель.

ния, что настоящий Трибунал имеет право и полномочия решать все вопросы права, за исключением вопросов о «преступной природе» тех групп и организаций, которые Международный Военный Трибунал признал преступными... Мы не отрицаем убедительности авторитета решений и приговора Международного Военного Трибунала, но отмечаем, что между Международным Военным Трибуналом и настоящим Трибуналом ни фактически, ни в правовом отношении не существует взаимоотношений суда высшей юрисдикции с судом низшей юрисдикции. Поэтому решения и приговор Международного Военного Трибунала не являются обязательными для данного суда, за исключением того, что оговорено в статье X и в других упоминаемых нами положениях.

Во-вторых, с точки зрения политики, которой придерживается обвинение, оно полагает, что созданием действующей параллельно юрисдикции, а следовательно, и одинаковым достоинством настоящего Трибунала и происходящего перед ним процесса и процесса перед Международным Военным Трибуналом, происходившего ранее, оно обязано не только настоящему Трибуналу, но и миру в целом. Мы судим здесь военных преступников; им вменяется в вину преступное нарушение норм международного права, совершение международных преступлений, квалифицируемых как таковые теми же государствами, которые квалифицировали преступления, за которые Международный Военный Трибунал судил главных немецких военных преступников... Настоящий процесс не является процессом американской стороны, национальным по своему характеру. Напротив, это открыто провозглашенная программа правительства Соединенных Штатов об осуществлении обязательств, принятых им на себя в Москве в 1943 году и соблюдении соглашений между союзниками, которые были заключены в Потсдаме в 1945 году[1]...

Таким образом, эти подсудимые предстали перед судом, у которого источник его полномочий и юрисдикция по решению предмета судебного разбирательства и виновности подсудимых равноценны и совпадают с источником полномочий и юрисдикцией Международного Военного Трибу-

[1] О том, как правящие реакционные круги США грубо попирали свои международные обязательства, в том числе и по Потсдамскому Соглашению, см. стр. 5—6. — Составитель.

нала. Мы судим их за преступления — военные преступления и преступления против человечности, которые были наказуемы, как указывается в Обвинительном акте, в момент совершения...

Мы судим этих людей за преступления по международному праву, источник которого находится не в силе или применении власти, а в общепризнанных нормах человеческой морали...

Мы изложим общие правовые принципы, определяющие относимость представляемых нами доказательств к инкриминируемым подсудимым преступлениям. На данной стадии мы не будем относить доказательства к каждому из подсудимых, за исключением, возможно, нескольких примеров. Это мы в достаточной степени сделаем при суммировании аргументов, чтобы убедить суд и опровергнуть доводы подсудимых.

В разделе втором настоящего Обвинительного акта мы вменяем в вину подсудимым совершение преступлений, которые определены в статье II, параграфе 1 (b) Закона № 10 Контрольного Совета; в разделе третьем мы вменяем им в вину совершение преступлений против человечности, как они определены в статье II, параграфе 1 (c) Закона № 10 Контрольного Совета... Мы берем за основу нижеследующее положение из приговора Международного Военного Трибунала:

«Однако, что касается военных преступлений, как уже указывалось, преступления, определяемые статьей 6 (b) Устава (это те же самые преступления, которые определяются в статье II, параграфе 1 (b) Закона № 10 Контрольного Совета), уже признавались как военные преступления международным правом».

Прошу господ судей обратить внимание на фразу, заключенную в скобки.

«Выдвигалось утверждение о том, что Гаагская Конвенция здесь неприменима в соответствии с пунктом о распространении действия Конвенции в статье 2 Гаагской Конвенции 1907 года...

По мнению Трибунала, нет необходимости решать этот вопрос. Правила ведения войны на суше, сформулированные в Конвенции, несомненно, являлись шагом вперед по сравнению с существовавшим во время ее принятия международным правом. Но Конвенция определенно устанавливает, что это была попытка «пересмотреть общие законы

и обычаи войны», которые она, таким образом, признавала существующими. Однако в 1939 году эти правила, изложенные в Конвенции, были признаны всеми цивилизованными народами и рассматривались как выражение законов и обычаев ведения войны, на которые имеется ссылка в статье 6 (b) Устава.

Утверждалось также, что Германия не была более связана правилами ведения войны на суше на многих территориях, оккупированных во время войны, потому что Германия полностью покорила эти страны и включила их в состав Германской империи; это обстоятельство якобы дало Германии право действовать в отношении этих оккупированных стран таким образом, как если бы они были частью Германии.... Эта доктрина никогда не рассматривалась как применимая до тех пор, пока существует действующая армия, которая пытается вернуть оккупированную страну ее настоящему владельцу, и поэтому в настоящем деле эта доктрина не может быть применена в отношении какой-либо из территорий, оккупированных после 1 сентября 1939 г. Что касается военных преступлений, совершенных в Богемии и Моравии, в качестве ответа достаточно будет сказать, что эти территории никогда не были присоединены к империи, но над ними был просто установлен протекторат...

Однако с самого начала войны в 1939 году военные преступления, которые также являлись преступлениями против человечности, совершались в широких масштабах, и хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений, — все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечности»[1].

...Нам следует кратко остановиться на том главном законе, на основании которого мы рассматриваем настоящее дело.

Закон № 10 Контрольного Совета, статья II, параграф 2, входит в состав той основной правовой нормы, из которой исходит настоящий Обвинительный акт. Убедительному изложению значения и смысла данного параграфа будет

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 403—405.— Составитель.

способствовать буквальное изложение здесь тех элементов этого параграфа, которые имеют непосредственное отношение к делу:

«...Любое лицо, независимо от его национальности и должности, которую оно занимало, считается совершившим преступление, как это определено в параграфе 1 данной статьи, в том случае, если оно было:

a) основным участником или

b) соучастником в совершении какого-либо из этих преступлений, отдавая приказ или подстрекая к преступлению;

c) давало согласие на участие в нем;

d) участвовало в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой совершение преступления;

e) состояло членом группы или организации, связанной с совершением любого из таких преступлений...».

...В самом начале мы разъясняем, что преступление, в котором виновны подсудимые, занимавшие одну из изложенных позиций по отношению к преступлению,— это любое преступление, определенное параграфом 1 статьи II. Доказательства должны подтвердить, что было совершено преступление, как оно определено статьей II, параграфом 1 Закона № 10 Контрольного Совета, т. е. преступление, относящееся к юрисдикции данного Трибунала, но, если это преступление было совершено любым из подсудимых или каким-то другим лицом, не являющимся одним из подсудимых, привлекаемых по данному делу, и любой из подсудимых подстрекал к совершению такого преступления, участвовал в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой его совершение, давал согласие на участие в нем или являлся членом организации или группы, связанной с совершением любого из таких преступлений, подпадающих под юрисдикцию настоящего Трибунала, он виновен в совершении этого преступления.

Международный Военный Трибунал дал два убедительных толкования слов «являлся участником», на которые мы ссылаемся.

В части приговора, касающейся виновности подсудимого Штрейхера, который был признан виновным в совершении преступлений против человечности, Международный Военный Трибунал отмечает:

«Подстрекательства Штрейхера к убийству и уничтожению в то время, когда евреи на Востоке умерщвлялись

самым ужасным образом, несомненно, являются преследованием по политическим и расовым мотивам в связи с совершением военных преступлений, как они определены Уставом, и являются, таким образом, преступлением против человечности»[1].

Весьма поучительным является также дело фон Шираха. Аншлюс Австрии произошел 12 марта 1938 г. Фон Ширах был назначен гаулейтером Вены в июле 1940 года. Фон Ширах признан виновным в совершении преступлений против человечности.

Международный Военный Трибунал подчеркивает:

«Как это явствует из сказанного выше, Австрия была оккупирована согласно общему плану агрессии. Ее оккупация, следовательно, представляет собой преступление, подлежащее юрисдикции Трибунала, как это определяется статьей 6 Устава. Поэтому «убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости» и «преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам» в связи с этой оккупацией представляют собой преступления против человечности в соответствии с этой статьей.

... Трибунал находит, что фон Ширах, хотя он не был инициатором политики высылки евреев из Вены, участвовал в этой высылке после того, как он стал гаулейтером Вены. Он знал, что самое большее, на что евреи могли надеяться, было жалкое существование в гетто на Востоке. Бюллетени, описывающие уничтожение евреев, имелись в его канцелярии»[2].

Из приведенного выше вытекает, что с учетом интерпретации слов «являлся участником», которую им дает Международный Военный Трибунал, для признания подсудимого виновным нет необходимости, чтобы между лицами, фактически совершившими преступление, и подсудимым существовала предварительная договоренность либо имела место просьба. Как представляется, достаточно, чтобы подсудимый знал, что совершается преступление, и, располагая такими сведениями, вступил по отношению к этому преступлению в любую из связей, изложенных в параграфе 2 статьи II, которую мы до сего времени обсуждали ...

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 465.— Составитель.
[2] Там же, стр. 483—485.— Составитель.

Мы указываем на то, что доказательства совершения убийств, порабощений, похищений людей и нанесения увечий ... — это правомочные доказательства, свидетельствующие о том, что ранее совершенные акты, которые превратили судебную систему в средство совершения таких преступлений, явились частью планов и мероприятий, направленных к тому, чтобы совершение этих преступлений стало возможным...

Как мы указывали, неизбежным результатом убийств сотен тысяч и миллионов людей является то, что эти массовые убийства притупляют осознание того факта, что основные элементарные принципы права, содержащие определение такого преступления, как убийство одного человека, обеспечивают норму, которая устанавливает вину лиц, убивших этих людей...

Во всяком случае в данном деле, рассматриваемом настоящим Трибуналом, мы будем просить суд принять к сведению то обстоятельство, что юристы, сидящие на скамье подсудимых, по самой природе своего юридического образования и своего опыта знали о следующем: принятие законов, специально разработанных в отношении представителей определенных рас, принятие законов и иных законодательных актов, прямо направленных к ограничению и упразднению права осуществлять полноценную защиту в уголовных делах, специальный подбор судей и контролирование их со стороны государства и партии, подчинение судов и прокуроров высшей власти полиции, соглашение до процесса между судьями и прокурорами о приговоре и наказании, которые будут вынесены, незаконное экстерриториальное распространение германских законов и издание приказа «Мрак и туман» в противоречие законам войны — все это с вероятностью могло причинить смерть человеческим существам, на которых распространялась такая извращенная судебная система. Сидящие перед нами подсудимые — не фермеры и не рабочие.

Если мы перейдем к третьей категории, а именно к категории убийств, являющихся следствием намерения совершить тяжкое преступление либо совершаемых при сопротивлении аресту, то здесь не будет неуместным указать, что те, кто причастен к плану незаконным образом расширить германское право и распространить германские суды на захваченные в нарушение законов ведения войны территории, либо дает согласие на этот план, либо подстрека-

ет к его осуществлению, совершают действия, которые приравниваются к краже с применением оружия или разбойному нападению...

Доказательства по настоящему делу покажут, что данные подсудимые без основания лишили жизни бесчисленное число людей в результате совершения ими указанных действий, что явно представляет собой совершение убийства при отягчающих обстоятельствах...

Далее, остановимся на других преступлениях, известных уголовным законам цивилизованных стран, таких, как порабощение, похищение людей или нанесение увечий, которые были совершены данными подсудимыми...

Преступления, инкриминируемые подсудимым в разделах втором и третьем, в общем распадаются на несколько категорий.

В основном здесь в первую очередь имеются в виду те военные преступления, которые вытекают из нарушения законов и обычаев войны, включая раздел I, статьи 4—7; раздел II, статью 23; раздел III, статьи 43, 45, 46 и 50 Гаагской Конвенции 1907 года; главу 6, раздел I, статьи 2—4 Конвенции о военнопленных (Женева, 1929 г.)...

Подсудимые, подпадая под одну или несколько категорий, предусмотренных параграфом 2 статьи II Закона № 10 Контрольного Совета, совершили многочисленные преступные акты, определение которым дано в статье II Закона № 10 Контрольного Совета.

В качестве первой основной категории эти преступления включают неправомерное распространение германского права и юрисдикции немецких судов на восточные территории и другие захваченные нацистами страны и на протекторат. Мы утверждаем, что каждое из указанных деяний не только явилось актом, совершенным данными подсудимыми в связи с агрессивной войной и в плане ее ведения, но эти действия осуществлялись ими по чисто политическим мотивам, которые не претендовали на то, что они основываются на военной необходимости; таким образом, данные действия были незаконными ipso facto (в силу самого факта — *Прим. перев.*) или malem per se (плохи сами по себе — *Прим. перев.*), поэтому каждое действие, предпринимавшееся впоследствии в результате такого неправомерного распространения права и деятельности судов, которое вменяется в вину каждому из подсудимых, несущих ответственность по статье II Закона № 10 Контрольно-

го Совета, подпадает под категорию тяжкого преступления...

Вторая основная категория преступлений включает деятельность подсудимых по связи с гестапо, ЗИПО, СС и другими полицейскими учреждениями, в ходе которой под прикрытием судебного процесса либо при прямом нарушении той скудной защиты, которая предлагалась личности по нацистскому праву, немцы и лица иных национальностей обращались в рабство и во многих случаях обрекались на явную и верную смерть в концентрационных лагерях или в тюрьмах, где не делалось даже вида, что они представляют собой не что иное, как концентрационные лагеря или человеческие бойни.

Третьей категорией преступлений являются дела, по которым в ходе фиктивных процессов в «народной судебной палате», в специальных судах, в чрезвычайных гражданских военно-полевых судах ряд сидящих перед нами подсудимых применяли предписываемые процедуры или следовали существующей практике, устанавливали санкции, которые вызывают негодование с точки зрения всеобщих норм человеческой морали, и выносили приговоры, основывающиеся только на субъективных выводах прокурора или судьи — такие дела мы приводим лишь в качестве примеров; эти действия заставляют нас прийти к правомерному выводу, что подсудимых, осуждавшихся в ходе таких «процессов», убивали или незаконно порабощали под видом отправления правосудия.

Суд сможет лучше понять перечисленные главные категории основных преступлений, если мы приведем нижеследующие примеры из представленных доказательств. Передаю слово г-ну Дугласу Кингу.

а. Убийства, совершенные в нарушение статей 43, 46 и других Гаагской Конвенции

Г-н Кинг: Распространение германского права и деятельности германских судов на оккупированные страны последовало как нечто само собой разумеющееся после того, как германские армии сделали свое дело. Декретами от 4 октября 1939 г. и 6 июня 1940 г. вводилась в Польше и на восточных территориях и распространялась на эти страны германская юрисдикция. Однако нацистский ум не мог вообразить себе, чтобы поляку была предоставлена

возможность апеллировать к германскому праву, чтобы он получил право в качестве истца привлечь немца к немецкому суду, чтобы он мог выступить по делу против немца или хотя бы через судебного пристава предъявить исполнительный лист.

Чтобы исправить эту «невыносимую» ситуацию, подсудимый Шлегельбергер разработал декрет, по положениям которого последние признаки права на защиту даже по германскому праву оказывались вне пределов досягаемости для поляков и евреев на восточных территориях. Этот декрет вступил в силу 4 декабря 1941 г., впоследствии время от времени по мере необходимости в него вносились исправления. Например, приблизительно годом позже декрету была придана обратная сила в отношении преступлений, совершенных до 4 декабря 1941 г. Полагаем, что суду будет интересно послушать, как сам Шлегельбергер определял основания для этого особого обращения с поляками и евреями на восточных территориях, и из его собственных уст узнать о целях, для осуществления которых данный декрет был принят. Письмо Шлегельбергера адресовано имперскому министру и начальнику имперской канцелярии Ламмерсу; в нем идет речь о проекте декрета, разработанного Шлегельбергером, — через несколько месяцев по приказу Гитлера этот декрет вступил в силу[1]...

Касаясь различных положений этого законодательного акта, Шлегельбергер говорит следующее:

«На данном этапе я соглашаюсь с мнением, которого придерживается заместитель фюрера по поводу того обстоятельства, что поляк мало чувствителен к отбыванию обычного тюремного заключения. Поэтому я принял административные меры, направленные на то, чтобы поляков и евреев отделяли от других заключенных и чтобы условия их содержания были более суровы...

Для отбывания наказания этих заключенных следует помещать в лагеря — вне стен тюрьмы — и использовать на каторжных и особо тяжелых каторжных работах. Даны также указания, предусматривающие применение особых дисциплинарных наказаний, а именно: помещение в камеру без света, перевод в другой тюремный лагерь с более суровым режимом и т. д...,

[1] Документ воспроизводится на стр. 153—154 — Составитель.

Поляк или еврей, приговоренный немецким судом, не должен в будущем получать право на то или иное средство правовой защиты против вынесенного им приговора. Им не следует предоставлять также право апелляции, они не должны иметь права просить о пересмотре дела. Все приговоры будут вступать в силу немедленно. В будущем полякам и евреям не будет далее разрешаться отводить немецких судей по мотивам предубеждения со стороны последних; им не будет также предоставляться возможность приносить присягу. Применение принудительных мер по отношению к полякам и евреям допускается по упрощенной процедуре...

В области уголовного процесса проект четко проводит различие между политическим статусом немцев, с одной стороны, и поляков и евреев — с другой...

Уголовный процесс, основывающийся на этом проекте, соответственно будет характеризоваться максимальной быстротой в сочетании с немедленным исполнением приговора и потому ни в коей мере не будет по уровню ниже суммарного судопроизводства.

Возможность применять в каждом соответствующем случае самые суровые санкции позволит лицам, осуществляющим правосудие, энергично сотрудничать в плане реализации политических целей фюрера на восточных территориях».

В дополнении к декрету от 3 декабря 1942 г. говорится, что ни один немецкий адвокат не должен брать на себя защиту поляков в судах на присоединенных восточных территориях. Фактически это лишало обвиняемых, привлекаемых к суду, возможности вообще иметь какую-либо защиту, так как польским адвокатам было запрещено заниматься юридической практикой. На то, что данное положение было благоприятно воспринято чиновниками министерства, указывает письмо президента оберландсгерихта в Кенигсберге имперскому министру юстиции, написанное вскоре после того, как это дополнение к декрету вступило в силу. Он пишет:

«В интересах Германии, чтобы защита поляков юристами-немцами запрещалась и в последующем...

Я не вижу причины, почему надо было бы снять или хотя бы изменить имеющееся в настоящее время запрещение на защиту поляков адвокатами. Напротив, это запрещение в принципе оказывать полякам юридическую по-

мощь со стороны адвокатов должно еще сильнее подчеркиваться и получать все большее распространение».

Стремясь отмести могущее возникнуть опасение, что запрещение немецким адвокатам принимать к защите дела поляков может привести к трудностям для них в плане конкуренции, судья пишет следующее:

«То опасение, что в будущем бывшие польские адвокаты смогут привлекаться поляками в качестве юридических консультантов и оказывать влияние на них[1], представляется мне необоснованным. В подведомственном мне районе присоединенных восточных территорий, где зарегистрировано всего три адвоката, хотя население составляет около миллиона, мы не наблюдаем, чтобы бывшие польские адвокаты занимались деятельностью, связанной с правовыми вопросами.

Разумеется, для суда намного легче, когда дело обвиняемого представляет им адвокат в удобном для рассмотрения виде и на немецком языке. Однако судья должен отказаться от этого удобства, когда стоит вопрос о столь важных для германского народа вещах».

Трибунал, безусловно, будет располагать возможностью изучить все эти документы, а также увидеть, сколь безжалостным образом претворялось в жизнь такое «специальное законодательство». Может быть, и излишне приводить здесь высказывание президента оберландсгерихта в Данциге, который суммирует «ситуацию» в своем районе за двухмесячный период 1942 года, после даты вступления в силу декрета от 4 декабря 1941 г. «За период, о котором я докладываю,— говорит он,— жалоб на слишком мягкие судебные решения не было».

Вскоре после вступления декрета в силу подсудимый Шлегельбергер имел беседу с генерал-губернатором[2] и разработал систему администрации с учетом положений декрета от 4 декабря 1941 г. Эта система: (1) предусматривала суммарные военно-полевые суды, (2) предоставляла генерал-губернатору исключительное право амнистии и (3) разрешала содержать гражданских лиц в виде заложников.

[1] Т. е. немецких адвокатов.— *Прим. перев.*

[2] Генерал-губернаторством гитлеровцы именовали оккупированную часть Польши, а генерал-губернатором гитлеровского наместника в Польше Ганса Франка.— Составитель.

Суммируя результаты этой беседы, Шлегельбергер заверяет генерал-губернатора, что «интересы государства станут лучше всего соблюдаться, если вопросы будут регулироваться в соответствии с положениями нашего единодушного соглашения».

Таким образом, становится ясным, что распространение германского права и германских судов на восточные территории, в особенности когда это имеет отношение к полякам и евреям, в конечном счете лишало их какой бы то ни было юридической защиты.

То, что говорилось ранее о роли высших чиновников министерства юстиции в распространении германского права и германской судебной системы на оккупированные территории, в равной степени относится и к Чехословакии, и в особенности к протекторату Богемии и Моравии. В определенном смысле в силу того обстоятельства, что Чехословакия была порабощена нацистами до войны, опыт этой страны послужил испытательным полигоном для мер, которые впоследствии были распространены на восточные территории и на другие оккупированные страны.

Декрет от 14 апреля 1939 г. и декреты от 2 ноября 1942 г. и 1 июля 1943 г., тексты которых в числе прочих документов будут представлены в качестве доказательства, показывают стремление нацистов ускорить распространение германской юрисдикции на Чехословакию и являются немыми свидетелями «законного» обоснования разбоев, вымогательств и зверств, сведения о которых уже потрясли мир. Обвинение покажет, что министерство юстиции не только было полностью осведомлено о том, что происходит в протекторате, но его «эксперты» играли ведущую роль в создании и управлении судебной системой в протекторате с самого начала и до конца войны; то же положение было и на восточных территориях.

По мере приведения доказательств мы увидим, что подсудимый Шлегельбергер активно участвовал в разработке ... «правового обоснования». Мы увидим, что подсудимый Лаутц занимался всеми, даже мельчайшими деталями деятельности «народных судебных палат», рассматривавших дела как чехословацких граждан в Праге, так и тех, которых отправляли для суда в Берлин; мы обратим внимание на то, что многих других подсудимых время от времени привлекали для оказания помощи с тем, чтобы довести функционирование судебной системы до максимальных

масштабов, которых требовала навязываемая чехословацкому народу национал-социалистская политика.

Отказывая гражданам оккупированных территорий в защите со стороны закона, подсудимые оказывались подстрекателями и организаторами убийств тысяч людей. Действия подсудимых представляли собой нарушения законов стран, где они совершались, и противоречили законам любого цивилизованного государства. Гаагская конвенция обязывала подсудимых при управлении оккупированной территорией уважать «честь и права семьи». Эти обязательства подсудимые игнорировали, и, таким образом, они попали в категорию преступников по обычному праву.

b. Приказ «Мрак и туман»

7 декабря 1941 г. во исполнение распоряжения Гитлера и Кейтеля был издан так называемый приказ «Мрак и туман». Пожалуй, никогда в мировой истории мы не встречали более извращенной и дьявольской программы запугивания и подавления, чем этот приказ. Его положения предусматривали, что в случае продолжения сопротивления со стороны жителей ряда оккупированных стран лица, подозреваемые в неповиновении, должны тайно увозиться так, чтобы никто не мог знать об их местонахождении или последующей судьбе. Этих людей судили на оккупированных территориях лишь в случаях, когда представлялось вероятным, что смертный приговор будет вынесен быстро и быстро же приведен в исполнение. Остальных должны были отправлять в Германию с тем, чтобы там их судили специальные суды. Независимо от того, выносился ли заключенным смертный приговор, приговаривались ли они к тюремному заключению на определенный срок или «оправдывались», надлежало соблюдать первейшую и важнейшую цель — хранить судьбы арестованных в полнейшей тайне от их семьи и друзей. Ясно, таким образом, что название «Мрак и туман» было выбрано правильно, так как теоретически и практически жертвы исчезали во мраке ночи и о них больше никто никогда не слышал.

В приговоре Международного Военного Трибунала сказано:

«Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и тер-

рора. ... После того как этих гражданских лиц привозили в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании суда; их семьям не сообщали об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которые руководили Гитлером при издании этого приказа:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо смертными казнями[1], либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию»[2].

Подготовка к осуществлению этого приказа по линии вермахта была поручена генералу Леману из юридического отдела ОКВ[3]. В целях выяснить, сможет ли и захочет ли министерство юстиции осуществлять суд над захваченными людьми, доставляемыми в Германию из оккупированных стран, Леман беседовал с различными сотрудниками этого министерства. Более чем интересно обратить внимание на подписанное Леманом сообщение о том, что, по его мнению, подсудимый Шлегельбергер является на данном этапе чиновником министерства юстиции, который имеет право согласиться на проведение процессов по этим делам.

Общее число жертв приказа «Мрак и туман», возможно, никогда не станет известным. Мы знаем, однако, что по состоянию на 1 ноября 1943 г. вермахт доставил более 5200 заключенных по приказу «Мрак и туман» для рассмотрения их дел различными судами, которые выделило министерство юстиции для этой цели по всей Германии.

[1] В русском тексте приговора сказано: «суровым наказанием».— *Прим. перев.*

[2] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 379—380.— Составитель.

[3] Как было установлено Трибуналом, Кейтель подписал преступный приказ «Мрак и туман» после совещания с Леманом и генералом Вальтером Варлимонтом, бывшим в то время заместителем начальника штаба оперативного руководства вооруженными силами. О Лемане и Варлимонте см. «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 9—10. — Составитель.

Первоначально для рассмотрения дел по приказу «Мрак и туман» было выделено четыре специальных суда. Специальный суд в Киле был выделен для рассмотрения дел лиц, доставленных из Норвегии; специальный суд в Кельне — для рассмотрения дел на доставленных из Франции; специальный суд в Эссене — для рассмотрения дел на доставленных из Бельгии; специальный суд в Берлине — для рассмотрения дел особого характера. На последующих стадиях организации программы «Мрак и туман» ввиду эффективности бомбардировок, осуществлявшихся союзниками, возникла необходимость перенести местоположение некоторых из этих судов; в основном это касалось перевода суда из Кельна в Бреслау.

Когда мы сегодня перечисляем по списку сидящих перед нами подсудимых, которые играли значительную роль в осуществлении министерством юстиции программы «Мрак и туман» и были в основном ответственны за это, мы в первую очередь находим в этом списке имена Шлегельбергера, фон Аммона, Меттгенберга, Лаутца, Энгерта и Иоэля, а также имена людей, которые играли менее заметную роль. Если бы нам предстояло выбрать одного из них, который больше других должен был знать о преступной природе программы «Мрак и туман», то таким человеком, вполне вероятно, мог бы оказаться подсудимый фон Аммон, являвшийся специалистом министерства юстиции по международному праву. Имя фон Аммона вместе с именем Меттгенберга вновь и вновь встречается в числе тех, кто первым договаривался с ОКВ по правовым вопросам, связанным с осуществлением программы «Мрак и туман».

Имперский министр юстиции в письме, адресованном государственному обвинителю, которому было поручено заниматься делами «Мрак и туман», подробно излагал те меры, которые надлежало принять, чтобы обеспечить полную секретность процессов. На этом письме, которое подробно цитируется ниже, имеется среди других передаточная надпись фон Аммона:

«По вопросу об уголовной процедуре в отношении наказуемых актов, направленных против рейха или против оккупационных войск на оккупированных территориях, я прошу соблюдать нижеследующие указания с целью не ставить под угрозу необходимую абсолютную секретность процедуры, в особенности в связи со смертными при-

говорами и иными случаями смерти среди заключенных»[1]...

Мы здесь не ставим себе цель описать все ужасные подробности того, как проводилась в жизнь программа «Мрак и туман», которая стала для этих подсудимых повседневной работой. Как увидит уважаемый суд, эти люди систематически исполняли и совершенствовали систему секретности приказа в его первоначальном варианте и даже добавили к нему впоследствии невероятно тяжелые и бесчеловечные положения. Возьмем одно из них. Если вермахт по ошибке арестовывал в оккупированных странах людей, которые были явно невиновны в оказании какого-либо сопротивления нацистам, с этими жертвами в целях соблюдения секретности программы следовало обращаться таким же образом, как и с осужденными... Никогда семья и друзья осужденных или невиновных не могли узнать об их судьбе. В ходе тех процедур перед специальными судами, которые выдавались за судебные процессы, ни одному из подсудимых ни разу не было разрешено представить в качестве обоснования своей невиновности доказательства из своей страны и ни в одном из дел подсудимым не было разрешено выбирать себе другого адвоката помимо назначенного ему судом.

И здесь подсудимые грубо нарушали зафиксированные Гаагской Конвенцией права граждан стран, оккупированных германскими вооруженными силами, — права чести, семьи, жизни людей и права быть судимыми по законам своей страны.

с. Незаконный перевод заключенных из тюрем в концентрационные лагеря

Г-н Вулейхен: Вторую группу преступлений, о которой мы упоминали выше, характеризует проводившаяся министерством юстиции в тесном сотрудничестве с гестапо и СД политика истребления, осуществлявшаяся путем рассчитанного отказа от какого-либо судебного процесса. К 1939 году в ходе инспекций тюрем рейха, проводившихся минис-

[1] Текст письма приводится в приговоре (ст. 196, 201). — Составитель.

терством юстиции, было установлено, что большое число политических заключенных, находившихся в превентивном заключении, делали оплачиваемую работу, не имеющую отношения к мерам по перевооружению... По приказу Гитлера этих заключенных перевели из тюрем в концентрационные лагеря, что преследовало двойную цель: их работа становилась неоплачиваемой и могла больше использоваться для нужд вооружения. Таким образом было положено начало программе, которая со временем должна была практически ликвидировать какие-либо различия между судьбами тех жертв, которых проводили через процедуру, выдававшуюся за судебный процесс, и тех, которых полиция бросала в концентрационные лагеря без какого-либо слушания дела ...

Вот что говорит по этому поводу подсудимый Энгерт:

«В 1940 или 1941 году я написал Гиммлеру, предлагая ему взять меня в гестапо. Моя идея заключалась в том, чтобы войти в более тесный контакт с гестапо, лучше познакомиться с его деятельностью и затем добиться более близких взаимоотношений между гестапо и «народной судебной палатой»... Я хотел также принять меры к предупреждению того, чтобы в «народную судебную палату» не попадали малозначительные дела — с такими делами могло лучше справиться гестапо путем направления заключенных на короткие сроки в концентрационные лагеря».

Примерно в то же время, когда Энгерт, занимавший тогда пост вице-президента «народной судебной палаты», обратился к Гиммлеру с этим официальным предложением, он начал официально выражать недовольство тем, что «народная судебная палата» рассматривает мелкие политические дела, ибо это несовместимо с ее авторитетом, достоинством и задачами. Энгерт высказывал мнение, что такие дела будут решаться быстрее и эффективнее, если виновных будут отправлять в концентрационные лагеря. Тирак, являвшийся в то время президентом «народной судебной палаты», усердно поддержал позицию Энгерта и в 1940 году обратился к министру юстиции с письмом, в котором писал, в частности, следующее:

«Сколь бы справедлив ни был тезис о необходимости сурово истреблять и искоренять все семена мятежа, какие мы наблюдаем, например, в Богемии и Моравии, неправильно, когда каждому последователю мятежников, даже самому мелкому, оказывается честь — его привлекают для

рассмотрения его дела и для суда за государственную измену в «народной судебной палате», или, если это невозможно, перед оберландсгерихтом. Для того чтобы разрешить эти мелкие и даже мельчайшие дела, виновным наверняка надо показать, что Германия не намерена терпеть их поведения и в соответствии с этим примет меры. Это можно сделать иным и, по моему мнению, более успешным путем, не прибегая к трудоемким, а также очень дорогим и громоздким каналам судебного процесса. Поэтому у меня нет абсолютно никаких возражений, если мелким приспешникам, как-то связанным с планами государственной измены, которые готовились, подстрекались и разрабатывались другими людьми, мы вправим мозги, заключив их на время в концентрационный лагерь».

Эти мнения и пожелания Энгерта и Тирака были с воодушевлением и сочувствием встречены в гестапо и СС; в результате между данными организациями и министерством юстиции были достигнуты рабочие соглашения, по которым такие незаконные переводы в концентрационные лагеря можно было осуществлять, не затрагивая сферы закона. Международный Военный Трибунал в своем приговоре отмечает:

«18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции, по которому все антиобщественные элементы, отбывшие срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в распоряжение СС для умерщвления их непосильным трудом»[1].

Заметим, что это соглашение вышло далеко за пределы первоначальных идей Энгерта и Тирака, касавшихся ускорения решений по мелким политическим делам и эксплуатации труда заключенных. Достигнутое соглашение включало в себя идеи истребления так называемых «асоциальных элементов», т. е. людей, которых по расовым, политическим соображениям или по данным их личности не следовало оставлять в живых. Через месяц после того, как это соглашение было разработано и стало применяться на практике, его еще далее расширили и оно стало распространяться не только на те «асоциальные» элементы, которые отбыли срок своего тюремного заключения, но также

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 424.— Составитель.

на всех евреев, цыган, русских и украинцев, которые содержались под арестом или отбывали заключение в любой тюрьме или любом работном доме рейха, равно как и на всех поляков, которые были приговорены к отбыванию наказания сроком более трех лет.

Учитывая то, что первоначально ставилась задача буквально довести этих людей до смерти непосильным трудом после того, как они будут доставлены в концентрационный лагерь, такое расширенное незаконное соглашение фактически делало любой судебный приговор, выносимый за любое преступление, равносильным смертному приговору.

В некоторых случаях смерть, ожидающая этих несчастных, не заставляла себя долго ждать ...

Продолжая действовать в обход любого существующего закона, приказа или распоряжения, та же клика судебных чиновников, СС и гестапо распространяли политику истребления на оккупированные территории. В ноябре 1942 года службы СС и СД в оккупированных восточных территориях были проинструктированы о том, что Рейхсфюрер СС заключил соглашение с министром юстиции Тираком о том, что суды будут воздерживаться от ведения обычных судебных процессов против поляков и представителей восточных народов. Эти люди иностранного происхождения отныне будут передаваться полиции. С евреями и цыганами следует обращаться аналогичным образом. Это соглашение одобрено фюрером.

Такое инструктирование органов СС и СД на Востоке продолжается:

«Указанные соображения, которые могут быть справедливы, когда речь идет о наказании за правонарушение, совершенное немцем, неправильны, когда речь идет о наказании за преступление, совершенное лицом иностранного происхождения. Личные мотивы правонарушителя не следует абсолютно принимать во внимание. Важным является только то, что совершенное правонарушение ставит под угрозу порядок в немецком населенном пункте и что поэтому следует принять меры, чтобы предотвратить в будущем возникновение такой опасности. Иными словами, за преступление, совершенное лицом иностранного происхождения, не следует судить с позиции правового возмездия путем правосудия, а нужно судить с позиции предупреждения опасности путем принятия полицейских мер. Из этого следует, что уголовная процедура в отношении

лиц иностранного происхождения должна быть изъята у судов и передана полиции».

После того как евреи, поляки, цыгане, украинцы и другие... лица на всех оккупированных восточных территориях были направлены на тщательно подготовленную смерть, тот же отвратительный альянс обратил свое внимание на рейх и протекторат Богемии и Моравии. Здесь был принят позорный декрет от 1 июля 1943 г., подписанный также Тираком; этим декретом пост-фактум «легализировались» все описанные выше извращения судебного процесса: всем евреям официально отказывалось в праве обращаться в уголовные суды, каждый еврей, обвиняемый в «преступном действии», — это понятие определения не получило — передавался в руки полиции...

Следующая статья этого закона предписывала конфисковывать в пользу рейха имущество еврея после его смерти.

Этот декрет завершил абсолютное лишение всех прав и экспроприацию имущества для тех евреев в «третьем рейхе», в Богемии и Моравии, которые к указанному времени не были высланы или убиты.

Заключенные в тюрьмах, которые не были переведены в концентрационные лагеря в соответствии с описанной выше программой, едва ли чувствовали себя лучше, находясь в имперских тюрьмах и пользуясь «гостеприимством» министра юстиции. Подсудимый Иоэль заключил рабочее соглашение с заместителем Гиммлера о передаче в СС для расстрела тех подсудимых, которым, по мнению Гитлера, суды вынесли недостаточные приговоры (Гитлер просматривал материалы о судебных процессах). Ряд диаграмм, отражающих расстрелы таких подсудимых, многие из которых были приговорены лишь к незначительным наказаниям, свидетельствуют о ревностной деятельности Иоэля в этом плане. Шлегельбергер также усердно фабриковал то, что выдавалось за «правовые обоснования» расстрелов заключенных, содержавшихся в тюрьмах по приговорам к незначительным срокам наказания.

d. «Судебные убийства» в нарушение международного права

Жертвы «народных судебных палат», специальных судов и гражданских военно-полевых судов «уничтожались по суду» усилиями ряда сидящих перед нами подсудимых,

которые использовали различные искусственные приемы, причем все эти приемы имели явный общий признак — ревностное стремление истребить за совершение таких действий, которые общество цивилизованных наций не считает даже незначительными правонарушениями.

Одним из таких часто применявшихся искусственных приемов являлось субъективное принятие судьями и обвинителями доказательств по самым основным вопросам, которые передавались на рассмотрение суда. Например: принудительно доставленные нацистами рабочие из оккупированных территорий, занятые в пределах рейха на различных работах, связанных с военной промышленностью, все чаще пытались бежать через границы рейха к себе на родину или в другие места. Когда таких людей, пытавшихся бежать, задерживала пограничная охрана, их, как правило, предавали суду «народной судебной палаты» за подготовку государственной измены, за которую в обязательном порядке выносился приговор к смертной казни. В соответствующем разделе германского уголовного кодекса государственная измена, о которой идет речь, определялась как «попытка включить с помощью насилия или угрозы насилием германскую территорию целиком или частично в иностранное государство или отторгнуть от рейха территорию, принадлежащую рейху». Сколь невероятным это ни кажется, рабочим, пытавшимся бежать, предъявляли обвинение именно по этой статье.

Пытаясь схватиться за какую-то «юридическую соломинку», с помощью которой можно было бы обосновать осуждение по указанным мотивам, суды стали исходить из надуманного положения, что такие беглецы стремились попасть в Швейцарию или в другое место в зависимости от того, где их задерживали, с намерением присоединиться к какому-нибудь воинскому соединению, враждебному рейху. Имперские прокуроры были заодно с судьями и также исходили из этого положения. Вальтер Брем, бывший помощник главного имперского обвинителя при «народной судебной палате», следующим образом описывает эту ситуацию:

«Большая часть этих дел касалась иностранных рабочих, которые хотели найти работу в Швейцарии, так как в рейхе им платили недостаточно и они получали слишком мало продуктов. Обвинение же утверждало, что в Швейцарии базировались иностранные легионы и что каждый

иностранный рабочий, желавший незаконно перейти границу, делал это в целях вступить в один из таких легионов. Прокурор «народной судебной палаты» приказал мне найти пути для того, чтобы показать причастность этих рабочих к иностранным легионам. Мне ни разу не удалось получить положительных данных по данному поводу ... Доказательств о совершении актов государственной измены в отношении конкретных лиц добыть не удалось; однако обвинение основывало свои аргументы на том предположении, что такие иностранные рабочие стали бы вести себя враждебно по отношению к Германии, если бы им была предоставлена такая возможность».

Подобная концепция была приемлема для судей «народной судебной палаты». 12 августа 1942 г. трое подсудимых-поляков — Мазур, Кубиц и Новаковский — после предъявления им обвинительного акта за подписью подсудимого Лаутца были приговорены «народной судебной палатой» к смертной казни за подготовку государственной измены и попытку с помощью силы отторгнуть часть рейха. Эти люди покинули в Тюрингии предприятие, на котором работали, и проследовали до швейцарской границы, где их задержали швейцарские должностные лица и возвратили в рейх. В качестве причины, объясняющей побег, подсудимые ссылались на тяжелые условия работы, которые они вынуждены были терпеть ... Мазур показал, что работа в каменоломне, которую ему приходилось выполнять, была столь тяжела, что он боялся не пережить зиму. Подсудимые заявили, что они надеялись найти лучшие условия работы в Швейцарии. Они отрицали, что им было что-либо известно о существовании в Швейцарии Польского легиона. Обвинение не представило никаких доказательств, которые могли бы каким-то образом поставить эти показания под сомнение.

Тем не менее «народная судебная палата» в приговоре указала, что заявления подсудимых представляют собой простые отговорки, что существование в Швейцарии Польского легиона является «общеизвестным фактом» и что подсудимые намеревались вступить в данный легион. Это предположение суда было подкреплено врачебным документом, удостоверяющим, что у всех троих подсудимых превосходное здоровье и что они могут нести службу в армии. В результате этого суд «пришел к убеждению», что подсудимые обсуждали судьбы Польши и ее народа со свои-

ми соседями по лагерю в бараках предприятия и решили вступить в Польский легион в Швейцарии ... Суд указал также, что, как ему известно, в прошлом польские рабочие неоднократно убегали в Швейцарию, где их набирали в Польский легион; цитируем выдержку из приговора суда по делу польских рабочих:

«Указанные обстоятельства вынуждают суд прийти к выводу, что подсудимые намеревались вступить в Польский легион в Швейцарии».

Когда речь заходила об устных высказываниях, которые относились к категории «мятежных» или «вредных» для «оборонной мощи германского народа», приговоры «народной судебной палаты» были не только возмутительно неоправданными, более того, судейский произвол достигал в них высшей точки. Австрийский водитель такси Рудольф Коциан после предъявления ему обвинительного акта, подписанного Лаутцем, был 26 июня 1944 г. приговорен к смертной казни за то, что позволил себе ряд критических высказываний по поводу Гитлера и хода войны. Во время разговора с пассажиркой, которую он вез и которая позднее донесла на него в гестапо, он сказал приблизительно следующее:

«Для нас, венцев, безразлично, от кого мы получаем свой хлеб — будь то Сталин, Черчилль или Гитлер. Для нас важно то, чтобы мы имели возможность жить. Когда я ссорюсь с кем-либо и вижу, что не могу больше продолжать ссору, я останавливаюсь и не продолжаю драку, пока все будет разрушено. Фюрер в своей речи сказал, что он уничтожит нас всех. Фюрер сказал, что эта война будет продолжаться до тех пор, пока одна сторона не будет уничтожена. Любому ребенку понятно, что именно мы являемся той стороной, если фюрер до этого не возьмется за ум и не предложит противнику мира».

Суд признал подсудимого виновным в попытке в такой степени подорвать германский моральный дух, что на него был распространен чрезвычайный декрет, допускающий применение смертной казни «за подрыв германской оборонной мощи».

Приведенное выше дело австрийца — водителя такси, жителя страны, захваченной нацистами в результате агрессивной войны, можно противопоставить делу г-жи фон Бринкен, немки-нацистки, которой в августе 1944 года было предъявлено обвинение в связи с аналогичным высказы-

ванием в разговоре с друзьями на пляже. Когда мужчина, взявший ей напрокат пляжное кресло, рассердился из-за того, как небрежно она с этим креслом обращается, г-жа фон Бринкен якобы заявила: «Ну, не беспокойтесь, в будущем году в этих креслах будут сидеть русские комиссары». Бринкен высказывала также своим соседям возмущение по поводу того, что ее 17-летнюю дочь только что мобилизовали на работу в деревню; она заявила: «Фермерам это пользы не принесет; им только прибавится работы и беспокойства, так как девочка ничего не умеет делать, кроме того, что есть». Благодаря вмешательству мужа обвиняемой, полковника, и друга семьи, генерала СС, ее освободили, сделав предупреждение. Такую дискриминацию со стороны судей в игре, где ставкой была смерть, подсудимый Петерсен, постоянный заседатель «народной судебной палаты» с 1941 года и до окончания войны, объясняет следующим образом:

«Приговоры «народной судебной палаты» можно понять лишь с учетом цели, лежавшей в основе применявшихся санкций. Эта цель не имела в виду вынесение наказания в соответствии с «буржуазными» концепциями преступления и наказания, а, скорее, имеет в виду ликвидацию оппозиции, которая могла бы нанести ущерб выполнению Германией ее задач ...

Таков был наш долг. Поэтому, когда перед «народной судебной палатой» представал подсудимый, обвинявшийся в совершении какого-нибудь действия либо в том или ином высказывании, вопрос о том, что в действительности он совершил, не представлял особого значения при определении ему наказания. Важным вопросом было то, нужно ли истребить этого человека, изъять его как «врага государства», учитывая его личные позиции и его общественные или антиобщественные тенденции».

Хитроумное развитие «наказания по аналогии», о котором мы выше упоминали в общих чертах, было на практике столь же тиранической процедурой, какой оно представляется в теории. Примеры этой практики в действии отвратительны, имя им — легион. Делом, заслужившим особенно печальную известность в этом плане, является дело Лемана Катценбергера, 68-летнего старика, являвшегося ранее президентом Нюрнбергской еврейской общины. Катценбергер был предан суду ландсгерихта в Нюрнберге за так называемое «осквернение расы» — его обвинили в ин-

тимных отношениях с арийкой Иреной Зейлер. Полиция отчаянно и безуспешно пыталась добыть необходимые доказательства, но Катценбергер и Зейлер являлись хорошо известными людьми, пользующимися уважением в своей среде, и под присягой отрицали, что между ними была какая-либо незаконная связь. Свидетелей инкриминируемого обвиняемому деяния не было, не имелось также других доказательств. Так как оправдать Катценбергера было немыслимо, в особенности в Нюрнберге, являвшемся оплотом гонителя евреев Штрейхера, — последний в своей газете «Дер штюрмер» широко освещал это дело, — поэтому дело Катценбергера было передано в специальный суд в Нюрнберге, где его судили как «врага государства», приговорили к смерти и казнили. Зейлер была привлечена к ответственности за ложные показания под присягой, ее сделали сообвиняемой по делу Катценбергера; исполнение вынесенного ей приговора к двум годам тюремного заключения было впоследствии приостановлено ...[1].

Еще один пример из доказательств обвинения послужит тому, чтобы показать, как гарантия от повторного привлечения к суду по тому же делу, являющаяся краеугольным камнем уголовного судопроизводства во всем мире, была отменена и использовалась для убийств граждан в оккупированных странах.

Нюрнбергский специальный суд, который возглавляли подсудимые Ротхауг и Ёши, обратился к этому дьявольскому приему в деле Яна Лопата, польского юноши, который во время войны был привезен в качестве рабочего на немецкую ферму. В 1940 году амтсгерихт вНоймаркте приговорил его к двум годам тюремного заключения за нападение, сопряженное с совершением непристойных действий, на жену своего работодателя. Прокурор опротестовал этот приговор, так как он слишком мягок, и дело пересматривалось имперским верховным судом. В результате оно было передано в Нюрнбергский специальный суд для нового разбирательства. В приговоре этого суда, осудившего Лопата к смертной казни, председательствующий (подсудимый Ротхауг) писал:

«Общая неполноценность обвиняемого заключается в

[1] Дело и представленные доказательства подробно изложены в приговоре. — Составитель.

его характере и с очевидностью проистекает от того, что он принадлежит к польской расе недочеловеков».

С учетом декретов, допускающих возможность признания приговоров по уголовным делам недействительными и пересмотр их по воле прокурора, подсудимые лишались какой бы то ни было гарантии того, что в конечном счете их судьбой не явится приговор к смерти. Чиновники министерства юстиции присоединились к указанному использованию возможности дважды привлекать к ответственности за одно и то же преступление. Например, по делу одного обвиняемого, не являвшегося немцем, подсудимый Клемм 5 июля 1944 г. обратился с письмом к президенту и главному прокурору Штутгартского оберландсгерихта, где содержались нижеследующие инструкции:

«Уже в течение некоторого времени деятельность уголовного сената оберландсгерихта в Штутгарте давала мне основания для серьезного беспокойства в связи с делами о пораженческих настроениях. Приговоры по большинству дел считаются слишком мягкими... и находятся в несовместимой диспропорции с приговорами, которые по аналогичным делам выносят «народная судебная палата», а также оберландсгерихты. Я особо имею в виду нижеследующие приговоры, которые в недавнее время обратили на себя мое внимание: уголовное дело против Фридриха Линдера, приговор вынесен вторым уголовным сенатом 7 января 1944 г. (президент сената доктор Кифер) ... 28 апреля 1944 г. Вы составили доклад по этому делу касательно вынесенного по нему приговора. Ввиду опасности высказываний подсудимого и учитывая, что он делал эти высказывания часто, я должен настаивать на толковании, которое уже нашло выражение в моем приказе от 15 марта 1944 г., номер IV, секретно 1 5045В/44, по поводу того, что подсудимый, иностранец, заслуживает сурового приговора к каторжным работам. Учитывая сказанное, я направил материалы дела главному имперскому обвинителю при «народной судебной палате» с тем, чтобы он изучил вопрос, не следует ли по этому делу применить протест прокурора ...».

Формально протест о признании приговора недействительным мог ... привести как ко благу подсудимого, так и к ущербу для него; однако эта вероятность на практике оказывалась иллюзорной. Доктор Иозеф Груб, бывший судья Нюрнбергского оберландсгерихта, говорит:

«Было очевидно, что министерство юстиции допускало

протест прокурора о признании приговора недействительным лишь в случаях, когда это было неблагоприятно для обвиняемого. Во всяком случае дела, когда министерство юстиции отдавало распоряжение о подаче протеста о признании приговора недействительным в ущерб интересам обвиняемого, оказывались гораздо более многочисленными, чем дела, где по собственной инициативе министерства выдвигалось требование о предъявлении ходатайства признать приговор недействительным в пользу обвиняемого... Указанная процедура оказывалась в основном средством, применявшимся государством для отмены приговоров, которые представлялись недостаточно суровыми в свете политических воззрений того времени».

Наводит ужас то описание фактических масштабов, до которых в последние годы «третьего рейха» доходило использование повторного привлечения к ответственности за то же преступление. Это описание исходит от подсудимого Небелунга:

«Если главный имперский обвинитель доктор Лаутц был недоволен приговором, он мог подать протест о признании приговора недействительным. По моему мнению, эта мера являлась главным образом результатом приказов имперского министра Тирака. После 1943 года представление таких протестов участилось. Все дела, по которым обвинителями подавались протесты о признании приговора недействительным, вновь рассматривались особым сенатом «народной судебной палаты». Этот особый сенат занимался исключительно рассмотрением таких протестов. Из всех сенатов «народной судебной палаты» этот сенат выносил наибольший процент смертных приговоров. По данным статистики, которые я сам видел, 70 процентов всех приговоров, выносившихся особым сенатом в течение 1944 года, были приговорами к смертной казни».

Цитируя приведенные выше выдержки из протоколов конкретных дел, а также высказывания немецких юристов, комментировавших эти дела, обвинение стремилось более показать тип военных преступлений и преступлений против человечности, которые были совершены данными подсудимыми, а не конкретизировать эти преступления. Чтобы привести примеры «судебных убийств» и извращений законности, в которых обвиняются данные подсудимые, подробное изложение не нужно; это будет полностью раскрыто при представлении доказательств...

e. Соображения о доказательствах

Г-н Ли Фоллет: Теперь мы хотели бы обсудить некоторые вопросы теории доказательств, руководствуясь которой мы будем представлять доказательства. По нашему мнению, этим мы ускорим процесс по настоящему делу, поможем суду и проявим должную справедливость по отношению к адвокатам подсудимых.

Закон № 10, являющийся законодательным актом, сформулированным союзными державами, есть именно тот акт, на основании которого возник настоящий суд; он содержит ряд положений, непосредственно относящихся к рассматриваемому судом вопросу; что же касается приказа № 7, то он по необходимости освещает проблему с большей полнотой. Если взять эти документы вместе, то нужно сказать, что они в достаточной степени освещают вопрос о нормах, определяющих относимость и допустимость доказательств, и разумно ослабляют обязательные правила, определяющие представление доказательств, учитывая, что речь идет о стране, которая была не только физически разрушена — правительство этой страны распалось и она испытала последствия деморализации, которые явились следствием поражения порочной идеологии, проникшей в сознание слишком большого числа людей.

Однако определение относимости доказательств и значимости их для дела — соотношение первичных фактов с конечным фактом (т. е. с фактом, установленным на основе выводов из имеющихся доказательств) — связано с процессом мышления, с методом установления конечного факта с помощью логических процессов, основываясь на объективном доказывании.

Нормы этого последнего плана находятся в пределах сознания и совести человека. Поэтому на них не влияют внешние соображения, оправдывающие смягчение правил, которые регулируют представление доказательств. Такие нормы не должны смягчаться, и они не смягчались. Мы поддерживаем решение сохранить эти нормы и приветствуем возможность работать с соблюдением этих норм.

Статья II, параграфы 4 (a) и (b), Закона № 10 по существу является тем же, что и соответственно статьи 7 и 8 Устава, хотя для выражения одного и того же содержания применялись несколько различные формулировки.

Указанные параграфы статьи II Закона № 10 гласят:

«4. а) Официальное положение любого лица независимо от того, было ли оно главой государства или руководящим чиновником в правительственных департаментах, не освобождает его от ответственности за преступления и не дает основания для смягчения ему наказания.

b) Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания».

Параграф 4 (а) является обоснованным правилом и распространяется на большинство, если не на всех сидящих перед нами подсудимых. Параграф 4 (b) также является обоснованным. Обратим, однако, внимание на то, что эти подсудимые являются юристами, которым в основном вменяется в вину извращение системы правосудия в определенных целях, так что она согласно международному праву превратилась в орудие совершения преступлений. Так как приведенный параграф Закона № 10 дает подсудимым право представлять доказательства, смягчающие их вину, и просить на основании этих доказательств смягчения наказания, обвинение чувствует себя вправе ответить на это двумя аргументами. Во-первых, юрист обладает специальными познаниями о том, какое влияние, извращающее правосудие, имеют не только действия, совершенные им самим, но и действия других лиц, о которых он был осведомлен,— здесь мы имеем в виду осведомленность о конечном факте. Во-вторых, юрист, на которого самое его призвание накладывает священный долг, должен по необходимости представить действительно веские доказательства, чтобы наказание за проституирование этого долга было ему смягчено.

Обвинение представит доказательства по данному вопросу, и на основании этих доказательств будет познан конечный факт; обвинение представит также доказательства, которые покажут, что аргументы в пользу смягчения наказания являются нереальными и лицемерными.

По вопросу относимости доказательств и значимости их для дела обвинение представит доказательства о других действиях данных подсудимых, а также о действиях иных лиц, на основании которых может быть сделан вывод, что подсудимые были осведомлены об этих действиях как о конечном факте... Мы убеждены, что эти доказательства являются относимыми и существенно-важными для дела, по-

этому они допустимы в соответствии с принятыми доказательственными правилами...

Доказательства преступных деяний, включая другие преступления, совершенные не только данными подсудимыми, но и иными лицами, являются допустимыми и должны быть представлены, чтобы показать осведомленность, преднамеренность и умысел. Эти доказательства являются относимыми также касательно мотива преступления. Учитывая природу преступлений, инкриминируемых настоящим Обвинительным актом, каждый из перечисленных выше элементов — осведомленность, умысел, преднамеренность и мотив — представляет собой существенно-важный конечный элемент или составную часть этих преступлений. Поэтому правила, допускающие такие доказательства, представляют интерес для настоящего Трибунала...

Мы будем представлять рассматриваемую нами категорию доказательств сначала в отношении осведомленности.

Обвинение утверждает, что ...подсудимые были полностью осведомлены о природе этого смертоносного оружия — о юридической системе, которая преднамеренно была превращена в топор в руках того, кто стоял у власти. Фактически большинство подсудимых прямо и активно принимали участие в формировании этой судебной системы. Вследствие этого по каждой из категорий убийств по материальному праву, которые мы до сего времени освещали, и в особенности по второй категории, доказывание предшествующих актов, включая преступления данных подсудимых, а также преступления других лиц, о которых подсудимые были осведомлены, является явно относящимся к делу.

Тот же тип доказательств будет представляться и по следующему правилу, касающемуся умысла...

Правило об умысле, сформулированное в общем виде, т. е. не в отношении конкретного лица, а анонимно, разрешает представление доказательств в отношении аналогичных преступлений или преступлений, совершенных другими лицами...

Настоящему трибуналу предстоит решить, является ли так называемое «судебное убийство» истинно судебным решением или ядом, который был подан подсудимому в замаскированной чаше, имевшей внешние признаки судейской чистоты? Когда мы представим бесчисленные случаи таких актов, можно ли поверить подсудимому, утверждаю-

щему, будто он не знал, что его чудовищная чаша смертоносна, или признать, что он умышленно делал ее такой.

По аналогичным причинам применим элемент преднамеренности или систематичности...

И, наконец, имевшие место ранее акты насилия, включая преступления, являются доказательством мотива, равно как и преднамеренности...

Разумеется, когда мы будем обращать внимание суда на столь многочисленные случаи смерти поляков и евреев, ни один из данных подсудимых не будет столь безрассуден, чтобы сказать, что мы не можем представить доказательств их собственных прежних высказываний, так же как и высказываний других людей, о которых они были осведомлены, как о явно вытекающем конечном факте, высказываний, где содержались требования о смерти поляков и евреев, а также требование все больше и больше торопиться, чтобы превратить нацистскую судебную систему в топор в руках того, кто стоит у власти, в целях доказать мотив, которым они руководствовались при убийствах поляков и евреев с помощью так называемой «судебной» системы и «судебных» процессов.

Мы действительно имели бы дело со странным правом, когда бы оно гласило, что если человек убил одного поляка или одного еврея, то произносившиеся им ранее угрозы по отношению к данной жертве и акты насилия по отношению к ней являются относительными доказательствами для установления мотива, которым руководствовался убийца, но отказывалось бы принимать те же самые доказательства, когда тот же человек или в данном случае люди убили миллионы поляков и евреев.

Разумеется, право не является ни столь слепым, ни столь бессердечным.

Принятые доказательственные правила в правовой системе допускают любое, какое нам понадобится по данному делу, представление доказательств о прежних высказываниях, актах и преступлениях данных подсудимых и о тех высказываниях и действиях других людей, о которых они были осведомлены.

Нам нет надобности, и мы не будем пытаться избегать или обходить эти полезные для нас правила.

Сидящие перед нами подсудимые могут быть осуждены и должны быть осуждены, но только в соответствии с законом. Именно потому, что мы верим в это, мы не побоялись

заранее разъяснить, как мы понимаем то материальное право и те доказательственные правила, на основании которых мы будем просить справедливых обвинительных приговоров; мы верим, что они будут справедливо вынесены на основании представленных доказательств.

Есть еще один вопрос, касающийся доказательств, на котором обвинение считает своим долгом остановиться в начале рассмотрения данного дела, хотя он и не имеет касательства к тем теориям доказательств, на основании которых обвинение будет представлять доказательства.

В ходе представления доказательств возникают имена ряда чиновников, занимавших высокие посты,— Тирак, Фольмер, Вестфаль, Кроне, Лэммле, Хаффнер и др. Так как эти люди не сидят на скамье подсудимых, суд имеет право знать, чем это объясняется. Тирак 26 октября 1946 г. покончил жизнь самоубийством. Фрейслер был убит в начале 1945 года, когда во время воздушного налета было разрушено здание «народной судебной палаты» в Берлине. Фольмер в последние дни битвы за Берлин перешел из министерства юстиции в военно-воздушные силы и согласно имеющимся сведениям погиб в бою. Вестфаль покончил с собой в Нюрнбергской тюрьме после того, как ему был вручен Обвинительный акт по настоящему делу. Кроне, Лэммле и Хаффнера невзирая на все усилия разыскать не удается.

ГЕРМАНСКИЕ ЮРИСТЫ В ПЕРИОД «ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»

Мы охарактеризовали те стадии, на которых судейская корпорация Германии превращалась в простого агента уголовной политики «третьего рейха», и дали описание некоторым из тех преступлений, которые были совершены подсудимыми с помощью извращенной судейской машины. Перед тем как перейти к четвертому и последнему разделу Обвинительного акта, который имеет несколько иную основу по сравнению с первыми тремя разделами, целесообразно очень кратко рассказать о том, что представляла собой профессия немецких юристов и как произошла ее деградация при «третьем рейхе». Этот краткий обзор, по нашему мнению, поможет объяснить, каким образом стали возможны описываемые зверства.

a. До 1933 года

В течение десятилетий догитлеровского периода профессиональная деятельность германских судей развивалась. Образовывались независимые общества, которые публиковали на высоком профессиональном уровне правовые обзоры и принимали участие в международных конференциях юристов и в международных юридических учреждениях, таких, как международные арбитражные суды...

До прихода нацистов к власти все организации юристов состояли из членов всех политических партий и убеждений. Представители организаций были выдающимися учеными и юристами, многие из них имели высокую репутацию в международном плане...

Юридическое образование и юридическая подготовка в Германии сохранялись на высоком уровне...

b. Влияние нацизма

...Немедленно после прихода нацистов к власти они начали вносить извращения в юридическую жизнь Германии и превращать юридическую деятельность в орудие тоталитарной машины. Это осуществлялось частично с помощью мер, которые мы уже описывали выше, как-то: снятия с должности судей, прокуроров и сотрудников министерства, которых считали политически неблагонадежными, а также лишения судей гарантий независимости и неприкосновенности.

Указанные меры не ограничились, однако, правительственными судейскими организациями. Они распространились на все организации, объединяющие юристов-профессионалов. Первым шагом было подчинение, а затем и полное упразднение старых профессиональных ассоциаций, таких, как Союз германских судей, Республиканский союз судей и корпорация германских адвокатов. Уничтожение этих организаций было осуществлено с помощью маневров такого же рода, как и маневры, приведшие к роспуску, примерно в то же время, медицинских и других профессиональных обществ, которые существовали до нацизма.

...В мае 1933 года старые организации были полностью распущены. Вся организационная и профессиональная деятельность была сконцентрирована в Союзе национал-социа-

листских терманских юристов, который стал одним из самых главных орудий проведения нацистской программы уголовного права.

Ганс Франк докладывал Гитлеру в мае 1933 года, что все существующие профессиональные организации и ассоциации юристов присоединились к Союзу национал-социалистских германских юристов.

...Одним из условий членства в Союзе национал-социалистских германских юристов являлась принадлежность к нацистской партии...

...Союз провозгласил в качестве своей программы реализацию национал-социалистской программы в юридической области. По приказу Гитлера от 30 мая 1933 г. Союз национал-социалистских германских юристов был объявлен единственным представителем германского юридического фронта и единственной профессиональной организацией всех юристов... Руководил союзом Ганс Франк, секретарем-администратором был доктор Вильгельм Хейбер. Территориально союз распределялся по 26 гау. Руководителем отделения союза в гау «Ганзейские города» был подсудимый Ротенбергер...

с. В период «третьего рейха»

Вскоре после прихода к власти нацистов редакции всех юридических журналов перешли под руководство вновь назначенных редакторов-нацистов, таких, как Ганс Франк и его сообщники по Союзу национал-социалистских германских юристов. Некоторые научные юридические журналы, редакторы которых были известными антинацистами, такие, как «Ди юстиц», были запрещены. Новые редакторы извратили суть юридических журналов, превратив их просто в орудия пропаганды политики нацистского правительства. В этих журналах юристов убеждали, что они должны быть не чем иным, как юридическими солдатами фюрера...

С одной стороны, извращалась юридическая мысль старшего поколения юристов, с другой стороны, будущие юристы-нацисты тщательным образом приобщались к господствующей доктрине во время обучения на юридических факультетах университетов; преподавателями их являлись либо юристы-нацисты, либо оппортунисты, продавшие

свою репутацию в юридическом мире за продвижение по службе в нацистской иерархии... Студентов обязывали тратить значительную часть времени, которая раньше посвящалась изучению права, на военную службу и тренировки в отрядах СА и в войсках СС... С течением времени создалось положение, когда к юридической практике не допускался ни один молодой юрист, которого экзаменационная комиссия не квалифицировала бы как надежного «юридического солдата» нацистского фюрера...

Раздел четвертый

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К ПРЕСТУПНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

Генерал Тэйлор: Четвертый и последний раздел Обвинительного акта содержит обвинение в том, что семеро подсудимых виновны в принадлежности к организациям, которые приговором Международного Военного Трибунала были признаны преступными. Четверо подсудимых: Альтштеттер, Кухорст, Энгерт и Иоэль обвиняются в принадлежности к СС. Подсудимому Иоэлю вменяется также принадлежность к СД. Подсудимому Кухорсту вместе с тремя другими подсудимыми Ёши, Небелунгом и Ротхаугом инкриминируется принадлежность к руководящему составу нацистской партии. Все три перечисленные организации были приговором Международного Военного Трибунала объявлены преступными.

Правовая основа обвинений, являющихся содержанием раздела четвертого, совершенно отлична от правовой основы обвинений, излагаемых в первых трех разделах Обвинительного акта. Обвинение, инкриминируемое разделом четвертым, зиждется на статье 9 Устава Международного Военного Трибунала, предоставлявшей ему право при наличии оговоренных условий объявить, что определенные «группы» или «организации» являются «преступными организациями». Обвинение, выступавшее перед Международным Военным Трибуналом, потребовало объявить преступной каждую из трех организаций, фигурирующих в разделе четвертом Обвинительного акта по данному делу, и Международный Военный Трибунал объявил эти организации преступными. Статья II, параграф 1, пункт d, Закона № 10 Контрольного Совета предусматривает, что преступлением признается «принадлежность к определен-

ным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом»[1]. В параграфе 3 статьи II Закона № 10 Контрольного Совета перечисляются наказания, которые могут быть применены за принадлежность к этим организациям.

В своем приговоре Международный Военный Трибунал установил определенные условия, ограничивающие сферу распространения его решения о признании этих организаций преступными[2]. Согласно этим условиям для признания членства преступным, помимо принадлежности к организации, надлежит доказать две вещи:

1. Что индивид, о котором идет речь, стал членом организации или оставался ее членом после 1 сентября 1939 г.

2. Что индивид, о котором идет речь, либо стал членом организации или оставался ее членом, будучи осведомлен о том, что она используется для совершения преступных действий, которые перечислены в статье 6 Устава Международного Военного Трибунала, учрежденного Лондонским Соглашением, либо был лично как член этой организации причастен к совершению этих преступлений.

Обвинение полагает, что после того, как оно установит, что данный подсудимый являлся членом одной или нескольких преступных организаций, данный подсудимый обязан будет выступить с доказательствами, что он не знал о преступной деятельности этой организации, не участвовал в совершаемых ею преступлениях или что он перестал быть членом организации до 1 сентября 1939 г. Обвинение считает, что любой вопрос, касающийся бремени доказывания в данном деле, является чисто теоретическим, тем более что положение, которое занимали эти подсудимые, и доказательства, содержащиеся в документах, которые мы будем представлять в качестве доказательств, вне сомнения свидетельствуют о том, что подсудимые знали о преступной деятельности организаций, членами которых являлись, и принимали участие в этой преступной деятельности.

[1] Кроме того, параграф 2, пункт «е», той же статьи устанавливал, что любое лицо признается совершившим преступление, как это предусмотрено в параграфе 1-м, если оно состояло членом группы или организации, связанной с совершением любого из таких преступлений, т. е. преступлений против мира, военных преступлений и преступлений против человечности. — Составитель.

[2] См. «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 405—408. — Составитель.

а. Принадлежность к СС

В первую очередь обвинение остановится на четырех подсудимых, которым инкриминируется членство в СС. Представленные доказательства продемонстрируют, что подсудимый Альтштеттер стал членом СС в 1937 году, что он оставался членом этой организации после 1939 года и в июне 1944 года получил чин оберфюрера. Подсудимый Кухорст стал «сочувствующим членом» СС в январе 1934 года и оставался таковым после 1939 года. Подсудимый Энгерт вступил в СС в 1936 году и в последующем дослужился до чина оберфюрера. Подсудимый Иоэль вступил в СС в 1938 году и дослужился до чина оберштурмбаннфюрера.

Деятельность СС, за которую эта организация была объявлена преступной, изложена в приговоре Международного Военного Трибунала[1]. Эта деятельность включала истребление многочисленных «нежелательных» категорий людей, включая евреев, и заключение больших количеств евреев и иностранных граждан в концентрационные лагеря, где их убивали и мучили.

На основании представленных доказательств становится несомненным, что... данные подсудимые наверняка знали о преступной деятельности СС и участвовали в ней. Они были непосредственно связаны с уголовными проблемами и, как мы видели, их сотрудничество с СС было чрезвычайно тесным. Фактически Гиммлер сам принимал специальные меры к тому, чтобы германские судьи были полностью в курсе идеологии СС и бесчестных целей и задач этой организации. В июле 1944 года по специальному приглашению имперского министра юстиции Тирака Гиммлер произнес речь, обращенную к президентам и главным прокурорам оберландсгерихтов. В архивах министерства юстиции имеется следующая информация по поводу этого события:

«По приглашению имперского министра юстиции доктора Тирака рейхсфюрер СС выступил перед президентами и главными прокурорами оберландсгерихтов в имперском замке в Кохеме 20 мая 1944 г. Он рассказал о развитии СС и о целях этой организации, особо остановился на значении расового вопроса, биологического укрепления германской расы, расового сообщества, значении войск СС и великого германского мировоззрения.

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 423—427.— Составитель.

Судьи и прокуроры должны были получить информацию об этой речи от президентов оберландсгерихтов и, возможно, за это время ее уже получили.

Вас почтительно просят представить подробный доклад о впечатлении, которое произвела эта речь на судей и прокуроров».

Таким образом, взгляды Гиммлера... стали достоянием всех германских судей и прокуроров. Эти взгляды вне сомнения дошли через эту речь либо многочисленными другими путями до сведения подсудимого Кухорста. Они наверняка были хорошо известны среди высших чинов министерства юстиции, включая Альтштеттера, Энгерта и Иоэля.

Действительно, задолго до того, как Гиммлер произнес речь перед этими высшими судейскими чиновниками, министерство юстиции активно сотрудничало с Гиммлером в деле тайного перевода евреев, поляков, русских, цыган и других лиц из обычных тюрем в концентрационные лагеря. Весь этот преступный процесс особенно хорошо должен был быть известен Энгерту, который ведал отделом XV в министерстве юстиции; данному отделу и было поручено осуществление этих преступных переводов. Документ министерства юстиции, составленный в октябре 1942 года, дает полную информацию по поводу соглашения между министерством и Гиммлером и особо указывает, что исполнение соглашения от имени министерства было возложено на Энгерта и на его сотрудников по XV отделу. Энгерт в последующем ездил по различным тюрьмам рейха, проверял списки заключенных и принимал меры к передаче этих несчастных в руки СС.

Указанные мероприятия так же, как и прочая деятельность СС, не могли быть секретом от Альтштеттера, являвшегося начальником отдела в министерстве юстиции на протяжении всего этого периода. Далее следует отметить, что Альтштеттер занимал особое положение в качестве любимца Гиммлера. Корреспонденция, которую мы представим в качестве доказательства, свидетельствует о том, что между Альтштеттером и Гиммлером и между Альтштеттером и другими высшими чинами СС, включая Карла Гебхардта, главного врача СС, существовали самые сердечные отношения. На совещании в 1942 году в присутствии Тирака, Ротенбергера и других судейских чиновников Гиммлер выделил Альтштеттера, назвав его «надежным» человеком.

Подсудимый Иоэль был офицером СС и сотрудником СД, отдела рейхсфюрера СС, занимавшегося главным образом вопросами разведки и истреблением евреев в Польше и Советском Союзе. Иоэль был особенно хорошо знаком с этой деятельностью по организации убийств. В меморандуме, который Иоэль подписал в 1942 году, описывается разработанный Герингом план, как отбирать из числа заключенных в тюрьмах «дерзких парней» для выполнения особых заданий в тылу восточного фронта. В меморандуме Иоэля описывается, что Гиммлер уже отобрал большое число людей для этой цели, но Геринг желает вновь вернуться к этому вопросу. В меморандуме Иоэля далее говорится:

«...Единственными пригодными для этой цели являются люди, страстно любящие охоту, те, кто браконьерствует ради получения трофея, а не те, кто расставляет силки и капканы. Рейхсмаршал Геринг упоминает также о фанатиках — членах шаек контрабандистов, которые принимают участие в перестрелках на границах и страстно желают, рискуя собственной жизнью, перехитрить таможенников; к ним не относятся люди, которые перевозят вещи через границу в поезде-экспрессе или другими аналогичными способами.

Рейхсмаршал предоставляет нам поразмыслить о том, можно ли включить в эти банды — преследователей «командос» и другие категории заключенных.

В районах, выделенных для их операций, эти банды, первейшей задачей которых является уничтожение коммуникаций партизанских групп, могут убивать, жечь и насиловать; в Германии за ними вновь будет установлен строгий надзор...».

b. Принадлежность к руководящему составу нацистской партии

Обвинение в принадлежности к руководящему составу нацистской партии предъявлено подсудимому Кухорсту опять-таки в компании с Небелунгом, Ёши и Ротхаугом. Международный Военный Трибунал, объявивший руководящий состав нацистской партии преступным, отнес к преступной группе всех «руководителей» в иерархии нацистской партии, начиная с рейхслейтеров, включая гаулейтеров и крейслейтеров и кончая ортсгруппенлейтерами.

К преступной группе относятся также руководители различных отделов аппарата вплоть до аппарата крейслейтера.

Доказательства покажут, что Кухорст стал членом нацистской партии в 1930 году и получил звание гауштелленлейтера[1]. Подсудимый Ёши вступил в нацистскую партию в 1931 году и в 1940 году получил звание гаугауптштелленлейтера[2]. Ротхауг вступил в партию в 1938 году и достиг звания гаугруппенлейтера. Таким образом, все трое из перечисленных подсудимых являлись руководителями отделов в аппарате на уровне гаулейтунга. Подсудимый Небелунг вступил в партию в 1928 году и вскоре после этого стал ортсгруппенлейтером. Таким образом, все четверо подсудимых подпадают под категории руководящего состава, которые определены в приговоре Международного Военного Трибунала.

Преступная деятельность руководящего состава нацистской партии изложена в приговоре Международного Военного Трибунала[3]. Эта деятельность включает преследование и истребление евреев, осуществление программы рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и линчевание летчиков, выбросившихся из самолета с парашютом над Германией. Доказательства, которые мы представим, покажут, что все четверо подсудимых были осведомлены обо всей или о большей части этой деятельности и принимали в ней участие.

с. Резюме

В заключение изложения материалов по разделу четвертому обвинение желает указать на некоторые факторы, которые, по мнению обвинения, следует иметь в виду при рассмотрении вопроса о степени виновности, которую следует устанавливать в связи с принадлежностью к этим организациям, объявленным преступными Международным Военным Трибуналом. Обвинение в принадлежности к этим организациям в сочетании с осведомленностью о совершавшихся преступлениях или участием в этих преступлениях является очень серьезным. Мы полагаем, что выводы этого

[1] Руководитель отдела в областном аппарате нацистской партии.— Составитель.

[2] Старший руководитель отдела в областном аппарате нацистской партии.— Составитель.

[3] См. «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 409—413.— Составитель.

обвинения надлежит более внимательно рассмотреть в заключении настоящей речи, но о некоторых факторах можно сказать сейчас.

Соответствует действительности, например, то, что в определенном смысле ни один из семи подсудимых, обвиняемых по разделу четвертому, не был «целиком занятым на данной работе» или «оплачиваемым» членом этих организаций. Однако при обстоятельствах, которые будут выявлены в ходе рассмотрения доказательств по настоящему делу, мы не считаем, что это имеет значение для установления их виновности.

Соответствует истине и то, что высокие офицерские чины в СС, которые имели Альтштеттер, Энгерт и Иоэль, были главным образом почетными. Элементом рассчитанной политики Гиммлера было привлечение сторонников путем раздачи почетных рангов в СС и орденов. Однако те, кто принимал эти особые ранги, тем самым давали Гиммлеру и политике Гиммлера авторитет своего имени и свой престиж. Если эти люди не соглашались с политикой Гиммлера, это означало, что они проституировали себя за те условия или гарантии, которые такие позорные ранги и награды, возможно, им приносили.

Там, где это может быть доказано, мы представим доказательства, что эти подсудимые не только были полностью знакомы с ужасающими масштабами программы, осуществляемой Гиммлером, но и непосредственно участвовали в проведении этой программы в жизнь; при таких условиях тот довод, что деятельность подсудимого в СС осуществлялась вне его рабочей программы и не была его «ежедневным хлебом с маслом», отнюдь не будет рассматриваться как аргумент защиты.

Аналогичные соображения применимы к подсудимым, являвшимся членами руководящего состава нацистской партии. Кухорст, Небелунг и Ёши — все они были членами партии за многие годы до того, как Гитлер пришел к власти; трое подсудимых, как и Ротхауг, играли ведущую роль в делах партии, они также по самой природе положения, которое занимали в судебной системе, не говоря уже о том обстоятельстве, что они занимали высокие посты в партийных инстанциях, должны были знать о том роде деятельности, которую Международный Военный Трибунал положил в основу своего решения о признании этой организации преступной.

Действительно, виновность этих семи подсудимых по разделу четвертому во многих отношениях оказывается более глубокой, чем виновность многих сотрудников этих организаций, которые отдают им все свое время. Подсудимые были высокообразованными людьми, профессионалами, они достигли полной умственной зрелости задолго до того, как Гитлер пришел к власти. Они не были в положении людей, ум которых в раннем возрасте засорялся нацистской идеологией. Они воспринимали идеологию «третьего рейха», будучи образованными, взрослыми людьми. Все они получили специальное образование и сделали успешную карьеру на службе в юстиции. Они больше, чем остальные немцы, должны были понимать и ценить правосудие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Теоретически, а чаще всего и практически, преступления — это те акты, которые столь противоречат моральным нормам общества или столь опасны с точки зрения поддержания на должном уровне порядка, справедливости и мира в данном обществе, что общество, действуя через соответствующие процессы, требует устранения этих актов и борьбы с ними в интересах отдельных лиц, составляющих данное общество. Поэтому те индивиды, которые в стране или государстве осуществляют процедуру по претворению в жизнь этого решения общества, выступая в качестве прокуроров, говорят от имени совести общества или выражают решения общества. По этой причине уголовные процессы в государствах или странах ведутся от имени государства или содружества наций и формулируются словами, уместными для того, чтобы выразить чувства оскорбленного общества.

На данном процессе в Нюрнберге таким обществом является мир. Четыре страны, сформулировавшие материальное уголовное право, на основании которого мы рассматриваем данное дело, ответственные главы правительств этих стран и их высшие государственные деятели сформулировали классификацию преступлений, которые были объявлены таковыми совестью общества, где были совершены рассматриваемые нами преступления.

Таким образом, хотя данный Обвинительный акт предъявляется от имени правительства Соединенных Штатов, настоящее дело по существу является обвинением, которое

народы мира предъявляют этим людям, совершившим преступные акты против общества, которое мы знаем, как весь мир. Ведь, вне сомнения, на нашей земле найдется мало мест столь отдаленных, чтобы в них в той или иной мере не чувствовалось разрушительное, если не разрушающее влияние преступлений этих людей или тех других лиц, которым они служили и к преступным актам которых были преступным образом причастны...

Таким образом, истинное значение настоящего процесса выходит далеко за пределы установления виновности или невиновности данных подсудимых. Им вменяется в вину тяжкое убийство, но настоящий процесс не является просто процессом о тяжком убийстве. Настоящий процесс взывает к нормам морали, существующим в мире, и тем самым налагает на страны мира обязательство дать оценку применяемым здесь нормам.

Хотя настоящий Трибунал сформирован в международном плане, это американский суд. Поэтому обязательства, вытекающие из настоящего процесса, являются особенно важными для Соединенных Штатов. Истиной является то, что две несправедливости не делают одной справедливости, также верно то, что преступления, инкриминируемые настоящим подсудимым и другим лидерам «третьего рейха», были столь расчетливы, столь зловредны и столь разрушительны, что мы не находим им параллели. Однако в основе этих преступлений лежат легенды, предубеждения и весьма тонкие извращения философии, не знающие национальных границ. Если именно наша страна не сумеет подняться над этими вредными доктринами, совершив действия, которые будут свидетельствовать о постоянном росте национального характера, то все, что мы здесь делаем, окажется бесполезным и оставит нас и все человечество легкой добычей для следующего яростного взрыва.

У нас имеются здесь и иные обязательства, о которых мы не можем забывать. Как уже указывалось ранее, мы предприняли совместно с другими государствами задачу «подготовиться к окончательной реконструкции германской политической жизни на демократической основе и к эвентуальному мирному сотрудничеству Германии в международной жизни»[1].

[1] См. сноску на стр. 68. — Составитель.

Пр дставление доказательств в обоснование предъявленных обвинений было начато 6 марта 1947 г., затем последовало представление доказательств защиты. Принятие доказательств закончилось 13 октября 1947 г. Копии документов, представляемых в качестве доказательства обвинением, передавались подсудимым на немецком языке для ознакомления до того, как эти документы были приняты Трибуналом в качестве судебных доказательств. Трибунал заслушал устные показания 138 свидетелей. Кроме того, Трибунал принял 641 документальное доказательство обвинения и 1452 документальных доказательства защиты, причем многие из представленных документов были весьма объемисты. Обвинение представило также ряд письменных показаний под присягой, но их немного по сравнению с сотнями письменных показаний под присягой, представленных защитой.

По мере возможности — по существу во всех случаях — ходатайства защиты о вызове в судебное заседание лиц, давших письменные показания под присягой, в подтверждение доводов защиты удовлетворялись и защитники могли подвергать их перекрестному допросу. Лица, давшие письменные показания под присягой в защиту подсудимых, вызывались в суд для перекрестного допроса (устного) представителями обвинения в относительно редких случаях.

Подсудимый Карл Вестфаль умер до начала процесса. 22 августа 1947 г. Трибунал вынес решение об аннулировании судебного разбирательства в отношении подсудимого Карла Энгерта, поскольку он начиная с 5 марта 1947 г. смог присутствовать на суде только в течение двух дней. Необходимость в этой мере была вызвана положениями ст. IV (d) распоряжения № 7 Верховного комиссара США в Германии[1] и по причине серьезной и продолжительной болезни указанного подсудимого.

[1] Пункт «d» статьи IV предусматривал, что судебное разбирательство будет происходить с участием подсудимого; процесс против подсудимого может вестись при временном его отсутствии только в случае, если Трибунал придет к выводу, что интересы подсудимого от этого не пострадают. Судебное разбирательство в отсутствие подсудимого могло продолжаться в случаях, когда подсудимый или его адвокат удаляются Трибуналом из зала суда на одно или несколько заседаний в порядке санкции либо когда Трибунал разрешил подсудимому не присутствовать на том или ином судебном заседании.— Составитель.

Процесс велся на двух языках; во время судебного заседания осуществлялся синхронный перевод с немецкого на английский и с английского на немецкий.

По приказу № 1 Верховного комиссара США в Германии от 14 февраля 1947 г. был назначен Военный трибунал III в составе: Каррингтон Т. Маршалл, председательствующий; Джеймс Т. Бранд, член Трибунала; Мэллори Б. Блейр, член Трибунала; Джастин У. Хардинг, заместитель члена Трибунала. В таком составе Трибунал приступил к рассмотрению дела. 21 июня 1947 г. Верховный комиссар США в Германии издал приказ № 52, гласящий:

«В дополнение к распоряжению № 7:

1. Начиная с 19 июня 1947 г., учитывая распоряжение № 7 от 24 октября 1946 г., озаглавленное «Организация и полномочия некоторых военных трибуналов», Джеймс Т. Бранд назначается председательствующим Военного трибунала III вместо Каррингтона Т. Маршалла, покидающего этот пост из-за болезни.

2. Джастин У. Хардинг, заместитель члена Трибунала, назначается членом Военного трибунала III.

По распоряжению генерала Клея

Ц. К. Гейли,

бригадный генерал, начальник штаба»

Процесс продолжался Трибуналом, состав которого указанным образом изменился. Были представлены доказательства, заслушаны заключительные выступления сторон, Трибунал заслушал личное заявление каждого из подсудимых, пожелавшего сделать такое заявление[1].

Обвинение настоящих подсудимых главным образом основывается на трофейных немецких документах, подлинность которых не подвергается сомнению.

Обвинительный акт содержит четыре нижеследующих раздела:

(1) Заговор совершить военные преступления и преступления против человечности. Обвинения охватывают период между январем 1933 и апрелем 1945 года.

(2) Военные преступления, а именно: нарушения законов и обычаев ведения войны, которые, по утверждению

[1] Имеются в виду последние слова подсудимых. —Составитель.

обвинения, совершались с сентября 1939 по апрель 1945 года.

(3) Преступления против человечности, как они определены Законом № 10 Контрольного Совета; эти преступления, по утверждению обвинения, совершались в период с сентября 1939 по апрель 1945 года.

(4) Принадлежность некоторых подсудимых к организациям, которые были объявлены преступными Международным Военным Трибуналом, рассматривавшим дело по обвинению Геринга и других главных немецких военных преступников.

Подсудимые выдвинули возражения против раздела первого Обвинительного акта; 11 июля 1947 г. Трибунал принял по этому вопросу нижеследующее решение:

«Раздел первый Обвинительного акта по данному делу вменяет в вину подсудимым то, что они, действуя в осуществление общего плана, противоправно, преднамеренно и сознательно вступили в заговор с целью совершить военные преступления и преступления против человечности, как они определены в статье II Закона № 10 Контрольного Совета. В обвинительном акте указано, что данное преступление, вменяемое в вину подсудимым, было совершено в период между январем 1933 и апрелем 1945 года.

Настоящий Трибунал постановляет, что ни Устав Международного Военного Трибунала, ни Закон № 10 Контрольного Совета не определяют заговор с целью совершения военных преступлений или преступлений против человечности как самостоятельное преступление; исходя из этого юрисдикция настоящего Трибунала не распространяется на привлечение кого-либо из данных подсудимых к ответственности за заговор, рассматриваемый как самостоятельное преступление.

Раздел первый Обвинительного акта в дополнение к самостоятельному обвинению в заговоре инкриминирует также подсудимым противоправное участие в разработке и исполнении планов по совершению военных преступлений и преступлений против человечности, которые фактически включали совершение таких преступлений. Поэтому мы не можем исключить из Обвинительного акта весь раздел первый; однако поскольку раздел первый инкриминирует подсудимым заговор как самостоятельное преступление, отличное от тех или иных военных преступлений или преступ-

лений против человечности, Трибунал не будет принимать этот пункт обвинения во внимание.

Настоящее решение не должно быть истолковано так, будто оно ограничивает силу или значение параграфа 2 статьи II Закона № 10 Контрольного Совета или что оно лишает обвинение либо защиту права представить в качестве доказательства любые факты или обстоятельства, имевшие место либо до, либо после сентября 1939 года, если таковые факты или обстоятельства будут сводиться к доказыванию или опровержению того, что кто-либо из подсудимых совершил военные преступления или преступления против человечности, как они определены в Законе № 10 Контрольного Совета».

АКТЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЮРИСДИКЦИЮ ТРИБУНАЛА

Для удобства мы прилагаем к настоящему приговору копии Лондонского Соглашения от 8 августа 1945 г. вместе с Уставом Международного Военного Трибунала, Закон № 10 Контрольного Совета, распоряжение № 7 Верховного комиссара США в Германии[1] и Обвинительный акт. Указанные документы соответственно получили обозначения судебных доказательств A, B, C и D.

В Обвинительном акте содержится утверждение, что подсудимые совершили преступления, «как они определены в Законе № 10 Контрольного Совета, который был принят Контрольным Советом». Поэтому нам следует обратиться к этому закону.

Контрольный Совет состоит из облеченных полномочиями представителей четырех держав: Соединенных Штатов, Великобритании, Франции и Советского Союза.

Преамбула Закона № 10 Контрольного Совета, даваемая в сокращении, гласит:

«В целях осуществления Московской Декларации от 30 октября 1943 г., Лондонского Соглашения от 8 августа 1945 г. и Устава Международного Военного Трибунала и в целях установления в Германии единообразных принципов

[1] Лондонское Соглашение, Устав Международного Военного Трибунала и Закон № 10 Контрольного Совета, см. «Нюрнбергский процесс...», т. I, стр. 63—73, 79—84. — Составитель.

судебного преследования военных и других подобных преступников... Контрольный Совет постановляет следующее:

Статья I

Московская Декларация от 30 октября 1943 г. «Об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» и Лондонское Соглашение от 8 августа 1945 г. «О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси» составляют неотъемлемую часть этого закона...».

Лондонское Соглашение, уже упомянутое выше, предусматривает, что Устав Международного Военного Трибунала «составляет неотъемлемую часть этого Соглашения» (Лондонское Соглашение, статья II). Таким образом, Обвинительный акт по данному делу составлен в соответствии с положениями Закона № 10 Контрольного Совета, который особо оговаривает, что он принят во исполнение Лондонского Соглашения и что Устав Международного Военного Трибунала является неотъемлемой частью Лондонского Соглашения.

Статья II Закона № 10 Контрольного Совета определяет действия, которые признаются преступными, а именно: (a) преступления против мира, (b) военные преступления, (c) преступления против человечности, (d) принадлежность к преступным организациям. Мы здесь будем рассматривать только категории (b), (c) и (d), каждая из которых в дальнейшем получит более подробное освещение.

Положения о процедуре

Закон № 10 Контрольного Совета предусматривает следующее:

«1. Оккупационная власть в своей зоне:

a) имеет право арестовывать любое лицо, подозреваемое в совершении преступления, включая тех, кому предъявлено обвинение одной из Объединенных Наций..;

d) будет иметь право распорядиться о доставке в компетентный суд всех лиц, арестованных и обвиняемых таким образом...

2. Трибунал, который будет судить лиц, обвиняемых в перечисленных преступлениях, будет назначаться Главнокомандующим соответствующей зоны. Он же будет определять процедуру Трибунала».

Опираясь на вышеизложенные документы, из которых явствуют его полномочия, Верховный комиссар США в Германии издал распоряжение № 7. Оно содержит следующие положения:

«Статья I

Цель настоящего распоряжения — предусмотреть создание военных трибуналов, которые будут иметь право судить и наказывать лиц, обвиняемых в совершении деяний, которые статьей II Закона № 10 Контрольного Совета признаются преступлениями, включая заговоры с целью совершения любого из таких преступлений...

Статья II

В соответствии с полномочиями Верховного комиссара США в Германии и следуя полномочиям, которые получил Главнокомандующий зоной в соответствии с Законом № 10 Контрольного Совета и со статьями 10 и 11 Устава Международного Военного Трибунала, являющегося приложением к Лондонскому Соглашению от 8 августа 1945 г., настоящим создается ряд трибуналов, которые получают название «Военные трибуналы».

Трибуналы, создаваемые распоряжением № 7, подчиняются основным положениям о юрисдикции, изложенным в Законе № 10 Контрольного Совета, и, таким образом, основываются на документе международного значения... Предусматривается, что Главнокомандующий войсками Соединенных Штатов в Германии может заключить соглашение с другими командующими зонами о проведении процесса совместно... Главный обвинитель по делам о военных преступлениях от Соединенных Штатов может пригласить других членов Организации Объединенных Наций к участию в судебном преследовании»...

Распоряжение № 7 предусматривает:

«Статья X

Решения Международного Военного Трибунала, записанные в приговоре по делу № 1[1], о том, что вторжения, акты агрессии, агрессивные войны, преступления, зверства и бесчеловечные акты планировались и совершались, явля-

[1] По делу главных немецких военных преступников.— Составитель.

ются обязательными для трибуналов, создаваемых в соответствии с указанными документами, и не должны подвергаться сомнению в каком-либо плане, за исключением тех вопросов, которые касаются участия в этих преступлениях или осведомленности о них какого-либо конкретного лица. Положения Международного Военного Трибунала, содержащиеся в приговоре по делу № 1, представляют собой доказательство излагаемых фактов, если отсутствуют существенные новые доказательства, свидетельствующие о противном».

Приговоры трибуналов, предусматриваемых распоряжением № 7, постановляются окончательно лишь с учетом наказаний, предусматриваемых Законом № 10 Контрольного Совета...

Созданный, таким образом, Трибунал уполномочивается и приобретает право судить и наказывать военных преступников европейских стран оси и тех немецких офицеров, чиновников, а также членов нацистской партии, которые несли ответственность, либо давали согласие на участие в совершении преступлений, определенных Законом № 10 Контрольного Совета, либо являлись соучастниками и подстрекателями указанных преступлений, отдавали о них приказания или были причастны к планам и мероприятиям, связанным с совершением таких преступлений...

ИСТОЧНИК, НА КОТОРОМ ОСНОВЫВАЮТСЯ ПОЛНОМОЧИЯ ПО ПРИНЯТИЮ ЗАКОНА № 10 КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА

Перечислив те документы, которые определяют юрисдикцию настоящего Трибунала, мы переходим теперь к рассмотрению правовой основы этих документов. Безоговорочная капитуляция Германии состоялась 8 мая 1945 г. Капитуляции предшествовал полный роспуск центрального правительства, после чего была осуществлена полная оккупация всей Германии. На фронте не было германских войск, которые оказывали бы сопротивление; официальные лица, во время войны осуществлявшие власть имперского правительства, были либо мертвы, либо в тюрьме, либо скрылись. 5 июня 1945 г. союзные державы объявили, что они «настоящим берут на себя верховную власть в Германии, включая всю власть, которой располагают германское правительство, верховное командование и любое областное,

муниципальное или местное правительство или власть», и заявили, что «в Германии нет центрального правительства или власти, способной взять на себя ответственность за сохранение порядка, управление страной и за выполнение требований держав-победительниц»[1]...

2 августа 1945 г. в Берлине президент Трумэн, генералиссимус Сталин и премьер-министр Эттли как главы союзных держав подписали Соглашение, содержащее принципы, которыми надлежало руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период. При чтении этого документа видно, какой широкий объем власти и контроля взяли на себя и осуществляли союзные державы. Они приняли на себя «верховную власть» и заявили, что их цель состоит в том, чтобы осуществить полное разоружение и демилитаризацию Германии; уничтожить национал-социалистскую партию, предотвратить всякую нацистскую пропаганду; отменить все нацистские законы, которые «установили дискриминацию на основе расы, религии или политических убеждений», что «никакая такая дискриминация, правовая, административная или иная, не будет терпима»; контролировать образование[2], реорганизовать судебную систему в соответствии с принципами демократии, правосудия и равноправия всех граждан; провести децентрализацию политической структуры. Как предусматривало Соглашение, «пока что не будет учреждено никакого центрального германского правительства». В области экономики союзные державы установили контроль над германской промышленностью и всеми экономическими и финансовыми международными договорами[3].

[1] Берлинская Декларация о поражении Германии и взятии на себя верховной власти в отношении Германии правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки и Временным Правительством Франции (см. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 273—281).— Составитель.

[2] Пункт 7 Потсдамского Соглашения гласит: «Образование в Германии должно так контролироваться, чтобы полностью устранить нацистские и милитаристские доктрины и сделать возможным успешное развитие демократических идей».— Составитель.

[3] По этому вопросу в пункте 11 Соглашения говорится: «В целях уничтожения германского военного потенциала производство вооружения, военного снаряжения и орудий войны, а также производство всех типов самолетов и морских судов должно быть запрещено и предотвращено. Производство металлов, химических продуктов,

И, наконец, союзники подтвердили свое намерение предать нацистских военных преступников скорому и справедливому суду.

Именно этот факт полного распада правительства в Германии, за которым последовали безоговорочная капитуляция и оккупация германской территории, объясняет и оправдывает то, что верховная правительственная власть была взята и осуществлялась союзниками...

Мы покажем ниже, что Устав Международного Военного Трибунала и Закон № 10 Контрольного Совета предусматривают наказание за преступления против человечности. Как отмечалось в Обвинительном акте, действия, преследуемые по суду как преступления против человечности, были совершены до капитуляции Германии. Их определяют как преследования по расовым мотивам, осуществляемые нацистскими чиновниками в отношении германских граждан. Иллюстрацией этого является такое преступление, как геноцид[1]. Мы полагаем, что Трибунал, которому вменяется в обязанность претворить эти законы в жизнь, правильно поступит, если рассмотрит при определении степени наказания, которое он должен наложить, те моральные принципы, которые лежат в основе осуществления власти. По этой причине мы противопоставили ситуацию, когда Германия

машиностроение и производство других предметов, необходимых непосредственно для военной экономики, должно быть строго контролируемо и ограничено в соответствии с одобренным уровнем послевоенных мирных потребностей Германии...».— Составитель.

[1] Геноцид — истребление отдельных национальных, религиозных, этнических или расовых групп населения — есть тягчайшее преступление против человечества. Преступления геноцида органически связаны с фашизмом и расизмом, проповедующими расовую и национальную ненависть, господство так называемых «высших» рас и истребление «низших» рас. Разоблачение на Нюрнбергском международном процессе злодеяний гитлеровцев послужило толчком к принятию международноправовых актов, направленных на борьбу с геноцидом как с международным преступлением. Под влиянием демократических сил всего мира Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. приняла Резолюцию против геноцида, 21 ноября 1947 г. подтвердила ее, а 9 декабря 1948 г. приняла Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Несмотря на существенные недостатки этой Конвенции, явившиеся результатом противодействия США и других империалистических государств, Конвенция 1948 года содержит ряд положений, способствующих делу борьбы с этим чудовищным преступлением.— Составитель.

как воюющая сторона осуществляла оккупацию Польши, с ситуацией, возникшей при оккупации Германии после ее капитуляции четырьмя державами.

Оккупация Германией Польши во всех отношениях представляла собой оккупацию, осуществленную воюющей стороной, эта акция по природе своей была необоснованной, так как борющиеся армии все еще продолжали действовать. На оккупацию Польши Германией распространялись ограничения, налагаемые Гаагской Конвенцией, а также законы и обычаи ведения войны на суше...

Изучение Закона № 10 Контрольного Совета показывает, что этот Закон имеет двойной аспект. В своем первом аспекте и по точному смыслу его формулировок он является законом, определяющим преступления и предусматривающим наказание лиц, которые нарушили положения закона. Это продукт законодательной деятельности единственного существующего на территории рейха органа, который имеет общие законодательные права и осуществляет их[1]. Международный Военный Трибунал, судивший главных немецких военных преступников, рассматривал аналогичные положения Устава Международного Военного Трибунала как обязательную для него законодательную основу. Цитируем:

«Создание Устава являлось осуществлением суверенных законодательных прав тех стран, перед которыми безоговорочно капитулировала Германская империя, и несомненное право этих стран осуществлять законодательные функции для оккупированных территорий признано всем цивилизованным миром»[2].

«Эти положения представляют собой правовую основу для Трибунала при рассмотрении данного судебного дела»[3]. Так как Устав Международного Военного Трибунала и Закон № 10 Контрольного Совета являются результатом законодательной деятельности международного органа, из этого естественным образом вытекает, что не существует национальной конституции какой-либо одной страны, на которую можно было бы сослаться, чтобы признать недействительными основные положения такого международного законодательного акта.

[1] Контрольного Совета.— Составитель.
[2] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 363.— Составитель.
[3] Там же, стр. 313.— Составитель.

Едва ли можно настаивать на том, чтобы суд, который обязан своим существованием и своей юрисдикцией исключительно положениям данного Закона, мог приступить к осуществлению этой юрисдикции и затем в ходе ее осуществления объявил недействительным тот самый акт, которому он обязан своим существованием. За исключением тех случаев, когда нам нужно обратиться за помощью в целях толкования, мы не можем и не имеем надобности выходить за пределы данного статута.

По этому вопросу авторитетное решение было принято Международным Военным Трибуналом в связи с утверждением подсудимых, что Устав Международного Военного Трибунала недействителен, так как имеет признаки законодательного акта, принятого «ex post facto»[1]. Международный Военный Трибунал указал: «Устав определяет планирование или ведение агрессивной войны и войны в нарушение международных договоров как преступление, и поэтому, строго говоря, нет необходимости рассматривать вопрос о том, являлось ли ведение агрессивной войны преступлением до заключения Лондонского Соглашения и если являлось таковым, то в какой степени»[2]...

В том аспекте, где он является статутом, определяющим преступления и предусматривающим наказания, ограничительный характер Закона № 10 Контрольного Совета очевиден. Этот закон является осуществлением высших законодательных прав в Германии и для Германии. В Лондонском Соглашении говорится о суде над теми германскими офицерами и солдатами и членами нацистской партии, которые были ответственны за зверства. Закон № 10 Контрольного Совета гласит, что он был принят в целях установления в Германии единообразных принципов судебного преследования военных и других подобных преступников.

Распоряжение № 7 Верховного комиссара США в Германии было принято в силу полномочий Главнокомандующего зоны оккупации Соединенных Штатов «на территории Германии».

1 «Экс пост факто», т. е. принятого после совершения деяния, за которое установлено наказание, а это значит, что оно не может караться, поскольку до его совершения не существовало соответствующего закона, установившего наказуемость такого деяния.— Составитель.

2 «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 363.—Составитель.

Мы соглашаемся с приведенной выше точкой зрения, высказанной Международным Военным Трибуналом... Все военные преступления и многие, если не все, преступления против человечности, излагаемые в Обвинительном акте по делу, рассматриваемому настоящим Трибуналом, были, как мы докажем, нарушениями существовавших ранее принципов международного права. В той степени, поскольку это справедливо, Закон № 10 Контрольного Совета может рассматриваться скорее как кодификация, чем как самостоятельное законодательство. Поскольку можно полагать, что Закон № 10 Контрольного Совета выходит за пределы установленных принципов международного права, его авторитет, разумеется, основывается на осуществлении своих суверенных законодательных прав теми странами, перед которыми германский рейх безоговорочно капитулировал.

Мы рассматривали Закон № 10 Контрольного Совета в его первом аспекте как материальноправовой законодательный акт. Теперь мы перейдем к рассмотрению его во втором аспекте. Абсолютно вне всякой зависимости от его характера как материальноправового законодательного акта Закон № 10 Контрольного Совета вместе с распоряжением № 7 предусматривает ранее отсутствовавшие процессуальные средства для осуществления в Германии определенных норм международного права, которые существуют во всем цивилизованном мире, вне зависимости от какого-либо нового материальноправового законодательства.

Международное право не является продуктом статута. Его содержание не статично. То, что в мире не существует какого-либо правительственного органа, уполномоченного принимать в законодательном порядке материальноправовые нормы международного права, не препятствовало этому праву прогрессивно развиваться...

Следует признать, что обстоятельством, которое придает принципам международного права достоинство и авторитет права, является широкое признание их таковыми со стороны цивилизованных наций — признание, которое находит свое отражение в международных договорах, конвенциях, соглашениях...

Устав Международного Военного Трибунала, приговор Международного Военного Трибунала и Закон № 10 Контрольного Совета... представляют собой авторитетное признание принципов индивидуальной уголовной ответствен-

ности в международных вопросах, что, как мы покажем ниже, развивалось в течение многих лет... Вне сомнения, требуемое международное одобрение и признание является установленным, когда 23 государства, включая все великие державы, утвердили Лондонское Соглашение и Устав Международного Военного Трибунала, причем ни одно государство не заявило о своем несогласии. Вне сомнения, Устав Международного Военного Трибунала должен считаться декларацией принципов международного права, если учесть, что Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций признала Устав Международного Военного Трибунала как подтверждение этих принципов. Цитируем:

«Генеральная Ассамблея

признает обязательство, возложенное на нее абзацем (а) пункта I статьи 13 Устава[1], относительно организации исследования и выработки рекомендаций в целях поощрения прогрессивного развития международного права и его кодификации; и

принимает к сведению Соглашение об учреждении Международного Военного Трибунала для судебного преследования и наказания главных военных преступников европейских стран оси, подписанное в Лондоне 8 августа 1945 г., и приложенный к нему Устав, а равно и то обстоятельство, что аналогичные принципы были приняты в Уставе Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, провозглашенном в Токио 19 января 1946 г.[2]; поэтому Генеральная Ассамблея

подтверждает принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедшие выражение в приговоре этого Трибунала;

предлагает Комитету по кодификации международного права, созданному согласно резолюции Генеральной Ассамблеи от 11 декабря 1946 г., рассматривать в качестве

[1] Имеется в виду Устав ООН.— Составитель.

[2] Этот Международный Трибунал был создан на основе соглашения между правительствами СССР, США, Великобритании, Китая, Франции, Канады, Австралии, Новой Зеландии и Голландии, к которому присоединились Индия и Филиппины. Трибунал заседал в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. (см. М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, Международный процесс главных японских военных преступников, изд-во АН СССР, 1950).— Составитель.

вопроса первостепенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала и нашедших выражение в его приговоре, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в Международный уголовный кодекс»[1].

Еще до того, как начал заседать Международный Военный Трибунал для суда над главными немецкими военными преступниками, высказывалось мнение, что положения Устава Международного Военного Трибунала и, следовательно, Закона № 10 Контрольного Совета уже в значительной степени были инкорпорированы в основную систему международного права... Цитируем:

«Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но, с точки зрения Трибунала, как это будет показано, он является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания, и в этом смысле сам является вкладом в международное право»[2].

Мы уполномочены установить виновность или невиновность лиц, обвиняемых в совершении деяний, которые по нормам международного права определяются как «военные преступления» и «преступления против человечности» ...

ПОНЯТИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ ПО ЗАКОНУ № 10 КОНТРОЛЬНОГО СОВЕТА

... Первое положение Закона № 10 Контрольного Совета, с которым мы сталкиваемся, гласит:

«Статья II

1. Следующие действия признаются преступными:

... b) Военные преступления. Зверства или враждебные действия против лиц или имущества, представляющие нарушение законов и обычаев войны, включая, в

[1] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г., протокол № 95/1 (см. «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 550).— Составитель.

[2] Цитата из приговора Международного Военного Трибунала («Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 363).— Составитель.

частности (но не ограничиваясь этим), убийство, плохое обращение, увод в рабство или увод для каких-либо других целей гражданского населения с оккупированной территории, или применение рабского труда на самой оккупированной территории, а также убийство или плохое обращение с военнопленными или лицами, находящимися в море, убийство заложников, ограбление общественной и частной собственности, умышленное разрушение городов и деревень и опустошение, не оправдываемое военной необходимостью»[1].

Здесь мы наблюдаем влияние международного права как такового, так как статуты, которыми мы руководствуемся, приняли и включили в себя нормы международного права как нормы, по которым определяются военные преступления ...

Пределы расследования военных преступлений, разумеется, ограничены положениями Устава Международного Военного Трибунала и Закона № 10 Контрольного Совета. В данном конкретном аспекте эти два законодательных акта в значительной степени соответствуют друг другу. Оба документа — если обратить внимание на включение или исключение определенных формулировок — указывают на намерение применять понятие «военные преступления» для охвата деяний, являющихся нарушениями законов и обычаев войны и направленных против лиц, не являющихся германскими гражданами, и не включать в это понятие зверства, совершенные немцами против их собственных граждан.

Мы видим, что статья 6 Устава Международного Военного Трибунала относит к числу военных преступлений деяния, совершенные в отношении военнопленных или лиц, находящихся в море, заложников, а также бессмысленное разрушение городов и других объектов, разорение, не оправданное военной необходимостью, ограбление общественной или частной собственности (здесь явно не идет речь о собственности Германии или немцев) и «истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированной территории или применение рабского труда на самой оккупированной территории»[2]. За-

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. I, стр. 79—80.— Составитель.
[2] Слов «или применение рабского труда на самой оккупированной территории» в русском переводе Устава нет.— *Прим. перев.*

кон № 10 Контрольного Совета содержит аналогичную формулировку. Он гласит:

«Плохое обращение, увод в рабство или увод для каких-либо других целей гражданского населения с оккупированной территории...».

Эта мысль законодателя становится еще более четкой, если мы рассмотрим положения Устава Международного Военного Трибунала и Закона № 10 Контрольного Совета, относящиеся к преступлениям против человечности.

Статья 6 Устава Международного Военного Трибунала следующим образом определяет преступления против человечности:

«Убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции Трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет».

Закон № 10 Контрольного Совета признает преступными: «Зверства и враждебные действия, включая (но не ограничиваясь этим): убийства, истребление, обращение в рабство, высылка, заключение в тюрьмы, пытки, изнасилование или другие бесчеловечные действия, совершаемые против любого гражданского населения, преследование на политической, расовой или религиозной почве, независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет».

Совершенно очевидно, что эти разделы не содержат не относящихся к делу обстоятельств. Они дополняют приведенные выше разделы о военных преступлениях и причисляют к наказуемым действиям не только военные преступления, но и деяния, не включенные в приведенные выше определения военных преступлений. Вместо наказания за зверства, совершенные против гражданского населения оккупированных территорий или на самой оккупированной территории или против гражданского населения, вывезенного с оккупированных территорий, этот раздел карает за зверства «против любого гражданского населения».

И опять-таки преследования по расовым, религиозным или политическим мотивам относятся к нашей юрисдик-

ции «независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет».

Мы уже отмечали, что в Законе № 10 Контрольного Совета содержатся конкретные положения о наказании немецких преступников. Поэтому ясно, что смысл статута о преступлениях против человечности заключается в наказании за преследования и другие подобные преступления вне зависимости от того, нарушают или не нарушают они внутренние законы страны, где совершены, а именно Германии. Цель такой формулировки — предусмотреть, что ненарушение германских законов не может быть аргументом защиты.

Статья III Закона № 10 Контрольного Совета предусматривает, что действия, совершенные немцами против немецких граждан, могут представлять собой преступления против человечности и что настоящий Трибунал правомочен наказывать за эти действия. Статья предусматривает, что каждая оккупационная власть в своей зоне оккупации имеет право арестовывать лиц, подозреваемых в совершении преступления, и «(d) будет иметь право распорядиться о доставке в... суд всех лиц, арестованных ... таким образом...

В случае совершения преступления лицом немецкого гражданства или национальности против других лиц немецкого гражданства или национальности или лицом, не имеющим гражданства, дело может быть рассмотрено немецким судом по разрешению оккупационных властей» ...

Наша юрисдикция по привлечению к суду лиц, обвиняемых в преступлениях против человечности, ограничена в своих пределах..., как это вытекает из Закона № 10 Контрольного Совета. Осуждению подвергается не отдельное преступление частного германского гражданина, речь не идет также об отдельном преступлении, совершенном германским рейхом против какого-то частного лица руками своих чиновников. Знаменательно, что этот законодательный акт включает формулировку «против любого гражданского населения», а не «против любого гражданского лица». Это положение направлено против преступлений и бесчеловечных действий, а также против преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам, которые организовывались систематически и осуществлялись правительством либо с согласия последнего.

Наши выводы подкрепляются мнением Международно-

го Военного Трибунала по процессу над главными немецкими военными преступниками. В приговоре этого Трибунала следующим образом сформулировано различие между военными преступлениями и преступлениями против человечности:

«Хотя бесчеловечные действия, вменяемые в вину в Обвинительном заключении и совершенные после начала войны, не составляют военных преступлений, — все они совершались при ведении агрессивной войны или в связи с ней, и поэтому они являются преступлениями против человечности»[1]...

ПРАВИЛО «EX POST FACTO»

Подсудимые в качестве аргумента защиты прибегают к принципу «nullum crimen sine lege»[2], хотя во время гитлеровского режима они и отказывали в этом принципе другим. Представляется очевидным, что данный принцип не может служить основанием для ограничения власти или права Трибунала наказывать за действия, которые должным образом рассматриваются как действия, бывшие в момент их совершения нарушениями международного права. В качестве примера сошлемся на Закон № 10 Контрольного Совета, статью II, параграф 1 (b), «Военные преступления», где путем отсылки включены правила, которыми следует руководствоваться для определения состава военных преступлений. В таких случаях Трибуналу остается только, по примеру общего права, определить содержание этих правил в свете изменяющихся условий.

Какие бы точки зрения ни выдвигались по поводу природы и источника наших полномочий, в соответствии с Законом № 10 Контрольного Совета и в свете общепризнанных норм международного права правило «ex post facto», если его правильно понять, не представляет собой препятствия к рассмотрению данного дела ни в правовом, ни в моральном отношении.

В писаных конституциях правило «ex post facto» отвергает законы, называющие преступными акты, которые были совершены до принятия закона; однако правило «ex

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 405.— Составитель.
[2] Нет преступления без указания на то в законе.— Составитель.

post facto» не может быть применено к области международного права в той же степени, как оно применяется к конституционным нормам внутренних законов страны... Пытаться применить правило «ex post facto» к судебным решениям в плане международного права — означало бы удушить это право при рождении. Что касается области международного права, то принцип «nullum crimen sine lege» получил свое истинное толкование в приговоре Международного Военного Трибунала по делу главных немецких военных преступников. В приговоре данный вопрос возник в связи с преступлениями против мира, но принятое по этому поводу решение в равной степени применимо и к военным преступлениям, и к преступлениям против человечности. Трибунал указал:

«Прежде всего следует заметить, что принцип «nullum crimen sine lege» не означает ограничения суверенности, а лишь является общим принципом правосудия. Совершенно очевидно, что неправильным является утверждение о несправедливости наказания тех, кто вопреки договорам и гарантиям напал без предупреждения на соседние государства. При таких условиях нападающий должен знать, что он совершает неправое дело, и не только не будет несправедливостью наказать его, но, напротив, будет несправедливо оставить безнаказанным совершенное им зло»[1]...

Мы с одобрением цитируем нижеследующие слова сэра Дэвида Максуэлл-Файфа:

«Что касается преступлений против человечности, то в этом плане ясно по крайней мере следующее. Нацисты, преследуя и убивая бессчетное число евреев и политических противников Германии, знали, что они поступают несправедливо, и то, что они делают, является преступлением, осуждаемым уголовным правом любой цивилизованной страны. Когда же они сочетали эти преступления с подготовкой к агрессивной войне и впоследствии с совершением военных преступлений на оккупированных территориях, им не следует жаловаться, что учреждена процедура для их наказания»[2]...

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 364.— Составитель.

[2] Максуэлл-Файф являлся заместителем Главного обвинителя от Великобритании на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. Цитируется его предисловие к книге Р. У. Купера «Нюрнбергский процесс», изданной в 1947 году в Лондоне.— Составитель.

Многие из законов периода Веймарской республики, которые были приняты для защиты прав человека, вообще не отменялись. Многие деяния, представляющие собой военные преступления или преступления против человечности, как они сформулированы в Законе № 10 Контрольного Совета, совершались или допускались в прямое нарушение и положений германского уголовного права. Правда то, что настоящий Трибунал не может судить подсудимых только на основании того, что был нарушен германский уголовный кодекс, но столь же правда и то, что правило, запрещающее ретроспективное законодательство, как правило правосудия и справедливости, не может приводиться в качестве аргумента защиты, если деяние, совершенное человеком в нарушение Закона № 10 Контрольного Совета, являлось также, как этому человеку было известно, наказуемым преступлением по закону его собственной страны.

Как принцип правосудия и справедливости данное правило будет полностью использовано. В применении же к области международного права это правило требует доказывания, если нас нужно убедить в том, что подсудимый знал или должен был знать, что в делах международного значения он был виновен в участии в организованной в масштабах нации системе несправедливости и преследований, против которой восстает чувство морали человечества, и что он знал или должен был знать, что он будет наказан, если его поймают... Ни один человек, сознательно совершавший действия, которые объявлены наказуемыми в Законе № 10 Контрольного Совета, не может утверждать, что он не знал, что его привлекут к ответу за его действия. Уведомления о намерении наказать виновных неоднократно передавались по единственному каналу, доступному в международных взаимоотношениях, а именно через торжественные предупреждения правительств стран, находившихся в состоянии войны с Германией. Подсудимые предупреждались о немедленном возмездии не только категорической Декларацией союзников, изданной в Москве 30 октября 1943 г.[1]. Принцип личной ответственности признавался задолго до первой мировой войны.

[1] Речь идет о Московской Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства (см. «Нюрнбергский процесс...», т. I, стр. 20—21).— Составитель.

«Совет Парижской конференции 1919 года[1] при содействии Комиссии по ответственности инициаторов войны и по применению санкций занялся включением в мирный договор пунктов о наказании отдельных лиц, которым вменялась в вину ответственность за определенные преступления».

Эта Комиссия по ответственности инициаторов войны установила следующее:

«Война велась центральными империями, вместе с их союзниками Турцией и Болгарией, варварскими и незаконными методами, в нарушение установленных законов и обычаев войны и элементарных законов человечности».

В заключение Комиссия торжественно заявила:

«Все лица, принадлежащие к вражеским странам, сколь бы высоко ни было занимаемое ими положение, без различия рангов, включая глав государств, если они были виновны в преступлениях против законов и обычаев войны и законов человечности, будут подвергаться уголовному преследованию»...

В соответствии со статьей 228 Версальского мирного договора само германское правительство признало за союзными и объединившимися державами право привлекать к суду перед военными трибуналами лиц, обвиняемых в нарушениях законов и обычаев ведения войны. Такие лица в случае признания их виновными должны были приговариваться к наказаниям, установленным законом[2]. Действи-

[1] Парижская мирная конференция 1919—1920 гг. была созвана державами-победительницами в первой мировой войне для выработки мирных договоров с побежденными державами. В результате работы конференции были подготовлены договоры с Германией (Версальский мирный договор 1919 г.), Австрией (Сен-Жерменский мирный договор 1919 г.), Болгарией (Нейиский мирный договор 1919 г.), Венгрией (Трианонский мирный договор 1919 г.) и султанской Турцией (Севрский мирный договор 1920 г.).— Составитель.

[2] Следует дополнительно указать, что аналогичные нормы содержались в Сен-Жерменском мирном договоре с Австрией и Нейиском договоре с Болгарией. Так, ст. 173 Сен-Жерменского договора гласила: «Австрийское правительство признает за союзными и объединившимися державами право привлечения к их военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям войны... Это постановление будет применяться независимо от всяких процессов или преследований в суде Австрии или ее союзников».— Составитель.

тельно, некоторых немцев судили за совершение таких преступлений[1].

Приведенные выше соображения показывают, что принцип «nullum crimen sine lege», если его правильно понять и применять, не создает правового или морального препятствия для обвинения по делу, рассматриваемому данным Трибуналом.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ КАК НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Закон № 10 Контрольного Совета не ограничивается положениями о наказании лиц, виновных в нарушении законов и обычаев ведения войны в более узком смысле слова; далее, уже нельзя сказать, что нарушения законов и обычаев войны являются единственными правонарушениями, признаваемыми международным правом. Сила обстоятельств... и моральное давление со стороны общественного мнения привели к международному признанию того, что некоторые преступления против человечности, совершенные органами власти нацистов против германских граждан, представляют собой нарушения общего международного права...

Трибунал придерживается мнения, что преступления против человечности, как они определены Законом № 10 Контрольного Совета, должны толковаться строго и исключать отдельные случаи зверства или преследований вне зависимости от того, совершены ли они частными лицами или правительственным органом. По толкованию Трибунала, этот раздел предусматривает наказание за преступления, совершенные против германских граждан лишь в случаях, если имеются доказательства сознательного участия в систематических действиях, организованных или одобряемых правительством, действиях, которые выражаются в зверствах и преступлениях такого рода, как это оговорено в Законе, и которые направлены против народов и выражаются в преследованиях на политической, расовой или религиозной почве.

[1] Конкретные судебные процессы приведены А. Н. Трайниным в книге «Уголовная ответственность гитлеровцев», Юриздат, 1944, стр. 16—23.— Составитель.

Таким образом, этот Закон в своей формулировке ограничивается преступной деятельностью того рода, которая до 1939 гсца являлась и все еще является вопросом, представляющим международный интерес. Независимо от того, представляли ли такие зверства в юридическом смысле нарушения законов и обычаев войны, они являлись актами такого масштаба, такими злодеяниями, они столь явно были направлены против мира во всем мире, что их нужно рассматривать как действия, превратившиеся в нарушения международного права...

В качестве первой иллюстрации преступлений против человечности, как их толкует Закон № 10 Контрольного Совета, преступлений, которые по причине своих масштабов и своего международного значения признаются нарушением общего международного права, мы называем «геноцид», который мы рассмотрим особо ниже. Резолюция, недавно принятая Генеральной Ассамблеей ООН[1], в частности, гласит:

«Геноцид означает отказ в признании права на существование целых человеческих групп, подобно тому, как человекоубийство означает отказ в признании права на жизнь отдельных человеческих существ; такой отказ в признании права на существование оскорбляет человеческую совесть, влечет большие потери для человечества, которое лишается культурных и прочих ценностей, предоставляемых этими человеческими группами, и противоречит нравственному закону, духу и целям Объединенных Наций.

Можно указать на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы.

Наказание за преступление геноцида является вопросом международного значения.

Поэтому Генеральная Ассамблея:

утверждает, что геноцид, с точки зрения международного права, является преступлением, которое осуждается цивилизованным миром и за совершение которого главные виновники и соучастники подлежат наказанию независимо от того, являются ли они частными лицами, государственными и должностными лицами или государственными дея-

[1] Речь идет о резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 11 декабря 1946 г.— Составитель.

телями, и независимо от того, совершено ли преступление по религиозным, расовым, политическим или каким-либо другим мотивам...».

Генеральная Ассамблея не является международным законодательным органом, но она есть самый авторитетный существующий орган для интерпретации мирового общественного мнения. То, что она признала геноцид международным преступлением, представляет собой убедительное доказательство этого факта. Мы одобряем и принимаем ее выводы. Независимо от того, является ли преступление против человечности продуктом статутного или общего международного права либо, как мы полагаем, и первого, и второго, мы не считаем, что к лицам, судимым за такие преступления, относятся несправедливо. Им вменяется в вину осведомленность о том, что такие действия были преступными и наказуемыми в момент их совершения.

Подсудимые утверждают, что их нельзя считать виновными, так как они действовали в соответствии с авторитетом и указанием германских законов и декретов. Обращаясь к преступлениям против человечности, следует сказать, что Закон № 10 Контрольного Совета предусматривает наказание за эти преступления независимо от того, были ли эти преступления совершены в нарушение законов страны или нет (Закон № 10 Контрольного Совета, параграф 1 (c), статья II). Этот же Закон предусматривает: «Тот факт, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказов своего правительства или вышестоящего над ним начальника, не освобождает его от ответственности за преступления, но может служить смягчающим обстоятельством при определении наказания» (Закон № 10 Контрольного Совета, параграф 4 (b), статья II).

Приведенные выше положения служат достаточным, но не всеобъемлющим ответом на утверждения подсудимых. Тот аргумент, что следование германским законам является защитой против выдвинутого обвинения, вытекает из неправильного понимания основной теории, на которой зиждется весь наш процесс. Нюрнбергские трибуналы — это не германские суды. Они не претворяют в жизнь немецкое право. Инкриминируемые подсудимым обвинения не основываются на нарушениях ими германского права. Напротив, юрисдикция настоящего Трибунала основывается на международном авторитете. Настоящий Трибунал претворяет в жизнь закон, декларированный Уставом Меж-

дународного Военного Трибунала и Законом № 10 Контрольного Совета...

Как утверждают подсудимые, от германских судов в «третьем рейхе» действительно требовалось следование германскому праву (т. е. воле Гитлера), даже если это право противоречило международному праву. Однако подобное ограничение не может быть применено к настоящему Трибуналу. Здесь мы имеем материальное право высшего порядка, имеем Трибунал, которому поручено и от которого требуется применять это право вне зависимости от того, соответствует оно или нет положениям внутренних германских законов. Суть обвинения — в том, что эти законы, гитлеровские декреты и драконовская продажная и порочная нацистская судебная система сами по себе составляют сущность военных преступлений и преступлений против человечности и что принятие и применение на практике этих законов равнозначно соучастию в преступлении.

Мы уже отмечали, что участие правительства представляет собой существенно важный элемент преступления против человечности. Лишь когда суверенные официальные органы принимали участие в зверствах и преследованиях, эти преступления приобретали международные масштабы. Едва ли можно сказать, что участие правительства в совершавшихся преступлениях, которое должно быть доказано, чтобы вынести обвинительный приговор, может одновременно являться защитой от инкриминируемого подсудимым обвинения.

Обвинительным актом ни одному подсудимому не предъявляется обвинение в убийстве или оскорблении какого-либо конкретного лица. Если бы такое обвинение предъявлялось, то в Обвинительном акте, несомненно, были бы названы потерпевшие. Сутью данного обвинения не являются простые убийства и наличие отдельных жертв. Подсудимым вменяются в вину такие безмерные преступления, что конкретные случаи преступления по сравнению с ними представляются незначительными. Обвинение вкратце сводится к сознательному участию подсудимых в организованной правительством в национальном масштабе системе жестокости и несправедливости в нарушение законов войны и человечности, которая осуществлялась... властью министерства юстиции, через посредство судов.

Протокол судебного заседания изобилует доказательствами о конкретных преступных актах, но это не те преступ-

ления, которые инкриминируются подсудимым Обвинительным актом. Данные преступления представляют собой доказательство преднамеренного участия в них подсудимых и служат иллюстрацией природы и последствий более серьезных преступлений, инкриминируемых им Обвинительным актом. Таким образом, становится очевидным, что обобщение в Обвинительном акте являлось не только необходимым, но и правильным. Ни один обвинительный акт, сформулированный в общих выражениях, так, как это обычно принято, не мог бы охватить в разумных пределах весь характер преступления, которое вменяется в вину данным подсудимым.

Обвинение представило доказательства о действиях, которые были совершены до начала войны 1939 года. Некоторые из этих действий имеют отношение к обвинениям, содержащимся в разделах втором, третьем и четвертом Обвинительного акта, однако, как заявило обвинение, «ни одно из этих действий не инкриминируется данным Обвинительным актом как самостоятельное преступление». Мы направляем наши усилия к рассмотрению вопроса о виновности или невиновности после начала войны в соответствии с разделами вторым, третьим и четвертым Обвинительного акта.

Оценивая поведение подсудимых по нормам Закона № 10 Контрольного Совета, мы должны руководствоваться также параграфом 2 статьи II этого Закона, где предусматривается, что любое лицо «считается совершившим преступление, как это определено в параграфе 1 данной статьи, в том случае, если оно было:

a) основным участником или

b) соучастником в совершении какого-либо из этих преступлений, отдавая приказ или подстрекая к преступлению;

c) давало согласие на участие в нем;

d) участвовало в разработке планов или мероприятий, повлекших за собой совершение преступления, или

e) состояло членом группы или организации, связанной с совершением любого из таких преступлений...».

Прежде чем перейти к рассмотрению постепенной дегенерации судебной системы при нацистском режиме, следует обратить внимание на то, что хотя бы на бумаге немцы разработали в период Веймарской республики цивилизованную и просвещенную систему юриспруденции. Достаточно привести несколько примеров. Отдельные земли в

пределах рейха ревностно охраняли право назначения и независимости судей. По положениям германского уголовного кодекса нижеследующие действия считались преступными:

Принятие судьей взятки или иного блага, которые предлагались ему с целью повлиять на его решение,— параграф 334.

Действия чиновника, который при ведении дела или принятии решения по делу сознательно совершает правонарушение, заключающееся в неправильном толковании закона в ущерб одной из сторон,— параграф 336.

Получение признания с помощью насилия — параграф 343.

Действия чиновника, который при выполнении своих служебных обязанностей, связанных с судопроизводством, сознательно поступает так, чтобы какое-то лицо избежало наказания, предусмотренного законом,— параграф 346.

Действия вышестоящего чиновника, который намеренно побуждает... своего подчиненного совершить наказуемый акт при исполнении служебных обязанностей или сознательно попустительствует такому наказуемому правонарушению со стороны своего подчиненного — параграф 357.

Веймарская конституция предусматривала также, что «общепризнанные положения международного права имеют значение обязательных составных частей германского права» (ст. 4).

Конституция гарантировала также всем немцам: равенство перед законом (ст. 109); гражданство, свободу передвижения и право эмиграции (ст. ст. 110, 111 и 112); неприкосновенность личности (ст. 114); свободу мнений, собраний и образования обществ (ст. ст. 118, 123 и 124); право на справедливое вознаграждение за принудительно отчужденную собственность (ст. 153); право наследования (ст. 154)[1].

Однако Веймарская конституция уже содержала в себе микроб болезни, от которой она умерла. В статье 48 этой конституции предусматривалось следующее:

«Если в пределах Германской империи серьезно нарушены общественная безопасность и порядок или если грозит серьезная опасность такого нарушения, то президент империи может принимать меры, необходимые для восстановления общественной безопасности и порядка, в случае

[1] См. сноску к стр. 23. — Составитель.

надобности с помощью вооруженной силы. С этой целью он может временно приостанавливать полностью или частично гарантии основных прав, установленные ст. ст. 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153»[1].

Рассмотрение доказательств покажет, что после 1933 года гитлеровский режим в сущности нарушил каждый из принципов справедливости, провозглашенных в вышеупомянутых законах и положениях конституции...

Нацисты считали необходимым, чтобы правительство получило право издавать законы, не считаясь с ограничениями, установленными конституцией Веймарской республики, помимо рейхстага... Для осуществления этой цели 28 февраля 1933 г. был издан декрет за подписью президента фон Гинденбурга, канцлера Гитлера, имперского министра внутренних дел Фрика и имперского министра юстиции Гюртнера. Если коротко говорить, то этот декрет отменял положения Веймарской конституции, гарантировавшие неприкосновенность личности, свободу мнений, печати, собраний, организации обществ, тайну переписки, неприкосновенность жилища и права собственности. Декрет далее предусматривал, что имперское правительство может в целях восстановления общественной безопасности взять на себя полномочия высшей власти в государстве. В преамбуле указывалось, что этот декрет принят «на основании абзаца 2 статьи 48 имперской конституции». Это та статья, которую мы приводили выше и которая давала право президенту империи временно приостанавливать те самые гарантии, которые фактически были зачеркнуты декретом Гитлера от 28 февраля. 24 марта 1933 г. запуганный рейхстаг принял этот декрет[2]...

[1] В § 1 декрета президента Германской республики от 28 февраля 1933 г. указывалось, что перечисленные статьи конституции «впредь до дальнейших распоряжений отменяются» (см. Нюрнбергский процесс...», т. 1. стр. 87—89). Так под предлогом «борьбы с коммунистическим заговором» был развязан массовый террор против всех противников гитлеровского режима. Что произошло вслед за этим в гитлеровской Германии, теперь известно всему миру.— Составитель.

[2] На выборах 5 марта 1933 г. нацисты получили в рейхстаге 288 мест из общего числа 647. Чтобы протащить в рейхстаге декрет от 28 февраля, Гитлер и его сообщники подвергли так называемому «превентивному заключению» всех депутатов-коммунистов, терроризировали многих других депутатов рейхстага.— Составитель.

Хотя декрет прямо отменял лишь небольшую часть конституции, эта отмененная часть расчищала процессуальный путь к аннулированию в любое время остальной части конституции на тот случай, если «правительство» захочет такое решение принять. 14 июля 1933 г. был издан закон, объявлявший НСДАП единственной политической партией; в законе указывалось, что поддержание или создание какой-либо другой политической партии является преступлением[1].

Таким образом, была создана двойная гарантия того, что любое законодательство, которое в последующем будет принято рейхстагом, будет соответствовать воле правительства.

Хотя процесс захвата власти нацистами был связан с беззаконием и насилием, захваченная таким образом власть была консолидирована и гитлеровский режим впоследствии получил поддержку со стороны германского народа[2] и признание со стороны ряда иностранных держав. 30 января 1934 г. по прошествии более 10 месяцев после принятия закона о расширении прав имперского правительства вслед за выборами в рейхстаг, состоявшимися 12 ноября 1933 г., рейхстаг единогласно принял закон, предусматривающий, что «суверенная власть земель переходит к рейху», что «имперское правительство может издавать новые конституционные законы». Этот закон был по всем правилам подписан рейхспрезидентом фон Гинденбургом, рейхсканцлером Гитлером и министром Фриком. Положения акта о

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 318. — Составитель.

[2] Такое утверждение не соответствует действительности. Лучшие сыны и дочери германского народа активно боролись против гитлеровского режима.

О размахе террора в гитлеровской Германии дает представление книга бывшего сообщника Гитлера Отто Штрассера «Германия завтра», вышедшая в Лондоне в 1940 году. Штрассер писал: «Обследованием, не оставляющим никакого сомнения в его точности, установлено, что за семь лет существования гитлеровского режима в его концентрационных лагерях... и тюрьмах томилось в то или иное время свыше двух миллионов человек. Официальная статистика показывает, что свыше десяти миллионов немцев (если к числу жертв прибавить членов их семей) проявили свою враждебность к Гитлеру настолько активно, что им пришлось познакомиться с его карательной системой. А кроме того, многие, многие тысячи немцев были преданы их правителями смертной казни или, скажем это прямо, убиты...» (цитир. по сб. «Палачи Европы», Госполитиздат, 1945, стр. 22). — Составитель.

расширении прав имперского правительства были подтверждены рейхстагом 30 января 1937 г. и затем вновь 30 января 1939 г.

14 июня 1942 г. доктор Ламмерс[1], имперский министр и глава имперской канцелярии, заявил о необходимости «подчеркнуть то обстоятельство, что фюрер лично и имперский кабинет не должны лишаться законодательной власти».

Поведение подсудимых следует рассматривать в свете подготовки агрессивной войны, его нужно толковать в рамках уголовного права и судебной системы «третьего рейха». Поэтому Трибунал теперь приступит к рассмотрению тех правовых путей, с помощью которых вся судебная система была превращена в орудие распространения национал-социалистской идеологии, ликвидации оппозиции этой идеологии и осуществления планов ведения агрессивной войны и установления мирового господства. Хотя преступные действия, инкриминируемые подсудимым, имели место после сентября 1939 года, доказательства, которые будут рассмотрены ниже, позволят пролить свет на те условия, в которых действовали подсудимые, и покажут, что у них имелись осведомленность, умысел и мотив, так как в период указанной подготовки некоторые из подсудимых играли ведущую роль в формировании той судебной системы, которую они впоследствии применяли.

Начиная с 1933 года попутно развивались два направления, дававшие возможность министерству юстиции и судам выполнять террористические функции и поддерживать нацистский режим. Первое из них заключалось в том, что судам было предоставлено более широкое право решать вопрос о жизни и смерти. Второе сводилось к тому, что уголовные законы формулировались в весьма некатегоричных и расплывчатых выражениях, что давало судьям самую широкую дискреционную власть в выборе закона, который надлежало применить, и в применении избранного закона к любому конкретному делу. В 1933 году был принят закон «о защите от политических актов, связанных с насилием»; этот закон разрешал, хотя и не обязывал, применять смертную казнь за ряд преступлений, «в отношении которых до настоящего времени применялась более мягкая санкция»

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. 1 стр. 229. — Составитель.

(закон от 4 апреля 1933 г., «Рейхсгезетцблатт», 1933, I, стр. 162).

24 апреля 1934 г. понятие государственной измены было значительно расширено, в ряде случаев в отношении этой категории преступлений разрешалось, хотя и не в обязательном порядке, применять смертную казнь. В свете того, каким образом этот закон применялся, ему следует придавать первостепенное значение. Приводимые ниже положения этого закона в дополнение к прочим показывают масштабы этого измененного закона и свидетельствуют о дискреционной власти, которая была дана судьям:

«83. Лицо, публично подстрекающее к государственной измене или способствующее осуществлению государственной измены, карается тюремным заключением сроком не более 10 лет.

Лицо, каким-либо иным образом подготавливающее осуществление государственной измены, карается аналогичным образом.

Смертная казнь, или пожизненное тюремное заключение, или тюремное заключение сроком не менее двух лет будут применяться в следующих случаях:

(1) если деяние имело в виду создание или поддержку заговора для подготовки государственной измены, или...

(3) если деяние было направлено к оказанию влияния на массы путем изготовления или распространения письменных материалов, звукозаписи или изображений или путем установки радио, телеграфа или телефона, или

(4) если деяние было совершено за границей либо было совершено таким образом, что нарушитель взял на себя ввоз письменных материалов, звукозаписи или изображений из-за границы в целях распространения их в пределах страны».

20 декабря 1934 г. правительство издало «закон об изменнических актах против государства и партии и о защите партийной форменной одежды», где, в частности, говорилось следующее:

«Глава I. Статья 1. (1). Лицо, которое сознательно делает ложные или причиняющие ущерб заявления, способные нанести вред благосостоянию или престижу правительства рейха, национал-социалистской партии или ее органам, карается тюремным заключением на срок не более двух лет при условии, если ранее принятый закон не предусматривает за такое деяние более суровой санкции. Если

подобное заявление делается или распространяется публично, срок тюремного заключения должен быть не ниже трех месяцев.

Статья 2. (1) Лицо, делающее или распространяющее заявления, свидетельствующие о злобном, издевательском или вульгарном отношении к ведущим деятелям государства или НСДАП, либо по отношению к издаваемым ими приказам, либо по отношению к создаваемым ими институтам, если такие заявления способны подорвать доверие народа к своему политическому руководству — будет караться тюремным заключением.

(2) Заявления такого рода, делаемые непублично, караются той же мерой наказания, при условии, что правонарушитель рассчитывает на то, что его заявление со временем распространится среди населения».

Решающей мерой явился «закон об изменении уголовного кодекса», который был принят 28 июня 1935 г. Адольфом Гитлером как фюрером и рейхсканцлером и доктором Гюртнером как имперским министром юстиции. Статья 2 этого законодательного акта гласит:

«Лицо, совершившее деяние, которое закон считает наказуемым, либо заслуживающее наказания в соответствии с основным принципом уголовного права и здравыми чувствами народа, должно быть наказано. Если к данному деянию нельзя непосредственно применить конкретного уголовного закона, лицо, совершившее деяние, должно быть наказуемо в соответствии с тем законом, основные положения которого легче всего отнести к совершенному деянию».

В сущности своей этот законодательный акт представлял собой полный отказ от того правила, что уголовные законы должны быть конкретными и определенными, и закреплял за судьей широкую дискреционную власть, где контроль со стороны права как руководство в судебных решениях подменялся политической идеологией и влиянием партии.

Раздел 90 (f) уголовного кодекса, принятый 24 апреля 1934 г., предусматривает:

«Тот, кто... причинит серьезный ущерб репутации германской нации, делая ложные заявления или заявления, содержащие серьезные неточности фактического характера, должен наказываться тюремным заключением».

20 сентября 1944 г. в этот акт было внесено следующее добавление:

«В особо серьезных случаях немец может наказываться смертью».

Закон от 28 июня 1935 г. предусматривал:

«Тот, кто публично оскверняет германскую национал-социалистскую партию, ее органы, символы, штандарты и знамена, ее знаки отличия или ордена, либо злостно и преднамеренно выставляет их на поругание, будет наказываться тюремным заключением.

Данное правонарушение должно преследоваться в судебном порядке лишь по приказу имперского министра юстиции, который должен издать приказ о привлечении к судебной ответственности по согласованию с заместителем фюрера.

...Если в ходе основного разбирательства оказывается, что подсудимый совершил деяние, которое заслуживает наказания в соответствии со здравым чувством народа, но не считается наказуемым по закону, суд должен решить, относится ли к данному деянию принцип, лежащий в основе уголовного закона, и будет ли должное применение этого уголовного закона способствовать торжеству правосудия (статья 2 уголовного кодекса)».

Декрет от 1 декабря 1936 г. предусматривал, в частности, следующее:

«Раздел 1. (1) Немецкий гражданин, который сознательно, не разбираясь в средствах, для собственной выгоды или из каких-либо других низменных мотивов, действуя вразрез с положениями закона, контрабандным образом вывозит за границу или оставляет за границей имущество, причиняя таким образом серьезный ущерб германской экономике, наказывается смертью. Имущество его конфискуется. Преступник наказывается и в том случае, если он совершает данное правонарушение за границей».

17 августа 1938 г. более чем за год до вторжения в Польшу был принят декрет, направленный против подрыва германского военного потенциала. Этот декрет, в частности, предусматривал:

«Раздел 5. (1) Нижеследующие лица будут считаться виновными в подрыве германского военного потенциала и будут наказываться смертью:

1. Всякий, кто открыто требует или подстрекает других уклоняться от несения обязательной военной службы в гер-

манских или союзных вооруженных силах или иным образом открыто пытается парализовать или подорвать волю германского народа или союзной нации самоутвердиться путем службы в армии...».

...5 сентября 1939 г. был принят «декрет против врагов государства»...

Здесь имеют значение нижеследующие дополнительные положения ввиду произвольного характера формулировки этого закона и применения его судами. Приводим эти положения:

«Раздел 3. Лица, совершающие поджог либо какое-либо другое преступление, представляющее общественную опасность, подрывая тем самым германский военный потенциал, караются смертью.

Раздел 4. Лица, совершающие преступные деяния, используя при этом чрезвычайные условия, вызванные войной, наказываются, вне пределов обычных уголовных санкций, каторжными работами на срок до 15 лет, либо пожизненно, либо смертью, если такой кары требует здравое чувство народа ввиду того, что преступление носило особо отвратительный характер».

25 ноября 1939 г. смертная казнь была установлена как наказание за ущерб военным материалам или другому соответствующему имуществу, причиненный намеренно или по небрежности, если такой ущерб ставит под угрозу военную мощь германских вооруженных сил. Смертная казнь допускалась также в отношении людей, которые «нарушают или подвергают опасности» нормальное функционирование предприятий, имеющих значение для обороны рейха или для снабжения населения.

5 декабря 1939 г. было санкционировано применение смертной казни за различные преступления, связанные с насилием, причем предусматривалось, что «этот декрет применим также в отношении преступлений, совершенных до того, как он вступил в силу».

4 сентября 1941 г. уголовный кодекс был дополнен и в него были внесены изменения: была предусмотрена смертная казнь для опасных преступников-рецидивистов, «если эта мера необходима для защиты национального сообщества либо в стремлении к справедливому искуплению». Декрет был подписан Адольфом Гитлером и подсудимым доктором Шлегельбергером, выступавшим от имени имперского министерства юстиции.

Декретом от 5 мая 1944 г. судьи были в значительной степени освобождены от всех ограничений в отношении санкций, которые следовало применять в уголовных делах. Этот декрет гласит:

«В отношении всех правонарушителей, которые виновны в причинении серьезного ущерба либо создании серьезной угрозы ведению войны либо безопасности рейха, в результате намеренного совершения преступного деяния, может быть вынесено наказание в расширение обычных пределов, устанавливаемых уголовным правом вплоть до установленного законом максимума для данного типа наказания, либо до каторжных работ на определенный срок или пожизненно, или смертной казни, если обычные максимальные пределы недостаточны для искупления данного деяния в соответствии со здравым чувством народа. То же будет относиться ко всем правонарушениям, совершаемым в результате небрежности, в ходе которых виновный причинил особо тяжкий ущерб либо создал особо серьезную опасность для ведения войны либо безопасности рейха».

20 августа 1942 г. Гитлер издал декрет, характеризующий кульминацию проводившейся им систематически кампании по превращению германской судебной системы в орудие НСДАП. Этот декрет гласит:

«Сильная администрация судебной системы необходима для выполнения задач великой германской империи. Поэтому я поручаю и уполномочиваю имперского министра юстиции создать национал-социалистскую администрацию судебной системы и принять все необходимые меры в соответствии с моими директивами и инструкциями, разработанными совместно имперским министром с главой имперской канцелярии и лидером партийной канцелярии[1]. Он может, таким образом, отступать от любого действующего закона».

Законы, которые мы здесь рассмотрели, представляли собой не что иное, как усиление репрессивности уголовного права. Эта последняя концепция особенно четко проявляется в законах, касающихся «здравого чувства народа», преступлений по аналогии и «подрыва военного потенциа-

[1] Т. е. министром юстиции, главой имперской канцелярии Ламмерсом и руководителем партийной канцелярии Мартином Борманом.— Составитель.

ла нации». Взамен контроля со стороны закона пришел контроль со стороны национал-социалистской идеологии...

Драконовские законы, о которых мы говорили, на первый взгляд распространялись на всех. Дискриминацию по политическим, расовым и религиозным мотивам следует искать не в тексте законов, а в том, как они применялись.

Но нацистов не удовлетворяли законы, не носящие дискриминационного характера, даже в свете тех извращений, с помощью которых эти законы применялись. Одновременно с разработкой указанных законов и декретов возникла другая совокупность норм материального права, которая четко устанавливала дискриминацию в отношении групп меньшинств как в пределах, так и за пределами рейха и которая создала основу для преследований в колоссальных масштабах на расовой, религиозной и политической почве. 7 апреля 1933 г. декрет, изданный имперским правительством, в частности, предусматривал:

«Статья 2. Лицам, которые согласно закону о гражданской службе от 7 апреля 1933 г. считаются неарийского происхождения, может быть отказано в разрешении заниматься юридической практикой, даже если не существует ни одной из тех причин, которые перечислены в Правилах для адвокатов. То же относится к случаям, когда юрист, имеющий данные, описанные в разделе 1, пункт 2, желает быть принятым в другой суд...

Статья 3. Лица, занимающиеся деятельностью, связанной с коммунизмом, не допускаются к участию в судебной процедуре. Если разрешения уже выданы, они должны быть отменены».

Этот декрет был претворен в жизнь как запретительная норма...

15 сентября 1935 г. рейхстаг принял «закон о защите германской крови и чести». Цитируем:

«Статья 1. (1) Браки между евреями и гражданами германской или родственной крови запрещаются. Браки, заключенные невзирая на этот запрет, считаются недействительными, даже если бракосочетание совершалось за границей в целях обойти закон.

(2) Иск об аннулировании брака может исходить только от прокурора.

Статья 2. Половые сношения (исключая лиц, состоящих в браке) между евреями и германскими гражданами либо лицами германской или родственной крови запрещаются».

Другими законами, в которые время от времени вносились поправки, неарийцы были почти полностью исключены из системы государственной службы. Число неарийцев (преподававших) в школах и высших учебных заведениях было ограничено[1]...

Декрет от 2 ноября 1942 г. предусматривал:

«Раздел 1. Еврей, имеющий постоянное местожительство за границей, не может быть гражданином протектората Богемии и Моравии. Постоянное местожительство за границей считается установленным, если еврей находился за границей при обстоятельствах, указывающих на то, что пребывание его там не носило временного характера.

Раздел 2. Еврей теряет статус своего гражданства в протекторате, если:

(a) на момент вступления данного декрета в силу он имеет постоянное местожительство за границей;

(b) в какой-то момент после вступления данного декрета в силу он создает себе постоянное местожительство за границей».

Акт от 25 ноября 1941 г. предусматривал:

«Раздел 3. (1) Имущество еврея, потерявшего свое гражданство в силу данной поправки, будет конфисковано в пользу рейха в момент потери гражданства. Рейх конфискует также имущество евреев, не имеющих подданства в момент, когда данная поправка вступает в силу, и имущество евреев, последнее подданство которых было германским, если они постоянно проживают за границей или переселяются туда на постоянное местожительство.

(2) Конфискованное таким образом имущество будет использоваться на все цели, связанные с разрешением еврейского вопроса...

Раздел 8. Решать вопрос о том, имеются ли условия для конфискации имущества, должен глава полиции безопасности и СД...

[1] «С приходом нацистов к власти в 1933 году преследование евреев стало официальной государственной политикой... В течение последующих лет была проведена серия антисемитских законов, ограничивавших деятельность евреев в гражданских учреждениях, в правовых учреждениях, в журналистике и в вооруженных силах. В сентябре 1935 года были изданы так называемые нюрнбергские законы, наиболее важным последствием которых явилось лишение евреев германского гражданства» (из приговора Международного Военного Трибунала, «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 320). — Составитель.

(2) Управлением и ликвидацией конфискованного имущества ведает глава регионального финансового отдела, Берлин».

Декрет от 4 декабря 1941 г. «по поводу организации... и уголовной юрисдикции в отношении поляков и евреев на присоединенных восточных территориях»[1] является, по-видимому, пределом, до которого нацистское правительство довело свои зафиксированные в законах и декретах преследования расовых и религиозных меньшинств; здесь, однако, вступает в действие новый исключительно важный элемент. Мы имеем в виду распространение германских законов на оккупированную территорию, на якобы присоединенные территории и на территории так называемых протекторатов. Этот декрет предусматривает:

«(1) Поляки и евреи на присоединенных восточных территориях должны вести себя в соответствии с германскими законами и правилами, введенными для них германскими властями. Они должны воздерживаться от какого-либо поведения, которое может нанести ущерб суверенитету германского рейха или престижу германского народа.

(2) Любой поляк или еврей будет приговорен к смертной казни, если он совершит акт насилия в отношении немца по той причине, что он принадлежит к немецкой крови.

(3) Поляк или еврей будет приговорен к смерти или в менее серьезных случаях к тюремному заключению, если он будет проявлять антигерманские настроения путем злостной деятельности или подстрекательства к ней, в особенности, если он будет высказываться в антигерманском духе, снимать или портить официальные уведомления германских властей или ведомств, либо если он своим поведением будет снижать престиж или благосостояние германского рейха или германского народа...

(4) Любой поляк или еврей будет приговариваться к смертной казни или в менее серьезных случаях к тюремному заключению в следующих случаях:..

3. Если он побуждает или подстрекает к неподчинению какому-либо декрету или каким-либо правилам, изданным германскими властями.

[1] В оригинале пропуск в заголовке декрета. Этот декрет известен также под названием «декрет судопроизводства по делам поляков и евреев на присоединенных восточных территориях». — *Прим. перев.*

4. Если он вступает в сговор о совершении акта, наказуемого в соответствии с параграфами (2), (3) и (4), либо если он серьезно замышляет совершение подобного акта, либо если он предлагает свое участие в совершении такого акта, либо если он располагает достоверной информацией о таком акте, либо о намерении его совершить и не уведомляет об этом власти или лицо, которому угрожает такой акт, в момент, когда опасность еще может быть предотвращена...

II. Наказание может быть также вынесено полякам или евреям, если они действуют в противоречии с германским уголовным правом или совершают какие-либо действия, за которые они заслуживают наказания в соответствии с основными принципами германского уголовного права, учитывая интересы рейха на присоединенных восточных территориях.

III. ...(2) Смертная казнь будет выноситься во всех случаях, когда это предусматривается законом. Далее, в тех случаях, когда закон не предусматривает смертной казни, она может и будет выноситься, если совершенное преступление представляется особенно тяжким по иным причинам; смертная казнь может выноситься также несовершеннолетним правонарушителям...

XIV. (1) Положения, предусматриваемые разделами I—IV настоящего декрета, распростаняются также на тех поляков и евреев, которые 1 сентября 1939 г. постоянно либо временно проживали на территории бывшего польского государства и которые совершили преступные деяния в любой части германского рейха, помимо присоединенных восточных территорий...».

Следует обратить внимание на то, что заголовок приведенного выше декрета относится к «полякам и евреям на присоединенных восточных территориях», однако статья XIV предусматривает, что этот декрет распространяется также на действия, совершенные поляками и евреями на территории любой части германского рейха, если 1 сентября 1939 г. они проживали в пределах бывшего польского государства. Суды неоднократно применяли этот раздел при судебном преследовании поляков.

Было опубликовано 13-е правило имперского закона о гражданстве, свидетельствующее о том, что правительство под влиянием все более ухудшающейся военной ситуации пытается добиться «разрешения еврейской проблемы» с

помощью все более жестоких мер. Это правило, изданное 1 июля 1943 г., предусматривает:

«Статья 1. (1) Преступные акты, совершенные евреями, будут наказываться полицией.

(2) Положения... уголовных законов от 4 декабря 1941 г. более не будут распространяться на евреев.

Статья 2. (1) По смерти еврея его имущество будет конфисковываться рейхом...

Статья 3. Имперский министр внутренних дел с согласия соответствующих высших органов рейха будет издавать правовые и административные указания для осуществления и претворения в жизнь настоящего правила. Осуществляя эту меру, он будет определять, в какой степени данные положения будут распространяться на еврейских граждан в иностранных государствах».

Статья 4 распространяла данное правило на протекторат Богемия и Моравия.

Нацисты принимали не только специальные законы, устанавливающие дискриминацию для поляков и евреев и для политических противников; они принимали также специальные законы в пользу членов партии. Декрет от 17 октября 1939 г. предусматривал, что «на территории великого германского рейха специальная юрисдикция по уголовным делам будет установлена для:

1. Членов имперского руководства СС.

2. Членов персонала тех высших руководителей СС и полиции, которые имеют право издавать приказы для органов, перечисленных ниже под пунктами 3—6.

3. Членов отрядов СС, созданных для специальных целей.

4. Членов отрядов СС «Мертвая голова» (включая вспомогательные подразделения).

5. Членов юнкерских школ СС.

6. Членов полицейских отрядов, созданных для специальных целей».

12 марта 1938 г. германская армия захватила Австрию. Методы, которые она применяла при этом, были «методами агрессора»[1]. На следующий день Австрия была аннексирована германским рейхом. В результате заключения 29 сентября 1938 г. Мюнхенского соглашения и угрозы вторже-

[1] См. приговор Международного Военного Трибунала («Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 336).— Составитель.

ния Чехословакия должна была согласиться на передачу Судетской области Германии[1], а 16 марта 1939 г. Богемия и Моравия были включены в империю в качестве протектората. 1 сентября 1939 г. было осуществлено вторжение в Польшу, после чего она была оккупирована, в последующем Германия с помощью военной силы оккупировала целиком либо частично Данию, Норвегию, Бельгию, Нидерланды, Люксембург, Югославию, Грецию и Россию[2].

Эти оккупации и аннексии послужили поводом для распространения на многие территории вне пределов старого рейха тех драконовских и дискриминационных германских законов, которые действовали в пределах старого рейха. Акт от 14 апреля 1939 г. предусматривал, что лица, не являющиеся германскими гражданами, подлежат германской юрисдикции за правонарушения, (а) на которые распространяется германское уголовное право, (b) если они привлекаются к суду по частному обвинению, предъявленному германским гражданином... (раздел 6).

Германская юрисдикция в протекторате Богемии и Моравии исключает юрисдикцию судов протектората, если по этому поводу нет иных положений (раздел 7).

Декрет от 5 сентября 1939 г., направленный против врагов рейха, был «распространен на протекторат Богемии и Моравии, а также на лиц, не являющихся германскими гражданами».

Декретом от 25 ноября 1939 г. по поводу ущерба военным материалам, в частности, предусматривалось:

«Раздел 2. Лицо, нарушающее либо подвергающее опасности нарушить нормальную работу предприятия, имеющего значение для обороны рейха или для снабжения населения, для чего это лицо полностью либо частично выведет из строя какой-либо из элементов, используемых на предприятии, будет наказываться каторжными работами либо в особо серьезных случаях — смертью...

Раздел 6. В протекторате Богемии и Моравии положения разделов 1, 2... и 5 настоящего декрета распространя-

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 339. Что касается Мюнхенского соглашения, то оно явилось постыдным сговором империалистов о расчленении чехословацкого государства, поощрением фашистского агрессора. — **Составитель.**

[2] Так в тексте. — **Составитель.**

ются также на лиц, не являющихся гражданами германского государства».

Декрет «о распространении применения уголовного права» от 6 мая 1940 г., в частности, предусматривал:

«(Статья 1, раздел 4). Германское уголовное право будет применяться к следующим преступлениям, совершенным иностранцем за границей, вне зависимости от законов места, где совершено преступление:

1. Преступления, совершенные лицом, занимающим германскую правительственную должность, либо являющимся германским солдатом, либо сотрудником имперской рабочей службы (рейхсарбейтсдинст), либо преступления, совершенные против лица, занимающего германскую правительственную или партийную должность, против германского солдата или сотрудника имперской рабочей службы, когда потерпевший находился при исполнении служебных обязанностей либо если преступление связано с его службой;

2. Действия, представляющие собой измену или государственную измену против Германии...

(Статья II). Параграф 153... Преступление, совершенное иностранцем за границей, будет преследоваться имперским прокурором лишь по требованию имперского министерства юстиции. Имперский прокурор может воздержаться от преследования за преступление, если за это же преступление уже был вынесен обвинительный приговор за границей, если этот обвинительный приговор уже был приведен в исполнение и если наказание, которое можно вынести за данное преступление в Германии, за вычетом срока наказания, отбытого за границей, не будет серьезным».

Акт от 25 ноября 1941 г. по поводу конфискации еврейского имущества был распространен на протекторат Богемии и Моравии и на присоединенные восточные территории. Огромную важность в этой категории законодательных актов представлял закон против поляков и евреев, который мы уже приводили в другой связи. Тринадцатое правило имперского закона о гражданстве от 1 июля 1943 г. также было распространено на протекторат Богемии и Моравии, «где имели юрисдикцию германская администрация и германские суды». Распространялась эта поправка и на евреев, «являвшихся гражданами протектората» (раздел 4).

Выше мы рассматривали материальное уголовное право

и его распространение на оккупированные и присоединенные территории, но эти законы сами по себе не обладали исполнительной силой. Для осуществления целей агрессивной войны, устранения политической оппозиции и истребления евреев во всей Европе было сочтено необходимым использовать министерство юстиции и всю судебную систему, чтобы уголовные законы претворялись в жизнь в соответствии с национал-социалистской идеологией.

Декретом от 21 марта 1933 г. в районе деятельности каждого оберландсгерихта были созданы специальные суды. Их юрисдикция стремительно расширялась. К ней было отнесено рассмотрение дел, возникающих по декрету, касающемуся защиты от предательских нападений на «правительство национальной революции»[1].

Декрет от 21 марта 1933 г., в частности, предусматривал:

«Раздел 3. (1) Специальные суды будут также компетентными, если преступление в пределах их юрисдикции представляет и другое наказуемое деяние.

(2) Если другое наказуемое деяние фактически связано с преступлением в пределах юрисдикции специальных судов, судебное преследование за это другое наказуемое деяние в отношении преступников и их соучастников может быть передано специальному суду...

Раздел 9. (1) Разбирательство по поводу выдачи ордеров на арест производиться не будет...

Раздел 10. Для подсудимых, еще не выбравших себе адвоката, он должен назначаться после установления даты судебного процесса.

Раздел 11. Предварительного судебного расследования производиться не будет...

Раздел 12... (4) Приказ о вызове в суд (раздел 217 уголовно-процессуального кодекса) направляется за три дня. Срок может быть сокращен до 24 часов.

Раздел 13. Специальный суд может отказаться принять любое доказательство, если судьи пришли к выводу, что данное доказательство не нужно для выяснения обстоятельства дела.

Раздел 14. Специальный суд должен выносить приговор, даже если в ходе процесса будет установлено, что действие,

[1] Нацистское правительство.— Составитель.

в котором обвиняется подсудимый, не относится к юрисдикции специального суда. Это не касается случаев, когда рассматриваемое действие представляет собой преступление или правонарушение, относящееся к юрисдикции верховного суда или оберландсгерихта; в таком случае специальный суд должен действовать в соответствии с разделом 270, параграфами 1—2 уголовно-процессуального кодекса.

Раздел 16. (1) Апелляция на приговоры специальных судов не допускается.

(2) Ходатайства о пересмотре дела будут рассматриваться уголовной палатой оберландсгерихтов. Возобновление дела в пользу подсудимого будет производиться и в том случае, если имеются обстоятельства, указывающие на необходимость пересмотра дела в порядке обычной процедуры. Положения раздела 363 уголовно-процессуального кодекса остаются без изменений. Если ходатайство о пересмотре дела обосновано, будет отдано распоряжение о рассмотрении дела обычным компетентным судом».

Специальным судам была предоставлена также юрисдикция по закону о защите от насильственных политических актов от 4 апреля 1933 г., по которому разрешалось применять смертную казнь...

21 февраля 1940 г. специальным судам особым распоряжением была предоставлена юрисдикция относительно:

«(Статья 13). 1) преступлений и правонарушений, подлежащих наказанию по закону от 20 декабря 1934 г., касающемуся изменнических нападок на государство и партию и защиты партийной форменной одежды;

2) преступлений по разделу 239а имперского уголовного кодекса и по закону от 22 июня 1938 г. по поводу разбойных нападений на дорогах с применением ловушек;

3) преступлений по декрету (от 1 сентября 1939 г.) о запрещении слушать иностранные радиопередачи;

4) преступлений и правонарушений по декрету о военной экономике от 4 сентября 1939 г.;

5) преступлений по разделу 1 декрета от 5 сентября 1939 г. против врагов государства;

6) преступлений по разделам 1 и 2 декрета от 5 декабря 1939 г. против преступников, применяющих насилие».

Декрет далее предусматривал:

«(Статья 14). (1) Специальный суд имеет также юрисдикцию в отношении других преступлений и правонарушений, если обвинение придерживается мнения, что нужно

немедленное вынесение приговора специальным судом ввиду тяжести или особой жестокости совершенного деяния, либо учитывая общественную реакцию, вызванную данным преступлением, либо серьезную угрозу общественному порядку или общественной безопасности».

«(Статья 23). (1) При всех разбирательствах специальным судом приговор должен выноситься немедленно, без соблюдения тех или иных условий откладывания исполнения приговора, если преступник был пойман на месте преступления либо если его вина является очевидной по иным причинам.

(2) Во всех других случаях срок явки в суд будет составлять 24 часа (статьи 217, 218 имперского уголовно-процессуального кодекса)».

«(Статья 25). (1) Специальный суд должен вынести приговор по делу, даже если в ходе процесса будет установлено, что деяние, вменяемое в вину подсудимому, по своей природе не относится к компетенции специального суда. Если же, однако, процесс покажет, что преступное деяние относится к юрисдикции «народной судебной палаты», то специальный суд особым решением передает дело этому последнему суду; соответственно применяется статья 270, раздел 2 имперского уголовно-процессуального кодекса».

«(Статья 26). (1) На приговоры специального суда апелляции не существует»...

Имеет значение быстрота, с которой действовал специальный суд. Ввиду объемистых списков дел, назначенных к слушанию в специальных судах, Фрейслер, выступая от имени министра юстиции, приказал: «Специальный суд, как правило, следует считать перегруженным, если средняя цифра поступающих к нему новых обвинительных актов превышает сорок».

В законе против поляков и евреев от 4 декабря 1941 г. предусматривалось:

«IV. Прокурор будет преследовать в судебном порядке поляка или еврея, если полагает, что наказание соответствует интересам общества.

V. (1) Поляков и евреев будет судить специальный суд или судья ландсгерихта...

VI. (1) Каждый приговор будет приводиться в исполнение без задержки. Однако прокурор может опротестовать приговор, вынесенный судьей ландсгерихта, перед

оберландсгерихтом. Протест должен быть подан в течение 2 недель.

(2) Право подавать жалобы (приносить протесты), которые будут рассматриваться оберландсгерихтом, принадлежит исключительно прокурору.

VII. Поляки и евреи не могут заявить отвод немецкому судье, ссылаясь на то, что он, по их мнению, пристрастен.

VIII. ... (2) Во время предварительного расследования прокурор может дать распоряжение об аресте и о любых других допустимых мерах принуждения.

IX. Поляки и евреи не приводятся к присяге как свидетели в уголовном процессе. Если устанавливается, что данное ими без присяги показание оказывается ложным, будут соответственно применяться меры, предписываемые на случай клятвопреступлений и дачи ложных показаний.

X. (1) Только прокурор может подать ходатайство о возобновлении дела. Если дело рассматривается специальным судом, то решение по ходатайству о возобновлении дела принимает суд.

(2) Право подать ходатайство о признании приговора недействительным принадлежит главному прокурору. Решение по ходатайству принимает оберландсгерихт.

XI. Поляки и евреи не имеют права выступать в качестве обвинителей — ни в главном, ни в вспомогательном качестве.

XII. Суд и прокурор должны вести процесс по своему усмотрению и в соответствии с германским процессуальным правом. Однако они могут отклоняться от германского права, судоустройства и уголовного процесса во всех случаях, когда это представится им целесообразным в целях быстрого и более эффективного ведения процесса...

XV. В данном декрете понятие «поляк» включает также лиц без гражданства».

Можно заметить, что процессуальные правила принимали постепенно все более суммарный и суровый характер по мере ухудшения военного положения.

Серьезным шагом по нацификации судебной системы, как представляется, явилось создание «народной судебной палаты», которая подразделялась на ряд сенатов или отделов.

«Когда верховный суд оправдал трех из четырех подсудимых, обвиняемых в причастности к поджогу рейхстага, дела о государственной измене были изъяты из его юрис-

дикции и переданы вновь образованному «народному суду»[1], состоявшему из двух судей и пяти чиновников нацистской партии»[2].

Акт от 24 апреля 1934 г., давший весьма гибкие определения понятия «государственная измена», содержал также положения о новом судебном механизме для претворения в жизнь этого акта.

«Статья III, раздел 1. (1) Для судебного рассмотрения дел о государственной измене создается «народная судебная палата».

(2) Решения «народной судебной палаты» принимаются пятью членами, если дело рассматривается в судебном заседании, и тремя, если дело рассматривается вне судебного заседания. Это число включает председателя. Председатель и еще один из членов суда должны быть судьями-юристами. Может быть учреждено несколько сенатов».

В разделе 3 (1) ст. III предусматривается, что «народная судебная палата» является «компетентным судом для рассмотрения дел о государственной измене и вынесения по ним приговора в первой и последней инстанции...», ей подсудны также другие особо оговоренные дела.

«Статья III, раздел 3. (2) «Народная судебная палата» является компетентным судом также в тех случаях, когда преступления и правонарушения, подлежащие его юрисдикции, представляют собой в то же время другое наказуемое деяние.

(3) Если другое наказуемое деяние находится в фактической связи с преступлением или правонарушением, подлежащим юрисдикции «народной судебной палаты», то преступники и соучастники в совершении других наказуемых деяний могут быть преданы суду «народной судебной палаты» путем объединения соответствующих дел»...

«Статья III, раздел 5 (2) На приговоры «народной судебной палаты» апелляция не допускается».

1 декабря 1936 г. юрисдикция «народной судебной палаты» была распространена на нарушения закона против экономического саботажа.

14 апреля 1939 г. эта система была распространена на Богемию и Моравию. Цитируем:

[1] Так называемой «народной судебной палате». — Составитель.
[2] Из приговора Международного Военного Трибунала («Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 318).— Составитель.

«Раздел 1. (2) Далее, имперский верховный суд и «народная судебная палата» будут осуществлять юрисдикцию в протекторате Богемия и Моравия».

Пределы этой юрисдикции определяются следующим образом:

«Раздел 6. (1) Германские граждане подлежат германской юрисдикции в протекторате Богемии и Моравии.

(2) Лица, не являющиеся германскими гражданами, подлежат германской юрисдикции за правонарушения:

a) на которые распространяется германское уголовное право,

b) если правонарушения преследуются по частному обвинению, при условии, что это обвинение предъявлено германским гражданином ...

Раздел 7. Германская юрисдикция в протекторате Богемии и Моравии исключает юрисдикцию, осуществляемую судами протектората, если это не предусмотрено иным образом.

Раздел 8. Германские суды в протекторате Богемии и Моравии вершат правосудие от имени германского народа».

Закон от 16 сентября 1939 г. предусматривал апелляцию при чрезвычайных обстоятельствах на окончательные приговоры. Приводим этот закон в сокращении:

«Статья 2, раздел 3. (1) Главный имперский прокурор при имперском верховном суде может подать апелляцию на юридически действующие приговоры в течение одного года после провозглашения этих приговоров, если ввиду серьезных сомнений по поводу справедливости приговора он считает необходимым новое судебное разбирательство и принятие новых решений по делам.

(2) На основании этой апелляции особый уголовный сенат имперского верховного суда будет рассматривать дела вторично.

(3) Если первый приговор был вынесен «народной судебной палатой», то апелляция должна быть подана главным имперским обвинителем при «народной судебной палате» и вторичное рассмотрение дела будет осуществляться особым сенатом «народной судебной палаты». То же относится к приговорам, вынесенным оберландсгерихтами по делам, которые главный имперский обвинитель при «народной судебной палате» передал государственному обвинителю при оберландсгерихте или которые «народная судеб-

ная палата» передала для суда и вынесения приговора в оберландсгерихты ...

21 февраля 1940 г. юрисдикция «народной судебной палаты» была сформулирована заново и вновь расширена; теперь она охватывала государственную измену, измену, серьезные случаи нанесения ущерба военным материалам, случаи недонесения о намечаемом преступлении, преступления по разделу 5 (1) декрета от 28 февраля 1933 г. по поводу «защиты народа и государства» преступления, представляющие собой экономический саботаж, преступления по подрыву германского военного потенциала и др.

6 мая 1940 г. был издан всеобъемлющий декрет о юрисдикции германских судов для «территории великого германского рейха». Этот декрет предусматривал:

«Германское уголовное право будет распространяться на преступления германских граждан вне зависимости от того, совершено ли это преступление в Германии или за границей. Если за границей совершено преступление, которое по законам места совершения не является наказуемым, то германское уголовное право применяться не будет, за исключением тех случаев, когда такое действие будет представлять собой преступление в соответствии со здравым чувством народа к правосудию, ввиду особых условий, существующих в месте, где совершено преступление ...

Параграф 4. Германское уголовное право будет применяться также по отношению к преступлениям, совершенным иностранцами в Германии.

Германское уголовное право будет применяться к преступлениям, совершенным иностранцем за границей, если они являются наказуемыми в соответствии с уголовным кодексом территории, где они совершены, либо если эта территория не подлежит никакой юрисдикции, либо если:

1) преступник получил германское гражданство после совершения преступления, или

2) преступление направлено против германского народа либо германского гражданина, или

3) преступник был задержан в Германии и не был выдан, хотя характер его преступления допускает выдачу.

Германское уголовное право будет применяться к нижеследующим преступлениям, совершенным иностран-

цем за границей, вне зависимости от законов места, где преступление совершено»...

Декрет, изданный имперским министром юстиции Тираком 13 декабря 1944г., предусматривал:

«Статья 2, параграф 12. Ограниченное допущение защитников.

(1) В любом уголовном деле несколько адвокатов или профессиональных юристов, представляющих подсудимого, не могут выступать сообща, как избранные адвокаты одного подсудимого.

(2) Правило об обязательном представлении подсудимого защитником не применяется. Председательствующий судья назначает защитника на все судебное разбирательство или на определенную его часть, если ввиду сложности материала или правовых проблем требуется помощь защитника или если подсудимый, с должным учетом его личности, не в состоянии защищать себя сам ...».

16 февраля 1934 г. было принято следующее постановление:

«Статья 2. Прерогатива аннулирования обвинения и помилования принадлежит имперскому президенту (ранее она принадлежала землям).

Амнистии могут обнародоваться только по имперскому закону».

Эта централизация права на помилование характеризует радикальный отход от системы, существовавшей до 1933 года; она явилась тем средством, с помощью которого воля Гитлера стала доминирующей силой в министерстве юстиции и в судах. Другие положения сводятся к следующему:

«Даже если приговор был обжалован только подсудимым или его защитником, либо обвинением в пользу подсудимого, приговор может быть изменен против интересов подсудимого.

По уголовным делам, относящимся к компетенции «народной судебной палаты», оберландсгерихтов или ландсгерихтов, предварительное расследование проводится по ходатайству государственного обвинителя, если в результате соответствующего обсуждения он сочтет это необходимым.

По другим уголовным делам предварительное расследование также производится по ходатайству обвинителя. Обвинитель должен выступать с таким ходатайством лишь

в том случае, если в силу необычных обстоятельств он считает необходимым, чтобы судья провел такое предварительное расследование».

... 21 марта 1942 г. Адольф Гитлер издал декрет по поводу упрощения отправления правосудия. Цитируем нижеследующие выдержки из этого декрета:

«По уголовным делам... официальное открытие судебного разбирательства по делу нужно упразднить... (раздел I).

Обвинительные акты и судебные решения должны писаться более лаконично, ограничиваясь абсолютно необходимым (раздел II).

Участие в принятии судебных решений членов суда — профессиональных юристов следует ограничить (раздел III).

Я поручаю имперскому министру юстиции, по согласовании этого вопроса с имперским министром и начальником имперской канцелярии, издать правовые нормы, необходимые для исполнения этого декрета.

Я предоставляю право имперскому министру юстиции принять необходимые административные меры и административным путем решить могущие возникнуть сомнения (раздел VI)».

13 августа 1942 г. подсудимый Шлегельбергер как имперский министр юстиции, возглавляющий министерство, издал нижеследующее распоряжение:

«Статья 4. ... Решения уголовного суда, специального суда и уголовного сената оберландсгерихта могут приниматься единолично председателем либо его постоянным заместителем, если он считает, что можно обойтись без участия членов суда ввиду несложности характера и правового статуса дела и при условии согласия государственного обвинителя.

Статья 5. ...По делам, рассматриваемым ландсгерихтами, государственный обвинитель может отказаться от участия в судебном разбирательстве.

Статья 7. (2) Вопрос об обоснованности того или иного возражения решает председатель суда, выносящего решение. Вопрос о допустимости апелляции решает президент оберландсгерихта ... Эти решения не могут подвергаться никаким проверкам и не опротестовываются.

(3) Дополнительные возражения допускаться не будут».

Мы уже привели подробную цитату из декрета от 4 декабря 1941 г. по поводу организации уголовного преследования в отношении поляков и евреев на присоединенных восточных территориях. Этот декрет содержит также положения о создании военного права, которые мы ниже приводим:

«Статья XIII. (1) При условии согласия имперского министра внутренних дел и имперского министра юстиции генерал-губернатор может, до получения иных указаний, применять военное право на присоединенных восточных территориях, либо на территории, подлежащей его юрисдикции, либо на частях этой территории в отношении поляков и евреев, виновных в тяжких эксцессах в отношении немцев или в других преступлениях, представляющих серьезную угрозу для Германии.

(2) Суды, созданные в соответствии с военным правом, выносят смертный приговор. Они, однако, могут не выносить наказания и передать дело государственной тайной полиции».

Окончательным шагом в разработке суммарной уголовной процедуры послужил декрет имперского министра юстиции Тирака, принятый 15 февраля 1945 г. Этот декрет предусматривал:

«II. 1. Военно-полевой суд состоит из судьи уголовного суда, являющегося председателем, и члена руководящего политического корпуса, либо руководителя другого по структуре отдела НСДАП, а также офицера вермахта, войск СС или полиции, выступающих в качестве членов суда ...

III. 1. Военно-полевые суды имеют юрисдикцию над всеми категориями преступлений, угрожающих германской военной мощи или подрывающих германский военный потенциал ...

IV. 1. Приговором военно-полевого суда может быть либо смертная казнь, либо оправдание, либо решение о передаче дела в обычный суд... Имперский комиссар обороны отдает приказы о времени, месте и способе казни...».

В развитие декрета Гитлера от 16 марта 1939 г. подсудимый Шлегельбергер как исполняющий обязанности имперского министра юстиции вместе с министром внутренних дел и главой вооруженных сил Кейтелем издали декрет, который в извлечениях гласит:

«Раздел 1. В случае прямого нападения лица, не являющегося германским гражданином, на любого из членов СС или сотрудников германской полиции (либо выступления против СС или германской полиции) рейхсфюрер СС и глава германской полиции и имперского министерства внутренних дел может создать объединенный суд СС и полицейский суд, объявив, что особые интересы частей СС или полиции требуют, чтобы приговор был вынесен судом СС и полиции.

Эта декларация должна быть направлена имперскому протектору Богемии и Моравии...

Раздел 2. Если правонарушение непосредственно затрагивает интересы вооруженных сил, рейхсфюрер СС и глава германской полиции должен прийти к соглашению с главой верховного командования вооруженных сил о том, обязан ли по данному делу осуществлять преследование суд СС и полиции или военно-полевой суд» ...

ПРАВО В ДЕЙСТВИИ

Переходим теперь от изложенного выше неполного обзора нацистского законодательства к рассмотрению права в действии и влияния «принципа фюрерства» ... на чиновников министерства юстиции, прокуроров и судей. Деятельность министерства юстиции определялась двумя основными принципами. Первый касается абсолютной власти Гитлера лично либо через соответствующие органы принимать законы, обеспечивать их исполнение и объявлять в судебном порядке. Второй принцип состоял в том, что эти законы не подвергались сомнению. Оба принципа были развиты профессором Ярайссом[1], выступавшим на суде в качестве свидетеля всех подсудимых. О первом принципе он говорил:

«Если теперь задать вопрос об ограничениях в праве в том смысле, как они понимаются в Европе, и если в первую очередь задать вопрос об ограничениях в германском праве, то придется ответить, что для Гитлера ограничения в гер-

[1] Герман Ярайсс на процессе главных немецких военных преступников выступал в защиту подсудимых с речью по общеправовым вопросам. Официально он числился помощником адвоката Экснера, защищавшего подсудимого Иодля.— Составитель.

манском праве не существовали. Гитлер являлся legibus solutus[1]... Люди, которые говорят, что дело обстояло иначе, лишь выражают желаемое, но не отражают действительных правовых фактов».

Что касается второго принципа, то Ярайсс поддерживает мнение.., что если германские законы осуществлялись в обычном процессуальном порядке, то судебные власти не имели возможности подвергать их сомнению на основании конституционных или этических норм. По нацистской системе и до ее создания германские судьи были обязаны применять германское право, даже если это шло в нарушение принципов международного права. Вот что говорит по этому поводу профессор Ярайсс:

«Говоря иными словами, не имело никакого значения, сознательно ли государство приняло закон, несовместимый с международным правом, или нет; таково было юридическое положение вещей, как это ни прискорбно».

Сказанным, однако, не отрицается высший авторитет международного права... Опять мы ссылаемся на заявление профессора Ярайсса.

«С другой стороны, вне сомнения, существовали правовые ограничения для Гитлера по международному праву... Он был связан международным правом...»

Вывод, который можно сделать на основании доказательств, представленных самими подсудимыми, ясен: в германской правовой теории декреты Гитлера были щитом для тех, кто поступал в соответствии с ними, но перед Трибуналом, которому предоставлено право применять международное право, декреты Гитлера не могут быть защитой ни для самого фюрера, ни для его подчиненных, если они применялись в нарушение международного права.

В германской правовой теории Гитлер являлся не только верховным законодателем, но и верховным судьей. 26 апреля 1942 г. Гитлер произнес в рейхстаге речь, в которой, в частности, говорил:

«Я настаиваю на одном: чтобы нация предоставила мне право вмешиваться немедленно и лично принимать меры во всех случаях, когда то или иное лицо отказывается от безоговорочного послушания... Поэтому я прошу германский рейхстаг особо подтвердить, что моим бесспорным

[1] Повелителем законов, верховным законодателем. — Составитель.

правом является наблюдение за тем, чтобы каждый выполнял свой долг, и увольнение или снятие с должности либо с занимаемого поста, невзирая на личность и на установленные права, любого человека, который, с моей точки зрения и по моему продуманному мнению, не выполнил своего долга... Отныне я буду в таких случаях вмешиваться и удалять с должности тех судей, которые явно не понимают требований настоящего момента».

В тот же день расширенный состав германского рейхстага принял резолюцию, которая, в частности, гласила:

«Фюрер должен получить все обуславливаемые им права, которые способствуют достижению победы. Поэтому, не будучи связан существующими нормами закона и в качестве фюрера нации, верховного главнокомандующего вооруженными силами, главы правительства и высшего главы исполнительной власти, в качестве верховного судьи и руководителя партии фюрер должен иметь возможность всеми находящимися в его распоряжении средствами заставлять в случае надобности выполнять свой долг каждого немца, будь то простой солдат или офицер, высший чиновник или судья, деятель партии, занимающий руководящую или подчиненную должность, рабочий или служащий. В случае невыполнения этих обязанностей фюрер имеет право, после тщательного расследования, вне зависимости от так называемых приобретенных прав, наказать виновного и устранить правонарушителя с его поста, лишить ранга и положения, не прибегая к предписанным процедурам».

Тот факт, что Гитлер принял на себя высшую правительственную власть во всех областях, не представлял собой нового шага, который объяснялся бы военными обстоятельствами. После массовых убийств, совершенных в связи с «путчем Рема», которые осуществлялись по прямому приказу Гитлера, последний 13 июля 1934 г. заявил:

«Когда люди упрекают меня за то, что для вынесения им приговора я не обратился к обычному суду, я могу лишь сказать: «В этот час я несу ответственность за судьбу германской нации и посему являюсь верховным судьей германского народа!»

Представление о Гитлере как о верховном судье было поддержано подсудимым Ротенбергером. Цитируем:

«Однако произошло нечто совершенно иное; из среды германского народа появился фюрер — человек, пробудивший старые, давно забытые времена. Перед нами человек,

способный явиться идеалом судьи в самом совершенном смысле этого слова, и германский народ выбрал его в качестве своего судьи — в первую очередь, разумеется, в качестве «судьи» над их судьбой в целом, но также и в качестве верховного судьи».

...13 ноября 1934 г. Геринг в речи, произнесенной в академии германского права, выразил аналогичную точку зрения о положении Гитлера:

«Господа, для германской нации этот вопрос был разрешен словами того, кто в этот час является нашим судьей, словами фюрера, заявившего, что в этот час крайней опасности он один, фюрер, избранный народом, является высшим и единственным судьей для германской нации».

Подсудимый Шлегельбергер 10 марта 1936 г. заявил:

«Следует, однако, подчеркнуть, что в сфере права также фюрер и именно он один устанавливает темп развития».

Об этом же сказал имперский министр юстиции Тирак 5 января 1943 г.:

«За эти 10 лет, что фюрер ведет немецкий народ, у нас также возникло убеждение, что фюрер является главным и верховным судьей для германского народа».

17 февраля 1943 г. подсудимый Ротенбергер в следующих выражениях суммировал свое мировоззрение в области права:

«Судья в принципе связан законом. Законы являются приказами фюрера».

Как мы увидим, приводимые выше высказывания ведущих деятелей в области нацистской юриспруденции не были голыми теориями. Гитлер на деле осуществлял взятое на себя право действовать в качестве верховного судьи, и в этом качестве он неоднократно контролировал решения по конкретным уголовным делам.

Доказательства свидетельствуют о том, что Гитлер и его приспешники, занимавшие высшие посты, отнюдь не удовлетворялись изданием общих директив для руководства судопроизводством. Они упорно настаивали на праве вмешиваться в приговоры по конкретным уголовным делам. Обсуждая право отказа в утверждении приговора, Мартин Борман как глава партийной канцелярии писал доктору Ламмерсу, главе имперской канцелярии, нижеследующее:

«Раз фюрер особо потребовал предоставить ему право непосредственного вмешательства во все официальные пра-

вовые решения, это явно свидетельствует об особой важности изменения судебного приговора».

Министерство юстиции остро чувствовало вмешательство Гитлера в область отправления правосудия по уголовным делам. 10 марта 1941 г. Шлегельбергер писал имперскому министру Ламмерсу, в частности, следующее:

«До моего сведения дошло, что совсем недавно был вынесен ряд приговоров, вызвавших серьезное недовольство со стороны фюрера. Мне точно неизвестно, о каких приговорах идет речь, но я установил для себя, что периодически выносятся приговоры, являющиеся совершенно нетерпимыми. В подобных случаях я буду действовать с максимальной энергией и решимостью. Однако для правосудия и его положения в рейхе жизненно важно, чтобы министру юстиции было известно, против каких приговоров возражает фюрер...».

В тот же день Шлегельбергер писал Гитлеру, в частности, следующее:

«В процессе ежедневного вынесения судебных решений по делам все еще встречаются приговоры, которые полностью не соответствуют выдвигаемым требованиям. В таких случаях я буду принимать необходимые меры...

Помимо этого, желательно все больше и больше воспитывать судей в плане правильного мышления с тем, чтобы они осознавали судьбу нации. Для этой цели было бы чрезвычайно ценно, если бы вы, мой фюрер, уведомляли меня о случаях, когда тот или иной приговор не встречает вашего одобрения. Судьи несут ответственность и полны твердого намерения соответственно выполнять свои обязанности ... Хайль, мой фюрер!»

Гитлер не только согласился с изложенной выше просьбой, но пошел еще дальше. По его личным приказам лица, приговоренные к тюремному заключению, передавались в гестапо для казни. Приводим краткую выдержку из показаний свидетеля защиты доктора Ганса Грамма, который в течение многих лет был личным референтом подсудимого Шлегельбергера.

«Вопрос: Известно ли вам что-нибудь о передаче осужденных полиции или гестапо?

Ответ: Мне известно о часто имевших место случаях, когда Гитлер отдавал приказы полиции забирать людей, которые были приговорены к тюремному заключению. Несомненно, это был приказ Гитлера, адресованный полиции,

о том, что полиция должна перевести к себе такого-то и такого-то человека. Срок действия этих приказов был обычно довольно короток. Как правило, до проведения казни полиции оставлялся срок всего в 24 часа, после чего она обязана была доложить, что приказ выполнен. Эти передачи заключенных, насколько я могу припомнить, происходили только во время войны».

Министерство юстиции великолепно знало об этой процедуре. Подсудимый Шлегельбергер сообщил Грамму, что бывший министр юстиции Гюртнер выразил Ламмерсу протест по поводу этой процедуры и получил ответ, «что суды не в состоянии соответствовать особым требованиям военного времени и что потому такие передачи придется продолжать».

Единственным реальным результатом данного протеста явилось то, что «с этого времени в каждом отдельном случае, когда отдавался приказ о такой передаче, надлежало информировать министерство юстиции» ...

Свидетель Ламмерс ... признал, что эта практика продолжалась при Шлегельбергере...

На материалах трех конкретных дел мы проиллюстрируем три различных метода, с помощью которых Гитлер через министерство юстиции осуществлял свою волю в обход судопроизводства. В первом деле, которое мы рассматриваем, Шлитт был приговорен к тюремному заключению; в результате этого Шлегельбергеру позвонил по телефону Гитлер и выразил свое недовольство приговором. В ответ на это подсудимый Шлегельбергер 24 марта 1942 г. написал, в частности, следующее:

«Я полностью согласен с Вашим требованием, мой фюрер, крайне сурово карать за преступления и заверяю Вас, что судьи честно стремятся выполнить Ваше требование. Всего в год число приговоров составляло более 300.000. Регулярные инструктажи, ставящие целью укрепить их в этом намерении и увеличить угрозу наказания, привели к серьезному снижению числа приговоров, против которых были высказаны возражения в этом плане.

Я по-прежнему буду стремиться к еще большему сокращению этого числа и в случае необходимости не воздержусь, как это уже имело место, от принятия мер в отношении определенных лиц.

Что касается уголовного дела по обвинению техника-строителя Эвальда Шлитта из Вильгельмсхафена, то я че-

рез государственного обвинителя ходатайствовал о направлении протеста об отмене этого приговора в особый сенат имперского суда. Я уведомлю Вас о решении особого сената, как только оно будет вынесено».

6 мая 1942 г. Шлегельбергер сообщил Гитлеру, что приговор, которым Шлитт осужден к десятилетнему тюремному заключению, был отменен в течение 10 дней и что «Шлитт приговорен к смерти и казнен немедленно».

После того, как Антон Шарф был приговорен к десяти годам каторжных работ, 25 мая 1941 г. Борман писал доктору Ламмерсу: «Фюрер полагает, что этот приговор абсолютно непостижим... Фюрер просит Вас еще раз проинформировать статс-секретаря Шлегельбергера о его точке зрения».

28 июня 1941 г. подсудимый Шлегельбергер писал доктору Ламмерсу: «Я весьма признателен фюреру за то, что он проинформировал меня, по моей просьбе, о его точке зрения на ответственность за преступления, связанные с затемнением, в связи с приговором, вынесенным специальным судом Мюнхена Антону Шарфу.

Я незамедлительно проинструктирую президентов оберландсгерихтов и главных государственных обвинителей в свете этой концепции фюрера».

В качестве последней иллюстрации этой общей практики приводим дело еврея Люфтгаза, который был приговорен к двум с половиной годам тюремного заключения за сокрытие запаса яиц. 25 октября 1941 г. Ламмерс уведомил Шлегельбергера: «Фюрер желает, чтобы Люфтгаз был приговорен к смерти». 29 октября 1941 г. Шлегельбергер писал Ламмерсу: «Я передал гестапо для казни еврея Маркуса Люфтгаза, который был приговорен к двум с половиной годам тюремного заключения...».

Хотя личное вмешательство Гитлера в уголовные дела было обычным явлением, основной его контроль над судьями осуществлялся путем передачи им своей власти имперскому министру юстиции, которому 20 августа 1942 г. было особо указано «отходить от любого существующего закона».

В списке тех представителей министерства юстиции, которые присоединились к постоянному давлению на судей в пользу более сурового и более дискриминационного отправления правосудия, мы находим Тирака, Шлегельбергера, Клемма, Ротенбергера и Иоэля. Ни угрозы увольне-

ния, ни спорадический контроль над уголовной юстицией в отдельных случаях не оказались достаточными, чтобы удовлетворить требования министерства юстиции. Как указывал подсудимый Ротхауг, «лишь в течение 1942 года, после того, как во главе министерства стал Тирак, началось «руководство» юстицией... Была предпринята попытка единообразно осуществлять руководство отправлением правосудия свыше».

В сентябре 1942 года Тирак начал систематическую рассылку немецким судьям «писем судьям». Первое «письмо судьям», датированное 1 октября 1942 г., обращало их внимание на тот факт, что Гитлер является верховным судьей и что «фюрерство и судейство имеют сходный характер». Цитируем:

«Судейское сословие, подобное настоящему, не должно рабски пользоваться костылями закона. Оно не станет с тревогой искать поддержки в законе, а, испытывая чувство удовлетворения за свою ответственность, найдет в пределах закона то решение, которое является наиболее удовлетворительным для жизни общества».

В «письмах судьям» Тирак разбирает конкретные решения, которые были приняты различными судами и которые не соответствовали национал-социалистской идеологии. В качестве иллюстрации того вида руководства, которое обеспечивалось германским судьям министерством юстиции, приводим несколько выдержек из «писем судьям».

В «письме судьям» от 1 октября 1942 г. рассматривается дело, по которому 24 ноября 1941 г. решение было вынесено ландсгерихтом. Населению одного города был выдан специальный кофейный паек. Несколько евреев обратились с просьбой о выдаче такого пайка, но им как «исключенным из распределения per se»[1] было отказано. Продовольственные органы наложили штраф на евреев за сам факт обращения с подобной просьбой. В 500 случаях евреи обратились в суд, и судья проинформировал продовольственные органы, что наложение штрафа нельзя поддержать по соображениям закона, одним из которых является закон об исковой давности. Решив дело в пользу евреев, суд написал пространное мнение, в котором заявлял, что интер-

[1] «Пэр сэ» — «само по себе», в данном случае — вследствие того, что они евреи.— Составитель.

претация обстоятельств, данная продовольственными органами, абсолютно не соответствует установленным фактам. Приводим без комментария доводы имперского министра юстиции по поводу того, каким образом было решено это дело.

«Решение ландсгерихта как по форме, так и по содержанию граничит с тем, что поставлена в затруднительное положение германская административная власть и оказано преимущество евреям. Судья должен был бы задать себе следующий вопрос: какова реакция еврея на это решение длиной в 20 страниц, удостоверяющее, что он и 500 других евреев правы и что он одержал победу над германской властью, и не содержащее ни единого слова о реакции нашего собственного народа на это наглое и вызывающее поведение евреев. Даже если судья был убежден, что продовольственная контора неправильно оценила положение закона, и если он не мог решиться подождать с решением этого вопроса до тех пор, пока данный вопрос, в случае надобности, не был бы разъяснен свыше, ему следовало бы выбрать такую форму своего решения, которая при любых обстоятельствах не наносила бы урон престижу продовольственного органа и не фиксировала бы категорически правоту еврея и неправоту этого органа».

Недостаток места не позволяет нам привести другие примеры этой формы извращенного политического руководства судами. Невзирая на торжественные заявления со стороны министра, что независимость судей должна быть сохранена, представленные доказательства убеждают нас в том, что это руководство судами преследовало зловещие цели и что это понимали как министр юстиции, так и судьи, получавшие инструкции. Если бы «письма судьям» писались добросовестно, с честной целью помочь независимым судьям в выполнении ими своих обязанностей, не было бы оснований для тщательно соблюдаемой секретности, с которой эти письма рассылались. «Письмо» от 17 ноября 1942 г. инструктирует судей, что «письма» должны «тщательно запираться с тем, чтобы они не попали в руки людей, которые не должны знать их содержания. Что касается содержания «писем судьям», то их адресаты обязывались в официальном порядке хранить тайну».

В «письме» от 17 ноября 1942 г. Тирак инструктировал судей, что «в случаях, когда судьи или прокуроры подозреваются в политической неблагонадежности, их следует

соответствующим образом исключать из списка получающих «письма судьям».

Не удовлетворившись регламентированием деятельности судей и прокуроров и превращением их в покорных слуг национал-социалистской юстиции, Тирак перешел к следующему шагу — направлению деятельности адвокатов.

11 марта 1943 г. он обратился с письмом к различным судьям и прокурорам, уведомляя их о предполагаемой рассылке секретных «адвокатских писем». Изучение этих писем убеждает Трибунал в том, что фактической, хотя и необъявленной целью их рассылки было внушение адвокатам, что они должны избегать критики национал-социалистской юстиции и воздерживаться от излишней ревностности при защите лиц, обвиняемых в совершении политических преступлений.

Тирак не только оказывал непосредственное влияние на судей, но и использовал в качестве своего представителя самого зловещего, самого жестокого и кровавого судью во всей судебной системе Германии[1]. В письме к Фрейслеру — президенту «народной судебной палаты», Тирак писал, что решения «народной судебной палаты» должны «гармонировать с руководством государством». Тирак настаивает, чтобы Фрейслер распорядился о докладе ему каждого обвинительного заключения и выявлял дела, где необходимо «в ходе конфиденциальной и убедительной беседы с судьей, отвечающим за приговор, подчеркнуть, что необходимо с точки зрения государства». Тирак продолжает:

«Как общее правило, судья «народной судебной палаты» должен привыкнуть рассматривать идеи и намерения руководства государством как первичный фактор, а судьбу личности, зависящую от него, — лишь как вторичный фактор...».

... Тирак заключает следующим увещеванием в адрес Фрейслера, в котором, как представляется, не было абсолютно никакой необходимости:

«В случае, если Вы когда-либо испытаете сомнение, какой линии следовать или какие политические потребности принимать во внимание, прошу Вас со всей конфиденциальностью адресоваться ко мне».

[1] Речь идет о Фрейслере.— Составитель.

Следует напомнить, что, как заявил Гитлер в своей речи от 26 апреля 1942 г., он будет отстранять от должности тех судей, которые, по всей видимости, не понимают «требований времени». Едва ли можно переоценить то влияние, которое оказало это заявление на тех судей, которые еще сохранили идеалы независимости судей. Подсудимый Ротенбергер говорит, что они были «абсолютно раздавлены».

В частном письме своему брату подсудимый Ёши высказал в нижеследующих выражениях свою точку зрения на ситуацию, созданную вмешательством Гитлера:

«После того как фюрер произнес свою известную речь, события стали развиваться ужасающим образом. Я никогда не был сторонником устойчивой доктрины о независимости судьи, что гарантировало судье в рамках закона положение государственного служащего, подчиняющегося только своей совести, а в иных отношениях «нейтрального», т. е. совершенно нейтрального в политическом отношении ... Однако абсурдно говорить судье по конкретному делу, подлежащему его решению, как он должен это дело решать. Такая система привела бы к тому, что судья стал бы относиться к делам поверхностно; такие вещи теперь имеют место. Естественно, это не делается открыто; однако даже самая закамуфлированная форма не может скрыть того обстоятельства, что дана директива. Таким образом, институт судьи естественным образом упраздняется, и судебный процесс превращается в фарс. Я не буду подвергать обсуждению, кто виновен в этих событиях»[1].

Одной угрозы отстранения от должности было достаточно, чтобы уменьшить независимость судей; однако доказательства свидетельствуют о действительно принимавшихся мерах по устранению или переводу судей, которые оказались неудовлетворительными с точки зрения нацистской партии. 29 марта 1941 г. Шлегельбергер получил письмо от главы имперской канцелярии, в котором выражался протест против приговора, вынесенного польскому

[1] Это письмо представляет интерес в том плане, что даже Ёши признает, что при нацистах судебный процесс был превращен в фарс. Вместе с тем письмо является свидетельством цинизма и двурушничества Ёши, о котором в приговоре говорится как об исключительном садисте, не заслуживающем снисхождения (см. стр. 342). — Составитель.

сельскохозяйственному рабочему Войчику. Суд в Люнебурге признал наличие в деле ряда смягчающих обстоятельств, Шлегельбергеру было сообщено следующее:

«Фюрер предлагает Вам немедленно принять меры, чтобы предотвратить повторение в других судах позиции, занятой Люнебургским судом».

1 апреля 1941 г. Шлегельбергер писал главе имперской канцелярии: «С помощью циркуляра с пометкой о немедленной рассылке его всем судьям и прокурорам я незамедлительно довел до сведения представителей уголовной юстиции ошибку в решении указанного суда. Я считаю недопустимым повторение такого инцидента».

Шлегельбергер приказал президенту оберландсгерихта, ответственному за приговор, и судьям, принимавшим участие в рассмотрении дела, явиться к нему на следующий день, а 3 апреля 1941 г. он сообщил следующее:

«Имею честь сообщить Вам, что председательствующий судья уголовного сената, вынесшего приговор по делу польского сельскохозяйственного рабочего Войчика, уже не является председательствующим, а оба члена суда заменены другими».

Имеются значительные доказательства того, что свидетель Остермейер, являвшийся судьей специального суда в Нюрнберге, был отстранен от должности вследствие мягкости, которую он проявлял при рассмотрении уголовных дел.

В письме, адресованном главе имперской канцелярии и главе партийной канцелярии 20 октября 1942 г., Тирак ставит на обсуждение вопрос о необходимости увольнять или переводить тех чиновников министерства юстиции, которые «непригодны для новых задач», и добавляет, что может возникнуть необходимость в каких-то конкретных случаях переводить или увольнять в отставку тех судей, которых «нельзя оставлять на занимаемых ими в настоящее время постах». В связи с этим он просил санкцию на то, чтобы «в срочных случаях мог переводить на другие посты... или увольнять в отставку судей и чиновников имперских органов юстиции».

3 марта 1942 г. Борман в общих чертах утвердил предложение Тирака.

Аналогичное предложение было представлено Ламмерсом 13 ноября 1942 г...

Следует также вкратце остановиться на концепции на-

ционал-социалистского руководства рейхом по вопросам функций права и правосудия.

22 июля 1942 г. имперский министр пропаганды Геббельс выступил перед членами «народной судебной палаты». Его речь, по существующей записи, в извлечении, гласит:

«Принимая решения, судья должен в меньшей степени исходить из закона и в большей — из принципиальной идеи, что правонарушитель должен быть удален из общества. Во время войны вопрос не столько упирается в то, является ли решение справедливым или несправедливым, сколько только в то, чтобы оно было принято быстро. Государство должно обезвреживать своих внутренних врагов самым эффективным образом и полностью их уничтожать. Следует совершенно отказаться от той мысли, что судья должен быть убежден в виновности подсудимого. Цель отправления правосудия заключается в первую очередь не в возмездии или даже в исправлении, а в сохранении государства. Нужно исходить не из закона, а из решимости, что данный человек должен быть уничтожен».

14 сентября 1935 г. Ганс Франк, рейхслейтер нацистской партии и президент академии германского права, заявил:

«С помощью закона от 18 июня 1935 г. был окончательно упразднен либеральный принцип старого уголовного кодекса — «нет наказания без закона», и заменен постулатом — «нет преступления без наказания», что соответствует нашей концепции права.

В будущем за преступным поведением, даже если оно не подпадает под формальные положения уголовного права, последует заслуженное наказание, если такое поведение будет считаться наказуемым в соответствии со здравым чувством народа».

Это тот самый Ганс Франк (теперь он уже повешен), который на своем процессе[1] давал показания о расовых преследованиях, в которых он принимал участие. Он сказал:

«Пройдут тысячелетия, но эта вина Германии все еще не будет смыта»[2]...

[1] Речь идет о процессе над главными немецкими военными преступниками.— Составитель.

[2] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 397.— Составитель.

Имперский министр Тирак 5 января 1943 г. сказал:

«Внутренним правом, стражем правосудия является национал-социализм; писаный закон играет лишь вспомогательную роль в интерпретации идей национал-социализма».

Говоря словами подсудимого Ротенбергера, была поставлена цель «организовать» Европу по-новому и «создать новую мировую философию». Опять-таки он говорит:

«Настоящая реакция «антагонизма по отношению к праву» оправдана, потому что настоящий момент абсолютно требует жесткого ограничения власти закона. Тот, кто гигантскими шагами идет к новому мировому порядку, не может двигаться в рамках упорядоченного отправления правосудия».

Как ни странно, мы сталкиваемся с критиком нацистской судебной системы в лице судьи, который на практике являлся самым ее фанатичным приверженцем. Подсудимый Ротхауг показывает следующее:

«Как и от каждого гражданского служащего, от судьи требовалось не только послушание, но также верность и внутренний контакт с доктриной государства. Была предпринята попытка осуществить этот переход судей к иному интеллектуальному уровню через появление политического фактора в отправлении правосудия, и именно здесь-то начались неприятности: именно здесь вступила в действие та пресловутая «задняя дверь», о которой я уже говорил»...

К проявлению Гитлером своей власти и политическому «руководству» со стороны министерства юстиции следует добавить непосредственное давление со стороны партийных деятелей и чиновников полиции. В протоколе[1] содержится масса показаний о конкретных случаях вмешательства в отправление правосудия со стороны официальных представителей партии и полиции. Но чтобы показать преступный характер и универсальность этой практики, достаточно лишь привести слова самих подсудимых.

Подсудимый Ротенбергер описывает, каким образом «партия и СС тяготели над отправлением правосудия», и упоминает в своих показаниях о «тысяче маленьких гитлеров, которые ежедневно ставили под угрозу независимость отдельных судей».

[1] Имеются в виду принятые Трибуналом доказательства, нашедшие отражение в протоколе судебного заседания.— Составитель.

Подсудимый Шлегельбергер выбирает более осторожные выражения: «Если на процессе для характеристики обвиняемого представлялись данные о его политическом поведении, судье оставалось проявить ловкость, чтобы избежать конфликта с ведомством, представившим данные о политическом поведении».

Подсудимый Лаутц давал показания по поводу попытки СС вмешаться в выполнение им своих обязанностей. Мы уже ссылались на мнение подсудимого Ёши, высказанное им в письме своему брату.

Свидетель, доктор Ганс Аншютц, показывает:

«После издания германского кодекса гражданской службы на всех чиновников, включая судей, стали оказывать сильное давление, чтобы они вступали в НСДАП или не отклоняли предложений вступить в НСДАП; иначе возникала опасность, что их могут уволить в отставку или снять с должности. Однако после того, как он становился членом партии, на судью распространялась партийная дисциплина и партийная юрисдикция, которая доминировала над всей его жизнью как чиновника и как частного лица».

Свидетель Вильгельм Еликкер, бывший судебный чиновник, в настоящее время судья в Гамбурге, показал: «Чем дольше продолжалась война, тем, по моему мнению, больше и больше они (деятели партии) пытались вмешиваться в работу судов и непосредственно влиять на них».

Окончательная деградация судейского сословия вскрывается в секретном сообщении министериальдиректора Летца из имперского министерства юстиции доктору Фольмеру, также являющемуся министериальдиректором департамента:

«Более того, я знаю из документов, которые время от времени доставал министр из своих личных архивов, что служба безопасности[1] внимательным образом занимается специальными проблемами отправления правосудия и составляет по этим проблемам обзорные доклады, отражающие ситуацию. Насколько я информирован, каждому лицу, облеченному судейской властью, придан сотрудник службы безопасности. В обязанности этого сотрудника входит да-

[1] Речь идет о гиммлеровской службе безопасности.— Составитель.

ча секретной информации. Эта процедура является тайной, и лицо, дающее информацию, не называется. Таким образом, мы получаем, так сказать, анонимные доклады. Наличие подобной процедуры объясняется государственными политическими интересами. Поскольку речь идет о непосредственных интересах государственной безопасности, против них ничего нельзя сказать, в особенности в военное время».

Располагая убедительными доказательствами о наличии зловещего влияния Гитлера, его министров, НСДАП, гестапо на осуществление правосудия, мы не можем согласиться с тем, что судьи лично не несут ответственности за свои действия. Доктрина независимости судей никогда не препятствовала привлечению к ответственности судьи за должностные злоупотребления. ... Функция нацистских судов была судебной лишь в ограниченном смысле. Нацистские суды больше походили на административные трибуналы, действующие в соответствии с поступающими свыше директивами квазисудебным образом.

Действие нацистской системы привело к тому, что судьи разбились на две категории. В первой категории мы видим судей, которые еще сохраняли идеалы судейской независимости и отправляли правосудие с определенной долей непредвзятости и умеренности. Приговоры, которые выносили эти судьи, отменялись с помощью ходатайств об аннулировании и чрезвычайных возражений. Подсудимых, которых приговаривали эти судьи, по окончании сроков тюремного заключения нередко передавали в гестапо, где их расстреливали либо отправляли в концентрационные лагеря. Самим судьям угрожали, их подвергали критике и иногда снимали с должности. К другой категории относятся судьи, которые с фанатическим рвением осуществляли волю нацистской партии, причем действовали с такой суровостью, что у них не возникало никаких неприятностей с деятелями партии, и последние в их дела не вмешивались. К этой категории судей относятся подсудимые Ротхауг и Ёши.

Перейдем теперь к рассмотрению доказательств и их классификации.

Обвинение представило большое количество трофейных документов, устанавливающих драконовский характер нацистских уголовных законов и доказывающих, что смертная казнь выносилась судами по тысячам дел...

...Мы признаем, что на территории, находящейся под военной оккупацией, оккупационные власти могут ... наказывать местных жителей, участвующих во враждебной деятельности. Следует согласиться с тем, что право карать за такую деятельность зависит от конкретных инкриминируемых актов, а не от того, как они будут названы. Следует согласиться и с тем, что поляки, которые добровольно переезжают в рейх в старых границах, могут, по законам войны, наказываться за нарушение германских уголовных законов, если они не устанавливают дискриминации.

Эти соображения, однако, не оправдывают действий имперских прокуроров, которые в большом числе дел предъявляли полякам обвинение в государственной измене при нижеследующих обстоятельствах: поляки обвинялись в попытке бежать из рейха. В обвинительных актах по этим делам говорилось, что подсудимые виновны в попытке путем насилия или угрозы насилием отторгнуть от рейха территорию, принадлежащую рейху, в нарушение категорических предписаний раздела 80 закона от 24 апреля 1934 г. Подсудимым инкриминировалась попытка отторгнуть от рейха территорию, состоящую из частей Польши, которые рейх незаконно пытался присоединить. Если бы теория германских прокуроров в этих делах доводилась до своего логического завершения, это означало бы, что каждый польский солдат с оккупированной территории, борющийся за возвращение Польше принадлежащей ей территории, был бы виновен в государственной измене по отношению к рейху и при захвате в плен мог бы быть расстрелян. Теория имперских прокуроров несет с собой собственное опровержение.

Обвинение, предъявляемое в нацистских судах по этим делам, представляло собой неоправданное расширение понятия государственной измены, что, по мнению Трибунала, является военным преступлением и преступлением против человечности. Несправедливость, имеющая место в таких обвинениях, заключалась не только в неправильной квалификации правонарушения, заключающегося в попытке бежать из рейха; несправедливость заключалась в том, что данный акт был неправильно назван государственной изменой, что влекло смертную казнь по сути за мелкое правонарушение.

Закон № 10 Контрольного Совета, статья II, параграф 1 (d) предусматривает:

« 1. Следующие действия признаются преступными:

... (d) Принадлежность к определенным категориям преступной группы или организации, объявленной преступной Международным Военным Трибуналом».

Статья 9 Устава Международного Военного Трибунала устанавливает:

«При рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации Трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией».

Статья 10 Устава Международного Военного Трибунала гласит:

«Если Трибунал признает ту или иную группу или организацию преступной, компетентные национальные власти каждой из Подписавшихся Сторон имеют право привлекать к суду национальных, военных или оккупационных трибуналов за принадлежность к этой группе или организации. В этих случаях преступный характер группы или организации считается доказанным и не может подвергаться оспариванию».

По вопросу о действенности этого последнего раздела цитируем выдержку из приговора Международного Военного Трибунала, судившего главных немецких военных преступников:

«Из статьи 10 Устава явствует, что решение о признании преступного характера обвиняемой организации является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организации»[1].

Приводим последующие выдержки из этого приговора:

«Поэтому член организации, которую Трибунал признает преступной, может быть впоследствии осужден за преступление, заключавшееся в принадлежности к этой организации, и наказан за это преступление вплоть до смертной казни. Это не предполагает, что международные или

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 405.— Составитель.

военные суды, которые будут судить этих лиц, не будут применять соответствующих правовых норм. Это — новая процедура, предполагающая далеко идущие последствия. Применение ее, если не будут приняты необходимые меры предосторожности, может привести к большой несправедливости ...

Преступная организация аналогична преступному заговору в том, что по существу они предполагают сотрудничество ради преступных целей. Должна существовать группа, связанная и организованная для осуществления общей цели. Эта группа должна быть создана или использована в связи с совершением преступлений, предусмотренных Уставом. Поскольку решение в отношении организаций или групп определит, как уже было указано, преступность членов этой организации, это решение должно исключить тех лиц, которые не были осведомлены о преступных целях или действиях организации, и тех, которые были призваны в эту организацию государственными органами, за исключением тех случаев, когда они были лично замешаны в совершении действий, объявленных преступными в соответствии со статьей 6 Устава, в качестве членов этой организации. Формальное членство не подпадает под действие этого решения»[1].

Международный Военный Трибунал рекомендовал, чтобы, поскольку это практически возможно, при рассмотрении дел соблюдалось единообразие, признавая при этом, что суды сохраняют право решать дела по своему усмотрению. Приговором Международного Военного Трибунала были признаны преступными такие организации, как руководящий состав нацистской партии, СС, гестапо и СД. В приговоре Международного Военного Трибунала неоднократно повторяется тот критерий, который должен применяться при определении виновности отдельных членов преступной организации. Этот критерий сводится к следующему: подлежат наказанию те члены организации, объявленной преступной, «которые вступали в организацию или оставались в ней, зная о том, что она использовалась для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава, либо тех, которые были лич-

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 406—407.— Составитель.

но замешаны как члены организации в совершении подобных преступлений»[1].

Приговором Международного Военного Трибунала к числу преступных организаций отнесены определенные категории руководящего состава нацистской партии. Цитируем:

«Гаулейтеры, крейслейтеры и ортсгруппенлейтеры в той или иной степени принимали участие в проведении этой преступной программы. Рейхслейтунг как руководящая организация партии также ответственна за эту преступную программу, как и главы различных руководящих организаций гаулейтеров и крейслейтеров.

Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга. В отношении других должностных лиц и партийных организаций, примыкавших к политическому руководству, за исключением амтслейтеров, о которых говорилось выше, Трибунал примет предложение обвинения относительно того, чтобы на них не распространялось это решение»[2].

Аналогичным образом к преступным организациям были отнесены определенные категории СД. Цитируем:

«Рассматривая дело СД, Трибунал имеет в виду управления III, VI и VII главного имперского управления безопасности (РСХА) и всех других членов СД, в том числе всех местных представителей и агентов, почетных или каких-либо других, независимо от того, являлись ли они формально членами СС или нет»[3].

Таким же образом определенные категории СС были объявлены преступными организациями:

«Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «Общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС. Трибунал не включает в это число так называемые кавалерийские соединения СС»[4].

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 413—414.— Составитель.
[2] Там же, стр. 413.— Составитель.
[3] Там же, стр. 421.— Составитель.
[4] Там же, стр. 427. — Составитель.

Закон № 10 Контрольного Совета предусматривает, что решения о преступном характере этих групп или организаций являются для нас обязательными. Однако следует добавить, что преступность этих групп и организаций устанавливается также доказательствами, которые были представлены по данному делу. Некоторым из подсудимых в Обвинительном акте вменяется в вину принадлежность к нижеследующим группам или организациям, которые были объявлены и в настоящее время признаны преступными, а именно: руководящий состав нацистской партии, СД и СС. Принимая решения по этим обвинениям в отношении отдельных обвиняемых, Трибунал будет пользоваться упомянутыми выше критериями преступности.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ В СВЯЗИ С ПРИКАЗОМ «МРАК И ТУМАН»

Параграф 13 раздела второго Обвинительного акта сводится к обвинению в том, что министерство юстиции участвовало вместе с ОКВ и гестапо в выполнении приказа Гитлера «Мрак и туман», по которому граждане оккупированных территорий, обвинявшиеся в якобы совершенных ими преступлениях против германских оккупационных сил в ходе участия в движении Сопротивления, скрытно увозились для тайного суда над ними, осуществлявшегося специальными судами министерства юстиции на территории рейха; в соответствии с этим приказом местонахождение человека, ставшего жертвой этого приказа, суд над ним и его последующая судьба держались в абсолютной тайне, что преследовало двоякую цель — терроризировать родственников и друзей жертвы и закрыть доступ свидетелей к доказательствам и возможность пользоваться помощью адвоката. Обвиняемый передавался в гестапо для «превентивного заключения», если он по суду был оправдан, а также осужден. В последнем случае передача в гестапо производилась после отбытия наказания. Эти методы приводили к истязаниям, жестокому обращению и убийству тысяч людей. Трибунал считает, что эти преступления и правонарушения являются военными преступлениями в нарушение определенных установленных норм международного права и обычаев ведения войны, как они излагаются в Законе № 10 Контрольного Совета.

Параграф 25 раздела третьего Обвинительного акта инкорпорирует путем отсылки к параграфу 13 раздела второго Обвинительного акта и утверждает, что эти самые деяния, правонарушения и преступления являются преступлениями против человечности, как они сформулированы в Законе № 10 Контрольного Совета. Одни и те же факты были представлены для доказательства как военных преступлений, так и преступлений против человечности, и Трибунал будет соответственно рассматривать представленные доказательства.

Параграф 13 раздела второго Обвинительного акта, который специально посвящен плану Гитлера, осуществленному в приказе «Мрак и туман», вменяет в вину подсудимым Альтштеттеру, фон Аммону, Энгерту, Иоэлю, Клемму, Меттгенбергу и Шлегельбергеру «особую ответственность за эти преступления и за участие в них». Преступления же эти, по мнению Трибунала, являются военными преступлениями.

Параграф 8 раздела второго Обвинительного акта вменяет в вину всем подсудимым совершение военных преступлений, как они излагаются в параграфах 9—18 включительно раздела второго, выразившееся в том, что они являлись основными участниками или соучастниками в совершении этих преступлений, отдавали о них приказы или подстрекали к их совершению, давали согласие на участие в совершении данных преступлений и участвовали в разработке планов и мероприятий, повлекших за собой совершение зверств и преступлений против личности[1], включая, но не ограничиваясь этим, убийство, незаконное заключение под стражу, зверства, угон гражданских лиц и другие бесчеловечные действия, которые изложены в параграфе 9—18 включительно Обвинительного акта как военные преступления против гражданского населения на оккупированных территориях.

Параграф 20 раздела третьего Обвинительного акта вменяет в вину всем подсудимым совершение тех же преступных действий, которые перечислены в параграфе 8, квалифицируя их как преступления против человечности. Параграфы 21—30 включительно раздела третьего ссылаются на факты и принимают факты, инкриминируемые под-

[1] В тексте Обвинительного акта — «и собственности».— *Прим. перев.*

судимым в параграфах 9—18 включительно раздела второго. Таким образом, всем подсудимым вменяется в вину совершение преступлений против человечности на основании тех же фактов, которые содержатся в параграфах 9—18 включительно раздела два.

Вышеуказанным образом всем подсудимым вменяется в вину участие в исполнении или осуществлении приказа и мероприятий Гитлера «Мрак и туман» либо как совершение военных преступлений, либо как преступлений против человечности; всем подсудимым вменяется также в вину совершение многочисленных других преступных действий, представляющих собой военные преступления и преступления против человечности в отношении гражданского населения оккупированных стран в военное время в период между 1 сентября 1939 г. и апрелем 1945 года.

Приказ «Мрак и туман» возник в результате плана Гитлера ликвидировать движения Сопротивления на оккупированных территориях. Претворение этого приказа в жизнь привело к систематическому насилию, жестокости, попранию чужих прав и террору в отношении гражданского населения территорий, захваченных и оккупированных нацистскими вооруженными силами. Международный Военный Трибунал отнес преступления, совершенные в ходе осуществления приказа «Мрак и туман», к военным преступлениям и постановил следующее:

«Управление на территориях, оккупированных Германией, производилось в нарушение правил ведения войны.

Подавляющие своей убедительностью доказательства говорят о существовании системы насилия, зверств и террора. 7 декабря 1941 г. Гитлер издал директиву, которая впоследствии получила известность под названием «Нахт унд небель эрлас» (приказ «Мрак и туман»); согласно этому приказу лица, совершившие действия, направленные против империи или германских войск на оккупированных территориях, за исключением тех случаев, когда данное лицо вне всякого сомнения должно было быть подвергнуто смертной казни, подлежали тайному увозу в Германию и передаче в руки ЗИПО и СД для суда над ними и наказания их в Германии. Этот приказ был подписан подсудимым Кейтелем. После того как этих гражданских лиц привозили в Германию, ни одно слово о них не должно было доходить до страны, откуда они были вывезены, или до их родственников; даже в тех случаях, когда они умирали в ожидании

суда, их семьям не сообщали об их судьбе; это делалось с целью вызвать беспокойство у семей арестованных лиц. Подсудимый Кейтель в сопроводительном письме, датированном 12 декабря 1941 г., следующим образом изложил те цели, которые руководили Гитлером при издании этого приказа:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию».

... Политика жестокого подавления всякого сопротивления немецкой оккупации не только сводилась к суровым мерам по отношению к лицам, подозреваемым в принадлежности к движению Сопротивления, но и распространялась также на членов их семей»[1].

Трибунал также записал в своем приговоре:

«Среди средств терроризирования населения оккупированных стран самой позорной известностью пользовались концентрационные лагеря»[2].

Затем в приговоре Международного Военного Трибунала производится подробная ссылка на описание того, как функционировали концентрационные лагеря и какие потрясающие жестокости и ужасы там совершались. Как будет показано ниже, такие концентрационные лагеря широко использовались для помещения в них лиц, арестованных по приказу «Мрак и туман».

Международный Военный Трибунал далее установил, что арест и заключение под стражу заключенных по приказу «Мрак и туман» до того, как их отправляли в Германию, производились незаконно; в приговоре Международного Военного Трибунала записано:

«Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после того, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 379—380.— Составитель.
[2] Там же, стр. 381. — Составитель.

тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам «третьей степени» и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и диверсиях, без всякого суда, и в проведении приказа «Мрак и туман», по которому лица, обвиняемые в действиях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели, либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими»[1].

Приведенные выше цитаты из приговора Международного Военного Трибунала в достаточной степени показывают незаконность и жестокость всей программы или приказа «Мрак и туман»...

Доказательства, представленные по данному делу, подкрепляют изложенные выше постановления и выводы Международного Военного Трибунала. Фактически те же самые документы или их копии, которые приводились в приговоре Международного Военного Трибунала и на которые в нем имелись ссылки, представлены в качестве доказательства и по данному делу. В дополнение к этому по данному делу было представлено большое количество трофейных документов и устных показаний, раскрывающих возникновение и цели программы (приказа) «Мрак и туман» и неоспоримо показывающих, что определенные подсудимые, полностью осознавая незаконность этого мероприятия по международным законам ведения войны и с полной осведомленностью о том терроре, тех жестокостях и других бесчеловечных намерениях, которые этот план ставил своей целью осуществить, становились либо основными участниками, либо пособниками и подстрекателями в осуществлении этого незаконного, жестокого и бесчеловечного плана, либо давали согласие на участие в его осуществлении, либо были причастны к нему.

Директива Гитлера была подписана по его поручению Кейтелем 7 декабря 1941 г. и приложена к сопроводительному письму Кейтеля от 12 декабря 1941 г.; на директиву имелась ссылка, и она цитировалась в приговоре Междуна-

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 419.— Составитель.

родного Военного Трибунала. В директиве Гитлера говорится, что со времени начала русской кампании коммунистические и антигерманские элементы усилили свою деятельность против рейха и оккупационных властей на оккупированных территориях и что против злоумышленников следует принимать более суровые меры в целях «их устрашения». Далее в директиве говорилось следующее:

«1. Преступные акты, совершенные негерманскими лицами и направленные против рейха или оккупационных сил и ставящие, таким образом, под угрозу их безопасность или боевую мощь, как правило, должны влечь применение смертной казни.

2. Дела о таких преступных актах будут рассматриваться судами на оккупированных территориях лишь в случае, если представляется несомненным, что смертный приговор будет вынесен и приведен в исполнение без задержки. В противном случае преступники должны быть отправлены в Германию.

3. Преступники, направляемые в Германию, предаются военно-полевому суду лишь в случае, когда такие меры обусловливаются особыми военными интересами. В случае запросов со стороны германских или иностранных органов им следует отвечать, что данные лица арестованы и что на настоящей стадии процесса сообщение сведений о них не допускается.

4. Командующие на оккупированных территориях и судебные власти в пределах своей юрисдикции будут нести личную ответственность за выполнение этих указаний.

5. Глава ОКВ будет решать, на каких оккупированных территориях применимы эти директивы. Он имеет право давать разъяснения, издавать правила для выполнения настоящих указаний, а также издавать дополнения к ним».

В дополнение к директиве Гитлера письмом Кейтеля от 12 декабря 1941 г. был разослан также «первый приказ» касательно привлечения к ответственности за преступления против рейха и оккупационных властей на оккупированных территориях в соответствии с директивой Гитлера. «Первый приказ» был подписан Кейтелем и помечен грифом «секретно». Он содержит девять разделов, касающихся преступлений, за которые следует привлекать к ответственности по директиве Гитлера, а также дает указание о месте и времени суда и исполнения приговора. Раздел I

приказа гласит, что данная директива будет, как правило, применяться в следующих случаях:

«1. Покушения на жизнь и здоровье.

2. Шпионажа.

3. Саботажа.

4. Коммунистической деятельности.

5. Действий, могущих вызвать беспорядки.

6. Изменнических действий путем незаконного перехода через границу; попытки вступить в вооруженные силы враждебной державы; помощи военнослужащим вражеской армии (парашютистам и т. д.).

7. Незаконного обладания оружием».

Раздел II упомянутого приказа гласит, что виновных в указанных нарушениях не следует судить на оккупированных территориях, если не предполагается, что им будет вынесен смертный приговор; кроме того, должны иметься возможности для исполнения смертного приговора в наикратчайший срок (как правило, не позднее чем через неделю после ареста виновного). Раздел далее гласит:

«Особые политические соображения не должны служить препятствием к немедленному приведению в исполнение смертного приговора».

Раздел III приказа предусматривает, что судья по согласованию с разведывательным отделом вермахта решает, имеются ли на оккупированных территориях условия для суда.

Раздел IV устанавливает, что преступники, которые будут доставляться в Германию, будут там преданы военнополевому суду, если ОКВ или высший по званию командующий офицер в соответствии с разделом III заявит, что особые соображения военного порядка требуют обращения к военному суду. В подобных случаях преступники называются «заключенными вермахта» (и передаются)[1] тайной полевой полиции. Если такое заявление не сделано, приказ о доставке преступников в Германию будет рассматриваться как приказ о передаче в соответствии с задачами настоящей директивы.

Раздел V устанавливает, что «ради обеспечения безопасности государства судебное разбирательство в Германии должно вестись только в закрытом судебном заседании.

[1] Слова «и передаются» в оригинале пропущены.— *Прим. перев.*

Иностранные свидетели могут быть допрошены во время судебного заседания лишь с согласия верховного командования вооруженными силами».

Раздел VI предусматривает, что ранее изданные директивы, касающиеся ситуации в Норвегии в связи с деятельностью коммунистов и повстанцев на оккупированных территориях, заменяются настоящими директивами и приказом по их выполнению.

Раздел VII секретного приказа предусматривает, что директивы вступают в силу через три недели после их подписания и будут применяться впредь до их отмены или изменения на всех оккупированных территориях, за исключением Дании; что на приказы, изданные для недавно оккупированных восточных территорий (кроме Украины), эти директивы не распространяются. В прямой форме было указано, что этот приказ действует в Норвегии, Голландии, Франции, Богемии, Моравии и на оккупированных областях Украины. Фактически под действие этого приказа подпадали Бельгия и другие западные оккупированные страны.

Директива Гитлера была направлена в имперское министерство юстиции 12 декабря 1941 г. с пометкой, что о ней следует уведомить подсудимого Шлегельбергера. В тот же день (12 декабря 1941 г.) Кейтель информировал другие министерства о директиве Гитлера с указанием, что вся процедура информирования должна проводиться в условиях абсолютной секретности.

16 декабря 1941 г. чиновники министерства юстиции (Шефер и Грау, коллеги подсудимого Меттгенберга по отделу IV) подготовили проект приказа об исполнении директивы Гитлера «Мрак и туман» министерством юстиции, судами и органами обвинения рейха. Этот проект был передан на согласование генералу Леману — начальнику юридического отдела ОКВ.

Между имперским министерством юстиции и ОКВ произошел обмен и иной корреспонденцией относительно окончательного варианта приказа «Мрак и туман». Этот обмен корреспонденцией происходил между 16 и 25 декабря 1941 г. Корреспонденция касалась определения правомочий министерства юстиции по выполнению директивы Гитлера. Эти положения были изложены в циркулярном указании от 6 февраля 1942 г., которое в нижеследующих выражениях дополняло положения приказа «Мрак и туман».

«Циркулярные указания:

по вопросу исполнения директив, изданных фюрером и Верховным командованием вермахта о привлечении к ответственности за преступные акты, направленные против рейха или оккупационной власти на оккупированных территориях.

В целях неуклонного исполнения вышеупомянутых директив приказываю:

1. Компетентными судами по рассмотрению дел.., включая последующий пересмотр этих дел, являются: специальный суд и главный обвинитель в Кельне, специальный суд и главный обвинитель в Дортмунде, если дела исходят из оккупированных территорий Бельгии и Нидерландов; специальный суд и главный обвинитель в Киле, если дела исходят из оккупированных территорий Норвегии; по остальным делам — специальный суд и главный обвинитель в Берлине. В особых случаях я резервирую за собой право принимать решения о компетентности суда для каждого конкретного дела.

2. Главный обвинитель будет информировать меня об обвинительном заключении, о предполагаемых аргументах обвинения, о приговоре, а также о своем намерении отказаться от предъявления обвинения по конкретному делу.

3. Выбор защитника требует согласия председательствующего судьи, который принимает решение лишь с одобрения обвинителя. Согласие может быть взято обратно.

4. Исполнение ордеров на арест будет откладываться только с моего согласия. Если имеется намерение отложить исполнение ордера на арест, обвинитель должен заранее доложить мне об этом. Далее, он должен запросить мое решение до того, как даст свое согласие на использование доказательств, исходящих из-за границы.

5. На запросы по поводу обвиняемого или о положении дела, исходящие от иных источников, помимо вермахта и органов полиции, занимающихся данным делом, следует отвечать лишь, что лицо арестовано и что на настоящей стадии процесса нет возможности сообщить другие сведения».

Этот циркуляр был подписан за Фрейслера главным секретарем отдела министерства.

Письмо того же Фрейслера министру юстиции Тираку от 14 октября 1942 г. показывает, что в соответствии с обещанием, данным им Тираку, он провел предварительную работу через чиновников ряда ведомств и Лемана, главу

юридического отдела ОКВ, по вопросу о передаче в ведение министерства юстиции процессов, проводимых по приказу «Мрак и туман». Эти сверхсекретные переговоры продолжались в течение нескольких месяцев. Последнее совещание происходило 7 февраля 1942 г. В тот же день был составлен и утвержден окончательный вариант приказа: это был «приказ от 7 февраля 1942 г., подписанный Шлегельбергером», исполняющим обязанности министра юстиции. Подсудимый Шлегельбергер в своих показаниях признал, что он подписал этот приказ. Таким образом, он был инициатором того, что министерство юстиции, суды и прокуроры стали систематически осуществлять насилие, жестокости, поругание и террор против гражданского населения территорий, захваченных нацистскими вооруженными силами, следствием чего явились жестокое обращение с тысячами граждан на оккупированных территориях, заключение под стражу и их смерть.

Тот факт, что указанные органы взяли на себя осуществление директивы Гитлера «Мрак и туман», основывался исключительно на упомянутом выше секретном соглашении.

Все подсудимые, включавшиеся в это мероприятие либо принимавшие участие в его осуществлении или проведении в жизнь, знали, что его осуществление является нарушением правил ведения войны. Они знали также, как явствует из формулировки директивы, что это был суровый, жестокий и бесчеловечный план, направленный на то, чтобы послужить террористической мерой в помощь военным операциям и ведению войны нацистским режимом.

Здесь мы хотим предоставить слово некоторым из тех, кто создавал этот план либо принимал участие в его осуществлении, с тем, чтобы они рассказали о его истории и его незаконных жестоких и бесчеловечных целях.

Рудольф Леман, являвшийся главой юридического отдела ОКВ, дал показания о декрете «Мрак и туман» от 7 декабря 1941 г. Он заявил, что еще до начала войны и в еще большей степени после начала войны между Гитлером и его генералами, с одной стороны, и между Гитлером и гестапо — с другой, происходил спор по поводу той роли, которую должна выполнять военная юстиция...

Леман показывает, что Гитлер «применял выражение, что военная юстиция фактически саботирует его методы

ведения войны. Впервые эти упреки возникли в ходе польской кампании. Там военную юстицию... упрекали в том, что она недостаточно сурово действует в отношении членов банд[1]. Следующий упрек такого рода раздался во время французской кампании».

Леман показал, что Кейтель передал ему директиву, полученную им от Гитлера в октябре 1941 года. Это была довольно длинная директива; в ней Гитлер касался движения Сопротивления во Франции, которое, как он заявлял, представляет огромную опасность для германских войск; предлагалось изыскать новые меры для борьбы с этой опасностью.

...Армия противостояла данному плану, так как он вовлекал ее в нарушение международных правил ведения войны.

... В заключение Леман показал:

«Я заявил, что... от плана следует отказаться по многочисленным причинам — по причинам международного права, по причинам юстиции, и в первую очередь потому, что, как я сказал, органы правосудия никогда не должны ничего делать тайно»...[2].

Подсудимый Меттгенберг занимал руководящие посты в отделах III и IV имперского министерства юстиции. В отделе IV, занимающемся уголовным законодательством, он ведал вопросами международного права, формулировал секретные, общие и циркулярные директивы. Он обраба-

[1] Гиммлер запретил употреблять в официальных документах термин «партизан» и предложил пользоваться термином «бандиты» («Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 331). — Составитель.

[2] Леман делает попытку обелить гитлеровский генералитет, выгородить нацистских генералов, в том числе и самого себя. В действительности, все директивы и приказы, направленные на массовое уничтожение военнопленных и мирного населения, на истребление целых народов, разрабатывались не только Гиммлером и его ведомством, но и генеральным штабом; разработка и исполнение многочисленных человеконенавистнических планов, погубивших миллионы женщин, стариков, детей многих стран и народов, осуществлялись в тесном сотрудничестве СС, гестапо, полицией и гитлеровскими вооруженными силами. Это было неопровержимо установлено на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников. То, что Трибунал в этой части принял на веру показания Лемана и без всякой оценки включил их в приговор, дает основание предполагать, что это явилось продолжением политики правящих кругов США, направленной на реабилитацию гитлеровского генералитета. — Составитель.

тывал дела «Мрак и туман» и знал о целях и методах, использовавшихся в таких делах, а также о том, что приказ ОКВ от 7 декабря 1941 г. был основан на директиве фюрера. В своем письменном показании под присягой Меттгенберг заявляет:

«Секцию «Мрак и туман» в моем отделе возглавлял советник министерства фон Аммон. Этот вопрос был добавлен к числу проблем, которыми занимался мой отдел ввиду его международного характера. Я знал, разумеется, что основой для приказа «Мрак и туман» послужила директива фюрера; что между ОКВ и гестапо было достигнуто соглашение; что ОКВ также установило контакты с министерством юстиции и что вопрос был урегулирован соответственно...

Во всех случаях, когда г-н фон Аммон испытывал сомнения по поводу того, как поступить по отдельным делам, мы обсуждали эти вопросы вместе, и если эти вопросы имели большое значение, мы передавали их для решения вышестоящим чиновникам. Если у него сомнений не было, он мог решать все дела сам. Первоначально он получал эти дела от вермахта, а впоследствии — из гестапо. Вопросы о распределении этих дел между компетентными специальными судами и «народной судебной палатой» решались фон Аммоном самостоятельно. Фон Аммон должен был просматривать также обвинительные заключения и приговоры и получать решение министра по поводу исполнения смертных приговоров. Проблема, возникавшая в связи с исключением иностранных источников доказательств, являлась правовой проблемой первостепенной важности. Так как это было предписано свыше, министерство юстиции не имело возможности решать этот вопрос по своему усмотрению...».

Подсудимый фон Аммон являлся министерским советником в отделе Меттгенберга и ведал вопросами программы «Мрак и туман». Эти два чиновника действовали вместе в сомнительных вопросах и передавали сложные вопросы компетентным чиновникам в имперском министерстве юстиции и в партийной канцелярии, так как обе эти инстанции должны были давать свое «согласие» по делам... «Мрак и туман», которые первоначально исходили от вермахта, а впоследствии — от гестапо; подсудность же по этим делам устанавливал подсудимый фон Аммон, выбирая либо специальные суды в различных местах Германии, ли-

бо «народную судебную палату» в Берлине. В своем письменном показании под присягой фон Аммон говорит:

«Приказ от 7 февраля 1942 г., подписанный г-ном Шлегельбергером, содержал, помимо прочего, следующие положения: свидетелей-иностранцев можно было заслушивать по этим особым делам только с согласия государственного обвинителя, так как следовало принимать меры к тому, чтобы судьба заключенных по программе «Мрак и туман» не становилась известной за пределами Германии.

Председательствующие судьи соответствующих судов должны были уведомлять государственного обвинителя, если они при вынесении приговора намеревались отклониться от того, что предлагалось. Как отмечал в связи с этим Фрейслер, это представляло собой абсолютный предел того, чего можно было требовать от судов. Необходимость в данных положениях обосновывалась специальной природой этой процедуры.

Впоследствии, когда Тирак занял пост имперского министра юстиции, он изменил этот приказ таким образом, что судам более не нужно было заявлять государственному обвинителю о своих особых мнениях; в новой редакции приказ предусматривал, что оправданные лица, привлекавшиеся по программе «Мрак и туман», либо те, кто уже отбыл свои сроки наказания, должны были передаваться судами гестапо для превентивного заключения. Статс-секретарь Шлегельбергер лично на этом совещании не присутствовал, но статс-секретарь Фрейслер на короткое время покинул совещание, чтобы получить подпись Шлегельбергера...».

Меттгенберга и фон Аммона командировали па оккупированную территорию Нидерландов, потому что некоторые созданные там немецкие суды принимали к своему производству дела «Мрак и туман» в нарушение приказа о том, что эти дела должны передаваться в Германию. В Гааге Меттгенберг и фон Аммон провели совещание с высшими чиновниками военной юстиции и руководителями германских судов в Нидерландах; результатом этого совещания явился доклад по данному вопросу, направленный в ОКВ в Берлин; в докладе подтверждалась точка зрения Меттгенберга и фон Аммона о том, что «в Нидерландах следует использовать ту же процедуру, что и на других оккупированных территориях, а именно: все дела «Мрак и туман» должны направляться в Германию».

По вопросу об эффективности и жестокости приказа «Мрак и туман» подсудимый фон Аммон дает нижеследующий комментарий:

«Важная сторона процедуры «Мрак и туман», по моему представлению, заключается в том, что лица, арестовываемые по приказу «Мрак и туман», исчезали с оккупированных территорий, и их последующая судьба оставалась неизвестной».

Вопрос о распределении дел «Мрак и туман» между различными компетентными специальными судами и «народной судебной палатой» решал подсудимый фон Аммон. В докладе от 9 сентября 1942 г., подписанном фон Аммоном и адресованном подсудимому Ротенбергеру для представления в министерство юстиции и подсудимому Меттгенбергу, говорилось, что имеющиеся в производстве специальных судов дела «Мрак и туман» распределяются следующим образом: в Киле — 9 дел на 262 обвиняемых; в Эссене — 180 дел на 863 обвиняемых; в Кельне — 177 дел на 331 обвиняемого. К ноябрю 1943 года через Киль прошло 12 дел на 442 обвиняемых; через Эссен — 474 дела на 2613 обвиняемых; через Кельн — 1169 дел на 2185 обвиняемых.

В меморандуме за подписью подсудимого фон Аммона, составленном в Берлине 26 сентября 1942 г. и предназначенном для подсудимого Ротенбергера, говорилось, что по приказу имперского министра отныне «исключительная компетенция специальных судов по делам «Мрак и туман» в некоторой степени переходит к «народной судебной палате».

В письме от 14 октября 1942 г. министру юстиции Тираку от Фрейслера, занимавшего в то время пост президента «народной судебной палаты», говорится, что, как он, Фрейслер, понял, совещание, состоявшееся 14 октября 1942 г., расширило компетенцию «народной судебной палаты» и распространило ее на дела «Мрак и туман». Фрейслер заявляет, что он провел предварительные переговоры с генералом Леманом из ОКВ по поводу того, что производство по делам «Мрак и туман» переходит в министерство юстиции. Фрейслер разъясняет, что процессы «Мрак и туман» являлись совершенно секретными, протоколы не сохранялись с тем, чтобы абсолютно гарантировать, что внешний мир ни при каких обстоятельствах не получит сведений о судьбе заключенных-иностранцев. Фрейслер также

подчеркивает, что ни при каких обстоятельствах по этим делам не может быть вынесен приговор, отличающийся от того, какой предлагает государственный обвинитель; для закрепления этого обстоятельства было решено, что:

«1. Прокурор имеет право отказаться от обвинения до провозглашения приговора.

2. Суду должно быть разъяснено, что он должен предоставлять прокурору дополнительную возможность изложить свою точку зрения, если точка зрения суда отличается от точки зрения прокурора».

Фрейслер далее говорит:

«Во исполнение своего обещания я считал необходимым информировать Вас об этом, дорогой господин, так как эти факты запрещено заносить в протоколы и они, возможно, неизвестны в Вашем ведомстве».

В своей дополнительной директиве от 28 октября 1942 г. Тирак зафиксировал тот факт, что «компетенция «народной судебной палаты»... распространена на дела «Мрак и туман».

В письме Тирака от 25 октября 1942 г. подсудимому Лаутцу, копия фон Аммону, устанавливалась компетенция «народной судебной палаты» и говорилось о ее распространении на дела «Мрак и туман».

В последующем «народная судебная палата» рассматривала много дел «Мрак и туман», осуждала обвиняемых на тайных судебных заседаниях, где не велось абсолютно никаких протоколов о представляемых доказательствах и о выносимых приговорах. Подсудимый фон Аммон показал, что примерно половина арестованных по программе «Мрак и туман», которых судила «народная судебная палата», подвергалась казни.

Впоследствии дела «Мрак и туман», как будет здесь показано, направлялись в германские специальные суды в Бреслау и Катовицы, а также в Силезию и другие места.

Концентрационные лагеря

Вопрос об использовании концентрационных лагерей для лиц, содержавшихся в заключении по приказу «Мрак и туман», отражен в письме от 18 августа 1942 г., подписанном Глюксом, бригадефюрером СС и генерал-майором войск СС; в письме содержались приложения для офици-

альных лиц, ведавших концентрационными лагерями, включая Маутхаузен, Освенцим, Флоссенбург, Дахау, Равенсбрюк, Бухенвальд и целый ряд других. В письме говорится, что заключенных будут переводить в соответствии с приказом Кейтеля из оккупированных стран в Германию для передачи специальным судам. Если это по какой-то причине окажется невозможным, обвиняемые будут помещены в один из вышеупомянутых концентрационных лагерей. Лица, ответственные за лагеря, были проинструктированы в том плане, что следует сохранять полную секретность о заключении этих обвиняемых, включая принятие любых мер, чтобы предотвратить их связь с внешним миром как до, так и после судебного процесса.

Приводимое ниже является иллюстрацией тех бесчеловечных условий заключения, в которых содержались заключенные по приказу «Мрак и туман». В письменном показании под присягой Людвига Ширмера, тюремного надзирателя в тюрьме Эбрах, которое было подтверждено его устными показаниями, говорится:

«Тюрьма Эбрах, использовавшаяся для лиц, осужденных по уголовным делам, была рассчитана на 595 заключенных.

Однако в 1944 году тюрьма оказалась переполненной, и в конце концов в 1945 году в ней содержалось от 1400 до 1600 заключенных.

Эта скученность была вызвана прибытием из Франции и Бельгии многочисленных заключенных по приказу «Мрак и туман». Среди них находился французский генерал Вайан, умерший в тюрьме от старости и болезни сердца. Вследствие скученности в тюремных помещениях невозможно было предотвратить частые вспышки заболеваний, таких, как туберкулез легких...

Серьезной трудностью было плохое медицинское обслуживание: врач показывался только два-три раза в неделю. За последние месяцы умерли 62 заключенных. Многие из них, разумеется, поступали в тюрьму уже больными. В течение последних месяцев в качестве врача использовался заключенный, осужденный по уголовному делу. Он был морфинистом и человеком крайне плохой репутации.

Несмотря на имевшиеся запасы продовольствия, кормили заключенных очень плохо; люди неделями получали только суп из брюквы. Лиц, арестованных по приказу «Мрак и туман», содержали вместе, по четыре человека в

одиночной камере. Время от времени определенное количество заключенных переводили в концентрационные лагеря».

Письменное показание под присягой Йозефа Прея, старшего охранника в Амбергской тюрьме, подтвержденное его устными показаниями, гласит, что в тюрьме Амберг, которая могла вместить от 900 до 1100 заключенных, находились в заключении иностранцы, евреи и заключенные по приказу «Мрак и туман». Однако незадолго до крушения рейха в этой тюрьме содержалось 2000 человек, из которых от 800 до 900 человек были поляки, а также заключенные по приказу «Мрак и туман», включавшие французов, голландцев и бельгийцев. Время от времени лица, заключенные по секретному приказу, переводились в концентрационный лагерь Маутхаузен. Подсудимый Энгерт... официально ее инспектировал и знал об этих условиях.

В своем письменном показании под присягой Энгерт заявляет, что, как сказал ему Тирак, с заключенными по приказу «Мрак и туман» следует обращаться с особыми мерами предосторожности, не разрешать им какой-либо корреспонденции, строжайше изолировать их от внешнего мира и следить за тем, чтобы их настоящие имена оставались неизвестными для низшего тюремного персонала. Энгерт далее заявляет, что эти приказы явились результатом директивы фюрера от 7 декабря 1941 г. и что, как разъяснил ему Тирак, заключенные по приказу «Мрак и туман» обвинялись в оказании сопротивления и в насилии против вооруженных сил. Ему неизвестно, что стало с этими заключенными по приказу «Мрак и туман» в различных концентрационных лагерях. Он знает о том, что существовало соглашение с гестапо о передаче ему трупов лиц, заключенных по приказу «Мрак и туман», для тайного захоронения. Из показаний других лиц явствует, что подсудимый Энгерт являлся министериальдиректором, который обрабатывал и расследовал дела заключенных по приказу «Мрак и туман», ведал пересылкой заключенных, знал, к какой они принадлежат национальности и каков характер инкриминируемого им преступления.

14 июня 1944 г. подсудимый фон Аммон написал письмо Борману, шефу партийной канцелярии; это письмо было послано через подсудимого Меттгенберга; в нем испрашивалось разрешение фюрера информировать женщин, арестованных по приказу «Мрак и туман» и приговоренных к

смертной казни, о том, что исполнение смертной казни отложено, так как, по его мнению, было ненужной жестокостью годы держать этих «осужденных женщин» в неизвестности по поводу того, будет ли приведен в исполнение вынесенный им смертный приговор.

Госпожа Зельф, вдова бывшего ответственного сотрудника германского кабинета министров и посла, показала, что ее судили и в течение нескольких лет в качестве политической заключенной нацистского режима содержали в концентрационном лагере Равенсбрюк и в тюрьмах, где находилось в заключении большое число женщин-иностранок. По поводу плохого обращения с этими женщинами и по поводу тюремных условий, в которых они содержались, госпожа Зельф показывает:

«Что касается заключенных, которые находились со мною в Равенсбрюке, то я могу вспомнить только одну женщину-итальянку бельгийского происхождения, с которой обращались хорошо, лучше, чем с нами. Однако в тюрьме Коттбус и в тюрьме Моабит я встречала много женщин-иностранок. В одной только тюрьме Коттбус содержалось 300 француженок и 5 голландок, которые были приговорены к смерти; последних через неделю-две помиловали и заменили смертную казнь разными сроками тюремного заключения, я их видела во дворе. Те 300 француженок, которые были приговорены к смерти, в конце ноября 1944 года были отправлены в Равенсбрюк. В ночь перед тем, как их отправили, они вынуждены были спать на голом каменном полу. Один из вспомогательных надзирателей, служивший для них также переводчиком, человек, обладавший большим мужеством и добрым сердцем, пришел ко мне просить нас, политических заключенных, отдать им наши одеяла, что мы, разумеется, и сделали».

Далее она показывает:

«Я знаю и своими глазами видела, как, например, в Моабите некоторые из жестоких надзирателей пинали женщин и кричали на них по причинам, которые казались очень, очень несправедливыми, потому что эти женщины не понимали, чего от них хотят».

Приказ «Мрак и туман» время от времени претворялся в жизнь с помощью различных мероприятий, осуществлявшихся с подсудимыми. Одним из таких мероприятий была передача заключенных, которые предположительно участвовали в движениях Сопротивления или лиц с оккупиро-

ванных территорий, уже отбывших наказание либо оправданных, в концентрационные лагеря, где их содержали без права общения с внешним миром так, что о них больше никогда не слышали. Другим мероприятием было помещение жителей оккупированных территорий в концентрационные лагеря в Германии вместо предания их суду. Такой приказ исходил от подсудимого Энгерта.

Судебные процессы по приказу «Мрак и туман»

Доказательства устанавливают.., что в ходе осуществления директивы Гитлера «Мрак и туман» порожденные нацистским режимом министерство юстиции, специальные суды и государственные обвинители по соглашению с ОКВ и гестапо, действуя сообща с этими органами, осуществляли арест, угон в Германию, суд, вынесение смертного приговора и казнь либо содержание под стражей в тюрьмах и концентрационных лагерях в самых жестоких и бесчеловечных условиях тысяч граждан стран, захваченных и оккупированных нацистами во время ведения ими преступной и агрессивной войны.

Суды над обвиняемыми по приказу «Мрак и туман» не имели ни малейшего сходства со справедливым судом или с правосудием. Лиц, обвинявшихся по приказу «Мрак и туман», арестовывали и тайно доставляли в Германию и в другие страны для суда. Их содержали под стражей без права общения с внешним миром. Во многих случаях их лишали права представлять доказательства, встречаться со свидетелями, дававшими показания против них, или представлять свидетелей в свою пользу. Их судили тайно и отказывали им в праве на адвоката по собственному выбору, а в некоторых случаях вообще отказывали в помощи какого бы то ни было адвоката. Во многих случаях обвиняемым не предъявлялось обвинения, их не знакомили с обвинительным актом, и они узнавали о характере инкриминируемого им преступления, за которое их собирались судить, только за несколько минут до начала процесса. Весь процесс от начала и до конца был тайным, ведение официального протокола судебного заседания не допускалось. Изложенные факты подтверждаются трофейными документами и доказательствами, представленными на суде, к некоторым из них мы ниже и обратимся.

Первый процесс по делам «Мрак и туман» происходил в Эссене. В письме прокурора, датированном 20 августа 1942 г., адресованном имперскому министру юстиции и поступившем по адресу 27 августа 1942 г., говорится, что предстоит судить пятерых подсудимых, из которых двое должны быть приговорены к тюремному заключению на срок, и что «в остальных случаях следует отдать приказ о вынесении смертных приговоров и запросить, следует ли казнить этих лиц гильотинированием».

Указанные приговоры были впоследствии вынесены.

В ответ на ряд запросов от прокуроров при специальных судах Эссена, Киля и Кельна, ссылавшихся на конкретные дела по приказу «Мрак и туман», подсудимые Меттгенберг и фон Аммон ответили, что ввиду существующего правила о сохранении процессов по делам «Мрак и туман» в абсолютной тайне адвокаты, избранные подсудимыми, по делам «Мрак и туман» допущены не будут.

В этих же самых запросах говорится, что если адвокаты подбираются тщательным образом из числа лиц, признаваемых несомненно надежными, верными государству и опытными в юридическом отношении, то не должно возникать никаких затруднений по поводу сохранения тайны этих процессов. Предлагается, в случае, если тот или иной адвокат сделает запрос, как представитель кого-либо из подсудимых по приказу «Мрак и туман», сообщить ему, что выяснение вопроса о состоянии следствия по делу не разрешено. Запрос касался 16 подсудимых-французов, привлекавшихся по приказу «Мрак и туман», которых должны были судить в Кельне. Другие доказательства, представленные данному Трибуналу, свидетельствуют о том, что указанная практика соблюдалась.

Отдел иностранных армий Верховного командования вермахта передал подсудимому фон Аммону 15 октября 1942 г. список на 224 человека, которые якобы являлись шпионами и были арестованы во Франции при проведении операции, получившей кодовое обозначение «Акция порто»; 220 человек из этой группы уже были доставлены в Германию. Был сделан запрос, следует ли считать, что эти заключенные подпадают под директиву Гитлера «Мрак и туман». Более поздняя директива, изданная 6 марта 1943 г., которая была завизирована подсудимым Меттгенбергом и направлена рейхсфюреру СС Гиммлеру, гласит, что приказы и распоряжения, относящиеся в целом к заключенным

по директиве «Мрак и туман», будут распространены также на группы «Акция порто». Директива далее гласит, что в случае смерти заключенных по делу «Акция порто» применяется та же процедура в отношении секретности, которая действует в отношении дел «Мрак и туман», и что имущество заключенных по делу «Акция порто» временно должно сохраняться в тюрьмах, родственников же таких заключенных не следует информировать об их смерти и в особенности об их казни.

В письме министерства от 9 февраля 1943 г., адресованном президенту «народной судебной палаты», главным обвинителям в Киле, Кельне и Хамме, говорится, что в целях осуществления директивы «Мрак и туман» следует прибегать к следующей процедуре:

«В судебных процессах, проводимых ландсгерихтами, где по правилам подсудимый должен быть представлен адвокатом, это правило может игнорироваться, если председатель суда добросовестно заявит, что ввиду личности обвиняемого и характера предъявленного обвинения присутствие адвоката представляется излишним».

В связи с изложенным выше подсудимому фон Аммону был направлен совершенно секретный меморандум, в котором предлагалось составить проект распоряжения по поводу адвокатов для заключенных по приказу «Мрак и туман». Письмо, датированное 4 января 1943 г., гласит, что в силу полномочий, предоставленных директивой фюрера от 7 декабря 1941 г., «статья IV, параграф 32 декрета о правомочности от 21 февраля 1940 г. (касательно назначения адвокатов) отменяется. Председатель суда будет давать указания о представительстве подсудимых адвокатами лишь в случае, если подсудимый не может защищать себя сам либо если по каким-то особым причинам желательно, чтобы данного подсудимого представлял адвокат».

Письмо, датированное 21 апреля 1943 г. в Берлин и адресованное министру юстиции Тираку, гласит:

«Вашим распоряжением от 21 декабря 1942 г. предписывается, что при рассмотрении уголовных дел, касающихся преступных действий против рейха и оккупационных властей на оккупированных территориях, принципиально не следует утверждать адвокатов по собственному выбору заключенных».

В письме Тирака президенту «народной судебной палаты» от 13 мая 1943 г. говорится:

«Директивы, изданные фюрером 7 декабря 1941 г. о привлечении к ответственности за преступные действия, совершенные в отношении рейха или оккупационных властей на оккупированных территориях, распространяются, в соответствии с их значением и истинными целями, только на иностранцев, но не на немцев или лиц, временно получивших германское гражданство».

Проект пространного секретного приказа или директивы имперского министра юстиции от 6 марта 1943 г., охватывающий тайную процедуру «Мрак и туман», был направлен в министерство начальником отделов III и IV (подсудимый Меттгенберг), отдела V (возглавляемого подсудимым Энгертом) и отдела VI (возглавляемого подсудимым Альтштеттером); указанные главы отделов завизировали этот проект...

Директивы содержали указание всем лицам, связанным с подобными делами, принимать дальнейшие меры «с тем, чтобы не ставить под угрозу необходимую высшую степень секретности процедуры» «Мрак и туман». Отдельные копии этого приказа, датированные 6 марта 1943 г., были направлены в вышеупомянутые отделы министерства, включая отдел VI, возглавляемый подсудимым Альтштеттером, который признает, что он видел эти директивы и исполнял их; директивы были направлены также подсудимому фон Аммону и, помимо прочих, главному имперскому обвинителю при «народной судебной палате» (подсудимому Лаутцу), главным обвинителям в Целле, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, Гамбурге, Хамме, Киле и Кельне, генеральному прокурору при прусском оберландсгерихте; директивы были направлены также для сведения президентам «народной судебной палаты» и оберландсгерихтов в Хамме, Киле, Кельне, а также прусского оберландсгерихта в Берлине. Среди мер сохранения секретности, которые перечислялись в приказе или директиве, можно указать на нижеследующие:

«Карточки, используемые для исследований, предназначенных для имперской уголовной статистики, не должны заполняться. Аналогичным образом уведомление отделов уголовных регистраций не должно иметь места до дальнейших указаний. Однако приговоры должны фиксироваться в списках или на индексах-карточках с тем, чтобы в последующем эти данные можно было внести в картотеки уголовных дел.

В случае смерти, в особенности в случаях казни заключенных по приказу «Мрак и туман», а также в случаях, если женщина, заключенная по декрету «Мрак и туман», родит ребенка, регистрационное бюро должно быть уведомлено, как это предписывается законом. Следует, однако, дополнительно сделать нижеследующее замечание:

По приказу имперского министра внутренних дел запись в книге регистрации смерти (рождения) должна иметь приписку, гласящую, что ознакомление с документами, предоставление информации и заверенных копий удостоверений о смерти (рождении) допускается только с согласия имперского министра юстиции».

Отдел VI, возглавляемый подсудимым Альтштеттером, занимался вопросами, касающимися регистрации случаев смерти и рождения. Приказ далее предусматривал:

«Прощальные письма заключенных по приказу «Мрак и туман» отправляться по почте не должны. Их следует передавать в органы обвинения, которые должны хранить их до дальнейших указаний.

Если заключенный по приказу «Мрак и туман» был приговорен к смерти, и после того, как его уведомили о предстоящей казни, он пожелал получить духовную помощь от тюремного священника, это должно быть разрешено. Если необходимо, святой отец должен быть приведен к присяге о сохранении тайны.

Родственников не нужно информировать о смерти и особенно о казни заключенных по приказу «Мрак и туман». Прессу не следует информировать о приведении в исполнение смертного приговора; об исполнении смертной казни не следует также публично объявлять путем развешивания плакатов.

Трупы заключенных, казненных по декрету «Мрак и туман», либо заключенных, умерших от иных причин, должны быть переданы государственной полиции для захоронения. При этом следует сослаться на существующие распоряжения по поводу секретности. Особенно следует указать на то, что могилы заключенных по приказу «Мрак и туман» не должны обозначаться именами умерших.

Трупы не должны использоваться для учебных или исследовательских целей.

Имущество заключенных по приказу «Мрак и туман», которые казнены либо умерли от иных причин, должно храниться в тюрьмах, где они отбывали наказание».

Впоследствии в некоторых случаях заключенным отказывали в праве на духовную помощь; более поздняя директива разрешала передачу трупов лиц, арестованных по приказу «Мрак и туман», в институты для экспериментальных целей.

Письмо имперского министра юстиции, датированное 3 июня 1943 г., судьям «народной судебной палаты» и имперским обвинителям — это письмо было завизировано подсудимым Меттгенбергом,— касается вопроса о трудностях при проведении процессов по приказу «Мрак и туман» над иностранцами, которые являлись гражданами других стран, не оккупированных нацистскими войсками... Трудности возникали в связи с правилами о сохранении тайны таких процессов. Возникал вопрос о том, должна ли на них распространяться секретность, предписанная для дел «Мрак и туман».

Ответ гласил, что эти дела следует рассматривать в суде в соответствии с циркулярными указаниями от 6 февраля 1942 г. и 14 октября 1942 г., причем распоряжения, которые будут изданы в дополнение к этим циркулярным указаниям, должны быть озаглавлены «Заключенные по приказу «Мрак и туман», арестованные по ошибке». Распоряжение предусматривает, что если суд над такими иностранцами не может быть проведен отдельно от суда над гражданами оккупированных стран по причинам, связанным с представлением доказательств, то эти процессы должны проводиться в строгом соответствии с положениями процедуры «Мрак и туман»; иначе указанные иностранные граждане узнают о ходе процесса над их сообщниками.

Меморандум, подписанный подсудимым фон Аммоном и датированный 7 октября 1943 г., гласит, что заключенные по приказу «Мрак и туман» нередко узнавали о предъявляемых им обвинениях всего за несколько минут до начала процесса. Далее фон Аммон отмечает, что главный имперский обвинитель Лаутц задал ему вопрос, имеются ли у него какие-либо возражения против перевода обвинительного акта на язык подсудимого перед вручением ему этого обвинительного акта. Подсудимый фон Аммон ответил, что против этой процедуры возражений не имеется и заявил:

«Создавалась неловкость в связи с тем, что подсудимые узнавали о предъявленных им обвинениях только во время процесса. Помимо этого, следует сказать, что интер-

претация, даваемая адвокатом, не всегда оказывается достаточной, так как французский язык, на котором говорят адвокаты, в большинстве случаев недостаточно хорош, а подсудимых доставляют к месту, где происходит процесс, лишь за короткое время до того, как он происходит».

Та же трудность возникла и в связи с подсудимыми-чехами.

В отчете о совещании по поводу новой процедуры по делам «Мрак и туман», возникшим в Нидерландах (этот отчет был подписан «фон Аммон» и «Меттгенберг» 9 ноября 1943 г. и адресован министериальдиректору Энгерту), говорится, что, возвращаясь из Гааги в Берлин, нижеподписавшиеся представители имперского министерства юстиции провели 5 ноября в соответствии с расписанием совещание с высшими чиновниками оберландсгерихта в Хамме, и подсудимый Иоэль высказал мнение, что помещение лиц, арестованных по приказу «Мрак и туман», включая лиц голландской национальности, в Папенбург, возможно, и не встречает возражений. Впоследствии это и было осуществлено.

Секретное письмо от председательствующего судьи и главного обвинителя при оберландсгерихте в Хамме уведомляло фон Аммона о предстоящем совещании по поводу передачи дел «Мрак и туман» для рассмотрения специальными судами в Оппельне и Катовицах.

Письмо из Бреслау, датированное 10 января 1944 г. и подписанное доктором Штурмом, предлагает, чтобы тогда министериальрат, а ныне подсудимый фон Аммон был готов явиться на совещание в Бреслау между 15 и 31 января 1944 г. для обсуждения повседневных процедур по обработке дел «Мрак и туман».

В письме, адресованном германскому командующему оккупированной зоной Франции, говорится, что начиная с 15 ноября 1943 г. все дела о преступлениях, совершенных против рейха или оккупационных войск в оккупированной зоне, которые до сего времени передавались обычным юридическим органам, должны отныне передаваться специальным судам в Кельне и Бреслау.

Подсудимый фон Аммон присутствовал на совещаниях с имперскими обвинителями в Бреслау и Катовицах (Польша) 18 и 19 февраля 1944 г. по поводу размещения заключенных по делам «Мрак и туман» и возможности передачи дел «Мрак и туман» из Нидерландов, Бельгии и северной

Франции в специальные суды в Польше для рассмотрения; фон Аммон сообщил о результатах этих совещаний в подробностях, в частности, подсудимому Клемму (статс-секретарь) и лично написал на своем докладе, что получил согласие соответствующего гаулейтера на предстоящий перевод заключенных. Вскоре после этого министерство юстиции издало приказ, переданный на подпись подсудимому Меттгенбергу и дважды препровождавшийся фон Аммону, для сведения и второй подписи; по этому приказу голландцы, бельгийцы и жители северной Франции, арестованные по приказу «Мрак и туман», должны были быть перевезены в Силезию для суда над ними. В ответ на этот приказ фон Аммон был лично уведомлен о том, что подсудимый Иоэль (в то время занимавший пост государственного обвинителя в Хамме) опасался возражений со стороны вермахта ввиду того, что этот перевод был связан с длительной транспортировкой.

По вопросу об обращении с заключенными по приказу «Мрак и туман» имперский министр юстиции издал директиву, датированную 21 января 1944 г., завизированную подсудимым фон Аммоном и предназначенную для президента «народной судебной палаты», рейхсфюрера СС, главного имперского обвинителя при «народной судебной палате» (подсудимый Лаутц), государственного обвинителя в Хамме (подсудимый Иоэль) и других лиц; в этой директиве говорилось:

...«Если на судебном процессе по делу лица, привлеченного по приказу «Мрак и туман», оказывается, что подсудимый невиновен либо его вина недостаточно доказана, его следует передать государственной тайной полиции; государственный обвинитель должен информировать государственную тайную полицию о своем мнении по поводу того, может ли обвиняемый быть освобожден и может ли он возвратиться на оккупированную территорию, или его следует держать в заключении. Государственная тайная полиция принимает решение о дальнейших мерах по отношению к этому лицу.

Обвиняемые, которые были оправданы, либо те, дела которых были прекращены в ходе процесса, либо лица, отбывшие наказание во время войны, должны быть переданы государственной тайной полиции для содержания под стражей до конца войны».

Из Берлина в адрес ОКВ и начальника военно-юриди-

ческого управления было направлено письмо, датированное 21 января 1944 г. (копия д-ру Меттгенбергу с просьбой завизировать согласие); оно было отправлено 22 января 1944 г.; в письме содержится жалоба на отсутствие координации между военными и гражданскими судами по делам «Мрак и туман». Эта жалоба связана главным образом с передачей дел «Мрак и туман».

В ответ на сообщение от 18 января 1944 г., содержавшее возражение на передачу дел «Мрак и туман», возникших во Франции, из Кельна в Бреслау, подсудимые Меттгенберг и фон Аммон настаивали на том, что эта передача необходима, и дали указание о ее осуществлении. Тремя днями позже письмо, завизированное Меттгенбергом, уведомляло Гиммлера, что эта передача дел «Мрак и туман» осуществлена.

24 апреля 1944 г. фон Аммон подробно сообщил о поездке в Париж, на которую мы уже ссылались выше. Непосредственной целью этого официального визита явилось получение информации о состоянии безопасности во Франции и выяснение того, одобряет ли армия процессы по приказу «Мрак и туман», проводимые специальным судом в Бреслау.

Данное совещание происходило в Париже, в кабинете генерала фон Штюльпнагеля, главнокомандующего германскими оккупационными войсками во Франции и главы германской военной администрации. Фон Аммон представил этот доклад как Клемму, так и Меттгенбергу, который его завизировал.

В письме из Хамма (Вестфалия) от 26 января 1944 г. за подписью подсудимого Иоэля, адресованном имперскому министру Тираку, ставится вопрос об ускорении производства в целях избегать задержек по делам «Мрак и туман» и предлагается:

«Государственный обвинитель представляет материалы дела главному имперскому обвинителю лишь в том случае, если в соответствии с опытом прошлого либо в соответствии с директивами, сформулированными главным имперским обвинителем, следует ожидать, что он возьмет данное дело к своему производству полностью либо частично.

Как правило, даже в настоящее время, когда проект обвинительного акта представляется на утверждение имперскому министру юстиции, доказательства не включаются.

Решение о том, кому курьер доставит документы, принимается мною».

В записке, подписанной доктором Рейхольтом 20 апреля 1944 г. (копия подсудимому фон Аммону), речь идет о том же затруднении, которое испытал подсудимый Иоэль; в записке предлагается, чтобы главный имперский обвинитель при «народной судебной палате» быстро решал, каких обвиняемых он хочет оставить у себя, с тем, чтобы они могли быть переведены как можно быстрее.

Изложенные выше просьбы об ускорении обработки дел «Мрак и туман» были связаны с беспорядками, вызванными воздушными налетами. Имперский министр юстиции 26 апреля 1944 г. ответил, что в целом «задержка в процессах неизбежна».

Подсудимый фон Аммон сообщал о совещании с командованием германскими оккупационными войсками в Бельгии и северной Франции, происходившем в Оппельне 29 и 30 июня 1944 г. Фон Аммон заявляет, что, так как вторжение союзников пока еще не привело к чрезмерному напряжению, на данном этапе нет необходимости усиливать санкции по делам «Мрак и туман». Этот доклад был завизирован подсудимым Меттгенбергом.

Решения по делам «Мрак и туман»

Статистический обзор дел «Мрак и туман» по состоянию на 1 ноября 1943 г., представленный министериальдиректору доктору Фольмеру 22 ноября 1943 г., следующим образом отражает дела и приговоры, вынесенные заключенным по делам «Мрак и туман»:

1. Передано органами вермахта главным государственным обвинителям в Киле — 12 дел на 442 обвиняемых; в Эссене — 474 дела на 2613 обвиняемых; в Кельне — 1169 дел на 2185 обвиняемых.

2. Обвинения, исходящие от главных государственных обвинителей, распределяются следующим образом: в Киле — 9 дел на 175 обвиняемых; в Эссене — 254 дела на 860 обвиняемых; в Кельне — 173 дела на 257 обвиняемых; через главного имперского обвинителя при «народной судебной палате» (Лаутц) прошло 111 дел на 494 обвиняемых.

3. Приговоры, вынесенные специальными судами: в Киле — 8 на 168 обвиняемых; в Эссене — 221 на 475 обвиняемых; в Кельне — 128 на 183 обвиняемых. «Народной

судебной палатой» вынесено 84 приговора на 304 обвиняемых.

Подсудимый фон Аммон показывает, что примерно половине подсудимых, дела которых рассматривались «народной судебной палатой», были вынесены смертные приговоры и они были казнены. Приведенные выше документы свидетельствуют о том, что подсудимый Лаутц являлся главным имперским обвинителем при «народной судебной палате» в тот период, когда было вынесено 304 приговора по делам «Мрак и туман».

Пятью месяцами позже (30 апреля 1944 г.) был сделан аналогичный обзор, свидетельствующий о том, что в различные специальные суды и «народную судебную палату» в Германии было передано в общей сложности 8639 подсудимых, 3624 — было предъявлено обвинение и 1793 — вынесены приговоры. Этот обзор завизировал подсудимый фон Аммон.

Приведенные выше статистические отчеты за указанные периоды времени, очевидно, являются неполными. Они не отражают количества дел «Мрак и туман», которые рассматривались в Бреслау, Катовицах, а также других местах. Приведенные выше документы свидетельствуют о том, что в указанных местах испытывалась большая трудность ввиду нехватки тюрем для большого числа заключенных по приказу «Мрак и туман», направлявшихся в указанные районы. Не указано в этих отчетах и число заключенных по делам «Мрак и туман», которых направляли в концентрационные лагеря без суда. Не отражают эти отчеты также числа тех заключенных по делам «Мрак и туман», которые остались после того, как контроль над делами «Мрак и туман» был изъят из ведения министра юстиции; этих людей заключили в концентрационные лагеря, и о них никто больше никогда ничего не слышал.

Использование заключенных по делам «Мрак и туман» в военной промышленности

При представлении докладов за 1943 и 1944 годы по делам «Мрак и туман», все еще остававшихся в ведении министерства юстиции, генеральный прокурор в Катовицах (Польша) писал в министерство юстиции следующее:

«Заключенные по приказу «Мрак и туман», содержащиеся под стражей в соответствии с юрисдикцией обер-

ландсгерихта в Катовицах, уже в значительной степени используются в военной промышленности вне зависимости от того, содержатся ли они под стражей до разбирательства их дел или уже отбывают наказание. Их расквартировывают в специальных лагерях в том месте или поблизости от того места, где расположено соответствующее промышленное предприятие. Таким образом осуществляется намерение, по возможности, передать заключенных по приказу «Мрак и туман» в распоряжение военной промышленности.

Установлено, что заключенные по приказу «Мрак и туман», которые уже используются в военной промышленности, как, например, 400 с лишним заключенных, работающих в Лабанде, великолепно трудятся и особенно выделяются как квалифицированные рабочие. Поэтому военная промышленность желает удержать у себя используемых ею в настоящее время заключенных по приказу «Мрак и туман» также и после того, как они будут оправданы либо отбудут свой срок наказания.

Прошу принять решение, может ли эта просьба быть удовлетворена, и если да, то каким образом. Серьезные сомнения возникают в связи с тем обстоятельством, что правовых оснований продолжать содержать этих лиц под стражей нет и что судебные власти таким образом приняли бы на себя осуществление превентивных полицейских мер. Остается, однако, вопрос, не оправдывает ли положение рейха даже такие чрезвычайные меры».

Эта просьба рассматривалась подсудимым фон Аммоном, который сделал на документе следующую надпись:

«Представлено V отделу (возглавлявшемуся подсудимым Энгертом) с просьбой изложить свое мнение. Если у вас нет возражений, я намереваюсь в связи с докладом генерального прокурора в Катовицах связаться с главным управлением имперской безопасности».

Помилование по делам «Мрак и туман»

Будучи статс-секретарем, подсудимый Клемм должен был выносить решения по вопросам помилования либо выступая совместно с министром юстиции, либо действуя в его отсутствие. Подсудимый Клемм признает, что он выносил решения по ходатайствам о помиловании лиц, приговоренных к смерти по делам «Мрак и туман», и во всех этих ходатайствах отказал. После того как подсудимый

Клемм стал статс-секретарем, через его руки прошло 14 документов, касающихся дел «Мрак и туман». Ему было известно о передаче дел «Мрак и туман» из Эссена в Силезию, знал он также о «повседневных» вопросах по делам «Мрак и туман», которые проходили через его ведомство.

В конце 1944 года Гитлер отдал приказ о том, чтобы органы юстиции и военные суды прекратили рассмотрение дел «Мрак и туман» и передали решение всех этих вопросов в гестапо. Одновременно с этим совершалась передача заключенных по приказу «Мрак и туман» в гестапо. В ходе последовавших совещаний, на которых присутствовал подсудимый фон Аммон, министерство юстиции согласилось осуществить передачу заключенных — и впоследствии действительно осуществило эту передачу — из тюрем министерства в гестапо. Подсудимому Лаутцу было приказано прекратить рассмотрение дел заключенных по приказу «Мрак и туман» в «народной судебной палате» и передать этих заключенных гестапо. Свидетель Хеккер показал, что те заключенные по приказу «Мрак и туман», которые находились в Берлинском районе и о которых ему было известно, были отправлены в Ораниенбург.

Окончательный приказ министерства юстиции, по которому всех находившихся в наличии заключенных по приказу «Мрак и туман» следовало передать в гестапо и в концентрационные лагеря, был чрезвычайно жесток.

Приведенные выше документы и неоспоримые факты свидетельствуют о том, что Гитлер и лица, занимавшие высокие посты в вооруженных силах и в нацистской партии, включая нескольких имперских министров юстиции и других высших чиновников министерства юстиции, судей судов нацистского режима, государственных обвинителей, выступавших в таких судах, либо договаривались о совершении, давали свое согласие на совершение, своим согласием способствовали осуществлению[1] гитлеровского плана мероприятий «Мрак и туман», которое влекло за собой совершение военных преступлений и преступлений против человечности в ходе ведения недавней войны против союзных держав и других стран, являвшихся соседями Германии, либо отдавали приказы об осуществлении этих меро-

[1] Такова принятая в американском процессе формула обвинения — Составитель.

приятий, способствовали и были причастны к их осуществлению.

Приведенные выше документы и факты неоспоримо свидетельствуют о том, что некоторые из подсудимых в той или иной степени участвовали в исполнении или осуществлении плана Гитлера «Мрак и туман»: они либо являлись основными участниками, либо отдавали приказы, подстрекали к осуществлению этого плана, давали согласие на участие в нем, либо были связаны с его выполнением. Роль подсудимых, принимавших указанным образом участие в осуществлении плана «Мрак и туман», будет рассмотрена ниже при суммировании доказательств.

Директива «Мрак и туман» была первоначально задумана как план, направленный на борьбу с движениями Сопротивления, возникавшими против германских оккупационных войск. Министерство юстиции на раннем этапе распространило эту директиву и на правонарушения, направленные против германского рейха. Нередко правонарушения, подводимые под эту директиву, не имели ничего общего с безопасностью вооруженных сил на оккупированных территориях. Многие из этих правонарушений совершались после того, как прекращались военные действия, и происходили в районах, где не было военных действий. Первый секретный приказ министерства юстиции, направленный на исполнение или проведение в жизнь директивы «Мрак и туман», предусматривал:

«1. Преследование за уголовные преступления против рейха, или

2. Оккупационных войск на оккупированных территориях».

Этот приказ гласил, что директива, как правило, будет распространяться на семь перечисленных выше составов преступления, на правонарушения общего типа, включая «коммунистическую деятельность». Понятие «коммунистическая деятельность» является общим и по природе своей политическим. Доказательства свидетельствуют о том, что политических заключенных на оккупированных территориях судили и приговаривали к смерти по процессам «Мрак и туман». К вопросу о движениях Сопротивления имеет непосредственное отношение следующий вывод, к которому пришел Международный Военный Трибунал:

«Местные части полиции безопасности и СД продолжали свою работу на оккупированных территориях после то-

го, как они переставали быть театром военных действий. Полиция безопасности и СД занимались повсеместными арестами гражданского населения в этих оккупированных странах, заключали большое число этих арестованных в тюрьмы, где их содержали в нечеловеческих условиях, подвергали их зверским допросам «третьей степени» и посылали многих из них в концентрационные лагеря.

Местные части полиции безопасности и СД также участвовали в расстреле заложников, в заключении в тюрьмы их родственников, в казни лиц, обвиняемых в терроризме и в диверсиях, без всякого суда, и в проведении приказа «Мрак и туман», по которому лица, обвиняемые в действиях, которые считались опасными для оккупационных войск, были либо казнены в течение недели, либо тайно вывозились в Германию, причем им запрещалось поддерживать связь со своей семьей и близкими»[1].

Подсудимый Шлегельбергер разъяснил, что основной целью приказа «Мрак и туман» являлось устрашение, «достигавшееся путем исключения для заключенных всякого контакта с внешним миром». Шлегельбергер далее разъясняет, что, как намечалось и как действительно осуществлялось на практике, заключенных по приказу «Мрак и туман» по существу дела «судили по тем же правилам, которые применялись бы к ним военно-полевыми судами на оккупированных территориях», и что поэтому «правила процедуры были сокращены до предела».

Претворение в жизнь положений, содержащихся в директиве Гитлера «Мрак и туман», стало средством, с помощью которого осуществлялся самый широкий контроль и самое широкое принуждение над массами людей на оккупированных территориях и с помощью которого тысячи граждан на оккупированных территориях заключали под стражу, терроризировали, убивали. Претворение в жизнь и осуществление директивы «Мрак и туман» привело к совершению военных преступлений и преступлений против человечности в нарушение международных норм ведения войны и международного общего права, связанного с признанными правами человека, а также в нарушение статьи II, параграфов (b) и (с) Закона № 10 Контрольного Совета.

Во время войны наряду с угоном миллионов жителей оккупированных территорий для рабского труда и для дру-

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 419.— Составитель.

гих целей осуществлялась гитлеровская программа «Мрак и туман» для увоза в Германию многих тысяч жителей оккупированных территорий, увоза, обставлявшегося так, чтобы увезенные исчезали без следа и чтобы их последующая судьба оставалась неизвестной. Эта практика создавала атмосферу постоянного страха и беспокойства среди родственников и близких этих людей и среди всего населения оккупированных территорий.

В докладе Парижской конференции 1919 года[1], о котором мы уже говорили выше, перечисляются 32 категории преступлений, представляющих собой «самый ужасающий список преступлений, который когда-либо был составлен, к вечному позору для тех, кто их совершил». Этот список преступлений был рассмотрен и признан Версальским договором, а впоследствии признан в качестве международного права... Среди перечисленных преступлений имеется и «угон гражданских лиц» с территорий, оккупированных врагом.

Закон № 10 Контрольного Совета, приводя перечень действий, которые представляют собой нарушения законов или обычаев ведения войны, называет военным преступлением «увод в рабство или увод для каких-либо других целей гражданского населения с оккупированной территории» (статья II, параграф 1 (b). Закон № 10 Контрольного Совета (статья II, параграф 1 (c) признает также в качестве преступлений против человечности обращение в рабство, высылку, заключение в тюрьмы... любого гражданского населения.

Международный Военный Трибунал постановил, что увод населения с оккупированных территорий в целях «эффективного и продолжительного устрашения»[2] представляет собой нарушение законов и обычаев ведения войны. Увод в целях «эффективного и продолжительного устрашения» осуждается также Законом № 10 Контрольного Совета в положении, запрещающем «увод... для каких-либо других целей гражданского населения с оккупированных территорий».

[1] См. сноску на стр. 136. — Составитель.

[2] Этими словами начиналось письмо Кейтеля от 12 декабря 1941 г., содержащее цели, которые преследовались изданием директивы «Мрак и туман» (см. «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 379—380). — Составитель.

В перечне преступлений, содержащихся в докладе Парижской конференции от 1919 года, указаны «убийства, массовые убийства и систематический террор». Закон № 10 Контрольного Совета причисляет увод гражданского населения «для любых целей» к преступлениям, относящимся к юрисдикции данного суда. Приказ «Мрак и туман» провозглашал цель обеспечить «эффективное и продолжительное устрашение» населения оккупированных территорий. Международный Военный Трибунал признал, что директива Гитлера «Мрак и туман» создавала «систему насилия, зверств и террора» и поэтому представляла собой нарушение законов ведения войны как террористическую меру.

Доказательства свидетельствуют о том, что заключенным по приказу «Мрак и туман», которых вывозили в Германию, не предъявляли обвинений в каких-либо серьезных преступлениях, во многих случаях они приговаривались к относительно легким мерам наказания или им выносились даже оправдательные приговоры. Это означает, что они не представляли собой угрозы для оккупационных сил и не были опасны в глазах германских судей, которые рассматривали их дела. Тем не менее их содержали в заключении втайне и не разрешали тем или иным образом связываться со своими друзьями и родственниками. Это — бесчеловечное обращение. Оно распространялось не только на самих заключенных, но и на оставшихся дома их друзей и родственников, которые находились в постоянном беспокойстве и тревоге по поводу их местонахождения и судьбы. Семьи лишались поддержки главы семьи, а это приносило им страдания и голод. Тайный увоз людей по приказу «Мрак и туман» сознательно осуществлялся с целью держать семьи, друзей и родственников в постоянном страхе и беспокойстве о судьбе увезенных. Таким образом, семьи и друзья увезенных подвергались жестокому наказанию, хотя им не предъявлялось никакого обвинения и не делалось никакого утверждения, что они действительно совершили что-то в нарушение какого-либо оккупационного правила или какое-либо преступление против рейха.

Ясно, что наряду с физической жестокостью может осуществляться психическая жестокость. Именно такова была четко выраженная цель приказа «Мрак и туман». Указанным образом при претворении в жизнь этого приказа наказывались тысячи невинных людей.

Представленные документы неоспоримо свидетельствуют о том, что жертвы приказа «Мрак и туман» содержались под стражей без права общения с внешним миром и остальное население знало лишь, что родственник или гражданин исчез «во мраке и тумане»; отсюда — название приказа. Если родственники или друзья наводили справки, им не давали никакой информации. Если дипломаты или адвокаты наводили справки о судьбе лица, заключенного по приказу «Мрак и туман», им отвечали, что состояние дела не дает возможности производить какие-либо дополнительные запросы или давать информацию. Население, родственников или друзей не информировали о том, за какого рода преступление была арестована жертва. Таким образом, у этих людей не было руководства или нормы, с помощью которых они могли бы избежать совершения таких же преступлений, какие были совершены несчастными жертвами, а это не могло не вселять в людей страх и ужас перед тем, что их ожидает аналогичная судьба.

На всем протяжении осуществления программы «Мрак и туман» ей сопутствовал элемент полной секретности. Эта секретность процедуры представляла собой террористическую меру... Эта мера могла широко осуществляться только жестоким нацистским режимом. Нацисты стремились подчинить себе и терроризировать гражданское население стран, охваченных агрессивной войной, которую нацисты вели. Не было никаких доказательств того, что увоз гражданского населения с оккупированных территорий был необходим для обеспечения безопасности оккупационных войск. Мероприятия «Мрак и туман» идеально входили составной частью в более крупный план по угону миллионов людей с оккупированных территорий в Германию.

Закон № 10 Контрольного Совета определяет увод гражданского населения для какой бы то ни было цели как преступление. Международные нормы ведения войны в течение длительного времени служили защитой гражданскому населению любой территории или страны, оккупированной вражеской военной силой. Источником этих норм является неписаное международное право, установленное обычаями и правилами поведения цивилизованных стран мира. По международному праву жители оккупированного района или оккупированной территории обладают определенными правами, которые оккупант, захвативший данный район или данную территорию, должен уважать.

Это право, определяющее военную оккупацию, существует уже в течение длительного времени...

Однако, как об этом свидетельствуют неоспоримые доказательства, Германия вскоре забыла о человечных нормах ведения войны. Общая политика нацистского режима заключалась в том, чтобы терроризировать и истреблять гражданское население оккупированных территорий.

Непосредственное отношение к этому имеет следующая выдержка из приговора Международного Военного Трибунала:

«В приказе, изданном подсудимым Кейтелем 23 июля 1941 г., проект которого был разработан подсудимым Иодлем, говорилось:

«Учитывая громадные пространства оккупированных территорий на Востоке, наличных вооруженных сил для поддержания безопасности на этих территориях будет достаточно лишь в том случае, если всякое сопротивление будет караться не путем судебного преследования виновных, а путем создания такой системы террора со стороны вооруженных сил, которая будет достаточна для того, чтобы искоренить у населения всякое намерение сопротивляться. Командиры должны изыскать средства для выполнения этого приказа путем применения драконовских мер»[1].

Как Кейтель, так и Иодль были приговорены Международным Военным Трибуналом к смерти и впоследствии казнены. Это тот самый Кейтель, который разослал за своей собственной подписью директиву Гитлера «Мрак и туман», предусматривавшую:

«Эффективное и продолжительное устрашение может быть достигнуто либо суровым наказанием, либо путем проведения мероприятий, при которых родственники преступников и остальное население остаются в неведении относительно судьбы этих преступников. Эта цель достигается при увозе преступников в Германию».

Вне сомнения, приведенные выше приказы инспирировались одной и той же мыслью и одной и той же целью и отражают общую политику нацистского режима...

Неоспоримые доказательства, представленные по данному делу, свидетельствуют о том, что Германия в ходе последней войны нарушила все правовые принципы военной оккупации. Не только в связи с программой «Мрак и

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 383.— Составитель.

туман», но и во многих других случаях она немедленно по оккупации захватываемых районов и территорий отменяла законы, действовавшие на оккупированных территориях. Она упраздняла суды оккупированных территорий и учреждала суды, в которых заседали представители нацистского тоталитарного режима и нацистской тоталитарной системы. Оккупационные законы были невероятно жестокими и чрезвычайными, нацистские суды жестоким и безжалостным образом применяли их к населению оккупированных территорий, что приводило к грубым нарушениям прав личности, морали и религии, нарушениям норм международного права. Они нарушали нормы, зафиксированные в законе № 10 Контрольного Совета, в силу которого данный Трибунал осуществляет свою юрисдикцию по настоящему делу.

Представленные здесь доказательства служат неопровержимым и абсолютным свидетельством плохого обращения с людьми и их порабощения, попрания прав человека, человеческой личности и достоинства, осуществлявшихся нацистским министерством юстиции и прокурорами в такой степени, что юристы, а также граждане цивилизованных стран с трудом могут поверить в то, что нацистская судебная система реально могла быть так жестока и беспощадна в обращении с населением оккупированных районов и территорий.

Изложенная выше процедура, осуществлявшаяся по приказу «Мрак и туман», явно представляла собой нарушения... положений, записанных в статьях 5, 23, 43, 46 Гаагской Конвенции...

Как международные правила ведения войны, так и Закон № 10 Контрольного Совета запрещают оккупационным войскам истязать гражданских лиц. В соответствии с приказом «Мрак и туман» граждан тайно вывозили в концентрационные лагеря и содержали в заключении в самых бесчеловечных условиях, как об этом свидетельствуют приведенные выше данные из трофейных документов. Находясь в концентрационных лагерях и тюрьмах, граждане голодали, их подвергали плохому обращению. Таким образом, приказ «Мрак и туман» нарушает эти четкие запрещения международного права, равно как и четкие положения Закона № 10 Контрольного Совета.

Такое заключение и такие меры плохого обращения являлись также нарушением нормы, предусмотренной Париж-

ской конференцией 1919 года, которая запретила «интернирование гражданских лиц при бесчеловечных условиях». Приказ «Мрак и туман» представляет собой нарушение международного права в том виде, как оно признается Парижской конференцией 1919 года; это нарушение состояло в том, что заключенных по приказу «Мрак и туман» вывозили в Германию и принуждали работать на военных заводах вражеской державы.

Представленные выше документы, вне сомнения, устанавливают, что граждан указанным образом использовали на заводах по изготовлению вооружения с санкции и одобрения имперского министра юстиции и с одобрения подсудимого фон Аммона.

Масштабы деятельности и преступный характер деятельности подсудимых, которые принимали участие в исполнении и проведении в жизнь приказа «Мрак и туман», будут рассмотрены при суммировании доказательств, касающихся каждого из подсудимых. Каждый из подсудимых фактически ссылался в свою защиту на то, что речь идет об акте, совершенном государством, а также на то, что имели место приказы, исходящие свыше; эти обстоятельства приводились в объяснение или смягчение любого преступления, которое данный подсудимый мог совершить при исполнении приказа «Мрак и туман». Обоснование индивидуальной ответственности за совершенные преступления и толкование соответствующего закона были четко и квалифицированно изложены в приговоре Международного Военного Трибунала, который гласит:

«Утверждалось, что международное право рассматривает лишь действия суверенных государств, не устанавливая наказания для отдельных лиц, и далее утверждалось, что там, где рассматриваемое действие являлось действием, совершенным государством, то лица, которые практически осуществили это, не несут личной ответственности, а стоят под защитой доктрины о суверенности государства.

По мнению Трибунала, оба эти утверждения должны быть отвергнуты. Уже давно было признано, что международное право налагает долг и обязанности на отдельных лиц так же, как и на государства.

В имевшем не так давно место деле «Экс Парте Квирин» (1942, США—317), разбиравшемся в Верховном суде Соединенных Штатов, обвиняемым вменялась в вину высадка на территории Соединенных Штатов во время войны

с целью шпионажа и диверсий. Покойный главный судья Стоун, выступая от имени суда, заявил:

«С самого начала своего существования данный суд применял законы ведения войны, как включающие в себя ту часть международного права, которая предписывает статус, права и обязанности вражеских государств, а также их отдельных представителей во время войны».

Он представил далее целый список дел, разбиравшихся в судах, где отдельные лица обвинялись в нарушении международного права и в особенности законов ведения войны.

Можно было бы процитировать еще целый ряд других авторитетных источников, но сказанного достаточно для того, чтобы показать, что за нарушение международного права могут быть наказаны и отдельные лица.

Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права»[1].

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА РАСОВОЙ ПОЧВЕ

В представленных доказательствах приводятся многочисленные факты преследования отдельных поляков и евреев, однако, если бы мы рассматривали эти дела как отдельные и не связанные друг с другом случаи извращения правосудия, мы оставили бы без внимания самую суть преступления, инкриминируемого настоящим Обвинительным актом.

Подсудимым не вменяется в вину заговор как отдельное и самостоятельное преступление; напротив, выдвигается утверждение, что они принимали участие в осуществлении правительственного плана и правительственной программы по преследованию и истреблению поляков и евреев, плана, который нарушал территориальные границы, равно как и границы человеческой порядочности.

Одни подсудимые принимали участие в принятии законов и приказов, ставивших своей целью истребление поляков и евреев в Германии и во всей Европе. Другие подсуди-

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 368. — Составитель.

мые, занимавшие административные посты, принимали активное участие в проведении в жизнь этих законов и в осуществлении зверств, запрещаемых даже германским правом, в стремлении достичь объявленной общенациональной цели. Третьи, будучи судьями, извращали законы и приказы и затем применяли их против поляков и евреев за то, что они являются поляками и евреями, действуя в нарушение всех принципов поведения судьи. Неправомерные действия ряда подсудимых должны рассматриваться и пониматься как сознательное сотрудничество в деле претворения в жизнь политики нацистской партии и государства.

Сами законы дискриминационного характера представляли собой предмет военных преступлений и преступлений против человечности, которые вменяются в вину подсудимым. Существенные для дела факты, которые должны быть доказаны в любом случае, заключаются в следующем: факты обширной программы расового преследования и истребления и конкретного поведения отдельных подсудимых по претворению в жизнь этой программы. Сказанное представляет собой не более как применение общих концепций уголовного права. Человек, убедивший другого в том, чтобы тот совершил преступление, человек, доставивший смертоносное оружие в целях совершения этого преступления, и человек, нажавший на спусковой крючок, — все они являются либо основными исполнителями, либо соучастниками преступления.

Перейдем теперь к рассмотрению программы расового истребления.

По существу, программа заключалась в фактическом истреблении евреев и поляков либо путем убийства, либо путем заключения в концентрационные лагеря, приводившего лишь к тому, что смерть наступала медленнее и более болезненно. Менее масштабные формы преследования по расовым мотивам практиковались правительственными органами повсеместно, они входили составной частью в общую политику рейха...

Закон против поляков и евреев (от 4 декабря 1941г.), который мы цитировали выше, сурово претворялся в жизнь. Поляки и евреи, осужденные за совершение конкретных преступлений, подвергались иного типа наказаниям по сравнению с немцами, которые совершили такие же преступления. Их права в качестве подсудимых в суде сурово

ограничивались. Суды получали право выносить смертные приговоры полякам и евреям даже в тех случаях, когда такая санкция не предписывалась законом, если доказательства указывали на «особенно неприятные мотивы». И, наконец, полиции была предоставлена свобода действий («карт-бланш») наказывать за все «преступные» действия, совершенные евреями, без применения какого-либо судебного процесса.

Из огромной массы доказательств, которыми мы располагаем, приведем только несколько примеров, характеризующих данную программу и ее осуществление.

30 января 1939 г. в речи перед рейхстагом Гитлер, который как раз в то время завершал разработку своего плана агрессивной войны, заявил:

«Если международным финансистам-евреям как за пределами Европы, так и в самой Европе удастся еще раз ввергнуть народы в мировую войну, то результатом этого будет не большевизация мира, а следовательно, и победа еврейства, а уничтожение еврейской расы в Европе»...

Альфред Розенберг (его впоследствии повесили)... писал:

«Сегодня возникает новая вера — миф о крови, вера в защиту кровью божественной сущности человека. Вера, выраженная в самых четких знаниях, о том, что нордическая кровь представляет собой то таинство, которое заменило собой старые таинства и встало над ними».

Философия Розенберга активно поддерживала программу нацистской партии, которая гласила:

«Только тот, кто принадлежит к германской расе, может быть гражданином государства. Только тот принадлежит к германской расе, в чьих жилах течет германская кровь, независимо от вероисповедания... Следовательно, ни один еврей не может принадлежать к германской расе».

Именно в целях претворения в жизнь этой программы и были приняты дискриминационные законы против поляков и евреев, о которых мы говорили выше.

7 августа 1942 г. Фрейслер подписал директиву имперского министерства юстиции, адресованную прокурорам и судьям; в ней излагались в широком плане те общие принципы, которыми надлежало руководствоваться при применении закона против поляков и евреев и при обращении к этому закону по конкретным делам, рассматриваемым в суде. Цитируем:

«Закон от 4 декабря 1941 г. касательно уголовного преследования поляков и евреев был разработан не только с целью служить уголовным законом против поляков и евреев, но, помимо этого, также сформулировать для органов германской юстиции те общие принципы, которыми они должны руководствоваться во всех судебных разбирательствах в отношении поляков и евреев, независимо от роли, которую поляки и евреи играют в конкретном деле. Например, положения статьи IX, по которой поляков и евреев не следует приводить к присяге, распространяются также на процессы в отношении немцев, а именно:

1. Процессы против немцев должны по возможности проводиться так, чтобы поляки и евреи не вызывались в качестве свидетелей. Если же, однако, таких показаний нельзя избежать, то поляк или еврей не должен выступать в качестве свидетеля против немца в судебном заседании. Такого свидетеля всегда должен допрашивать судья, которого специально назначают для этой цели, либо просят полицию исполнить эту миссию...

2. Показания поляков и евреев в ходе процессов против немцев следует принимать с максимальной осторожностью, особенно в тех случаях, когда другие доказательства отсутствуют».

13 октября 1942 г. имперский министр юстиции Тирак обратился с письмом к рейхслейтеру Борману; в этом письме, в частности, говорилось:

«Для того, чтобы освободить германскую нацию от поляков, русских, евреев и цыган, а также для того, чтобы предоставить восточные территории, которые были присоединены к рейху, для поселения германских граждан, я намереваюсь передать уголовное преследование поляков, русских, евреев и цыган рейхсфюреру СС. Поступая таким образом, я исхожу из принципа, что отправление правосудия может внести лишь небольшой вклад в дело истребления представителей этих народов. Органы юстиции, несомненно, выносят этим людям очень суровые приговоры, но этого недостаточно, чтобы внести сколько-нибудь существенный вклад в реализацию вышеупомянутой цели».

18 сентября 1942 г. имело место совещание, в котором приняли участие Тирак, Гиммлер, Борман, Ротенбергер и другие лица. Запись этого совещания, подписанная Тираком, свидетельствует о том, что предметом обсуждения явились, в частности, «особые меры обращения», которые осу-

ществлялись полицией в случаях, когда судебные приговоры оказывались недостаточно суровыми. В числе других пунктов, по которым было достигнуто соглашение между Борманом, Гиммлером и Тираком, указывалось, в частности, что имперский министр юстиции будет решать, следует ли обращаться к особым мерам, осуществляемым полицией, и когда эти меры применять...

Соглашение предусматривало передачу асоциальных элементов вместо отбывания ими срока наказания рейхсфюреру СС для их уничтожения непосильным трудом[1].

Подсудимый Ротенбергер показал, что он не присутствовал, когда достигались упоминаемые соглашения. Как бы то ни было, совершенно ясно, что вскоре после принятия этих соглашений он был о них уведомлен.

Особое значение имеют представленные доказательства, касающиеся создания уголовных законов для поляков и евреев на присоединенных восточных территориях. 17 апреля 1941 г. подсудимый Шлегельбергер обратился с письмом к имперскому министру и начальнику имперской канцелярии. В этом письме он отмечает, что как только по декрету от 5 сентября 1939 г. на восточных территориях были введены специальные суды, он попытался превратить эти «суды с их особо быстрой и энергичной процедурой в центры по борьбе со всей польской и еврейской преступностью». Он заявляет далее, что «процедура обязательного привлечения к судебной ответственности была отменена, так как представлялось невыносимым, что поляки и евреи будут таким образом принуждать немецкого прокурора предъявлять им обвинительный акт». Полякам и евреям было также запрещено возбуждать дела в порядке частного обвинения и предъявлять встречные иски. Шлегельбергер далее пишет: «Когда меня уведомили о намерении фюрера провести дискриминацию в сфере уголовного права между поляками (и, вероятно, также евреями) и немцами, я подготовил, после предварительного совещания с президентами оберландсгерихтов и прокурорами присоединенных восточных территорий, прилагаемый проект, касающийся применения уголовных законов к полякам и евреям на присоединенных восточных территориях и на территории свободного города Данцига».

Шлегельбергер продолжает:

«На данном этапе я соглашаюсь с мнением, которого

[1] Запись о совещании см. стр. 63. — Составитель.

придерживается заместитель фюрера по поводу того обстоятельства, что поляк мало чувствителен к отбыванию обычного тюремного заключения. Поэтому я принял административные меры, направленные на то, чтобы поляков и евреев отделяли от других заключенных и чтобы условия их содержания были более суровы. Номер 3[1] идет еще дальше и взамен тюремного заключения и каторжных работ на определенные сроки, предписываемых имперским правом, устанавливает приговоры нового типа, как-то: тюремный лагерь и тюремный лагерь с более суровым режимом».

Обращаясь к предлагаемому им проекту, Шлегельбергер пишет, что та часть проекта, которая касается процедуры, содержит, во-первых, особые правила, которые до настоящего времени были зафиксированы в предварительном декрете. В дополнение к этому устанавливается, что поляку или еврею, которому немецкий суд вынес приговор, не будет в будущем предоставляться никаких прав судебной защиты против этого приговора; ему не будет также разрешаться подавать апелляцию, подавать ходатайство о пересмотре дела. Все приговоры будут вступать в силу немедленно. В будущем, пишет он далее, поляки и евреи не получат также права заявлять отводы немецким судьям на том основании, что те против них предубеждены; им не будет предоставляться возможность приносить присягу. Принимать против них меры принуждения допустимо при более легких условиях.

В меморандуме от 22 апреля 1941 г., на котором стоит тот же регистрационный номер, что и на письме Шлегельбергера, говорится, что Шлегельбергер препроводил предлагаемый им проект; в меморандуме дополнительно сообщается:

«Проект учреждает особое драконовское уголовное право для поляков и евреев, которое дает широкие возможности толкования фактов по делу, причем смертная казнь может быть применена во всех случаях. Условия содержания в заключении также гораздо более суровые, чем те, которые предусматриваются обычным немецким уголовным правом».

В меморандуме далее говорится:

[1] Гесс — «человек № 3», который после Гитлера и Геринга занимал третье место среди заправил нацистского рейха.— Составитель.

«Министр юстиции только в двух пунктах расходится во мнении с предложениями заместителя фюрера».

Меморандум разъясняет, что заместитель фюрера полагал более уместным, чтобы введение специальных уголовных законов было поручено генерал-губернатору, в то время как министр юстиции предусматривал, что эти законы будут введены имперским декретом. Второе расхождение во мнениях несколько свидетельствует в пользу подсудимого Шлегельбергера. Заместитель фюрера заявил, что считает приемлемым введение телесного наказания, а министр юстиции не дал согласия на это предложение.

3 августа 1942 г. имперский министр юстиции направил проект предлагаемого «распоряжения» ряду чиновников высшего ранга, включая имперского министра внутренних дел и имперского министра народного просвещения и пропаганды. Письмо было подписано: «По поручению, Фрейслер». Фрейслер в тот период занимал пост статс-секретаря имперского министерства юстиции. Письмо содержало нижеследующее важное сообщение:

«Я обратил особое внимание на важность этого «распоряжения» на время войны, так как оно косвенным образом служит национальной обороне».

Прилагаемый проект предусматривал, что евреям не должно разрешаться использовать право апелляции, пересмотра дел или жалоб на решения по уголовным делам; им запрещено также обращаться в суды с просьбой об отмене решений, вынесенных полицией. Проект предусматривал также, что, если апелляция была уже подана, следует считать, что она аннулирована.

13 августа 1942 г. имперский министр внутренних дел обратился с письмом к имперскому министру юстиции; в письме содержалась просьба о том, чтобы проект был расширен и распространен также на ограничение прав евреев подавать жалобы по административным делам и по уголовным делам. В тот же день подсудимый Шлегельбергер отправил письмо имперскому министру народного просвещения и пропаганды по поводу дополнений к проекту в том плане, как это предлагал министр внутренних дел. Цитируем:

«Заявляю, что у меня нет возражений против распространения моего проекта и на административно-правовые вопросы и на решения административных органов».

Далее он предложил включить дополнительно положе-

ние о том, что евреям нужно запретить давать показания под присягой, но при этом их можно привлекать к судебной ответственности за лжесвидетельство, хотя присяги они и не принимали.

8 марта 1943 г. шеф полиции безопасности и СД Кальтенбруннер обратился с письмом к министру внутренних дел Фрику, в котором настаивал на немедленном принятии предложенного проекта «распоряжения». Он обосновывал это нижеследующими причинами:

«1. Ранее эвакуация евреев ограничивалась евреями, которые не состояли в браке с не евреями. Вследствие этого число евреев, которые оставались в ведении министерства внутренних дел, было весьма значительным. Так как подготовленное «распоряжение» должно распространиться и на этих евреев, планируемые меры не представляются бесцельными.

2. Положение статьи 7 «распоряжения», по которому по смерти еврея его состояние целиком переходит к рейху, приводит к тому, что на государственную полицию падает гораздо меньший объем работы. В настоящее время процедура, используемая государственной полицией при конфискации таких еврейских наследственных состояний, должна нередко видоизменяться и подгоняться под каждое конкретное дело».

Кальтенбруннер добавляет, что положение о передаче евреев полиции основывается на соглашении между Гиммлером и Тираком, который к тому времени сменил Шлегельбергера на посту имперского министра юстиции.

В меморандуме от 21 апреля 1943 г., предназначенном для архивов имперской канцелярии, приводятся данные о совещании статс-секретарей по предлагаемому «распоряжению»; на этом совещании присутствовал подсудимый Ротенбергер. На совещании было достигнуто соглашение, что в предлагаемое «распоряжение» следует внести ряд изменений. Окончательным результатом этого продолжительного обсуждения было принятие 13-го правила инструкции к закону об имперском гражданстве от 1 июля 1943 г.; принятое правило было подписано Фриком, Борманом и Тираком. Следует напомнить, что по положениям этого правила предусматривалось, что преступные действия, совершенные евреями, должны наказываться полицией, что имущество еврея по его смерти должно конфисковываться. Указанное положение, равно как и другие положения, приобретало

силу также в протекторате Богемии и Моравии, на который распространялась юрисдикция германских судов...

5 апреля 1933 г. подсудимый Барниккель сделал нижеследующую запись в своем дневнике:

«Сегодня в газете написано, что в Берлине существует примерно 3500 адвокатов и половина из них евреи. Лишь 35 из них будет допущено в качестве адвокатов в суде... Исключение изо дня в день этих адвокатов-евреев — ужасная жестокость».

Свидетель защиты Фриц Валлентин заявил, что в целом все судьи — не арийцы были устранены из системы юстиции вскоре после 30 января 1933 г. Эвакуация евреев на Восток в целях их истребления осуществлялась полным ходом во всяком случае не позднее чем в ноябре 1941 года и продолжалась на протяжении последовавших за этим военных лет. В качестве примера того, каким образом эта программа осуществлялась на территории рейха, приводим доклад гестапо, главный отдел Нюрнберг-Фюрт, филиал в Вюрцбурге. Этот доклад касается вывоза евреев из относительно небольшого района, окружающего город Вюрцбург, и указывает на количество евреев, эвакуированных на Восток: 27 июля 1941 г. — 202 человека; 24 марта 1942 г. — 208 человек; 25 апреля 1942 г. — 850 человек; 10 сентября 1942 г. (в Терезиенштадт) — 177 человек; 23 сентября 1942 г. (в Терезиенштадт) — 562 человека; 17 июня 1943 г. (в Терезиенштадт) — семь человек; 17 июня 1943 г. на Восток было эвакуировано 57 евреев. В докладе далее сообщается: «С этим последним транспортом Майн-Франкен покинули все евреи, которых следовало эвакуировать согласно инструкции». Из доклада явствует, что из одного только района Майн-Франкен было эвакуировано 2063 еврея. Мебель, предметы одежды и белье, оставленные этими евреями, были переданы в финансовое управление в Майн-Франкене, которое обратило эти вещи в наличные деньги.

Еще до того, как вместо судебной процедуры был установлен порядок передачи заключенных гестапо, положение поляка или еврея, которого судил суд, отнюдь не было нормальным. Существовали определенные правила, ограничивающие право поляка на защиту. Поляки и евреи не могли отвести немецкого судью, сославшись на наличие предубеждения с его стороны. О других ограничениях, в том числе ограничениях права апелляции, сказано выше (закон против поляков и евреев от 4 декабря 1941 г.).

22 июля 1942 г. имперский министр Геббельс заявил: «Неприемлемой ситуацией является то, что и сегодня еще еврей может протестовать против обвинения, выдвинутого шефом полиции, который является старым членом партии и высшим руководителем СС. Еврею не следует вообще разрешать прибегать к каким-нибудь средствам судебной защиты, он не имеет никакого права протестовать».

Подсудимый Лаутц показал, что в соответствии с положениями декрета, предшествовавшего войне, а также в силу общих норм права по каждому делу следовало в обвинительном акте указывать, принадлежит ли данное лицо к еврейской или смешанной расе.

23 января 1943 г. президент оберландсгерихта в Кенигсберге обратился к министру юстиции с письмом по поводу участия адвокатов в судах на присоединенных восточных территориях в защиту поляков. Цитируем:

«Приказ от 21 мая 1942 г. ... гласит, что в соответствии с законом об уголовной юстиции в Польше от 4 декабря 1941 г. адвокаты не должны брать на себя защиту поляков в судах на присоединенных восточных территориях. Этот приказ был с удовлетворением воспринят всеми судьями и прокурорами во всем подведомственном мне районе».

Эти директивы, исходившие от властей гитлеровского рейха, не были простыми угрозами. Избранная политика и принятые законы энергичнейшим образом претворялись в жизнь. Цитируем выдержку из показаний, данных под присягой подсудимым Карлом Энгертом:

«Передача в гестапо евреев, поляков и цыган не находилась в моем ведении, этим вопросом ведал г-н Хеккер, который работал в моем отделе и находился в моем подчинении. Однако он давал отчет не мне, а непосредственно министру Тираку».

Далее он продолжает:

«Примерно 12 000 заключенных тюрем были назначены для передачи в гестапо... Из общего числа 12 000 мой отдел назначил 3000 для передачи в 1942 году. Сколько евреев, поляков и цыган было назначено для передачи, мне неизвестно; сведения об этом должны быть в статистике».

Имперский министр Геббельс в речи, с которой он 22 июля 1942 г. обратился к судьям «народной судебной палаты», заявил: «Если более 40 000 евреев, которых мы считаем врагами государства, могут все еще свободно разгуливать по Берлину, то это объясняется исключительно не-

хваткой средств транспорта. Иначе эти евреи уже давно оказались бы на Востоке».

Между 9 и 11 ноября 1938 г. во всем рейхе был осуществлен погром против евреев; это делалось по прямому приказу из Берлина[1]. Свидетель защиты Петер Эйффе показал, что до него дошли слухи о предполагаемом погроме в ночь на 8 ноября, и он позвонил в министерство пропаганды, где ему сказали, что «кто-то снова выпустил кота из мешка». В течение трех дней по всему рейху уничтожалось имущество евреев, тысячи евреев были арестованы.

Особенно крупные масштабы разрушение имущества евреев приняло в Берлине. 12 ноября 1938 г. Геринг превзошел все границы, издав нижеследующий декрет:

«Статья I. Весь ущерб, причиненный вследствие негодования народа в связи с подстрекательством международного еврейства против национал-социалистской Германии и возникший 8, 9 и 10 ноября 1938 г. на еврейских предприятиях и в жилых помещениях, должен быть возмещен евреями-владельцами немедленно.

Статья II. Расходы по восстановлению несет владелец соответствующего еврейского предприятия...

Раздел 2. Суммы, причитающиеся евреям германского гражданства по страховым полисам, будут конфисковываться в пользу рейха».

На евреев был наложен штраф в размере одного миллиарда марок. Свидетель Шульц, являвшийся адвокатом в Берлине, представлял интересы фрау Либерман, вдовы известного художника Макса Либермана. Фрау Либерман в то время было 80 лет, и доля штрафа, наложенного на нее, составляла 280 000 марок. Со временем был издан приказ об эвакуации ее на Восток. Она, однако, умерла либо от разрыва сердца, либо от яда, когда спускалась по лестнице

[1] На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников были представлены многочисленные приказы и инструкции гитлеровской полиции об организации погромов или, как они их называли, «стихийных выступлений» по всей Германии. В одной из инструкций гестапо, подписанной Мюллером (впоследствии — шеф гестапо), предлагалось наряду с погромами подготовить арест 20—30 тыс. евреев, в первую очередь богатых, и содержалось указание: «К совместным действиям могут быть привлечены специальные подразделения СС, а также «общие СС». В каждом случае обеспечить соответствующими мероприятиями руководство выступлениями со стороны государственной полиции» (см., например, «Нюрнбергский процесс...», т. 3, стр. 239—240).—Составитель.

перед отъездом. Свидетель защиты Шульц дал также показания[1] о других методах преследования евреев...

Говоря об «асоциальных» лицах, доктор Тирак 5 января 1943 г., выступая на массовом митинге НСДАП, заявил:

«Я проследил за тем, чтобы эти люди более не использовались на какой-либо работе, которая не опасна. Самые опасные задания — это как раз то, что требуется для них. Теперь, сегодня, когда тысячи этих людей таскают грузы на дальнем севере или строят дороги, я ничего не могу поделать, если некоторые из них умирают, но так по крайней мере они приносят какую-то пользу».

Священник римско-католической церкви, работавший в тюрьме Амберг, показал под присягой, что большая часть заключенных этой тюрьмы являлись поляками, которые были приговорены по «закону о поляках». Многие из этих людей умерли от недоедания. Их принуждали есть картофельные очистки и рыться в мусорных кучах в поисках съедобных отбросов. В этой тюрьме «асоциальные элементы» отбирались и направлялись партиями в концентрационный лагерь Маутхаузен. Говорят, что все, кто попал в первую партию, погибли. Среди заключенных были евреи, приговоренные за «нарушение чистоты расы».

Свидетель Хеккер показал под присягой, что после принятия осенью 1942 года «сомнительного декрета» Тирака касательно передачи главному имперскому управлению безопасности евреев, поляков и цыган, лиц, находящихся в превентивном заключении, и «асоциальных» элементов из тюрем, находящихся в системе органов юстиции, передача евреев в целом была осуществлена немедленно. Эта работа проводилась отделом V министерства юстиции. Списки подготавливались ежемесячно и направлялись министру Тираку через шефа отдела.

22 октября 1942 г. на бланке имперского министра юстиции было издано распоряжение, адресованное различным прокурорам, в котором говорилось: «По соглашению с рейхсфюрером СС законным образом приговоренные заключенные, содержащиеся в тюрьмах, будут передаваться в места заключения, подведомственные рейхсфюреру СС». Предназначенные для передачи включали «евреев, мужчин и женщин, содержащихся под арестом, в превен-

[1] Эти показания относятся к периоду до начала второй мировой войны.— Составитель.

тивном заключении или в тюрьме, а также поляков, проживавших на бывшей польской государственной территории на 1 сентября 1939 г., мужчин и женщин, приговоренных к содержанию в тюремных лагерях либо переданных впоследствии для отбывания наказания, если срок приговора превышает 3 года... С завершением передачи этих лиц полиции срок отбывания наказания считается прерванным. О передаче людей полиции должно быть доложено органам, ведающим тюрьмами, а в случае временного содержания их под стражей — высшему исполнительному органу с уведомлением, что срок отбывания наказания прерывается по распоряжению имперского министерства юстиции». Распоряжение подписано «доктор Кроне».

5 ноября 1942 г. в Берлине была издана секретная директива, адресованная руководителям СС и полиции; в ней говорилось:

«По поводу уголовного преследования поляков и граждан восточных областей.

1. Рейхсфюрер СС пришел к соглашению с имперским министром юстиции Тираком, по которому органы юстиции отказываются от осуществления обычной уголовной процедуры по отношению к полякам и гражданам восточных областей. Этих лиц чуждой расы следует в будущем передавать полиции. Аналогичным образом нужно поступать с евреями и цыганами. Данное соглашение получило одобрение фюрера.

II. Это соглашение основывается на нижеследующих соображениях: поляки и граждане восточных областей являются чуждыми и в расовом отношении неполноценными людьми, живущими на территории германского рейха».

Приказ далее гласит, что соображения, которые могут быть правомерны при оправдании наказуемого деяния, совершенного немцем, неправомерны при оправдании наказуемого деяния, совершенного лицом, принадлежащим к чуждой расе... Результатом этого соображения является то, что осуществление уголовного преследования лиц чуждой расы должно быть передано из рук тех, кто представляет юстицию, в руки полиции.

24 сентября 1942 г. подсудимый Иоэль подготовил секретный доклад, касающийся планов рейхсмаршала[1] по проведению акции на оккупированных восточных территориях.

[1] Геринга.— Составитель.

Доклад гласит, что «рейхсмаршал ищет смелых парней, которые будут использоваться на Востоке для специальных целей и сумеют выполнять задания по созданию паники за линией фронта». Было выдвинуто предложение, что для этих целей следует использовать «браконьеров» и «фанатиков — членов шаек контрабандистов, принимающих участие в сражениях с оружием в руках на границах». Копия этого доклада была направлена для ознакомления статс-секретарю Ротенбергеру и представлена в связи с намечавшимся совещанием, назначенным на 9 октября 1942 г. Протоколы совещания от 9 октября 1942 г., подписанные доктором Кроне, включают содержание доклада Иоэля и гласят, что браконьеры уже переданы рейхсфюреру СС для выполнения специальных заданий. В докладе содержится рекомендация, чтобы прокурорам была поручена задача добыть заключенных для этой специальной службы; далее доклад предусматривает:

«**Доставка асоциальных заключенных.** Содержащиеся в тюрьмах лица, отнесенные к категории асоциальных, должны передаваться рейхсфюреру СС.

1. **Лица, содержащиеся в превентивном заключении.** Лица, находящиеся в превентивном заключении и содержащиеся в немецких тюрьмах, будут передаваться в распоряжение рейхсфюрера СС. При передаче их в распоряжение рейхсфюрера СС отбывание наказания будет считаться прерванным...

b. Вопрос о том, должны ли передаваться также женщины, все еще находится под сомнением... В этом отношении следует придерживаться той принципиальной точки зрения, что когда речь идет о женщинах — польках, еврейках и цыганках, никакого сомнения об их передаче существовать не может.

c. На иностранцев этот приказ не распространяется. Поляки, русские, украинцы, евреи к иностранцам не причисляются...

2. **Евреи, цыгане, русские и украинцы** будут без исключения передаваться рейхсфюреру СС.

3. **Поляки.** Этнические поляки, на которых распространяются нормы польского уголовного права, либо те, которые были переданы в руки польской уголовной юстиции и которым предстоит отбыть наказание в виде лишения свободы сроком более 3 лет, будут передаваться рейхсфюреру СС.

Поляки, которым предстоит отбыть меньшие сроки лишения свободы, будут оставаться в заключении в системе тюрем. После отбытия ими наказания о них так или иначе поименно будет доложено полиции».

Следует отметить, что решения о специальных режимах для поляков и евреев, которые были приняты на совещании 9 октября 1942 г., почти на 9 месяцев предшествуют принятию 13-го правила, касающегося инструкции к закону об имперском гражданстве от 1 июля 1943 г., где предусматривалось, что «преступные действия, совершенные евреями, будут наказываться полицией».

1 апреля 1943 г. имперский министр юстиции в письме, адресованном государственным обвинителям оберландсгерихтов и других судов, сообщил, что «главное имперское управление безопасности распоряжением от 11 марта 1943 г. постановило следующее:

...b. Поляки, которые в соответствии с параграфом VI руководящих принципов освобождаются из тюрьмы, должны быть помещены отделом (главным) государственной полиции, которому подведомствен район расположения тюрьмы, в один из концентрационных лагерей до окончания войны в соответствии с изданными правилами о превентивном заключении. То же относится к полякам, которые, отбыв наказание сроком более 6 месяцев, должны быть выпущены из тюрьмы».

Было заявлено, что это распоряжение заменяет собой предыдущие приказы. На документе имеется штамп «имперское министерство юстиции», он подписан доктором Эйхлером.

В качестве яркого примера проявления расового фанатизма приведем нижеследующий документ, изданный в апреле 1943 года и направленный в канцелярию подсудимого Ротенбергера для его сведения; на документе имеются инициалы Ротенбергера. Цитируем:

«Имперское министерство юстиции

Информация для фюрера

1943 №

После рождения своего ребенка чистокровная еврейка продавала свое материнское молоко педиатру, скрыв, что она является еврейкой. Этим молоком в частной детской лечебнице кормили младенцев германской крови. Обвиняемой будет предъявлено обвинение в обмане. Покупатели молока понесли ущерб, так как молоко от еврейки не может

считаться питанием для германских детей. Опрометчивый поступок обвиняемой содержит в себе также и оскорбление. Соответствующие пункты обвинения, однако, не применялись, с тем чтобы излишне не беспокоить родителей, которые не знают об истинном положении вещей.

Я поговорю с имперским руководителем здравоохранения о расово-гигиеническом аспекте этого дела.

Берлин, апрель 1943».

Свидетель Ламмерс, бывший шеф имперской канцелярии, дал нижеследующие показания:

«Итак, вы заявили в ответ на вопрос доктора Кубушока[1], что вопрос стерилизации полуевреев являлся альтернативой их отправки на Восток и что он был поднят самими полуевреями в 1942 году или до этого времени.

Ответ: Да, я это говорил».

Далее свидетель показывает, что полуевреи не подвергались никакому принуждению. По-видимому, Ламмерс придерживается мнения, что человек является свободной личностью, если ему предоставлен выбор между стерилизацией и высылкой в концентрационный лагерь.

Напомним, что закон от 4 декабря 1941 г. против поляков и евреев относился к «присоединенным восточным территориям». Эти территории были захвачены в ходе преступной агрессивной войны, однако, помимо этого факта ясно, что как мы указывали выше, это присоединение согласно законам и обычаям войны являлось незаконным. Так называемые присоединенные территории в Польше на деле представляли собой не что иное, как территорию, находящуюся под военной оккупацией Германии. Распространение на эти территории дискриминационного закона в отношении поляков и евреев и применение на данных территориях этого закона производилось в осуществление задуманного плана преследования и истребления рас. Принимая и претворяя в жизнь этот закон, оккупационные власти, по нашему мнению, нарушили положения Гаагской Конвенции...

Судебные преследования, которые были предложены Лаутцем, не могут быть оправданы сколько-нибудь ссылкой на военную необходимость. Будучи квалифицирован-

[1] Эгон Кубушок, адвокат, на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, защищал Франца Папена.— Составитель.

ным юристом, он должен был знать, что предложенная им процедура является нарушением международного права...

Доказательства свидетельствуют о том, что отправление людей в концентрационные лагеря осуществлялось даже до войны по прямым приказам Гитлера. Доктор Ламмерс, глава имперской канцелярии, 8 августа 1939 г. уведомил имперского министра юстиции, что «фюрер отдал приказ, чтобы все лица, не представляющие ценности, которые находятся в превентивном заключении, были немедленно переданы в распоряжение рейхсфюрера СС». Такая же процедура применялась в отношении лиц, которым никогда не выносился обвинительный приговор.

24 января 1939 г. состоялось совещание, на котором обсуждались доклады из восьми различных судебных округов. Темой этих докладов было «превентивное заключение после отбытия срока тюремного заключения, после оправдания, после освобождения из заключения при направлении дела на доследование». В докладах приводились случаи, когда полиция в зале судебного заседания брала под стражу людей сразу же после того, как им выносился оправдательный приговор. В других случаях полиция брала под стражу людей, в отношении которых было отказано в выдаче ордера на арест. В докладе о ситуации в Гамбурге, составленном подсудимым Ротенбергером, отмечается, что число лиц, подвергнутых превентивному заключению, увеличилось. Ротенбергер докладывал, что имело место шесть случаев, когда женщины-еврейки были подвергнуты превентивному заключению из-за половых сношений с арийцами. Ротенбергер следующим образом цитирует данные из материалов государственной полиции:

«1. Превентивное заключение «в целях сделать наказание действенным»...

2. Превентивное заключение «в целях сделать отбытые сроки наказания еще более действенными...».

3. Превентивное заключение «ввиду большого числа прежних судимостей».

4. Превентивное заключение «в целях помешать тому, чтобы ходу правосудия был нанесен ущерб вследствие вмешательства юристов в качестве защитников».

Доклад, представленный на совещании, завершается фразой:

«Министр заканчивает обсуждение следующим: главные судьи должны проследить за тем, чтобы государствен-

ная полиция избегала арестов в зале судебного заседания; в остальном рекомендуется поддерживать связи с государственной полицией».

Этот доклад подписан подсудимым Клеммом.

Подсудимый Энгерт, будучи вице-президентом, а Тирак — президентом «народной судебной палаты», в июле и августе 1940 года заявили протест по поводу того, что «народной судебной палате» приходится рассматривать мелкие дела, в то время как это несовместимо с достоинством данного суда, и предложили, чтобы подсудимых, проходящих по таким делам, переводили в концентрационный лагерь. Тирак формулировал это положение следующим образом:

«Сколь бы правильным ни было стремление истреблять и искоренять все зародыши мятежа, такие, например, с которыми мы сталкиваемся в Богемии и Моравии, неправильным является то, что каждому последователю мятежников, даже самому мелкому, оказывается честь — его привлекают к суду «народной судебной палаты» и судят за государственную измену либо, если этот вариант оказывается невозможным, его судит оберландсгерихт. Для того, чтобы отреагировать на эти мелкие и даже самые мельчайшие дела, виновным наверняка нужно показать, что германская власть не примирится с их поведением и примет соответствующие меры. Однако этого можно достичь и другим путем и, по моему мнению, более целесообразным, чем через трудоемкие и, кроме того, очень дорогостоящие и громоздкие каналы судебной процедуры. Поэтому у меня нет абсолютно никаких возражений против того, чтобы вправлять мозги мелким сошкам, которые так или иначе были связаны с планами государственной измены, подготавливавшимися другими, посадив их на определенное время в концентрационный лагерь».

Еще 29 января 1941г. главный обвинитель в Хамме обратился с письмом к имперскому министру юстиции, которое предназначалось также для сведения статс-секретаря Шлегельбергера:

«По проведении расследования, имперский уполномоченный по труду на территории Вестфалия — Нижний Рейн информирует меня, что «в соответствии с соглашением между имперским министром по труду и рейхсфюрером СС как главой германской полиции тайная государственная полиция должна наказывать поляков за нарушение рабочих контрактов превентивным заключением или поме-

щением в концентрационные лагеря. Значение этого шага,— как пишет имперский уполномоченный,— заключается в том, что в отношении поляков самые строгие меры должны применяться незамедлительно...». По этой причине моим отделом обращается особое внимание на то, чтобы дела, связанные с нарушением польскими гражданскими лицами рабочих контрактов, передавались в гестапо для принятия дальнейших мер».

В том же письме подсудимого Шлегельбергера информировали, что в плане обращения с польскими гражданскими лицами возникла неопределенность, так как в некоторых случаях суды приговаривали их к двум-трем годам тюремного заключения, в то время как гестапо могло применить за то же преступление наказание смертной казнью.

Хотя роль, которую сыграло министерство юстиции в истреблении поляков и евреев, по сравнению с массовым истреблением миллионов людей, которое осуществляли в концентрационных лагерях СС и гестапо, была относительно невелика, тем не менее суды внесли большой вклад в «окончательное решение» вопроса. Из секретного доклада, исходящего из отдела имперского министерства юстиции и обращенного к судьям и прокурорам, включая подсудимого Лаутца, явствует, что в 1941 году по закону о защите германской крови и чести было арестовано 189, а в 1942 — 109 человек. В 1942 году 61 836 человек было арестовано по закону против поляков и евреев. Эта цифра включала лиц, которые были осуждены на присоединенных восточных территориях, а также за преступления, совершенные «в других районах германского рейха» поляками и евреями, которые 1 сентября 1939 г. постоянно проживали на территории бывшего польского государства. Приведенные цифры, разумеется, не включают случаев, когда евреи были осуждены за другие преступления, к которым закон от 4 декабря 1941 г. не относился.

Подсудимые утверждают, что они не знали о зверствах, которые совершались в гестапо и в концентрационных лагерях. К этому утверждению следует отнестись с серьезным сомнением.

Доктор Бёль показал, что он считает невозможным, чтобы кто-либо, особенно в Берлине, оставался в неведении о зверствах СС и гестапо. Он заявил: «Едва ли возможно, чтобы кто-либо в Берлине не знал об этом, и наверняка об этом не мог не знать человек, являвшийся юристом и свя-

занный с отправлением правосудия». Доктор Бёль в своих показаниях обратил особое внимание на то, что он не может представить себе, чтобы кто-либо в министерстве юстиции или в партийной канцелярии, либо практикующий адвокат, либо человек, являющийся судьей специального суда или «народной судебной палаты», мог быть в неведении по поводу общеизвестных фактов, касающихся обращения с заключенными в концентрационных лагерях.

Сами подсудимые и лица, выступающие от их имени, неоднократно утверждали, что они оставались в системе министерства юстиции, так как опасались, что если они уйдут, то контроль над вопросами, относящимися к ведению министерства юстиции, перейдет к Гиммлеру и гестапо. Короче говоря, они утверждают, что противостояли злостным посягательствам Гиммлера на отправление правосудия, и тем не менее нам предлагают поверить, что они были в неведении о характере тех сил, которым они, по их словам, противостояли.

Мы присоединяемся к мнению Международного Военного Трибунала по вопросу использования концентрационных лагерей. Цитируем:

«Первоначальным их назначением являлось заключение без суда тех лиц, которые были против правительства или которых германские власти считали ненадежными элементами. С помощью отрядов тайной полиции эта практика получила широкое распространение, и с течением времени концентрационные лагеря превратились в место организованного систематического убийства, где уничтожались миллионы людей...

В некоторых концентрационных лагерях были оборудованы газовые камеры для массового уничтожения заключенных и специальные крематории для сжигания трупов убитых. Некоторые из лагерей фактически использовались для уничтожения евреев, как один из методов «окончательного решения» еврейского вопроса...

В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами. В том же духе Гитлер писал в «Майн кампф»; этот план был совершенно ясно изложен Гиммлером в июле 1942 года, когда он писал:

«В наши задачи не входит германизация Востока в том

смысле, как это понималось раньше, то есть германизация, заключающаяся в обучении населения немецкому языку и немецким законам; мы хотим добиться того, чтобы на Востоке жили исключительно люди чистой немецкой крови»[1].

Значительная часть всех евреев, проживавших в Германии, была отправлена на Восток. Миллионы людей бесследно исчезали из Германии и с оккупированных территорий. Их загоняли в концентрационные лагеря как в самой Германии, так и за ее пределами.

В мероприятиях по высылке людей, в пытках и истреблениях должны были принимать участие тысячи солдат и членов гестапо и СС. Одна только задача: как избавиться от гор, в которые превращались складываемые в кучу трупы (доказательства этому мы видели), стала серьезной проблемой и явилась темой разногласий между различными организациями, связанными с этим делом. Тысячи немцев, принимавших участие в зверствах, должны были время от времени возвращаться к своим семьям, проживавшим в рейхе. Зверства осуществлялись в масштабах, не имеющих прецедента в мировой истории.

Должны ли мы поверить в то, что даже шепот об этих зверствах не достигал ушей публики или тех официальных лиц, которые имели к этому наибольшее отношение?

Полагали ли подсудимые, что погромы в ноябре 1938 года, которые были проведены в масштабе всей страны и официально направлялись из Берлина, и заявление Гитлера в рейхстаге, в котором он угрожал стереть с лица Европы еврейскую расу,— это явления, не связанные друг с другом? По крайней мере, подсудимые не могут настаивать на том, что они ничего не знали по поводу декретов, публиковавшихся в вестнике «Рейхсгезетцблатт», являвшемся их официальным органом.

Поэтому им было известно, что наказание евреев в Германии, Богемии и Моравии должно было осуществляться полицией. Они знали о том, что имущество евреев по смерти владельца конфисковывалось. Они знали о том, что закон против поляков и евреев был распространен на оккупированные территории, знали также, что шеф полиции безопасности являлся тем официальным лицом, которому поручено было решать, подлежит ли еврейское имущество

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 381, 382, 384.— Составитель.

конфискации или нет. Они вряд ли могли оставаться в неведении о том факте, что постыдный закон против поляков и евреев от 4 декабря 1941 г. поручал самому министру юстиции совместно с министром внутренних дел издавать юридические и административные распоряжения для «претворения в жизнь этого закона». Они читали «Дер штюрмер». Они получали и отсылали директивные указания. Они слушали и сами читали лекции. Настоящий Трибунал не настолько доверчив, чтобы поверить, будто подсудимые столь глупы, что они не знали о происходящем. Один человек может сохранить секрет, могут и двое людей, но тысячи — никогда.

Доказательства убедительно свидетельствуют о том, что были приняты и применялись систематические, организованные и одобренные правительством мероприятия, представляющие собой зверства и преступления того рода, которые по Закону № 10 Контрольного Совета являются наказуемыми; эти преступления совершались против «населения» и выражались в преследованиях по расовым мотивам. Когда эти мероприятия осуществлялись на оккупированной территории, они представляли собой военные преступления и преступления против человечности. Когда они совершались на территории «старого рейха»[1] против немецких граждан, они представляли собой преступления против человечности.

С учетом изложенного выше становится ясным план преследования по расовым мотивам. Подсудимые уличены в том, что они... в общих чертах знали об этом плане и о его огромных масштабах. Остается рассмотреть вопрос, подтверждают ли представленные доказательства вне пределов разумного сомнения, что каждый из подсудимых сознательно участвовал в осуществлении этого плана либо играл в его осуществлении соглашательскую роль.

Подсудимый Шлегельбергер

Подсудимый Франц Шлегельбергер родился 23 октября 1875 г. в Кенигсберге. Он получил степень доктора права в Лейпцигском университете в 1899 году и сдал высший

[1] Германия в границах 1937 года.— Составитель.

государственный правовой экзамен в 1901 году. Он автор ряда книг по праву. Его первым назначением был пост младшего судьи в амтсгерихте в Кенигсберге. В 1904 году он стал судьей ландсгерихта в Ликке, в 1908 году — судьей амтсгерихта в Берлине, а в конце того же года — младшим судьей Берлинского оберландсгерихта. Шлегельбергер был назначен советником Берлинского оберландсгерихта в 1914 году и проработал на этой должности до 1918 года... 1 октября 1918 г. Шлегельбергер был назначен тайным правительственным советником и шефом департамента, а в 1927 году — министериальдиректором в имперском министерстве юстиции. 10 октября 1931 г. его назначают статс-секретарем в имперском министерстве юстиции при министре юстиции Гюртнере... После смерти Гюртнера 29 января 1941 г. Шлегельбергер возглавил министерство юстиции. Когда 20 августа 1942 г. новым министром юстиции стал Тирак, Шлегельбергер ушел из министерства.

В 1938 году Гитлер предложил Шлегельбергеру вступить в НСДАП. Шлегельбергер заявляет в своих показаниях, что он не извлекал пользы из пребывания в партии, ни разу не присутствовал на партийном собрании, никто из членов его семьи не являлся членом партии и что позиции партии нередко усложняли его положение. Однако, когда Шлегельбергер 20 августа 1942 г. в качестве исполняющего обязанности министра юстиции вышел в отставку, он получил от Гитлера письмо с положительной оценкой его работы и денежный подарок в сумме 100 000 рейхсмарок.

Позднее, в 1944 году, Гитлер дал Шлегельбергеру специальное разрешение использовать 100 000 рейхсмарок на покупку фермы, в то время как по существовавшему тогда правилу ферма могла быть куплена только специалистом по сельскому хозяйству. Шлегельбергер заявляет, что 100 000 рейхсмарок, о которых идет речь, к моменту краха находились на его счету в берлинском «Немецком банке». Таким образом, оказывается, что Гитлер и Шлегельбергер не слишком отрицательно относились друг к другу. Указанные сделки свидетельствуют о том, что Гитлер по крайней мере пытался наградить Шлегельбергера за ту верную службу, которую он сослужил; при выполнении некоторых функций этой службы Шлегельбергер совершил как военные преступления, так и преступления против человечности, что и вменяется ему в вину Обвинительным актом.

Мы уже обращались к речи, которую Шлегельбергер

произнес в университете Ростока 10 марта 1936 г., на тему «Нация сохраняет свое право». В этой речи Шлегельбергер заявил:

«В области уголовного права путь к созданию юстиции, которая гармонировала бы с моральными концепциями нового рейха, был проложен новой формулировкой статьи 2 уголовного кодекса, по которой индивид должен нести наказание даже в том случае, если его деяние не является наказуемым по закону, но если он заслуживает наказания в соответствии с основными концепциями уголовного права и со здравым чувством народа. Необходимость в новом определении возникла вследствие косности существовавшей до этого времени «нормы»...

То, что было сказано по поводу поправки к статье 2 уголовного кодекса, столь же справедливо относится к поправке к статье 170а кодекса, внесенной декретом Гитлера от 28 июня 1935 г., этот декрет подписан также министром Гюртнером; он предусматривает, что если то или иное действие заслуживает наказания в соответствии со здравым чувством народа, но не считается наказуемым по кодексу, обвинение должно установить, могут ли быть применены к данному действию принципы, лежащие в основе уголовного права, и будет ли должное применение этого уголовного закона способствовать торжеству правосудия.

Эта новая концепция уголовного права представляла собой явное вторжение в область прав гражданина, так как ставила его в зависимость от произвольного мнения судьи о том, что представляет собой правонарушение. Данная концепция... создавала атмосферу терроризма. Этот принцип наказания преступлений по аналогии давал удобную возможность для претворения в жизнь нацистских планов в оккупированных странах. Таким образом, германское уголовное право внедрялось на присоединенных территориях, а также на неприсоединенных территориях; впоследствии германское уголовное право применялось немецкими судами при рассмотрении дел жителей оккупированных стран, хотя жители этих стран никак не могли иметь представления о тех деяниях, которые будут квалифицированы как преступные.

Выше в настоящем приговоре мы неоднократно касались действий подсудимого Шлегельбергера. В порядке суммирования мы можем сказать, что Шлегельбергер поддерживал притязания Гитлера, захватившего власть, ре-

шать вопросы жизни и смерти, игнорируя даже видимость судебного процесса. Своими призывами и директивными указаниями Шлегельбергер способствовал уничтожению независимости судей. Именно его подпись стояла под директивой от 7 февраля 1942 г., которой на министерство юстиции и суды возлагалась обязанность привлекать к ответственности, судить и решать судьбу людей, ставших жертвами программы Гитлера «Мрак и туман». За это Шлегельбергер должен понести основную ответственность.

Шлегельбергер виновен в том, что вводил, осуществлял и поддерживал мероприятия, направленные на массовое истребление евреев и поляков. Отношение Шлегельбергера к евреям было менее жестоким, чем отношение его коллег, но и его вряд ли можно назвать человечным. Когда обсуждалось «окончательное разрешение еврейского вопроса», возник вопрос, как быть с полуевреями. В то время в Германии полным ходом осуществлялась высылка чистокровных евреев на Восток. Шлегельбергер был против распространения этой системы также на полуевреев. Исходя из этого, он секретным письмом от 5 апреля 1942 г. направил имперскому министру Ламмерсу следующее предложение[1]:

«Меры по окончательному разрешению еврейского вопроса должны распространяться только на чистокровных евреев и на потомков смешанных браков первой степени, но не должны распространяться на потомков смешанных браков второй степени...

По вопросу об обращении с еврейскими потомками смешанных браков первой степени я соглашаюсь с мнением имперского министра внутренних дел, которое он высказал в письме от 16 февраля 1942 г., о том, что следует предпочесть предупреждение размножения этих потомков сме-

[1] Видимо, Трибунал не располагал протоколом совещания от 20 января 1942 г. (совершенно секретный нацистский документ, известный теперь как «Ванзейский протокол» о планах уничтожения 11 млн. евреев), на котором от имперского министерства юстиции участвовал Фрейслер. На этом совещании была достигнута договоренность, что лица смешанного происхождения первой степени приравниваются к евреям, а второй степени — в принципе приравниваются к лицам немецкой крови, за некоторыми исключениями (см. «СС в действии. Документы о преступлениях СС», ИЛ, 1960, стр. 152—153). Вот чем в действительности определялась позиция Шлегельбергера, изложенная им в письме от 5 апреля 1942 г. на имя Ламмерса.— Составитель.

шанных браков вместо того, чтобы смешивать их с евреями и эвакуировать. Из сказанного следует, что эвакуация тех евреев, которые более не способны к воспроизводству, снимается с самого начала. Нации не принесет никакой пользы расторжение браков между такими полуевреями и чистокровными немцами.

Тем полуевреям, которые способны к размножению, следует предоставить выбор между тем, чтобы согласиться на стерилизацию либо быть эвакуированными так же, как евреи».

Шлегельбергер знал о предстоящих мероприятиях по эвакуации евреев и одобрял их. Что касается полуевреев, то единственное внесенное им предложение сводилось к тому, чтобы им был предоставлен выбор между двумя остриями дилеммы...

Проект распоряжения «по поводу осуществления уголовного судопроизводства в отношении поляков и евреев на присоединенных восточных территориях» был приложен к письму Шлегельбергера, он представлен в качестве доказательства. Сравнение фразеологии этого проекта с фразеологией пресловутого закона против поляков и евреев от 4 декабря 1941 г. вне сомнения устанавливает, что проект Шлегельбергера лег в основу текста, который по внесении в него ряда изменений и дополнений был принят как закон против поляков и евреев. В этом плане Шлегельбергер виновен не только в участии в преследовании по расовым мотивам поляков и евреев; он также виновен в нарушении законов и обычаев войны, учредив этот законодательный акт на оккупированных территориях Востока. Распространение закона этого типа на оккупированные территории явилось прямым нарушением норм, устанавливаемых Гаагской Конвенцией, которые мы уже цитировали выше.

Интересно отметить, что 31 января 1942 г. Шлегельбергер издал приказ, предусматривавший, что положения закона против поляков и евреев «будут с согласия государственного обвинителя применяться также к преступлениям, которые были совершены до того, как закон вступил в силу». Сомневаемся, чтобы подсудимый стал утверждать, что распространение этого дискриминационного закона, получившего обратную силу, на оккупированные территории вызывалось военной необходимостью.

У Шлегельбергера не совпадали намерения и действия, слова и поступки. Он не одобрял, что полиция «пересмат-

ривает приговоры» и тем не менее лично по просьбе фюрера отдал приказ об убийстве еврея Люфтгаза и заверил фюрера, что он сам будет принимать меры, если фюрер уведомит его о других приговорах, которые не одобряет.

Мнение о позиции Шлегельбергера по вопросу о зверствах, совершавшихся полицией, нужно выводить из его поведения. Рабочий молочной фермы Бледлинг был в октябре 1940 года приговорен к смерти. На суде он настаивал, что признание, которое он якобы сделал, было получено от него в результате избиения, которому его подверг офицер полиции Клинцманн. Один мужественный судья привлек Клинцманна к суду, осудил его за проявление жестокости и приговорил его к нескольким месяцам тюремного заключения. Гиммлер выразил протест против приговора, вынесенного Клинцманну, и заявил, что собирается «использовать действия гауптвахтмейстера полиции Клинцманна как повод выразить ему благодарность за его дальновидное поведение, которое только принесло пользу обществу». Далее Гиммлер говорит:

«Я должен вознаградить его за его действия, так как иначе подобные приговоры приведут к потере радости от службы в полиции. Однако в конечном счете К. должен быть реабилитирован публично, потому что приговор, вынесенный ему судом, был оглашен публично».

10 декабря 1941 г. Шлегельбергер обратился к шефу имперской канцелярии с письмом, в котором указывал, что не в состоянии понять приговор, вынесенный Клинцманну. Цитируем:

«Как только приговор, вынесенный Клинцманну, стал здесь известен, был издан приказ о том, чтобы приговор, в случае, если он вступит в силу, не приводился в исполнение, а как можно скорее был представлен доклад о помиловании. Однако, пока принимались эти меры, приговор, вынесенный Клинцманну, вступил в силу, так как имперский суд 24 ноября 1941 г. отказался пересмотреть приговор. Принимая также во внимание мнение, которое Вы высказали по поводу этого приговора, я отдал приказ об отмене приговора и освобождении от уплаты судебных издержек в порядке помилования, а также о том, чтобы запись о вынесении этой санкции была вычеркнута из уголовной регистрации».

24 декабря 1941 г. Шлегельбергер написал Ламмерсу, что обвинение Клинцманна им аннулировано. В феврале

1942 года Гиммлер в письменной форме выразил свое одобрение по поводу мер, принятых по делу Клипцманна, и сообщил, что он за это время повысил его в чине и возвел в ранг майстера муниципальной полиции.

Шлегельбергер приводит в свою защиту интересный довод, на который в определенной степени претендуют большинство подсудимых... Шлегельбергер утверждает, что если бы функции отправления правосудия были узурпированы силами беззакония, подчиняющимися Гитлеру и Гиммлеру, то нация оказалась бы в худшем положении, чем это имеет место в настоящее время. Шлегельбергер опасался, что если он выйдет в отставку, то его место займет еще худший человек. Как показали события, в этом заявлении также много справедливого. При Тираке полиция действительно узурпировала функции отправления правосудия и убила бесчисленные тысячи евреев и политических заключенных. Однако, если проанализировать этот правдоподобный аргумент защиты, оказывается, что он не соответствует ни истине, ни логике, ни обстоятельствам.

Как убедительно свидетельствуют доказательства, для того, чтобы сохранить благорасположение Гитлера к министерству юстиции и предотвратить полное подчинение министерства полиции Гиммлера, Шлегельбергер и другие подсудимые, которые присоединяются к этому оправдательному аргументу, взяли на себя ту грязную работу, которую требовали от них вожди государства, и использовали министерство юстиции как средство истребления еврейского и польского населения, терроризируя жителей оккупированных стран и устраняя политическую оппозицию в рейхе. Тот факт, что проводившаяся ими программа расового истребления, осуществлявшаяся под прикрытием «закона», не смогла разрастись до тех размеров, которых достигли погромы, высылки и массовые убийства, осуществляемые полицией,— слабое утешение для тех, кто выжил после «судебных» процессов, и представляет собой плохое оправдание в глазах настоящего Трибунала. Проституирование судебной системы для осуществления преступных целей несет в себе элемент особого зла для государства, чего мы не находим в откровенных зверствах, не пятнающих судебных мантий.

Шлегельбергер вышел в отставку. Жестокость системы, которую он помогал разрабатывать, показалась ему чересчур сильной, но он вышел в отставку слишком поздно. Зло

уже было сделано. Если судейское сословие могло убивать тысячи людей, почему бы полиции не убивать десятки тысяч?.. Несмотря на все, что он сделал, он все еще сохранял незаслуженную репутацию одного из последних германских юристов; Гитлер дал ему свое благословение и 100 000 рейхсмарок в качестве прощального подарка. Мы отнюдь не заблуждаемся... Он продал свой интеллект и свою ученость Гитлеру за миску политической похлебки и за тщетную надежду сохранить личную безопасность. Он виновен по разделам второму и третьему Обвинительного акта.

Подсудимый Клемм

Герберт Клемм, бывший статс-секретарь имперского министерства юстиции, родился в Лейпциге 15 мая 1903 г. С 1929 года он работал в суде и прокуратуре в Дрездене, с марта 1933 по март 1935 года — был личным референтом и адъютантом Тирака, министра юстиции Саксонии, а в 1935 году, в период централизации органов юстиции, был переведен в имперское министерство юстиции, где и оставался до 23 июня 1940 г., когда его призвали на военную службу. 20 апреля 1939 г. он получил чин министериальрата. В июле 1940 года Клемм по просьбе имперского комиссара по оккупированным голландским территориям был откомандирован в его распоряжение. 17 марта 1941 г. он был переведен в штат заместителя фюрера (партийную канцелярию) в Мюнхен. Клемм оставался в партийной канцелярии до 4 января 1944 г., после чего стал статс-секретарем в имперском министерстве юстиции при Тираке. Он оставался на этой должности до капитуляции.

Связи Клемма с партией: он подал заявление о вступлении в НСДАП 4 ноября 1930 г.; свою членскую карточку № 405576 получил 1 января 1931 г.; 30 июня 1933 г. вступил в СА; высший чин, который получил Клемм в СА,— чин оберфюрера. В Саксонии он являлся юридическим консультантом СА и офицером связи между СА и министром юстиции Саксонии. Когда Клемма перевели в Берлин, он стал офицером связи между имперским министром юстиции и начальником штаба СА и юридическим советником начальника штаба СА.

Клемм с 1933 года являлся членом национал-социалистской лиги юристов. В сентябре 1944 года Тирак на-

значил его своим заместителем по национал-социалистской лиге.

В 1941 году Клемм получил за заслуги перед партией бронзовый крест, в 1943 — Борман вручил ему золотой значок (орден) нацистской партии.

Когда подсудимый находился в Саксонии, он был членом дисциплинарного суда СА, который занимался чисткой СА в связи с «путчем Рема».

Краткое описание официальной деятельности Клемма сводится к следующему: после того, как его в 1935 году перевели в Берлин, подсудимый занимался делами о преступлениях против государства и партии. В этой области приказ о предъявлении обвинения мог исходить только от министра юстиции, с разрешения заместителя фюрера (шефа партийной канцелярии).

Именно в это время в Берлине был издан нижеследующий циркуляр от 18 октября 1937 г.; на нем имеются инициалы Клемма.

«1. Вопросы, связанные с более суровыми допросами, проводимыми государственной полицией, будут разбираться в централизованном порядке главным обвинителем Клеммом. Материалы по этим вопросам должны направляться компетентному в этих делах сотруднику Винклеру.

2. Что касается поступающих докладов о казнях заключенных за попытку к бегству из концлагеря и по другим основаниям, о самоубийствах в концентрационных лагерях, они по-прежнему будут рассматриваться специалистами, компетентными в соответствующем вопросе. О докладах нужно, однако, уведомлять генерального консультанта по политическим уголовным делам. Эти доклады должны передаваться ему немедленно».

Практика «более суровых допросов», судя по показаниям Лаутца, вызвала серьезное беспокойство среди тех, кто был связан с отправлением правосудия. Под термином «более суровые допросы» имеются в виду методы «третьей степени», к которым Гитлер разрешил полиции прибегать в случаях, которые, по мнению полиции, представляли угрозу для безопасности государства.

С июля 1940 по март 1941 года, пока Клемм находился в Голландии, он ведал вопросами гражданского и уголовного права... Клемм являлся также офицером связи по вопросам отправления правосудия между имперским комиссаром и голландским министерством юстиции в Гааге.

В этот период в официальной газете, издаваемой для оккупированных голландских территорий, были опубликованы декреты имперского комиссара по оккупированным голландским территориям Зейсс-Инкварта, касающиеся регистрации имущества евреев, конфискации имущества евреев при определенных обстоятельствах и передачи имущества евреев официальному лицу, исполняющему роль администратора.

В этот период времени Тенкирк, генеральный секретарь голландского министерства юстиции, адресовал письмо имперскому комиссару в Голландии, — на этом письме имеется подпись подсудимого, — с целью проинформировать имперского комиссара об эксцессах в отношении евреев, имеющих место в Голландии.

За это время два письма — от 24 и 30 сентября 1940 г. за подписью подсудимого с пометкой «секретно» были переправлены в отдел законодательства; письма содержали мнения и рекомендации по поводу регистрации и конфискации имущества евреев в Голландии.

24 сентября 1940 г. подсудимый Клемм писал:

«По моему мнению, этого нужно добиваться иными путями, чтобы устранить еврейское влияние из таких корпораций. В рейхе также требуются месяцы кропотливой работы, чтобы постепенно выделить еврейский капитал, не нарушая экономики, или полностью устранить еврейское влияние».

Подсудимый Клемм работал в отделе заместителя фюрера и в партийной канцелярии с марта 1941 по январь 1944 года. Партийная канцелярия должна была утверждать проекты декретов, учитывая их связь с национальными законами и распоряжениями, на нее была возложена также ответственность утверждать назначения на высокие официальные посты. Партийная канцелярия сформировалась из того, что первоначально при Гессе являлось отделом заместителя фюрера. Это было орудие партии в вопросах государства; вскоре данный отдел фактически превратился в орудие Бормана.

В партийной канцелярии Клемм являлся начальником группы III-C. Эта группа, как показывает подсудимый, имела нижеследующие функции:

«Во-первых, группа занималась проектами законов, а также декретов имперского министерства юстиции, если по своей тематике эти проекты не должны были передаваться

другой группе вследствие ее компетентности. Во-вторых, она занималась уголовными проблемами во всех тех конкретных случаях, когда для предъявления обвинения на основе юридических норм требовалось одобрение шефа партийной канцелярии. В-третьих, она занималась жалобами на решения судов, исходящими от органов партии и от отдельных лиц. В-четвертых, она занималась жалобами органов суда на вмешательство органов партии в текущие судебные дела. В-пятых, она занималась надзором за гражданскими и уголовными делами, касавшимися партии. В-шестых, она занималась вопросами реформы уголовного права и, в-седьмых, она давала экспертные заключения по вопросам партийных норм, связанных с правом».

По ходу своей деятельности и в процессе совещаний с официальными лицами из министерства юстиции Клемм вносил предложения по усилению власти полиции.

На совещании с чиновниками из министерства юстиции по поводу политической оценки людей в связи с судопроизводством Клемм представлял позицию партии, состоявшую в том, что суды должны принимать оценки, исходящие от партии.

В течение того времени, когда Клемм являлся шефом группы III-С был принят закон, предусматривающий придание обратной силы закону о государственной измене; этот закон был распространен на присоединенные восточные территории. Подсудимый утверждает, что принятие закона основывалось на решении Бормана. В то время разрабатывалось законодательство о лишении евреев прав, изучались проекты внесенных предложений, было отправлено письмо от 9 сентября 1942 г., подготовленное в отделе III.

Элементом деятельности группы III-С, во главе которой стоял Клемм, явилось также отклонение предложения подсудимого Шлегельбергера по поводу того, что приговоры по уголовным делам должны утверждаться президентом оберландсгерихта; подсудимый утверждает, что он оказал влияние на Бормана с тем, чтобы эта рекомендация министерства юстиции была отвергнута.

В течение периода работы Клемма в группе III-С был издан циркуляр, озаглавленный «Новая организация юстиции», за подписью Бормана; этот циркуляр, как утверждает подсудимый Клемм, был направлен на то, чтобы осво-

бодить министерство юстиции от критики со стороны партии; этот циркуляр гласит:

«Настоящим предлагается, чтобы Вы докладывали мне о всех жалобах, которые Вы должны приносить по вопросам правосудия с тем, чтобы я мог немедленно разъяснить ситуацию с помощью конфиденциальных переговоров с министром юстиции. Если же, после обсуждения вопроса с имперским министром юстиции, окажется абсолютно необходимым, чтобы вопрос был доложен фюреру, то этим займемся мы с имперским министром доктором Ламмерсом».

В этот же период Клемм обратился к имперскому министру юстиции со следующим посланием:

«Соглашаемся с Вашим письмом от 5 августа 1943 г. Не возникает никаких возражений против применения германского уголовного законодательства для несовершеннолетних к несовершеннолетним-иностранцам, если они не являются евреями, поляками и цыганами. Что касается несовершеннолетних-цыган и несовершеннолетних-цыган смешанного происхождения, то Вами предлагается проследить за тем, чтобы одновременно со вступлением в силу нового закона, касающегося несовершеннолетних империи, вступило в силу новое распоряжение, которое помешало бы применять к цыганам и лицам цыганского происхождения германское уголовное законодательство для несовершеннолетних только по той причине, что отсутствует конкретное рапоряжение по этому вопросу».

Подсудимый сообщил, что в течение этого времени Борман звонил ему по телефону и справлялся, знал ли он Ротенбергера, и наводил справки о Ротенбергере. Он также представил впоследствии Клемму запрос о прошлом и квалификациях лиц, которые предположительно являлись возможными кандидатами на пост имперского министра юстиции. Среди этих лиц был Тирак, и Клемм утверждает, что его доклад Борману был благоприятен для Тирака. Эти запросы адресовывались к подсудимому, невзирая на то обстоятельство, что, судя по его показаниям, он должен был заниматься только вопросами, касающимися отправления правосудия, а здесь явно возникал вопрос о кадрах, которым занимался другой отдел имперской канцелярии.

В этот период Клемм являлся офицером связи между Тираком и партийной канцелярией. По поводу этих взаимоотношений Клемм говорит:

«Тирак просил меня, чтобы по всем вопросам, касающимся группы юстиции в партийной канцелярии, я приходил к нему лично немедленно, не обсуждая этих вопросов с различными референтами в министерстве...».

Что касается обязанностей Клемма в качестве статс-секретаря, то в нижеследующем абзаце доклада о совещании глав отделов, состоявшемся 6 января 1944 г., следующим образом частично излагаются те обязанности, которые он нес в министерстве:

«Министр объявил, что отныне отделы III, IV и V также поступают под контроль статс-секретаря; тем самым отменяется противоположное правило по прохождению дел, которое было опубликовано 27 августа 1942 г.; министр, однако, добавил, что все случаи смертной казни должны по-прежнему докладываться ему. Он предлагает статс-секретарю присутствовать при докладе этих дел. Далее он отмечает, что ему следует докладывать о всех политических и юридических вопросах, представляющих особую важность».

Клемм утверждает, что его контроль над отделами III, IV и V был номинальным, только на бумаге. Однако показания Хеккера не подтверждают этого положения в части отдела V, не подтверждают его и показания Эггеншпергера.

В течение этого времени закон против поляков и евреев все еще осуществлялся под юрисдикцией министерства юстиции, поскольку что-то оставалось вне сферы гестапо и концентрационных лагерей. Министерство юстиции все еще занималось делами «Мрак и туман». В целом подсудимый Клемм отрицает свою осведомленность о процедуре «Мрак и туман». В качестве доказательства по данному делу было представлено четырнадцать документов, в которых говорится о переговорах по делам «Мрак и туман», происходивших после того, как Клемм занял пост статс-секретаря. Подсудимый признает, что он знал о переводе заключенных по приказу «Мрак и туман» из Эссена в Силезию. Клемм признает, что заключенным по приказу «Мрак и туман» отказывали в духовной помощи... Клемм признает, что ему было известно о проекте письма Тирака на имя Бормана о том, что женщин, арестованных по приказу «Мрак и туман», которых не собираются казнить, следует об этом уведомить. Клемм признает, что отказал восьми заключенным по приказу «Мрак и туман» в помиловании, когда выступал в качестве заместителя Тирака. В остальных 123 случаях по утверждению подсуди-

мого в помиловании отказал Тирак, когда Клемм вместе с ним проводил обсуждение.

В числе указанных выше четырнадцати документов имеется доклад подсудимого фон Аммона, завизированный Клеммом и относящийся к командировке по поводу дел «Мрак и туман». Этот доклад гласит:

«Главнокомандующий оккупационными силами во Франции благодарит за доказательства, которые получают военные суды на оккупированной французской территории в результате деятельности юридических органов с общей юрисдикцией в связи с привлечением к ответственности по делам «Мрак и туман» на оккупированной французской территории».

Клемм разъясняет этот документ, заявляя, что он лишь санкционировал командировку. В связи с приведенным выше объяснением адвокат Клемма заявил:

«Это — единственные документы, которые обвинение представило против вас в связи с делами «Мрак и туман».

Учитывая то обстоятельство, что Клемм в период, когда решались данные вопросы, являлся статс-секретарем и по крайней мере номинально осуществлял руководство отделом IV, через который эти дела проходили, Трибунал не может согласиться с таким выводом.

Что касается решений о помиловании в тот период времени, когда подсудимый являлся статс-секретарем, то доказано, что Клемм занимался вопросами помилования, выступая в качестве советника Тирака, когда последний присутствовал, и в качестве его заместителя, когда он отсутствовал. Клемм заявляет, что он лично занимался только «ясными» делами, и сообщает далее, что по «ясным» делам к тому времени, когда они становились таковыми, в помиловании уже было отказано семью отделами. Клемм утверждает, что в юридическом отношении «ясные» дела не подлежат оспариванию.

Показание Клемма о том, что по «ясным» делам семь отделов возражали против помилования в течение того периода, когда он являлся статс-секретарем, не совпадает с показаниями подсудимого Лаутца и с документом, представленным в качестве доказательства под номером 279, на который Лаутц ссылается. Показание Лаутца по этому вопросу гласит:

«Обвинение в большинстве случаев уже не имело возможности изучать эти ходатайства о помиловании на пред-

мет установления их правильности. Отныне обвинителям приходилось ограничивать себя тем, что они присоединяли ходатайства к своим докладам, не внося в них изменений. Предельный срок, устанавливаемый декретом, как правило, не соблюдался, потому что «народная судебная палата» и органы обвинения были настолько загружены, что не могли представлять документацию в пределах установленных сроков...».

Далее, серьезно следует подумать о том, что может представлять собой дело, не подлежащее юридическому оспариванию. Мы исходим из презумпции, что дело, основывающееся на признании, в юридическом отношении не подлежит оспариванию. Вне сомнения, едва ли можно считать, что подсудимый Клемм не знал о практике гестапо по получению признаний. Он занимался этим вопросом в ранний период своей деятельности. Вряд ли можно поверить в то, будто он считал, что полицейские методы, которые ранее министерство юстиции подвергало некоторой проверке, стали менее жестокими потому, что гестапо в октябре 1940 года было поставлено вне контроля закона. Клемм должен был знать о том, что из мрака камер пыток к нему поступало большое количество «ясных» дел, основанных на признании и потому в «юридическом отношении не подлежащих оспариванию».

В течение того времени, когда Клемм являлся статссекретарем, план руководителей нацистского государства, заключавшийся в том, чтобы инспирировать линчевание союзных летчиков руками германского народа, начал приводиться в исполнение. В течение этого времени была осуществлена и казнь примерно 800 политических заключенных, проведенная до эвакуации тюрьмы в Зонненбурге. Эти вопросы более подробно будут рассмотрены ниже...

По вопросу о виновности подсудимого Клемма имеет значение ряд дополнительных фактов, помимо источников получения информации, которые отмечались выше в настоящем приговоре в отношении всех подсудимых, проходящих по данному делу. Подсудимый Клемм располагал обширными источниками информации. Он являлся офицером связи между органами юстиции и СА в Саксонии, а также советником по юридическим вопросам шефа СА. После перевода его в Берлин он выступал в том же качестве в главном штабе СА «третьего рейха» и являлся офицером связи между министерством юстиции и штабом СА.

В Голландии Клемм возглавлял ведомство по юридическим вопросам, находившееся в ведении Зейсс-Инкварта. С марта 1941 по январь 1944 года он работал в отделе заместителя фюрера и партийной канцелярии. Там он руководил группой III-С. Клемм был в дружеских отношениях с Клопфером, возглавлявшим группу III, и, судя по имеющимся доказательствам, доверенным лицом Бормана. И наконец, Клемм был статс-секретарем при Тираке, которого он знал с тех пор, как являлся его адъютантом и личным референтом в Саксонии.

Карьера Клемма во времена «третьего рейха» проходила гладко, от относительно незначительного положения он поднялся до поста статс-секретаря в министерстве юстиции. Его возвышение не было отмечено сколько-нибудь серьезными расхождениями с политикой партии. Он был близок как к Борману, так и к Тираку и делал карьеру с их благословения. При существующих обстоятельствах немыслимо, чтобы он не знал о политике, которую проводили эти два безжалостных деятеля, и о применявшихся ими методах.

Подсудимый делает большой упор на приказ Гитлера по поводу хранения тайны и заявляет, что строго следовал этому приказу, не делал попытки услышать что-нибудь, не относящееся к его официальным обязанностям. Такие приказы относительно сохранения секретности не ограничивались Германией в период военного времени; они являлись стандартной процедурой и в других странах, но ни в коей мере не исключали осведомленности людей о секретных вопросах; эта осведомленность являлась результатом нормальных человеческих контактов, в особенности с друзьями и знакомыми, занимающими самые высокие посты на государственной службе. Далее, доверенное положение, которое занимал подсудимый, давало ему широкие возможности ознакомления с секретными вопросами в пределах сферы его официальных обязанностей. Подсудимый являлся статс-секретарем министерства юстиции и заместителем министра в отсутствие последнего, и его официальные обязанности требовали от него осведомленности о государственных делах.

Говоря более конкретно, Клемм знал о злоупотреблениях в концентрационных лагерях. Он знал о практике проведения «суровых допросов». Он знал о преследовании и уничтожении евреев, поляков и цыган. На основании

представленных доказательств можно сделать вывод, что он знал об общих положениях процедуры «Мрак и туман», которой занималось министерство юстиции. Вследствие сказанного становится важным рассмотреть его причастность к осуществлению преступлений, о которых идет речь в Обвинительном акте и которые устанавливаются доказательствами по данному делу.

Из доказательств, которые выше излагались частично, ясно, что, когда подсудимый Клемм находился в Голландии, он знал о преследованиях евреев и был в какой-то степени связан с этими преследованиями...

...Когда Клемм работал в партийной канцелярии, он принимал участие в разработке проекта закона о придании акту о государственной измене обратной силы и о распространении действия этого акта на присоединенные восточные территории. На этих проектах имеется подпись Клемма.

В качестве статс-секретаря Клемм знал о процедуре по делам «Мрак и туман», он был связан с осуществлением этой процедуры, в особенности когда обвиняемые приговаривались к смертной казни. При участии Клемма 123 приговоренным к смерти было отказано в помиловании; имело место также восемь случаев, когда Клемм отказал в помиловании, действуя в качестве заместителя Тирака...

В связи с подсудимым Клеммом особое значение представляют два других преступных деяния, которые включены в Обвинительный акт по настоящему делу. Первое из этих деяний вменяется в вину всем подсудимым во втором разделе Обвинительного акта как военное преступление; в параграфе 18 Обвинительного акта подсудимому Клемму вменяется в вину особая ответственность за это преступление и участие в нем. Речь идет о подстрекательстве немецкого населения к уничтожению в пределах рейха союзных летчиков.

Мы находим следующие доказательства о наличии этого плана, исходящего от руководителей германского государства: во-первых, мы читаем корреспонденцию, касающуюся так называемых «вражеских террористических летчиков».

В качестве примера такой корреспонденции можно привести документ, исходящий от заместителя начальника штаба оперативного руководства верховного командования вооруженных сил, с грифом «секретно», датированный

6 июля 1944 г. и подписанный генералом Варлимонтом[1]; в этом документе имеется следующая знаменательная фраза: «Суд линча должен считаться правилом».

Далее, проект письма, датированный 20 июня 1944 г., адресованный начальнику штаба верховного командования вооруженных сил и, по всей вероятности, составленный министерством иностранных дел, содержит следующий абзац:

«Приведенные выше соображения дают возможность прийти к общему выводу, что следует обратить особое внимание на случаи линчевания в ходе этой акции. Если акция осуществляется в таком масштабе.., то мы действительно достигаем устрашающего воздействия на вражеских летчиков...».

Следя за развитием этого плана, можно сослаться на речь Геббельса от 27 мая 1944 г. и на письмо шефа партийной канцелярии от 30 мая 1944 г. из ставки фюрера с грифом «секретно — не для публикации»; на этом документе имеются инициалы Тирака. Письмо касается «народного суда над англо-американскими убийцами» и подписано Борманом; особое значение имеет такой абзац:

«В отношении граждан, которые участвовали в этих акциях, не принималось никаких полицейских мер и не возбуждалось уголовного преследования».

Этот циркуляр был направлен руководящему составу нацистской партии, начиная от крейслейтера, в нем содержится памятка для всех гаулейтеров и крейслейтеров, завизированная Тираком и подписанная Фридрихсом. Цитируем:

«Шеф партийной канцелярии предлагает, чтобы крейслейтеры информировали ортсгруппенлейтеров о содержании этого циркуляра только устно».

Еще более знаменательным является доказательство обвинения 109. Это письмо шефа имперской канцелярии, датированное 4 июня 1944 г. и адресованное имперскому министру юстиции доктору Тираку; письмо озаглавлено: «По поводу народного суда над англо-американскими убийцами». Это письмо мы цитируем полностью:

«Шеф партийной канцелярии информировал меня о прилагаемой копии секретного циркулярного письма и просил меня аналогичным образом информировать Вас.

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 9—10.— Составитель.

Настоящим я выражаю свое согласие с этим письмом и прошу Вас подумать о том, в какой степени Вы хотите инструктировать суды и прокуроров по поводу этого письма.

Рейхсфюрер СС и шеф германской полиции, как мне далее разъяснил рейхслейтер Борман, соответствующим образом проинструктировал шефов полиции».

На письме имеется рукописная приписка с подписью Тирака, а также инициалами Клемма; приписка гласит:

«Ответная приписка с добавлением, что такие дела должны представляться мне с целью изучения их на предмет отмены на случай, если судебное преследование возбуждено».

Таким образом, в этом хитроумном плане, направленном на то, чтобы поощрять убийство летчиков союзников и уйти от ответственности за нарушение общепризнанных законов ведения войны, процедура, принятая министерством юстиции, являлась уникальной и была достойна юридических умов тех, кто занимался этими вопросами. Как явствует из письменного показания под присягой Пейловека, министерство юстиции разослало секретную директиву, содержавшую распоряжение о необходимости представлять доклады о случаях линчевания летчиков союзников. Пейловек истолковывает эту директиву в том смысле, что никакого преследования за такие случаи не предвиделось.

Свидетель доктор Густав Митцшке, референт законодательного отдела министерства юстиции, показывает, что ему было поручено явиться к статс-секретарю, что он и сделал, от которого получил следующие инструкции:

«Когда Вы будете разговаривать с генеральным прокурором Хельмом в Мюнхене, пожалуйста, скажите ему, что в случаях, когда убивают союзных летчиков или подвергают их жестокому обращению, полиция и любые другие органы, связанные с этими делами, должны передавать материалы по ним в отдел прокуратуры, а прокуратура должна как можно скорее составить по этим делам доклад министру и препроводить ему такие материалы»...

По мнению настоящего Трибунала, сам по себе характер докладов, которые надлежало представлять, не имеет особого значения. Тирак поручил Клемму, как об этом отмечается выше, представлять ему доклады о делах, ожидающих «прекращения». Процедура, которой следовало министерство, шла дальше этого: она требовала представлять доклады и пересылать материалы по делам, по кото-

рым обвинительный акт еще не был составлен. Таким образом, министерство юстиции, по сути, взяло на себя определение судьбы этих дел... Из доказательств, представленных по настоящему делу, и из судебных материалов Трибунал знает о многих случаях линчевания союзных летчиков немецким населением. Настоящему Трибуналу не удалось установить ни одного случая, когда за подобные преступления действительно было бы предъявлено обвинение. Какие доклады и материалы фактически представлялись в министерство юстиции, нам неизвестно. Очевидно, однако, что те доклады, которые представлялись, «погибали» в архивах министерства.

Существуют доказательства по поводу одного дела, касающегося этого вопроса. О нем говорит в своих показаниях подсудимый Клемм. Приблизительно в конце 1944 — начале 1945 года в Краненбурге, в районе, подведомственном оберландсгерихту Дюссельдорф, один из руководителей СА хладнокровно застрелил двух захваченных в плен парашютистов. По этому поводу Клемм заявляет:

«Мы возбудили преследование по этому делу, и, хотя полиция, так же как и партийные органы, оказывала значительное сопротивление, рассмотрение этого дела энергично продвигалось вперед. Об окончательном исходе этого дела мне неизвестно».

Доказательства, представленные настоящему Трибуналу, в той части, как они отражены в показаниях Хагеманна, свидетельствуют о том, что в течение сентября 1944 года в период атаки на Арнем силами парашютных войск союзников некий Клютген расстрелял двух захваченных в плен канадских парашютистов, в то время как какой-то крейслейтер стоял рядом и либо попустительствовал этому расстрелу, либо поощрял его.

Свидетель Хагеманн предпринял расследование, но не смог это сделать полностью, так как крейслейтера нельзя допросить, если он отказывается давать показания. Если возникала необходимость допросить крейслейтера, следовало обратиться за санкцией к партийной канцелярии. Было подано ходатайство с целью получить такое согласие, но оно так и не было дано. Хагеманн утверждает, что он по телефону доложил об этом деле в министерство. Насколько он понял, он разговаривал с подсудимым Меттгенбергом. Впоследствии Хагеманн представил в министерство письменный доклад. Он сообщал министру, что ему нужна под-

держка министерства, чтобы получить разрешение на допрос крейслейтера. Хагеманн получил письменное распоряжение о том, что он должен полностью внести ясность в дело, но так как не была получена санкция на допрос крейслейтера, он не смог продолжать проведение допроса. Хагеманн сообщает, что он вновь и вновь просил министерство добиться для него разрешения на допрос крейслейтера. Когда Хагеманна спросили, получил ли он из министерства ответ по поводу этого разрешения, он заявил, что ответа не получал.

Поскольку разрешение подвергнуть допросу крейслейтера так и не было получено, его не допросили. До самого момента капитуляции Германии против Клютгена не было выдвинуто обвинения. Так, по-видимому, выглядели энергичные меры со стороны министерства юстиции, на которые Клемм ссылался в своих показаниях. Во многих случаях, на которых останавливался настоящий Трибунал, привлечение к суду, суд и последующая казнь, вне сомнения, осуществлялись намного расторопнее...

Подсудимый Клемм был знаком со всей корреспонденцией по этому вопросу. Он дал свидетелю Митцшке конкретные распоряжения получать информацию по этим делам. Как явствует из его собственных показаний, он знал, что по приводимому делу эффективных мер принято не было. Настоящий Трибунал приходит к выводу, что Клемм был заведомо причастен к той роли, которую играло министерство юстиции в непринятии мер по наказанию лиц, принимавших участие в убийстве союзных летчиков.

Второе дело, имеющее особое значение в плане причастности подсудимого Клемма, связано с тюрьмой в Зонненбурге. Документы, представленные настоящему Трибуналу, свидетельствуют о том, что во второй половине января 1945 года эта большая тюрьма, находившаяся в ведении министерства юстиции, была эвакуирована и что до этого события гестапо расстреляло от 700 до 800 политических заключенных.

Клемм отрицает, что ему было об этом известно, и заявляет:

«Из документов настоящего дела, в особенности из аффидевита[1] Леппина, я узнал, что в Зонненбурге было расстреляно 800 человек».

[1] Аффидевит — письменное показание, данное под присягой.— Составитель.

Как показывает Клемм, приблизительно в середине января Тирак заявил ему, что Гиммлер взял заключенных Зонненбурга в свое ведение и что в качестве министра юстиции рейха он, Тирак, ничего более не мог сделать в отношении этой тюрьмы. Клемм далее заявляет:

«Это не только мое мнение — в то время было совершенно ясно, что эта тюрьма находится исключительно под контролем Гиммлера».

Клемм заявляет, что после приведенного разговора с Тираком об изменении подчинения он говорил по вопросу о Зонненбурге с Ханзеном, причем тому было известно об этой перемене. Клемм показал далее: «О факте передачи всех заключенных в руки гестапо мне стало известно лишь в настоящем зале судебного заседания».

По вопросу о том, что произошло в министерстве юстиции в связи с эвакуацией Зонненбурга, особое значение представляют показания Роберта Хеккера. Хеккер был референтом в отделе V в министерстве юстиции в Берлине. Суть показаний Хеккера сводится к следующему: в ходе его бесед с Ханзеном, главным обвинителем уголовного суда в Берлине и чиновником министерства юстиции, ответственным за некоторые вопросы, связанные с тюрьмами, Ханзен заявил ему, что может возникнуть необходимость эвакуировать Зонненбург и что предварительные переговоры по этому поводу уже ведутся; что он, Ханзен, обсуждал этот вопрос со статс-секретарем в аспекте мер, которые надлежало принять, причем у него, Ханзена, возникли сомнения, и он рекомендует Хеккеру, чтобы тот обсудил этот вопрос со статс-секретарем...

Хеккер показывает далее, что Эггеншпергер, референт отдела V министерства юстиции, который дежурил в ночь эвакуации Зонненбурга, заявил ему на следующее утро, что эвакуация тюрьмы произведена; Хеккер сообщает далее, что, как сказал ему Эггеншпергер, Ханзен звонил накануне ночью и заявил, что акция по передаче заключенных, не подлежащих эвакуации, гестапо осуществляется; на вопрос, санкционирована ли эта акция министерством юстиции, Ханзен назвал Клемма в качестве того представителя министерства, который знал об этой передаче заключенных и одобрял ее...

Суть показаний, которые Хеккер дал в ходе перекрестного допроса, сводится к тому, что он сам ведал вопросами эвакуации тюрем. На вопрос, слышал ли он о том, что Гим-

млер в середине января издал приказ касательно Зонненбурга, Хеккер ответил, что он об этом не слышал; Хеккер повторно отрицал какую-либо осведомленность со своей стороны о том, что Гиммлер взял на себя контроль над Зонненбургом; Хеккер утверждает, что в министерстве он не слышал абсолютно ничего об отмене порядка, по которому Тирак имел право издавать приказы по поводу Зонненбурга...

По заявлению Хеккера, директор тюрьмы знал о существовании какого-то соглашения с гестапо и о том, что ему надлежит делать в случае эвакуации, знал он также о наличии секретных директив по эвакуации мест заключения и тюрем. Что касается записи, сделанной Эггеншпергером, то, по заявлению Хеккера, она содержала сообщение о том, что вопрос обсуждался главным обвинителем и статс-секретарем Клеммом. Когда Хеккеру задали вопрос о судьбе не эвакуированных заключенных, он ответил, что «насколько я информирован, гестапо этих заключенных расстреливало».

Показания Эггеншпергера в связи с эвакуацией Зонненбурга также представляют интерес. Эггеншпергер показал, что он являлся чиновником того отдела министерства юстиции, который ведал исполнением приговоров; в ночь, когда Ханзен доложил об эвакуации Зонненбурга, Эггеншпергер был ответственным дежурным по всему министерству юстиции, на него переключались телефонные разговоры. Ханзен позвонил ему ночью и сообщил, что в течение этой ночи заключенные Зонненбургской тюрьмы будут переданы гестапо, что отряд гестапо уже прибыл в Зонненбург и что акция уже осуществляется. «Ханзен заявил мне, что эта эвакуация (или, вернее, осуществление этой передачи заключенных) производилась по той причине, что противник представлял непосредственную угрозу для тюрьмы».

На вопрос о том, санкционировано ли это кем-либо в министерстве юстиции, Ханзен ответил: «Да. Этот вопрос обсуждался со статс-секретарем Клеммом...».

...Эггеншпергер далее заявил, что ему никогда не приходилось слышать, чтобы кого-либо привлекали к ответственности в связи с массовыми убийствами, совершенными в Зонненбурге.

По вопросу о том, кто имел право в случае эвакуации решать, кого из заключенных надлежит эвакуировать и

кого из них следует передать гестапо для ликвидации, целесообразно обратиться к доказательству обвинения 290.

Этот документ с грифом «секретно» включает распоряжение имперского министра юстиции от 5 февраля 1945 г., адресованное главному прокурору в Линце; содержание распоряжения: подготовка к эвакуации мест заключения, находящихся в районе оберландсгерихта Грац. Письмо имеет пометку, что к нему даны приложения. Оно гласит:

«Ввиду близости линии фронта я предложил прокурору в Граце произвести необходимые подготовительные меры для возможной эвакуации мест заключения, находящихся под его юрисдикцией; я решил, что эти места заключения будут переведены в Ваш район. Вам предлагается принять все необходимые меры для приема этих мест заключения, так как потребность в срочной эвакуации может назреть в любой момент. Вам надлежит также связаться с прокурором в Граце и обсудить с ним необходимые подробности по разрешению вопросов, касающихся Вас обоих. Детали содержатся в прилагаемых распоряжениях. Вам предлагается держать меня в курсе всех мер, которые Вами будут приняты».

К письму приложено распоряжение имперского министра юстиции Тирака с регистрационным номером «IV а 56/45 «g», датированное 12 февраля 1945 г., Берлин. Распоряжение имеет гриф «секретно» и содержит штамп президента оберландсгерихта в Линце: «поступило 9 марта 1945 года». Тема распоряжения обозначена «освобождение тюрем». Оно имеет приложения: «дополнительные экземпляры для прокурора и для всех самостоятельных мест заключения». Распоряжение, в частности, гласит:

«Иностранцы могут освобождаться только с полного согласия полицейских властей; при иных обстоятельствах их следует передавать полиции».

Доказательство включает также распоряжение, адресованное прокурорам в Линце; в извлечениях оно гласит:

«Кому: Прокурорам, Линц.

Представителям администрации, возглавляющим самостоятельные административные отделы.

Судьям, ведающим тюрьмами для несовершеннолетних в Оттенхейме (и Маттигхофене)...».

Данное распоряжение содержит форму, которой предлагалось пользоваться в связи с освобождением заключенных; форма называется: «Приложение к постановлению

имперского министра юстиции, датированное 12 февраля 1945 года», имеет регистрационный номер «IV a 56/45«g» и штамп с пометкой о поступлении документа.

Рассматриваемый нами документ, представленный в качестве доказательства, включает также директиву об «эвакуации мест заключения в соответствии с генеральным планом эвакуации территорий рейха, находящихся под угрозой». Эта директива помечена грифом «секретно», но не имеет ни заголовка, ни даты, ни подписи.

Параграф 1 этой директивы гласит:

«За эвакуацию мест заключения, расположенных на территории, находящейся под угрозой атаки со стороны противника, несут ответственность прокуроры территорий, подлежащих эвакуации, а также прокуроры территорий, которые намечены для приема заключенных в порядке транзита. Это положение не распространяется на случаи, когда эвакуация может быть ограничена переводом мест заключения в пределах самого ландсгерихта. Таким образом, бесперебойное осуществление всех мер по эвакуации зависит от тесного сотрудничества между соответствующими прокурорами, которым надлежит поддерживать друг с другом контакт по всем деталям, необходимым для осуществления этих мер. Осуществление конкретных мер по эвакуации следует по возможности предоставлять инициативе соответствующих прокуроров, так как они располагают необходимыми сведениями о местных условиях и способны обеспечить должные контакты с местными административными и партийными органами. Настоящие распоряжения содержат только направляющее указание о том, что надлежит сделать».

Основываясь на содержании документа, можно с достаточной достоверностью предположить, что он являлся приложением к подлинному письму Тирака.

Далее в документе говорится:

«Заключенных по приказу «Мрак и туман» не следует освобождать ни при каких обстоятельствах. Их надлежит по специальным приказам переводить на территории, не находящиеся под угрозой атаки противника.

Иностранцы должны освобождаться лишь при условии, если они проживали в рейхе в течение многих лет, являются особо надежными и отвечают всем требованиям, содержащимся в пункте (h).

Не должны освобождаться евреи, лица смешанного про-

исхождения первой степени, которые тоже рассматриваются как евреи, а также цыгане.

Вопрос об освобождении некоторых польских граждан, которые в силу своей специальности находятся под покровительством, может рассматриваться лишь при условии, если самая строгая проверка покажет, что на них распространяются требования, содержащиеся в пункте (h). Это же положение распространяется на лиц, проживавших в протекторате Богемии и Моравии. Поляки, которые были приговорены к интернированию в дисциплинарном лагере сроком не менее чем на год, также могут передаваться полиции; если необходимо, срок отбывания наказания может быть прерван. Это может быть осуществлено, если будет достигнуто соглашение с командующим полицией безопасности и СД».

...Знаменательные распоряжения министерства юстиции, которые мы приводили выше, были изданы вскоре после инцидента в Зонненбурге и касались судьбы заключенных тех тюрем рейха, которые имелись в районах, находившихся под угрозой захвата союзниками. Знаменательным является и то, что подсудимый Клемм, отрицающий всякую причастность к убийствам в тюрьме Зонненбурга и принятию решений в отношении этой тюрьмы, в конце января 1945 года, впоследствии 11 февраля, отдал приказ об эвакуации тюрьмы в Баутцене и об освобождении некоторых заключенных и переводе тех, кто не был освобожден, в Вальдхейм; примерно в период пасхи 1945 года Клемм распорядился об эвакуации тюрьмы в Ротенфельде, а также отдал распоряжение надзирательнице тюрьмы о судьбе заключенных.

Подсудимый утверждает, что Ханзен был ненадежным человеком и незаконным образом использовал имя статс-секретаря. В связи с этим нужно отметить следующее: из показаний не явствует, что Ханзен стремился добиться от Эггеншпергера разрешения на совершение какой-то задуманной им акции, прикрываясь авторитетом статс-секретаря. Ханзен позвонил Эггеншпергеру, дежурному по министерству юстиции, чтобы официально доложить об акции, которая уже находилась в стадии осуществления. Когда Ханзену задали вопрос, кто санкционировал эту акцию, тот сослался на статс-секретаря. Доклад Ханзена был включен в официальный меморандум, причем он вполне мог предположить, что так будет сделано. В сос-

тавленной памятке отмечалось, что совершаемая акция основывается на одобрении со стороны статс-секретаря. Вне сомнения, Ханзен, чиновник министерства юстиции, каким бы характером он ни обладал, никогда не осмелился бы обманным путем сослаться на авторитет статс-секретаря, чтобы отчитаться за ликвидацию примерно 800 человек, а затем составить по этой акции официальный доклад, который в соответствии с принятой процедурой должен был попасть непосредственно в руки статс-секретаря.

Трибуналу предлагают поверить в то, что в середине января руководство операциями по тюрьме Зонненбург перешло к Гиммлеру и что подсудимый Клемм впервые услышал о ликвидации заключенных, которые не были эвакуированы, именно на настоящем процессе. Тот факт, что Гиммлер контролировал осуществление эвакуаций в пределах района, находящегося под его командованием, был подтвержден доказательствами, представленными по данному делу, об этом факте свидетельствует и самый характер эвакуаций... Что же касается осуществления оперативного руководства местами заключения, то это дело совершенно иного рода. В середине января Гиммлер командовал армией, которая находилась в весьма затруднительном положении, и он вряд ли имел возможность взять на себя функции и ответственность министерства юстиции в деле руководства местами заключения. Вне сомнения, если он это сделал, то странно, что Эггеншпергер, референт V отдела, занимающийся местами заключения, или Хеккер, также сотрудник V отдела, ведающий вопросами эвакуации мест заключения, или директор тюрьмы в Зонненбурге ничего не знали об этой передаче власти через две недели после того, как она якобы была осуществлена. Странно и то, что Ханзен, который предположительно знал об этой передаче власти, позвонил в министерство юстиции и сделал официальный доклад о передаче заключенных в ту ночь, когда передача осуществлялась, причем сослался в связи с этим на авторитет статс-секретаря.

Настоящий Трибунал никак не может поверить в то, что подсудимый Клемм ничего не знал о ликвидации примерно 800 человек, находившихся в этой тюрьме, пока не услышал об этом на настоящем процессе. Даже в нацистской Германии эвакуация тюрьмы и ликвидация 800 человек едва ли могли ускользнуть из поля зрения лично министра юстиции или статс-секретаря, осуществлявшего

надзор за отделом V, занимающимся местами лишения свободы. Документ 290, который мы здесь подробно цитировали, свидетельствует о том, что эвакуация мест заключения и решение судьбы заключенных оставались функцией министерства юстиции. Трибунал пришел к выводу, что министр юстиции в период осуществления эвакуации Зонненбурга нес ответственность за передачу заключенных гестапо для ликвидации и что подсудимый Клемм одобрял эту передачу в принципе, если не в деталях.

Когда Ротенбергер был снят с поста статс-секретаря на том основании, что он был недостаточно жесток, именно Клемм был избран для того, чтобы осуществлять программу Тирака в самом тесном контакте с лицами, возглавлявшими нацистский заговор. Клемм принадлежал к «внутреннему кругу» нацистских военных преступников. Он должен разделить со своим мертвым другом Тираком и со своим отсутствующим другом Борманом, с которым он вершил высокую политику, ответственность за преступления, совершенные от имени юстиции; данные об этих преступлениях заполняют протоколы настоящего суда. Мы не находим никаких доказательств, которые склоняли бы нас в пользу смягчения наказания Клемму.

На основании доказательств, представленных по настоящему делу, Трибунал приходит к выводу, что подсудимый Клемм виновен по разделам второму и третьему Обвинительного акта.

Подсудимый Ротенбергер

Из его собственных показаний, данных под присягой, мы узнаем о подсудимом Ротенбергере следующие сведения: он вступил в НСДАП 1 мая 1933 г., «будучи полностью убежденным в идеях партии». С 1937 по 1942 год он занимал пост рехтсамтслейтера гау[1]. Ротенбергер заявляет: «Занимая этот пост, я принадлежал также к руководящему составу». В скобках следует отметить, что руководящий состав НСДАП был признан преступной организацией приговором Международного Военного Трибунала,

[1] Руководитель правового отдела в нацистском партийном аппарате на уровне области. — Составитель.

судившего главных военных преступников, и принадлежность к этой организации, при условии осведомленности о ее преступной деятельности, является преступлением в соответствии с Законом № 10 Контрольного Совета. Однако не будем возвращаться к рассмотрению того знаменательного факта, что Ротенбергер принадлежал к руководящему составу НСДАП, только по той причине, что в Обвинительном акте этому подсудимому не вменяется в вину принадлежность к преступной организации. В течение 1942 и 1943 годов Ротенбергер являлся динстлейтером НСДАП. С 1934 по 1942 год он был гауфюрером в национал-социалистской лиге юристов. В 1931 году стал директором[1] ландсгерихта, а в 1933 году — сенатором юстиции (юстицсенатор) в Гамбурге. С 1935 по 1942 год Ротенбергер был президентом оберландсгерихта в Гамбурге. В 1942 году Ротенбергер назначен статс-секретарем в имперское министерство юстиции и поступил в подчинение к Тираку. Ротенбергер занимал эту должность, пока не ушел из министерства в декабре 1943 года и не стал служить нотариусом в Гамбурге. Таким образом, собственными показаниями подсудимого устанавливается, что в период, когда он занимал пост президента оберландсгерихта, он активно занимался также партийной деятельностью. Из других доказательств явствует, что интересы и потребности министерства юстиции, партии, руководства гау, СС, СД и гестапо в весьма значительной степени влияли на поведение Ротенбергера в связи с отправлением правосудия. Ротенбергер взял на себя руководство национал-социалистским союзом юристов в системе гау по просьбе гаулейтера Кауфмана[2], который фактически являлся местным диктатором. Будучи гауфюрером в период после прихода нацистов к власти, Ротенбергер имел полную возможность узнать о коррупции, которая пропитывала всю систему отправления правосудия. В своих показаниях он говорит:

«Здесь неоднократно говорилось о том, как в первый период после 1933 года каждый крейслейтер пытался вмешиваться в судебный процесс; гестапо стремилось пере-

[1] Председателем суда. — Составитель.
[2] Нацистский гаулейтер Гамбурга, военный преступник (после краха гитлеровской Германии один из руководителей фашистского подполья), был арестован, но в 1953 году освобожден боннскими властями.— Составитель.

сматривать приговоры; известно, что национал-социалистская лига юристов пыталась оказывать влияние на гаулейтеров или рейхсштатгалтеров[1] с тем, чтобы противостоять отправлению правосудия».

Касаясь двойной роли, в которой он выступал, Ротенбергер заявил:

«Так как я представлял в одном лице президента оберландсгерихта и гауфюрера, то мне, разумеется, завидовали все другие судьи оберландсгерихтов, так как им постоянно приходилось вести борьбу с партией, я же был от этого избавлен».

В августе 1939 года, накануне войны, Ротенбергер принимал участие в совещании с чиновниками СС и высказал им свое пожелание использовать информационный аппарат СД; при этом он предложил снабжать СД копиями «тех приговоров, которые представляют интерес ввиду их значимости с точки зрения осуществления национал-социалистских идей в области отправления правосудия». Ротенбергер показывает, что в течение нескольких первых лет после захвата власти в Гамбурге существовала обычная система осведомителей СД. Рейхсштатгалтер Кауфман уволил тех работников СД, которые неудовлетворительно работали, а подсудимый Ротенбергер назначил на место этих людей тех лиц, которые, как он поясняет, «являлись судьями и, как мне было известно, никогда не представили бы докладов, которые противоречили принципам отправления правосудия». Ротенбергер также заявляет:

«Тем временем имперским министерством юстиции была разослана директива о том, что органы юстиции должны иметь в виду и использовать СД как государственный источник информации».

Будучи президентом оберландсгерихта в Гамбурге, а также во время войны, этот ревностный сторонник «независимости судей» не возражал против того, чтобы выступать в качестве агента гаулейтера Кауфмана. 19 сентября 1939 г. Кауфман, выступая в качестве рейхсштатгалтера и уполномоченного по обороне, издал следующий приказ:

«Президент оберландсгерихта сенатор доктор Ротенбергер действует по моему поручению и имеет право требовать информацию по вопросам, связанным с особыми судами, а также рассматривать документы любого рода. Всем адми-

[1] Гитлеровских имперских наместников. — Составитель.

нистративным отделам, а также отделам НСДАП предлагается оказывать ему содействие в его работе».

26 сентября 1939 г. Ротенбергер как президент оберландсгерихта уведомил генерального прокурора о приказе Кауфмана и предложил, чтобы ему «направлялись копии обвинительных актов по делам, важным в политическом отношении, а также по делам, представляющим особый интерес для публики».

В докладе Шлегельбергеру от 11 мая 1942 г. Ротенбергер говорил о «сокрушительном эффекте» речи фюрера от 26 апреля 1942 г. и о чувстве неуверенности, которое она вызвала у судей; доклад содержал заявление:

«Я принял на себя ответственность за каждый приговор, который судьи обсуждают со мной перед тем, как его вынести».

В том же докладе Ротенбергер говорит, что 6 мая 1942 г. он договорился со всеми старшими офицерами полиции, со всеми старшими чинами СС, старшими офицерами уголовной полиции, с государственной тайной полицией и с СД «о том, чтобы все жалобы на меры судебного характера, принятые судьями», отсылались к нему «до того, как полиция вступит в дело (особенно в части исполнения приговора)».

В июне 1942 года Ротенбергер доложил подсудимому Шлегельбергеру, что аналогичные меры он принял в отношении Бремена, связавшись с крейслейтером, начальником полиции, руководителем гестапо и руководителем СД. В докладе Шлегельбергеру говорилось:

«Учитывая настоящую ситуацию, я усиливаю руководство изнутри и контроль над судебными органами, что я, начиная с 1933 года, считаю своей основной задачей».

7 мая 1942 г. Ротенбергер издал приказ, в котором заявлял о своем намерении до начала процессов знакомиться с делами, имеющими политическое значение, либо с делами, «чреватыми возможностью возникновения конфликта между формальным законом и инстинктивными реакциями людей с национал-социалистской идеологией». Ротенбергер издал распоряжение представлять ему достаточно подробные доклады с тем, чтобы, как он разъяснял, «мой заместитель мог судить, необходимо ли мое вмешательство».

Ссылаясь на его собственные слова, мы уже говорили о глубокой убежденности Ротенбергера в том, что судья как «вассал» фюрера обязан решать дела так, как решил

бы их фюрер. Вывод, который мы обязаны сделать на основании огромной массы доказательств, заключается не в том, что Ротенбергер не возражал против оказания влияния на суды со стороны Гитлера, руководителей партии, гестапо, но в том, что он желал, чтобы это влияние проходило через него лично, а не оказывалось более открытым путем индивидуально на каждого судью. С одной стороны, Ротенбергер установил связь с чиновниками партии и с полицией, с другой стороны, он организовал систему руководства судьями, которые являлись его подчиненными по Гамбургскому району.

Ротенбергер показал, что считал систему совещаний между судьями и обвинителями до суда, во время суда, а иногда после суда неправильной; по его словам, он считал более правильным, учитывая ситуацию, чтобы такое совещание проводилось задолго до суда и не между отдельными судьями и обвинителем, «а на более высоком уровне, а именно, между начальниками отделов, с тем, чтобы не было возможности каким-либо образом повлиять на какого-то отдельного судью». По вопросу о своем диктаторском отношении к другим судьям Ротенбергер показывает:

«Разумеется, руководство есть руководство, и абсолютная и полная независимость судьи возможна только в нормальных условиях мира, у нас же после речи Гитлера этих условий не было».

Система руководства, учрежденная подсудимым Ротенбергером, не ограничивалась совещаниями по поводу текущих дел, имеющих политическое значение, которые проводились до суда. На основании представленных нам доказательств мы убеждены в том, что Ротенбергер использовал свое влияние на находившихся в его подчинении судей своего района, чтобы защитить членов партии, которым было предъявлено обвинение или вынесен обвинительный приговор, что временами он сурово критиковал судей за решения, вынесенные в отношении партийных деятелей. Доподлинно известно о случае, когда Ротенбергер был причастен к снятию с поста судьи, так как тот настаивал на возбуждении уголовного преследования в отношении одного из чиновников нацистской партии.

Дополнительной иллюстрацией характера того контроля, который осуществлялся Ротенбергером в отношении других судей его района, служит его письмо от 7 мая 1942 г., адресованное судьям Гамбурга и Бремена; в этом

письме Ротенбергер сообщает, что будет проведено совещание для обсуждения дел, назначенных к рассмотрению на следующей неделе. Цитируем:

«Будет дан ряд указаний по возникающим вопросам.., в порядке комментария будет дано несколько ключевых формулировок».

Ротенбергер выставлял особое требование, чтобы судьи докладывали ему об уголовных делах в отношении поляков, евреев и других иностранцев, а также в отношении «уголовных и гражданских дел, в которых замешаны лица, являющиеся государственными или партийными чиновниками, деятелями НСДАП или людьми, занимающими какое-либо другое выдающееся положение в общественной жизни».

Напрасно мы будем искать простых, откровенных или прямых заявлений, которые Ротенбергер сделал бы в отношении злоупотреблений нацистской системы. О его истинном отношении к вещам можно судить только по двусмысленностям его уклончивого языка...

В одном из ранних выступлений перед гамбургскими судьями Ротенбергер подверг рассмотрению мнение министерства по поводу отношения к евреям со стороны юридических органов. Ротенбергер изложил следующие положения: тот факт, что ответчик по гражданскому делу является евреем, как правило, служит основанием для его ареста; евреи могут заслушиваться в качестве свидетелей, но при оценке их показаний следует проявлять крайнюю осторожность. Ротенбергер предложил, чтобы в Гамбурге не был вынесен ни один обвинительный приговор при условии, когда осуждение основывается исключительно на показании еврея, и что судьям надо дать соответствующее разъяснение.

21 апреля 1943 г., после длительного периода междуведомственных обсуждений, состоялось совещание статс-секретарей. Ротенбергер в то время занимал пост статс-секретаря в министерстве юстиции и участвовал в совещании, посвященном ограничению прав евреев. На этом совещании были рассмотрены проекты декрета, который длительное время подвергался обсуждению. Было достигнуто соглашение о внесении изменений в проекты. В результате было принято пресловутое 13-е распоряжение по закону об имперском гражданстве, предусматривавшее, что уголовные преступления, совершенные евреями, будут отныне на-

казываться полицией и что по смерти еврея его имущество будет конфисковываться...

Ротенбергер не только активно участвовал в мероприятиях по принятию дискриминационного закона против евреев; когда этот закон был принят, он претворял его в жизнь, а до принятия этого закона по собственной инициативе осуществлял акции, не основывающиеся ни на одном из законов и сводившиеся к лишению бедняков-евреев судебной помощи.

Следует согласиться с тем, что отказ евреям в праве предъявлять гражданские иски без оплаты судебных издержек представляется маловажным делом по сравнению с истреблением миллионов евреев, осуществлявшимся в ходе других мероприятий. Тем не менее эта акция является частью организованного правительством плана по преследованию евреев, которое выражалось не только в их убийстве и заключении под стражу, но и в лишении их средств к существованию и равных прав в судах.

Как сообщает Ротенбергер в своих показаниях, различные судьи докладывали ему «о дошедших до них слухах, что в концентрационных лагерях не все обстоит хорошо» и что они желают проинспектировать один из концентрационных лагерей. Вследствие этих докладов Ротенбергер и ряд других судей посетили концентрационный лагерь в Нойенгамме... Это было в 1941 году. В 1942 году, по собственным показаниям Ротенбергера, он посетил концентрационный лагерь Маутхаузен в обществе Кальтенбруннера, в ведение которого были переданы все концентрационные лагеря в Германии; впоследствии Кальтенбруннер был повешен. В концентрационном лагере Маутхаузен подсудимый Ротенбергер опять-таки инспектировал помещения, беседовал с заключенными... Ротенбергер утверждает, что на основании этих проверок на месте он «не мог установить, что имели место случаи «корректирования» приговоров».

На вопрос, что подсудимый имеет в виду, он ответил:

«Под корректированием приговоров мы имеем в виду случаи, когда суд выносит приговор, например, приговаривает индивида к тюремному заключению на срок в пять лет, и после того, как он отбыл эти пять лет, полиция арестовывает этого человека и помещает его в концентрационный лагерь; это лишь один из примеров корректирования. Может иметь место даже и такой случай, — и это более

четкий пример, — когда суд оправдывает человека, и невзирая на это полиция помещает его в концентрационный лагерь. Таковы примеры корректирования приговоров».

Подсудимый утверждает, что в Маутхаузене он не наблюдал никаких случаев злоупотреблений. В связи с этим представляют интерес показания свидетеля Хартмана. Хартман сопровождал Ротенбергера при посещении им концентрационного лагеря Маутхаузен. Как признает Хартман в своих показаниях, в Германии были широко распространены слухи о том, что условия в концентрационных лагерях не такие, какими они должны были бы быть. Хартман заявляет, что при посещении лагеря они имели возможность довольно подробно ознакомиться с ним. В ходе перекрестного допроса, проводившегося судьями настоящего Трибунала, Хартман дал следующие показания.

«Вопрос: Когда вы посещали концентрационный лагерь Маутхаузен, вы ведь знали о том, что суды министерства юстиции никогда не приговаривают осуждаемых преступников к заключению в концентрационных лагерях?..

Ответ: Да, знал.

Вопрос: Знал ли об этом доктор Ротенбергер?

Ответ: Да, знал.

Вопрос: В таком случае вам было известно, что те десять человек, с которыми разговаривал Ротенбергер, и те один-два человека, с которыми разговаривали вы, находились в концентрационном лагере не по причине той или иной меры, принятой министерством юстиции или судом, а лишь в результате меры, принятой полицией или партией, не так ли?

Ответ: Да. Это было превентивное заключение, осуществляемое полицией».

Свидетель Хартман далее показывает:

«Вопрос: И эти люди уже отбыли наказание, которое вынес им суд, до того, как полиция поместила их в это место заключения, не правда ли?

Ответ: Да. Именно так я понимаю ситуацию...».

...В ходе повторного прямого допроса, которому подверг свидетеля Хартмана защитник Ротенбергера, свидетель показал следующее:

«Вопрос: Таким образом, иногда для вас и доктора Ротенбергера возникала следующая ситуация: иногда вы внешне с улыбкой одобряли вещи, которые вы как человек вынуждены были не одобрять и отвергать?».

На этот вопрос свидетель ответил, что доктор Ротенбергер «по причинам политики органов власти» должен был принимать существовавшие условия, хотя он их и не одобрял. После посещения им концентрационного лагеря Маутхаузен доктор Ротенбергер не принял абсолютно никаких мер в отношении информации, которую он там получил.

Из этих показаний следует, что подсудимый Ротенбергер в противоречие с его собственными показаниями, данными им под присягой, должен был знать о том, что заключенные концентрационного лагеря Маутхаузен находились там вследствие того, что полиция «корректировала приговоры»; эти заключенные находились в лагере либо без суда, либо после оправдания их судом или после отбытия срока заключения, к которому приговорил их суд.

Следует иметь в виду, что это инспектирование подсудимый Ротенбергер проводил в концентрационном лагере Маутхаузен, учреждении, которому предстояло войти в историю как человеческой бойне, причем инспектирование проходило в обществе человека, который стал главным палачом[1].

Мы вынуждены прийти к выводу, что Ротенбергер не был искренен в своих показаниях и что, отрицая свою осведомленность об институте превентивного заключения в плане отношения этого института к концентрационным лагерям, Ротенбергер причисляет себя к категории либо простофиль, либо мошенников. Мы не может также поверить в то, что его поездки в концентрационные лагеря осуществлялись только для развлечения или в общеобразовательных целях. Он и другим судьям советовал проводить аналогичные обследования. Мы учитываем тот факт, что концентрационные лагеря не находились в прямом подчинении имперского министерства юстиции, но мы не способны поверить в то, что статс-секретарь министерства, осуществляющий официальную инспекционную поездку, оказывается человеком, занимающим столь ничтожный пост, что не может даже поднять свой голос против зла, о котором он, вне сомнения, знал.

Если подсудимый Ротенбергер с неодобрением относился к превентивному заключению и к последующему использованию концентрационных лагерей, это должно объяс-

[1] Имеется в виду Кальтенбруннер. — Составитель.

пяться изменением его позиции, о чем нам ничего неизвестно. 13 июня 1941 г. Ротенбергер в письме к статс-секретарю Фрейслеру сообщал о том, что специальные суды рассматривают много мелких дел, а это несовместимо со значением данных судов. Ротенбергер упоминал о мелких правонарушениях, которые подпадают под декрет о врагах государства, «однако по этим делам превентивное заключение будет предложено в силу прошлого правонарушителя и характеристики его личности». В этом случае Ротенбергер опять говорит о делах, по которым ходатайствовалось о превентивном заключении для правонарушителя.

5 января 1942 г. подсудимый Ротенбергер составил для имперского министерства юстиции доклад об общем положении в Гамбургском районе. На основании этого документа можно установить, как Ротенбергер относился к институту превентивного заключения. Касаясь вопроса о «передаче прокурорам права принимать решение о продолжительности превентивного заключения», он писал:

«В определенной связи с этой проблемой находится передача прокурорам права принимать решения о продолжительности превентивного заключения. К сожалению, суды по всей очевидности проявляют больше осторожности и сдержанности к вынесению приказа о превентивном заключении, чем ранее; это объясняется тем, что вопрос о продолжительности превентивного заключения в настоящее время изъят из-под контроля суда. Такую позицию судов нельзя одобрить, но психологически она вполне понятна. Боюсь, что принятая реформа достигла обратного, хотя ставила своей целью осуществление более энергичной практики в плане превентивного заключения»...

В заключение нужно сказать, что из доказательств возникает представление о Ротенбергере как о личности, полной сложностей, противоречий и внутреннего конфликта... Он публично выступал с осуждением «Черного корпуса»[1] за нападки на суды и одновременно с этим упрекал судей за то, что они вершат правосудие в отношении деятелей нацистской партии; Ротенбергер вне сомнения использовал свое влияние, чтобы добиться принятия дискриминационных решений, благоприятных для высших чиновников партии и неблагоприятных для поляков и евреев. Он писал

[1] «Черный корпус» («Дас Шварце Кор») — официальная газета эсэсовцев, «орган рейхсфюрера СС». — Составитель.

научные статьи, ратуя за независимость судейского сословия, и в то же время железной рукой управлял судьями Гамбурга. Он яростно протестовал против практики, когда деятели партии и офицеры гестапо вмешивались в работу судей по конкретным делам, но заключал с гестапо, СС и СД соглашения, по которым они должны были приходить к нему со своими делами политического порядка, и вслед за тем вступал в контакт с судьями, находившимися у него в подчинении, осуществляя «предварительное согласование приговоров и их пересмотр»...

Ротенбергер не был доволен своей работой в Берлине. В прощальной речи, которую он произнес, покидая Гамбург, он в порыве красноречия провозгласил себя «некоронованным королем» Гамбурга, нас же он хочет заставить поверить, что в Берлине он получил терновый венец. Вскоре он узнал о крайней жестокости нацистской системы и о цинизме и злобности Тирака и Гиммлера, которых он считал своими личными врагами... Его заставили выйти в отставку, и он стал вести внешне тихую жизнь нотариуса в Гамбурге, но даже и на этот период мы находим доказательства того, что он получал какое-то жалованье как статс-секретарь и помогал гаулейтеру Кауфману в решении политических вопросов, связанных с этим городом.

Подсудимый Ротенбергер виновен в том, что исполнял второстепенную, но соглашательскую роль в осуществлении директивы «Мрак и туман». Он являлся пособником и подстрекателем в осуществлении программы расового преследования; несмотря на его многочисленные заявления о противном, следует признать, что он существенно способствовал проституированию министерства юстиции и судов и подчинению их произволу и воле Гитлера, партийной креатуре и полиции. Подсудимый Ротенбергер признается виновным по разделам второму и третьему Обвинительного акта.

Подсудимый Лаутц

Начиная с 20 сентября 1939 г. и до окончания войны подсудимый Лаутц занимал пост главного имперского обвинителя при «народной судебной палате» в Берлине. Он вступил в НСДАП в мае 1933 года. За время, что он занимал этот пост, число «высших чиновников», находившихся

в его подчинении, возросло с 25 примерно до 70. Первоначально управление, возглавлявшееся им, состояло из четырех отделов, число которых впоследствии было доведено до пяти, что соответствовало числу сенатов «народной судебной палаты». После расширения управления в каждом отделе стало по пять имперских обвинителей и по одному старшему имперскому обвинителю. Подсудимые Барникель и Ротхауг являлись старшими имперскими обвинителями и находились в общем подчинении подсудимого Лаутца. Управление занималось поддержанием обвинения по делам, которые относились к юрисдикции «народной судебной палаты». Особый интерес в этом плане представляют судебные преследования за «подрыв германской оборонной мощи», за «государственную измену» и «измену», дела поляков, пытавшихся бежать из рейха, и дела «Мрак и туман».

Большое число судебных преследований было осуществлено по декрету от 17 августа 1938 г., предусматривавшему следующее: «Каждый.., кто открыто, с оружием в руках, стремится парализовать или подорвать волю германского народа или союзной нации к самоутверждению», будет наказываться смертью». Это — именно тот закон, который эффективно уничтожил в Германии право на свободу слова. Управлению обвинителя приходилось обрабатывать в месяц примерно 1500 дел, связанных с обвинениями такого рода. Под руководством подсудимого Лаутца все эти обвинения нужно было рассматривать и направлять для судебного разбирательства в «народную судебную палату», если речь шла о серьезных делах, либо в другие суды. В случаях, когда дела передавались для разбирательства в «народную судебную палату», «всегда существовала возможность, что будет вынесен смертный приговор».

Подсудимый Лаутц инструктировал своих подчиненных в том плане, что в «народную судебную палату» следует направлять только те дела, где возможно принять на себя полную ответственность, если «народная судебная палата» вынесет смертный приговор.

Лаутц не уклонялся от ответственности за действия своих помощников. Как он заявляет в своих показаниях, подпись его помощников «означала, разумеется, что я беру на себя ответственность в этом вопросе».

В связи с работой управления Лаутц был обязан подписывать все обвинительные акты, все материалы, по кото-

рым вынесение судебного решения откладывается, и все доклады, представляемые его начальнику, министру юстиции. Эта работа приобрела такие масштабы, что возникла необходимость частично передавать ее подчиненным. Подсудимый Лаутц, однако, требовал, чтобы обо всех важных вопросах докладывали непосредственно ему. Частично объясняя свою деятельность и мотивы, которыми он руководствовался в связи с претворением в жизнь закона, направленного против подрыва военного потенциала страны, Лаутц заявляет:

«По моему мнению, хорошо то, что никто сегодня не может утверждать, что эта война была проиграна только в результате измены; аналогичным образом, как я должен также признать, я сожалею, что в результате этой войны и вследствие этих смертных приговоров многие люди, которые в прочих отношениях были хорошими, лишились жизни».

В качестве иллюстрации действий, которые подвергались судебному преследованию по этому закону, приведем дело подсудимого, который сказал одной женщине: «Разве Вам неизвестно, что женщина, начинающая работать, посылает на смерть еще одного немецкого солдата?». Это нарушение было отнесено Лаутцем и Ротхаугом к категории серьезных дел по подрыву военного потенциала нации.

Управление главного имперского обвинителя при «народной судебной палате» обладало широкими полномочиями решать вопросы по своему усмотрению в связи с передачей дел на рассмотрение различным судам. Следует напомнить, что закон о злоумышленных актах от 20 декабря 1934 г. предусматривал наказание лиц, делавших ложные или изменнические заявления, «способные повредить благосостоянию или престижу правительства и рейха» и т. д. Этот закон предусматривал умеренные наказания — заключение в тюрьму; с другой стороны, по закону против подрыва оборонной мощи нации применение смертной казни было обязательным. Если обвинитель направлял дело на рассмотрение в «народную судебную палату», предъявив подсудимому обвинение в подрыве оборонной мощи, вместо того, чтобы направить его в суд низшей инстанции для разбирательства по закону о злоумышленных актах, он тем самым практически предопределял наказание, которое будет вынесено подсудимому; вместе с тем представленные доказательства убедили Трибунал в том, что правила, по

которому квалифицировались бы дела, не существовало и судьба жертв зависела исключительно от мнения обвинителя о том, насколько серьезные выражения применил подсудимый.

Связь подсудимого Лаутца с незаконной процедурой «Мрак и туман» установлена вне сомнения. «Народная судебная палата» получила юрисдикцию по делам «Мрак и туман» по распоряжению имперского министра юстиции от 14 октября 1942 г. Лаутц утверждает, что, по его подсчетам, общее число дел «Мрак и туман», которые были рассмотрены его управлением, составляло примерно 1000. Из этого числа примерно 200 дел было передано для судебного разбирательства в «народную судебную палату»; Лаутц разъясняет, однако, что каждое дело могло касаться нескольких подсудимых. Нет смысла подвергать повторному рассмотрению показания, касающиеся директивы «Мрак и туман». В соответствии с решением Международного Военного Трибунала по делу главных немецких военных преступников настоящий Трибунал приходит к выводу, что секретная процедура, которая была учреждена министерством юстиции и через это министерство претворялась в жизнь, представляла собой военное преступление и преступление против человечности. Главный имперский обвинитель при «народной судебной палате» ревностно претворял в жизнь положения данной директивы, и его действия в этом плане представляли собой нарушение законов и обычаев войны и положений Закона № 10 Контрольного Совета...

По подсчетам Лаутца, от 150 до 200 человек были подвергнуты судебному преследованию за то, что покинули место своей работы и пытались убежать из Германии путем пересечения границы со Швейцарией. Эти дела рассматривались судом по статьям уголовного кодекса, касающимся «измены» и «государственной измены».

24 февраля 1942 г. Паррисиус, выступая в качестве заместителя Эрнста Лаутца, предъявил обвинительный акт поляку Ледвону. На обвинительном акте имелась пометка «Секретное дело об измене» и стоял штамп главного имперского обвинителя при «народной судебной палате». Председателю второго сената «народной судебной палаты» было адресовано письмо за подписью Лаутца, датированное тем же днем; письмо уведомляло адресата, что Лаутц направляет в суд обвинительный акт по делу Ледвона.

В обвинительном акте было сказано, что 28 июля 1941 г. обвиняемый покинул место своей работы в Баварии и предпринял попытку убежать, перейдя границу рейха; при попытке к бегству его остановил таможенный чиновник, которого он, пытаясь избежать ареста, ударил кулаком. В обвинительном акте говорится, что причина, которую приводит обвиняемый в объяснение своей попытки убежать из Германии, «не заслуживает доверия; скорее можно признать, что он намеревался вступить в польский легион, организованный на стороне вражеских держав». В обвинительном акте записано, что подсудимый знал, что целью польского легиона было восстановление Польского государства. На основании изложенных выше конкретных утверждений обвинительный акт вменяет в вину подсудимому, «(1) что он в пределах Германии подготавливал мероприятие по отделению от рейха с помощью силы территории, принадлежащей рейху, являющееся изменой в высшей степени; (2) что он оказывал пособничество врагу в пределах Германии во время войны с рейхом и, таким образом, как поляк поступал вразрез с германскими законами и указаниями германских властей; и (3) что он совершил насильственное нападение на германского чиновника...».

Обвинительный акт основывался на положениях разделов 80, 83 и 91 «b» уголовного кодекса и на положениях закона против поляков и евреев. Раздел 80 предусматривает наказание смертной казнью любого лица, пытающегося путем насилия или угрозы насилием отторгнуть от рейха территорию, принадлежащую рейху. Раздел 83 предусматривает наказание любого лица, которое способствует осуществлению государственной измены и подстрекает к ней. Раздел 91 «b» предусматривает тюремное заключение или смертную казнь для любого человека, который предпринимает действия в пользу вражеских держав или причиняет ущерб вооруженным силам рейха.

10 августа 1942 г. дело было рассмотрено судом. Суд установил нижеследующие факты: подсудимый является поляком, который 1 сентября 1939 г. проживал в Польше. По окончании польской кампании подсудимый «добровольно» прибыл на работу в Германию и затем пытался покинуть страну. Как отметил далее суд, «обвинение вменяет в вину подсудимому намерение отправиться в Швейцарию с тем, чтобы вступить там в польский легион»... Суд констатирует, что «в ходе процесса не было выявлено каких-

либо конкретных доказательств о том, что подсудимый... знал о польском легионе в Швейцарии». Суд пришел к выводу, что ввиду отсутствия доказательств «подсудимого нельзя признать виновным в преступлении, заключающемся в подготовке к измене и в изменническом оказании помощи противнику». Вывод «народной судебной палаты» далее гласит: «Однако по результатам судебного разбирательства подсудимый виновен в правонарушении, предусмотренном законом от 4 декабря 1941 г. об уголовном преследовании поляков. Общие условия этого закона соблюдены, так как подсудимый по своему происхождению, воспитанию и по своим чувствам является «расовым поляком» и 1 сентября 1939 г. проживал в бывшем Польском государстве. По собственному почину, покинув место сельскохозяйственного рабочего в конце июля, т. е. во время сбора урожая, он нарушил организованный его работодателем упорядоченный процесс по сбору урожая, и причинил ущерб урожаю. Более того, его действие причинило ущерб всему германскому народу, так как, покинув место своей работы, чтобы уехать за границу, он навсегда лишал германский народ своих рабочих рук. Германии же, для того чтобы она могла покрыть свои военные нужды и обеспечить снабжение фронта продовольствием, требуются все нанятые ею для работы люди, включая иностранцев. Каждый рабочий, убегая за границу, навсегда лишает германскую военную экономику своих рабочих рук, сокращает численность рабочей силы, в которой существует столь насущная потребность,и таким образом ставит под угрозу интересы германского народа».

Суд признал, что для дела не имеет значения, нанес ли поляк таможенному чиновнику сокрушительный удар, так как при любых обстоятельствах он в момент столкновения применил силу, достаточную, чтобы предотвратить свой арест. Суд отмечает, что по закону против поляков и евреев «единственной возможной санкцией является смертная казнь, если в пользу обвиняемого не может быть сформулировано менее серьезное обвинение. Сенату не удалось распознать здесь такого случая».

В заключение в приговоре говорится:

«Однако применив насилие по отношению к таможенному чиновнику, который собирался его арестовать, и оказав таким образом сопротивление законной германской власти, подсудимый проявил себя таким фанатичным и не-

истовым поляком, что лишился какого-либо права на снисхождение... Обязанностью каждого представителя польской нации является добровольное следование правилам, установленным германскими властями. Поляк, который, напротив, применяет насилие по отношению к официальному германскому лицу, может быть наказан в достаточной степени лишь, если к нему будет применена высшая мера наказания. Вследствие сказанного эта мера и была применена к данному подсудимому».

Поляк был приговорен к смерти.

Мы здесь находимся не для того, чтобы пересматривать это дело. Поэтому мы можем обойти молчанием нелепое обвинение в том, что подсудимый стремился присоединиться к польскому легиону, а также, что он после захвата Польши якобы прибыл в рейх «добровольно».

Мы уже останавливались на явно неправильной практике обвинителей, когда они утверждали, что поляки виновны в государственной измене, потому что якобы пытаются отторгнуть от рейха территорию, которая никогда законным образом не присоединялась к рейху. В деле Ледвона ясно проявляется мрачное коварство нацистского судопроизводства. Если бы дело было квалифицировано только по закону против поляков и евреев, оно не подпадало бы под юрисдикцию «народной судебной палаты», поэтому подсудимому была инкриминирована государственная измена, выразившаяся в попытке отторгнуть от рейха территорию, которая ему не принадлежала. Доказать государственную измену не удалось. Оставалось только обвинение, что, пытаясь убежать из Германии и от принудительного использования его там в качестве рабочей силы, подсудимый совершил нападение на таможенного чиновника, ударив его кулаком, причем то, что он совершил, он сделал как поляк, в нарушение закона против поляков и евреев. Именно по этому дискриминационному закону Ледвон был приговорен к смерти и казнен. Подсудимый Лаутц виновен в участии в национальной программе расового истребления поляков путем извращения закона о государственной измене.

В аналогичном деле по обвинительному акту, подписанному Паррисиусом и представленному подсудимым Лаутцем, «народная судебная палата» приговорила трех поляков к смерти по обвинению в подготовке государственной измены, «потому что они как поляки нанесли вред благосостоянию германского народа и потому что они изменническим

путем помогали врагу, а также готовили государственную измену». Конкретные факты, установленные судом, сводились к тому, что подсудимый Мазур и другие пытались пересечь границу со Швейцарией с целью присоединиться к польскому легиону. Таким поведением, лишив германский рейх возможности пользоваться их трудом, подсудимые, как постановил суд, своими усилиями стремились к «насильственному отторжению от германского рейха восточных районов, присоединенных рейхом...». Приговор содержит разъясняющий абзац, касающийся измены, совершенной путем попытки присоединиться к интернированному легиону. Цитируем:

«Как известно суду из материалов других судебных дел, после поражения Франции в настоящей войне отряды польского легиона пересекли границу со Швейцарией и были интернированы в лагерях. Легион продолжает функционировать под командованием польских офицеров и содержится в готовности для военных операций против рейха на стороне противника на случай вторжения германских войск в Швейцарию».

Доказательства о намерении подсудимых присоединиться к интернированному легиону ничтожны, но, как и в предыдущих случаях, мы не будем пытаться пересмотреть дело по существу. «Народная судебная палата» постановила, что в соответствии с законом против поляков должен быть вынесен смертный приговор. Цитируем:

«Они хотели навсегда лишить германскую нацию своих рабочих рук. Таким образом, они нанесли вред благосостоянию германского народа. Это — правонарушение, подпадающее под закон об уголовном преследовании поляков...

Предписания, содержащиеся в распоряжении о применении уголовного закона в отношении поляков, распространяются на преступление, совершенное подсудимыми, хотя оно и было совершено до того, как распоряжение вступило в силу, так как в соответствии со статьей 1 дополнительного распоряжения от 31 января 1942 г. закон в отношении поляков может быть распространен на правонарушения, совершенные до того, как распоряжение вступило в силу, если на это имеется санкция обвинителя. Главный имперский обвинитель дал требуемую санкцию».

В другом деле, деле Калицкого, материалы которого помечены грифом «секретно», трое поляков были приговорены к смерти за подготовку государственной измены на

тех же основаниях, что и в предыдущем деле... Из доказательств не явствует, что подсудимый Лаутц лично подписал обвинительный акт по делу, но этот обвинительный акт, вне сомнения, был предъявлен с его санкции. Вопрос о помиловании по делу Калицкого был представлен на разрешение подсудимому Ротенбергеру. 28 июля 1943 г. он написал:

«Я постановил с разрешения фюрера не прибегать к своему праву помилования, а предоставить правосудию идти своим путем».

Подсудимый Лаутц представил обвинительный акт в отношении поляка Братека. Конкретное обвинение сводилось к тому, что он оставил работу в Германии и пытался пересечь швейцарскую границу, чтобы присоединиться к польскому легиону. Общее обвинение заключалось в изменнической попытке отторгнуть от рейха территорию, принадлежащую рейху, и в нарушении закона против поляков и евреев...

Особый интерес представляет секретное сообщение, представленное подсудимым Лаутцем имперскому министру юстиции. Сообщение, о котором идет речь, касается судебного преследования некоторых поляков по обвинению их в государственной измене на основании действий, которые были совершены ими в Польше до войны. Рассматривая вопрос, Лаутц ссылается на Гиммлера, на министерство иностранных дел и президента «народной судебной палаты». Факты, на основании которых высказывались мнения, можно проиллюстрировать следующим образом: на территории Польши, до войны, поляк возбудил уголовное преследование против польского гражданина германской крови, обвинив этого «расового немца» в подрывной деятельности, направленной против Польши. Во время войны этот поляк, который возбудил уголовное преследование против «расового немца», попадает в плен. Возникает вопрос: может ли этот поляк быть предан немецкому суду по обвинению в государственной измене против рейха, если обвинение основывается на том обстоятельстве, что он в Польше подвергал судебному преследованию «расового немца»...

Мы подчеркиваем то обстоятельство, что рассматриваемый вопрос касался предполагаемого судебного преследования поляка за действия, которые он совершал до войны, в период, когда Польша пользовалась суверенной властью на всей своей территории. Вопрос никак не мог относиться

к действиям, которые были совершены после того, как Польша была захвачена и часть ее, как утверждалось, присоединена, так как на этом этапе польские власти не имели бы возможности привлечь к ответственности «расового немца». Далее, в ходе обсуждения этой проблемы Лаутц упоминает о деле в отношении поляка Голека, который недавно попал в руки органов предварительного расследования. Лаутц заявляет, что этот Голек в 1938 и 1939 годах в Польше передал полицейским властям немца — польского гражданина, обвинив его в государственной измене в пользу рейха.

Гиммлер, как его цитирует Лаутц, выразил точку зрения, что соображения иностранной политики противоречили бы претворению в жизнь любого германского закона, по которому поляков могут привлечь к ответственности германские власти вследствие совершения ими актов того рода, о которых мы говорили выше; однако он добавляет:

«Я вижу здесь задачу для судов, возможность для них заполнить пробел в праве, пробел, вызванный политическими государственными причинами, и создать закон для соответствующих случаев».

Гиммлер цитирует решение «народной судебной палаты», в котором говорилось, что национал-социалистское государство «считает себя обязанным, даже если речь идет о заговоре иностранного государства против одного-единственного гражданина рейха, обеспечить лицу, находящемуся под угрозой, свою защиту...». Следует отметить, что эта цитата относится к защите граждан рейха, а не польских граждан, которые являются только «расовыми немцами»...

Подсудимый Лаутц откровенно высказал точку зрения, что германский закон, дающий определение государственной измены, не охватывает того дела, которое мы в настоящее время рассматриваем. В этом он явно был прав. Германский закон о государственной измене был расширен и предусматривал, что «каждый, кто с намерением причинить... какой-либо серьезный вред рейху, вступит в контакт с правительством иностранного государства, будет наказан смертью». Этот раздел не может быть распространен на рассматриваемое дело, так как обвинение, которое предстояло предъявить поляку, заключалось в действии по отношению к отдельному человеку, а не по отношению к рейху...

В этих законах концепция измены расширена до преде-

лов, неизвестных уголовному праву ни одного цивилизованного государства, и эти законы применялись на оккупированной территории и на территории, которая, как утверждалось, была аннексирована. Несмотря на те крайности, до которых были расширены германские законы об измене, подсудимый Лаутц заявил, что он согласен с рейхсфюрером СС и президентом «народной судебной палаты»... Лаутц говорит:

«Далее, я соглашаюсь с концепцией, что в данном случае следует особо учитывать общее политическое развитие, которое за это время осуществилось, в особенности за последние годы; это политическое развитие позволило рейху в значительной степени обеспечивать защиту представителям своей расы, имеющим иностранное подданство в большей степени, чем представлялось возможным ранее. Исходя из этого, я считаю необходимым в принципе оградить с помощью германского уголовного кодекса тех «расовых немцев», которые серьезно пострадали в результате действий, упомянутых в параграфе 92, подпараграф 2, уголовного кодекса, при условии, что данное действие заслуживает наказания в соответствии со здравым чувством германского народа...».

Говоря общепонятным языком, Лаутц предлагал, чтобы суды судили и осуждали поляков за действия, которые не являлись нарушением ни одного из законов любой категории, при условии, что они заслуживали наказания в соответствии со здравым чувством германского народа. Это предложение нарушает все концепции правосудия и справедливости, где бы они ни применялись. Когда же такое предложение было отнесено к поляку и касалось действия, совершенного им в своей собственной стране, в мирное время, оно становится монументом нацистской самонадеянности и преступности. У такого поляка не было никакого долга верности перед каким-либо государством, кроме Польши, он не подлежал уголовной юрисдикции никакого другого государства, кроме Польши. Судебное преследование поляка Голека явилось явным нарушением законов войны (см. выдержки из Гаагской Конвенции), и любое официальное лицо, причастное к такому судебному преследованию, было бы виновно в военном преступлении по Закону № 10 Контрольного Совета.

Документы свидетельствуют о том, что дела, аналогичные делу Голека, рассматривались «народной судебной па-

латой» и что в дальнейшем ожидались дополнительные судебные преследования. Выступая в качестве свидетеля[1], подсудимый Лаутц показал, что «по нескольким конкретным делам решение пришлось запрашивать у министра». Мы имеем основание полагать, что ожидания Лаутца оправдались и что он принимал участие в судебном преследовании Голека и в других аналогичных делах.

Мы привели несколько дел, которые являются типичными для деятельности обвинения при «народной судебной палате». Трофейные документы, представленные в качестве доказательств, свидетельствуют о том, что подсудимый Лаутц был преступно причастен к претворению в жизнь закона против поляков и евреев, что, по мнению Трибунала, является элементом существовавшего, как установлено, правительственного плана по истреблению названных рас. Лаутц был соучастником преступления геноцида и играл в его осуществлении соглашательскую роль.

Подсудимый Лаутц виновен также в нарушении законов и обычаев войны в связи с судебными преследованиями по приказу «Мрак и туман»; он участвовал в извращении законов, касающихся «измены» и «государственной измены», по которым казнили поляков, виновных в совершении мелких правонарушений. Нужно сказать, что доказательства его виновности основываются не только на трофейных немецких документах или на показаниях свидетелей обвинения. Лаутц осуждается на основании его собственных показаний, данных под присягой...

Однако мы не можем игнорировать его инкриминирующие признания только по той причине, что он сам их сделал. В пользу смягчения наказания Лаутцу можно сказать, что он не проявлял активности в партийных вопросах, оказывал сопротивление усилиям партийных чиновников, пытавшихся влиять на его поведение, но поддавался влиянию и руководству Гитлера, которые тот осуществлял через имперское министерство юстиции, полагая, что таково требование германского закона. Лаутц был суровым человеком и неумолимым обвинителем...

[1] По правилам американского судопроизводства подсудимый дает показания в качестве первого свидетеля защиты.— Составитель.

Трибунал признает, что подсудимый Лаутц виновен по разделам второму и третьему Обвинительного акта, как ему и было предъявлено обвинение.

Подсудимый Меттгенберг

Подсудимый Вольфганг Меттгенберг откровенно и полностью признает свою причастность к директиве Гитлера «Мрак и туман». Его показания свидетельствуют о том, что он в широком плане пользовался правом принимать решения по своему усмотрению и имел большие полномочия, распространявшиеся на все стадии программы «Мрак и туман», начиная с момента ареста заключенного на оккупированной территории и охватывая стадии его отправки в Германию, суда над ним и казни либо содержания в местах лишения свободы.

Мы не будем вновь останавливаться на заявлениях, которые подсудимый сделал в ходе своих показаний под присягой и которые мы цитировали выше. Достаточно отметить то, что министериальдиригент Меттгенберг занимал руководящие посты в отделах III и IV имперского министерства юстиции. В отделе III, ведавшем уголовным законодательством, Меттгенберг занимался вопросами международного права, формулировал секретные и общие циркулярные директивы. Его считали выдающимся авторитетом по международному праву. Он сталкивался с делами, проходившими по программе «Мрак и туман», знал цели этой программы и принятую процедуру. Ему было известно, что приказ основывается на директиве фюрера от 7 декабря 1941 г., адресованной ОКВ. Ему было известно, что между гестапо, имперским министерством юстиции, партийной канцелярией и ОКВ существует соглашение по поводу целей директивы «Мрак и туман» и способов разрешения возникающих вопросов.

Подсудимый фон Аммон являлся министериальратом в отделе Меттгенберга и, как свидетельствуют материалы настоящего процесса, ведал сектором, занимающимся делами «Мрак и туман». Эти двое подсудимых совместно разрешали спорные проблемы, а трудные вопросы передавали на рассмотрение компетентных чиновников в имперском министерстве юстиции и в партийной канцелярии, так как

оба эти учреждения должны были давать свои «санкции»... по делам «Мрак и туман».

Дела, проходившие по приказу «Мрак и туман», поступали из вермахта, но в некоторых случаях они шли непосредственно из гестапо. Фон Аммон направлял эти дела на рассмотрение специальных судов в различных частях Германии и в «народную судебную палату» в Берлине. Меттгенберг и фон Аммон были командированы в оккупированную Голландию потому, что в некоторые созданные там германские суды поступали на рассмотрение дела «Мрак и туман», это являлось нарушением директивы о том, что такие дела должны пересылаться в Германию. В Гааге они провели совещание с высшим представителем военной администрации и с главами немецких судов в Голландии; в результате вопрос был передан в ОКВ в Берлин, где согласились с Меттгенбергом и фон Аммоном о том, что «в Голландии должна применяться та же процедура, что и на других оккупированных территориях, а именно, все дела «Мрак и туман» должны пересылаться в Германию».

В отделе IV, ведавшем уголовным законодательством и судебным управлением, работа Меттгенберга заключалась в инспектировании оборудования[1] для исполнения казней. Он присутствовал при одной казни в 1944 году. Ему было поручено ускорять рассмотрение ходатайств о помиловании потому, что заключенным удавалось организовывать побеги во время воздушных налетов. Министр Тирак позвонил по телефону из Берлина подсудимому Ротенбергеру, статс-секретарю, и поручил ему принимать решения по ходатайствам о помиловании в отношении дел, по которым вынесены смертные приговоры; эти дела докладывал подсудимый Меттгенберг, он «делал доклады, продолжавшиеся несколько часов», после чего Ротенбергер принимал решения.

Из доказательств с категоричностью не следует, что ходатайства о помиловании, которые докладывал Меттгенберг и по которым принимал решение Ротенбергер, относились к делам «Мрак и туман». Трибунал полагает, однако, что единственный вывод, к которому можно прийти на основании показаний Меттгенберга, данных им на суде, заключается в следующем: Ротенбергер принимал решения

[1] Так в оригинале.— *Прим. перев.*

по всем вопросам помилования, которые докладывал ему Меттгенберг, а это включало и дела «Мрак и туман». Меттгенберг заявляет, что ему было поручено в связи с воздушными налетами ускорить решения по вопросам помилования и он доложил этот вопрос имперскому министру юстиции Тираку; тот тут же позвонил по телефону Ротенбергеру и поручил ему рассматривать дела о помиловании и принимать по ним решения. Меттгенберг показывает, что он действительно докладывал Ротенбергеру по телефону вопросы помилования, причем разговоры по телефону продолжались несколько часов и Ротенбергер вслед за этим принимал решения.

Подсудимый Меттгенберг взял на себя бремя оправдать процедуру «Мрак и туман», осуществлявшуюся под эгидой министерства юстиции, не только в отношении себя, но и всех подсудимых, связанных с этой программой. Он предварил эту защиту следующим заявлением:

«Сегодня я по-прежнему придерживаюсь той точки зрения, которую я высказал в своем письменном показании под присягой. По моему мнению, сожаление вызывает то, что суды, рассматривая эти дела, не могли полностью осуществить свою первостепенную задачу — установление истины. В настоящее время у меня складывается мнение, что я уже услышал все по данному поводу; поэтому я считаю себя вправе осветить вопрос в целом; должен сказать, что когда речь заходит о различных степенях зла, между которыми нужно выбирать, то передача дел «Мрак и туман» в органы юстиции является в конечном счете все же меньшим злом, поэтому принятое решение, исходившее из соображений крайней необходимости, возможно, являлось одновременно единственным возможным решением...».

В отношении этой директивы[1] Трибунал убежден в том, что она не имеет правовой базы ни по законам ведения войны, ни по международному общему праву в том виде, как они признаются всеми цивилизованными странами и как они изложены выше в настоящем приговоре.

Подсудимый Меттгенберг ссылается на показания подсудимого Шлегельбергера и соглашается с ними; в этих показаниях говорится: «Предполагалось, что заключенных по приказу «Мрак и туман» будут судить в сущности по

[1] Речь идет о директиве «Мрак и туман».— Составитель.

тем же самым нормам, которые применялись бы к ним военно-полевыми судами на оккупированных территориях», вследствие этого «правила процедуры были максимально сокращены». Имеются данные о том, что такая процедура военно-полевого суда применялась по приказу «Мрак и туман» при преследовании людей, которым предъявлялось обвинение в государственной измене или в подготовке к измене против рейха.

По показаниям Меттгенберга, его ведомство имело неприятности с гестапо, потому что государственная тайная полиция настаивала на том, что ею уже произведено расследование в отношении каждого из заключенных по приказу «Мрак и туман» и что данные расследования должны приниматься без дальнейшей их проверки... Что касается других затруднений в добывании должных доказательств, то Меттгенберг показывает так:

«Хотя расследования прежде всего проводились на оккупированных территориях до того, как заключенных по приказу «Мрак и туман» перевозили в Германию, тем не менее само собой разумеющимся делом было то, что эти доказательства не всегда были без пробелов».

Об этих «пробелах» в доказательствах свидетельствуют документы, представленные обвинением в качестве доказательств № 334 и 335...

Меттгенберг рассказывает также о неприятностях, возникших у министерства с гестапо в связи с тем, что государственная тайная полиция направляла многих из этих заключенных непосредственно в концентрационные лагеря и, таким образом, сохраняла их в своем ведении.

Однако ничего не предпринималось по поводу того, что полиция помещала заключенных по приказу «Мрак и туман» в подведомственные ей места заключения и продолжала их там содержать.

Трибунал постановляет, что подсудимый Меттгенберг виновен по разделам второму и третьему Обвинительного акта.

Доказательства вне пределов разумного сомнения свидетельствуют о том, что Меттгенберг играл руководящую роль, был пособником, подстрекателем и был связан с исполнением и претворением в жизнь директивы «Мрак и туман» в нарушение многочисленных принципов международного права, как об этом выше указывалось в настоящем приговоре.

Подсудимый фон Аммон

Из собственных показаний подсудимого фон Аммона, данных под присягой, мы узнаем следующие сведения о нем. Он вступил в СА в декабре 1933 года, имел в этой организации чин шарфюрера. В НСДАП фон Аммон вступил в мае 1937 года. На работу в имперское министерство юстиции он был приглашен 1 января 1935 г. 1 февраля 1935 г. стал ландсгерихтсратом[1], а 1 июля 1937 г.— ландсгерихтсдиректором. Его основная работа в министерстве за этот период была связана с «вопросами международных правовых норм в уголовных делах».

После аншлюса Австрии фон Аммон служил в имперском министерстве юстиции в качестве офицера связи между III отделом (уголовные вопросы) и VIII отделом (Австрия) министерства. Он являлся консультантом в отделе по применению уголовного права и находился в подчинении у министериальдиректора Кроне. Затем его перевели в Мюнхенский оберландсгерихт в качестве оберландсгерихтсрата, где он проработал до июня 1940 года, после чего его вновь отозвали в имперское министерство юстиции. 1 марта 1943 г. он был назначен министериальратом в министерстве юстиции. Фон Аммон показывает:

«Начиная с 1942 года я главным образом занимался делами «Мрак и туман» на оккупированных территориях. В качестве консультанта по делам «Мрак и туман» я совершил несколько официальных поездок на оккупированные территории и принимал участие в совещаниях в Париже и Голландии, касавшихся вопросов процедуры по программе «Мрак и туман».

О широких масштабах и разнообразии официальной деятельности фон Аммона можно судить по тем докладам, которые он представлял различным официальным лицам министерства юстиции в течение 1944 года. 14 января он докладывал министру о «юрисдикции Дании»; 10 февраля — о «правомочности в случаях судебных преследований по делам «Мрак и туман»; 31 мая под заголовком «Представления статс-секретарю» (Клемму) он докладывал об «акциях против евреев без гражданства»; 21 июня под заголовком «Доклады статс-секретарю» указан его доклад «Предоставление пасторов для заключенных по делам

[1] Членам суда. — Составитель.

«Мрак и туман», после чего от руки написано слово «отказ»; 26 июля под заголовком «Представления министру» отмечен доклад Аммона «Процессуальные действия государственной полиции в Нижней Штирии»; 5 октября под рубрикой «Доклады министрам» он представил доклад о «Принятии к производству уголовных дел из восточных районов»; 3 ноября под рубрикой «Официальные устные доклады министру» Аммон докладывал о «ликвидации уголовных дел, поступающих из восточных территорий». 10 января 1945 г., по имеющимся данным, фон Аммон сделал устный доклад по вопросу: «Принятие на себя отправления правосудия министром по делам восточных территорий».

Обвинение представило в качестве доказательства немецкий документ объемом в 142 страницы, содержащий списки многих сотен смертных приговоров, которые представлялись на рассмотрение министру юстиции, а иногда статс-секретарю Клемму. Эти дела разделялись на «ясные» и «сомнительные». Дел первого рода, «ясных», по числу было больше. Изучение документа показывает, что между 14 января и 16 ноября 1944 г. подсудимый фон Аммон сделал 24 доклада по делам, по которым лица из оккупированных территорий были приговорены к смерти на основе директивы «Мрак и туман». На каждые три дня указанного периода приходится в среднем более одного смертного приговора.

В памятке, адресованной статс-секретарю Ротенбергеру и министру Тираку, фон Аммон докладывает, что по состоянию на 1 сентября 1942 г. в Киле, Эссене и Кельне находилось на рассмотрении 1456 дел, по которым было предъявлено обвинение по директиве «Мрак и туман».

Учитывая то обстоятельство, что фон Аммон ведал процедурой «Мрак и туман», начиная с 1942 года и до окончания войны ясно, что в виде доказательств мы располагаем лишь неполными данными о деятельности этого подсудимого в связи с программой «Мрак и туман». Фрагментарный характер трофейных документов, которые были представлены в качестве доказательства, лишает нас возможности составить полную картину преступной деятельности подсудимого. Однако приведенные нами примеры, охватывающие лишь часть периода, о котором идет речь, послужат указанием о масштабах деятельности, которая развивалась под руководством подсудимых Меттгенберга и фон

Аммона. Фон Аммон принимал также участие в продолжительной секретной переписке, касающейся передачи дел «Мрак и туман» в специальный суд в Оппельне и необходимости выделить для этого суда дополнительных судей и прокуроров в связи с увеличением объема работы вследствие указанной передачи дел.

Подсудимый фон Аммон занимал ответственный оперативный пост, связанный с правом принимать решения по своему усмотрению. В министерстве он ведал сектором, который занимался делами «Мрак и туман». Подсудимый Меттгенберг показал, что сектор «Мрак и туман», входивший в состав подведомственного ему отдела, возглавлял фон Аммон и что во всех случаях, когда у фон Аммона возникали сомнения по поводу отдельных дел, они обсуждали эти вопросы совместно. Цитируем:

«Когда у него не было сомнений, он мог принимать решения по вопросам сам».

Мы уже подробно приводили заявление фон Аммона по поводу его осведомленности и деятельности в связи со всей процедурой «Мрак и туман» и по поводу имевшихся у него опасений. Подсудимые фон Аммон и Меттгенберг представляли имперское министерство юстиции на совещании в Гааге 2 ноября 1943 г. по поводу «новых правил прохождения дел «Мрак и туман» из Голландии». Как показывает фон Аммон, он и Меттгенберг заверили участников совещания в том, что будет поддерживаться тесный контакт между судебными органами в Эссене и германскими властями в Голландии в плане обработки дел «Мрак и туман». Мы уже цитировали записку за подписью фон Аммона, в которой он отмечал «значительное неудобство» того обстоятельства, что подсудимые узнают о подробностях вменяемых им в вину преступлений только во время процесса; фон Аммон обращал также внимание на то, что на процессе заключенных по приказу «Мрак и туман» из Франции перевод был обеспечен недостаточно. Фон Аммону вменяется в вину фактическая осведомленность о систематическом извращении судопроизводства по этим делам.

Что касается другого рода деятельности подсудимого, то она освещена в общем разделе приговора, посвященном программе «Мрак и туман». Трибунал признает подсудимого фон Аммона виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечности по разделам второму и третьему Обвинительного акта.

Подсудимый Иоэль

Профессиональная карьера подсудимого Гюнтера Иоэля в «третьем рейхе» протекала в том же темпе, что и его карьера как партийного деятеля; фактически еще до войны его профессиональная карьера слилась с его карьерой в нацистских организациях, точнее говоря, в СС и СД — организациях, которые приговором Международного Военного Трибунала были признаны преступными.

Подсудимый стал членом НСДАП 1 мая 1933 г. и 7 августа того же года поступил в министерство юстиции на должность младшего государственного обвинителя. Быстро продвигаясь по служебной лестнице, он стал помощником государственного обвинителя (1 сентября 1933 г.), государственным обвинителем (1 января 1934 г.), старшим государственным обвинителем (1 февраля 1935 г.) и главным государственным обвинителем (1 ноября 1936 г.).

В период с августа 1933 по октябрь 1937 года Иоэль возглавлял новый отдел, созданный в имперском министерстве юстиции,— «центральное государственное обвинение» (центральштаатсанвальтшафт). В октябре 1937 года этот отдел был упразднен, но имперский министр юстиции Гюртнер сохранил за собой право назначить Иоэля в качестве референта по особым делам и впоследствии использовал это свое право. После того как отдел «центральное государственное обвинение» был упразднен, Иоэль работал в качестве референта в отделе министерства по уголовным делам, отделе III (впоследствии он был перенумерован в IV).

Официальным «письмом о назначении» от 19 декабря 1937 г. за подписью министра Гюртнера Иоэль в дополнение к другим обязанностям был назначен офицером связи между имперским министерством юстиции и СС, включая СД, а также гестапо. Несколькими месяцами позже, письмом от 2 мая 1938 г. за подписью Гейдриха, он был оформлен членом СС с 30 января 1938 г. и начиная с того же дня возведен в чин унтерштурмфюрера СС; он был назначен также на пост руководителя национал-социалистской партии в главном управлении СД.

Из его «личной карточки СС» видно, как быстро подсудимый достигал высоких постов в СС и СД: 11 сентября 1938 г. он стал оберштурмфюрером СС, 30 января 1939 г.— гауптштурмфюрером СС, 26 сентября 1940 г. — штурмбан-

фюрером СС... Данные картотеки свидетельствуют о том, что в период между 2 и 8 мая 1939 г. Иоэль в качестве офицера СС был направлен в официальную командировку от управления безопасности (СД). Имперский министр юстиции уведомляется об этом официальным письмом рейхсфюрера СС...

4 июля 1940 г. начальник полиции безопасности и службы безопасности вновь информирует имперского министра юстиции о том, что Иоэль «включен в список незаменимых лиц от имени рейхсфюрера СС и начальника германской полиции»; таким образом, для полиции безопасности и службы безопасности резервировалась незаменимая служба Иоэля, а он сам освобождался от воинской обязанности.

Однако в связи с этим в письме, датированном 11 июля 1940 г., Фрейслер, статс-секретарь министерства юстиции, просил:

«Воздержаться от использования капитана СС Иоэля, старшего государственного обвинителя, для выполнения поручений рейхсфюрера СС и начальника германской полиции. Доктору Иоэлю, как Вам известно, вверено исполнение чрезвычайно важных докладов в моем министерстве».

На природе этих докладов мы остановимся ниже.

1 мая 1941 г. Иоэль получил чин министериальрата. Он продолжал работать в имперском министерстве юстиции до 12 мая 1943 г.

Причина ухода Иоэля из министерства заключается в следующем. 7 мая 1943 г. он был назначен на пост главного государственного обвинителя при оберландсгерихте в Хамме (Вестфалия). В письме из ставки фюрера от 12 мая 1943 г. Борман, начальник партийной канцелярии, лично утвердил это назначение. Следует добавить, что несколькими неделями ранее письмом от 13 марта 1943 г., адресованным имперскому министру юстиции Тираку, гаулейтер Вестфалии Альфред Мейер также официально одобрил назначение Иоэля на пост главного государственного обвинителя в Хамме как от своего собственного имени, так и от имени заместителя гаулейтера Гофмана, ведавшего администрацией гау Вестфалия-Юг.

Вскоре после этого нового назначения, 9 ноября 1943 г., Иоэль получил с утверждения Гиммлера высокий чин оберштурмбанфюрера СС. Политическая и военная карьера Иоэля развивалась параллельно с его профессиональной

карьерой, его повышения осуществлялись или утверждались такими нацистскими чиновниками высшего ранга, как Гиммлер, Борман, Гейдрих, Тирак и Фрейслер. Эти ужасные и презренные люди известны всему миру; протоколы настоящего процесса насыщены многочисленными фактами зверств и преступлений этих руководителей и членов организаций, которые приговором Международного Военного Трибунала были объявлены преступными. Таким образом, Иоэль до конца оставался доверенным лицом и верным протеже этих людей, являвшихся самыми отъявленными и зловещими преступниками всех времен.

Следует вспомнить, что с декабря 1937 года Иоэль, выполнявший различные функции в министерстве юстиции, в дополнение к другим обязанностям выступал в качестве офицера связи между министерством и СС, СД и гестапо. 1 августа 1943 г. его преемником на этом посту был назначен главный государственный обвинитель Франке. Иоэль утверждает, что фактически он перестал выполнять функции офицера связи в августе 1942 года, когда Тирак занял пост имперского министра юстиции. Однако архивные данные свидетельствуют о том, что даже после этого времени Иоэль представлял многочисленные доклады, которые частично упоминаются ниже, по поводу исполнения смертных приговоров, выносившихся по закону против поляков и евреев, а также относительно передачи гестапо поляков, которые получили мягкие приговоры, либо были оправданы, либо отбыли свой срок наказания.

Здесь речь идет о тех самых обязанностях, которые Иоэль должен был выполнять в имперском министерстве в качестве офицера связи. Даже после того, как Тирак был назначен на пост министра, Иоэль был связан с интересами имперского управления безопасности; он осуществлял продуктивную и удовлетворяющую его начальников деятельность по осуществлению плана или программы преследования по расовым мотивам и истребления поляков и евреев. 17 августа 1943 г. подсудимый Ротенбергер зачислил подсудимого Иоэля на службу в свой отдел в качестве главного государственного обвинителя в Хамме; Ротенбергер хвалил Иоэля в самых высоких выражениях и говорил о нем как о члене СС, отмечая также его чин оберштурмбанфюрера СС. Уже в 1945 году, когда для Иоэля вновь возник вопрос о военной службе, гаулейтер Гофман из Южной Вестфалии вмешался и направил письмо имперскому министру юсти-

ции, ссылаясь на то обстоятельство, что Иоэль, как известно, член «ваффен СС» и что, если бы он поступил на военную службу, то наверняка был бы направлен в СС.

При рассмотрении программы «Мрак и туман» Трибунал ссылался на ряд документов, свидетельствующих о том, что Иоэль являлся пособником, подстрекателем и участником программы «Мрак и туман» и был с ней связан.

Генерал Рудольф Леман из юридического отдела вооруженных сил заявил под присягой:

«Этими делами, насколько я помню, занимался фон Аммон, работавший в том же отделе министерства юстиции. Главный государственный обвинитель Иоэль, работавший в министерстве юстиции примерно до 1943 года, смог бы сообщить дополнительные подробности о программе «Мрак и туман». Иоэль являлся главным обвинителем в Хамме, в Хамме же находился суд, рассматривавший дела «Мрак и туман». Другие суды, рассматривавшие дела «Мрак и туман», были расположены в Кельне, Бреслау и еще в одном-двух местах, которые мне неизвестны; сведения о них мог бы сообщить Иоэль».

Иоэль стал главным обвинителем оберландсгерихта в Хамме, охватывающего всю Вестфалию и район Эссена, 17 августа 1943 г.; этот пост он продолжал занимать до конца войны. На этом посту он до 15 марта 1944 г. ведал делами «Мрак и туман», которые рассматривали специальные суды в Хамме и Эссене, после чего эти суды были переведены дальше на Восток — в Оппельн. Доклады Иоэля свидетельствуют о том, что он присутствовал на совещаниях по вопросам «Мрак и туман» как в Хамме, так и в Бельгии.

Доказательства свидетельствуют также о том, что район, в котором Иоэль являлся самым высоким по чину лицом, а следовательно, и самым ответственным представителем органов обвинения, по территории и населению являлся одним из самых крупных в Германии. Ему подчинялись старшие государственные обвинители и их аппараты при специальных судах в Хамме и Эссене. В его обязанности входило наблюдение за работой всех обвинителей, приданных его отделу. Специальные суды в Хамме и Эссене рассмотрели дел «Мрак и туман» больше, чем в общей сложности все другие специальные суды и «народная судебная палата». Доказательства далее свидетельствуют о том, что Иоэль принял на себя эту ответственность.

В письме от 20 января 1944 г., адресованном Иоэлю, говорится, что в будущем все лица, арестованные по директиве «Мрак и туман», которых в результате суда оправдали, либо те, кто отбыл срок наказания, должны передаваться гестапо для помещения в заключение.

В письме Иоэля от 26 января 1944 г. на имя имперского министра юстиции содержалась жалоба по поводу того, что возникла задержка по вине Лаутца, главного имперского обвинителя при «народной судебной палате», так как Лаутц не возвратил материалы по делам «Мрак и туман». Иоэль указывал, что 84 заключенных по директиве «Мрак и туман», содержавшиеся в заключении близ Хамма начиная с 1941 года, все еще находятся там.

В ноябре 1943 года подсудимые фон Аммон и Меттгенберг заехали в Хамм по пути в Берлин, возвращаясь с совещаний в Голландии. Цель их визита к Иоэлю заключалась в том, чтобы определить, имеется ли в тюрьмах место для помещения туда дополнительной партии заключенных по директиве «Мрак и туман», которых надлежит вывезти из Голландии. Иоэль заверил их, что он сможет разместить дополнительную партию заключенных и даже выступил против позиции президента оберландсгерихта, сообщившего, что заключенных нельзя направлять в район Хамма. Заключенные были направлены в этот район. В декабре 1943 года Иоэль присутствовал в Брюсселе на совещании по вопросу о заключенных по директиве «Мрак и туман», отправлявшихся из Бельгии. По возвращении в Хамм Иоэль сделал доклад об этом совещании.

Категорическое заявление Иоэля о том, что он лично никогда не занимался переводом заключенных по директиве «Мрак и туман», никогда не судил заключенных по директиве «Мрак и туман», никогда не издавал приказов о передаче гестапо для содержания под стражей заключенных, которые были оправданы либо отбыли свой срок, не может служить оправданием его деятельности, связанной с содержанием под стражей, судом и казнями заключенных по делам «Мрак и туман» или с передачей их гестапо после того, как они отбыли свой срок либо им был вынесен оправдательный приговор.

Высокий пост, который занимал подсудимый, требовал от него, чтобы он осуществлял наблюдение за делами «Мрак и туман», поступавшими в суды, где он являлся главным обвинителем, и следил за правильностью проце-

дуры в отношении этих дел. У Иоэля были многочисленные помощники, которым он по необходимости поручал судебное преследование и осуществление программы «Мрак и туман» и возникающие в результате применения этой программы дела. Тот факт, что Иоэль сам не рассматривал дела «Мрак и туман», не имеет никакого значения. Он, вне сомнения, осуществлял наблюдение за теми, кто судил этих людей, казнил одних из них, помещал других под стражу и передавал тех, кто не совершил абсолютно никакого преступления либо отбыл назначенный срок наказания, в гестапо и в концентрационные лагеря.

Подсудимому Иоэлю вменяется в вину осведомленность о том, что программа «Мрак и туман» начиная с того момента, когда она была задумана, и до ее окончательного завершения представляла собой нарушение законов и обычаев войны.

Обратимся теперь к иным формам деятельности, которые настоящим Обвинительным актом вменяются в вину подсудимому Иоэлю.

Посмотрим на документ, исходящий из имперского министерства юстиции; этот документ содержит программу совещаний сотрудников министерства. В каждом случае против предмета обсуждения проставлена фамилия чиновника, который должен докладывать по данному вопросу. Этот документ дает нам некоторое представление об объеме работы, которой занимался Иоэль.

Судя по этой программе, доклады Иоэля были запланированы по нижеследующим вопросам. Цитируем:

«Об отмене приговора Масланка.

Об отмене приговора Бейер Босич (итальянец).

О помиловании Понгратц (70-летний крестьянин, непоставка).

Передача поляков государственной полиции (дела Бартозинского и Марциняка). Бартозинский, поляк, осужден на 3 года лагеря за половые сношения. Фирма искусственной шерсти Ленцингера.

Меры обращения с евреями и поляками, а также с русскими. Внутренний приказ рейхсфюрера СС.

Марасьяк[1], поляк, хотел жениться на немке-прислуге во Франции. Арестован на время расследования. Государственная полиция требует его передачи.

[1] Так в оригинале.— *Прим. перев.*

Должны ли во время войны делаться какие-либо доклады по вопросу о помиловании поляков, которые были приговорены к смерти за хранение оружия и другие правонарушения...

Вымогательство продовольственных карточек (госпожа Риттер, Горлов, русский из района Курска). Государственная полиция хочет наказать полицейскими мерами.

Якубовский, поляк. Был казнен через повешение. Уголовная полиция просит выдать удостоверение о захоронении.

Ушако, рабочий с Востока, украл пиджак. Государственная тайная полиция направила его в лагерь и требует отмены приказа о заключении его в тюрьму сроком на 1 месяц».

Еще один знаменательный факт, на котором мы хотим остановиться, касается дела двух «заслуженных национал-социалистов». Источником наших сведений является краткий документ, подписанный Иоэлем. Излагаемые в этом документе факты сводятся к тому, что полицейский и некто, временно исполнявший обязанности мэра, «застрелили двух польских священников только по той причине, что ненавидели священнослужителей-католиков». 11 июня 1940 г. двое убийц были приговорены к 15 годам каторжных работ за простое убийство. В документе, который мы имеем в виду, Иоэль подчеркивал, что подсудимые уже отбыли более двух лет заключения и что рейхсфюрер СС просил об их помиловании. В качестве вывода в документе говорится:

«Каторжные работы заменить тюремным заключением сроком на пять лет каждому. Отбытие наказания и позорящие последствия этого наказания[1] отсрочить на время нахождения осужденных на испытании в отделе «ваффен СС» для условно осужденных... Иоэль».

Еще в 1937 году Иоэль был осведомлен об условиях в концентрационных лагерях. В документе, помеченном: «На время прохождения: секретно! для III-а: после ознакомления направить в запечатанном конверте в общие архивы гестапо», — содержится следующее указание:

«2. Что касается прохождения докладов относительно казней при побегах из концентрационных лагерей и т. д.,

[1] Речь идет о лишении гражданских прав в связи с осуждением к каторжным работам. — Составитель.

самоубийств в концентрационных лагерях, то они по-прежнему будут обрабатываться специалистом, компетентным в соответствующих вопросах. Что касается общего консультанта по политическим вопросам, то его следует информировать о всех докладах. Их следует препровождать ему немедленно».

Этот документ был распространен в циркулярном порядке между всеми специалистами по политическим вопросам. Иоэль отмечен в списке как специалист по политическим вопросам.

Официальный доклад о совещании от 1 февраля 1939 г. свидетельствует о том, что главному имперскому обвинителю был представлен доклад в связи с событиями 9—11 ноября 1938 г. (еврейские погромы). Цитируем:

«Имперский министр юстиции и старший государственный обвинитель Иоэль указывают на то, что этот вопрос, разумеется, нельзя рассматривать в обычном судебном порядке; если люди, стоящие у власти, пренебрегают принципами права, нельзя привлекать к ответственности исполнителей. Например, от позиции нарушения общественного порядка следует отказаться. Это в юридическом отношении, помимо прочего, обосновывается тем фактом, что виновные не осознавали, что совершают какое-либо нарушение, так как они действовали по приказу. Что касается уголовных правонарушений, совершенных в ходе этого инцидента, то мелочи следует отбросить в сторону. В остальном, однако, судебное преследование может быть отменено только фюрером; в случаях серьезных уголовных преступлений, таких, как изнасилование и осквернение расы, виновные должны привлекаться к суду. В любых случаях приказ о привлечении к ответственности издается министром после того, как виновные, если они являются членами партии или любой организации, исключаются из партии или иной организации особым отделом верховного партийного трибунала в Берлине».

Совершенно очевидно, что, если судебное преследование могло осуществляться только после исключения виновных партийным трибуналом, им предстояла длинная и счастливая жизнь на свободе.

Подсудимый Иоэль был назначен референтом в имперском министерстве юстиции; ему было предоставлено право и вменено в обязанность пересматривать уголовные дела из присоединенных восточных территорий после ок-

купации Польши. Через руки Иоэля, выступавшего в этом качестве, проходило много дел, которые рассматривались судами в соответствии с законом против поляков и евреев. Выступая в защиту этих своих действий, Иоэль заявляет: «Он считал, что его обязывают существующие законы, и он им следовал». Иоэль не разделял взгляда, которого придерживались другие официальные лица, о том, что граждане присоединенных частей Польши становятся германскими гражданами. Иоэль заявил, что такой польский гражданин после 1 сентября 1939 г. остается польским гражданином и что «польский гражданин ни при каких обстоятельствах не является немцем». Как откровенно признает Иоэль, он знал, что имеет дело не с немцами, а с иностранными гражданами.

В качестве референта по присоединенным восточным территориям Иоэль, будучи офицером связи между имперским министерством юстиции и гестапо, принимал участие в совещаниях с другими чиновниками из отдела IV по поводу того, какие решения надлежало принимать по этим делам поляков и евреев. В одном из случаев Иоэль докладывал, что принимал участие в обсуждении приказа Гиммлера о том, какие меры обращения следует применять в отношении поляков и евреев. В другом случае он докладывал, что отдал приказ о передаче гестапо поляков, которые были приговорены к лишению свободы на три года.

Передачу заключенных полиции Шлегельбергер в своих показаниях называет «очень грустной главой для всех, кто обладает чувством справедливости». Шлегельбергер сообщил, что Гюртнер выступил с протестом против этой процедуры и подготовил обзор из сообщений прессы по поводу казней, осуществляемых полицией.

«Ламмерс действительно представил этот обзор Гитлеру. Как Ламмерс впоследствии рассказал Гюртнеру, Гитлер заявил, что он не отдавал общего распоряжения об осуществлении этих расстрелов, но в отдельных случаях он не может обойтись без таких мер, потому что суды, т. е. военные суды, так же как и гражданские, не способны должным образом учесть особые условия, вызванные войной. В этой же беседе с Гюртнером Ламмерс сообщил, что в связи с одним из последующих дел Гитлер уже отдал приказ о казни путем расстрела».

Шлегельбергер показывает далее, что после того как издавался приказ о передаче заключенного полиции, она

не позднее 24 час. должна была доложить, что приказ приведен в исполнение. Шлегельбергер заявляет, что Гюртнер поручил подсудимому Иоэлю представлять министерство юстиции в полиции в связи с этими передачами. Оказывается, министерство юстиции через Иоэля имело возможность в некоторых случаях вмешиваться и предупреждать эти передачи заключенных. Шлегельбергер показывает:

«...Попытки министерства юстиции вмешаться в некоторых случаях достигали успеха. Однако если все возможности уже были исчерпаны и невзирая на это ему не удалось добиться отмены приказа, изданного полицией, ничего не оставалось, как передать человека, о котором идет речь, полиции, как только она этого потребует»...

С 10 сентября 1942 г. по март 1943 года Иоэль рассмотрел 105 смертных приговоров, которые были вынесены судами присоединенных восточных территорий, причем в большинстве случаев он давал окончательную санкцию на приведение этих приговоров в исполнение.

Выступая в качестве референта, Иоэль рассмотрел и принял решение по 16 смертным приговорам, которые были вынесены в отношении поляков, якобы совершивших преступления против рейха или германских оккупационных сил. Однако один из этих поляков родился в Кливленде, Огайо, в Соединенных Штатах, и смертная казнь была заменена ему пожизненным тюремным заключением, потому что Иоэль опасался, что казнь этого поляка приведет для рейха к международным осложнениям. Остальные 15 поляков были казнены.

Трофейные официальные документы свидетельствуют, что Иоэль в качестве референта знал о том, что многих евреев и поляков, политических заключенных, казнили по закону против поляков и евреев. Ему пришлось столкнуться с этим вопросом в связи со спором по поводу того, кто должен заниматься трупами казненных заключенных. Одна из основных трудностей заключалась в том, что по приказу Гиммлера эти трупы следовало передавать гестапо, чтобы оно занималось их захоронением...

Будучи референтом в министерстве юстиции и офицером связи между министерством и СС, Иоэль располагал обширной информацией и пользовался далеко идущей властью в плане претворения в жизнь закона против поляков и евреев. Как следствие этого, он принимал активное

участие в осуществлении плана преследования и истребления евреев и поляков.

Что касается принадлежности Иоэля к СС и СД, то изучение всех доказательств убеждает нас в том, что он оставался членом указанных организаций, будучи полностью осведомлен об их преступном характере. Ни один человек, имевший столь тесные, как Иоэль, контакты с главным имперским управлением безопасности, с СС, СД и гестапо, никак не мог бы оставаться в неведении по поводу общего характера этих организаций.

Трибунал признает Иоэля виновным по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного акта.

Подсудимый Ротхауг

Освальд Ротхауг родился 17 мая 1897 г. Его образование было прервано с 1916 по 1918 год, когда он находился в армии. Он сдал окончательный экзамен по праву в 1922 году.

В НСДАП Ротхауг вступил весной 1938 года, членство в партии было ему засчитано с мая 1937 года.

Ротхауг являлся членом национал-социалистской лиги юристов. В своем письменном показании под присягой он отрицал принадлежность к СД. Однако показанием Элькара и собственным признанием Ротхауга при допросе его на суде устанавливается, что Ротхауг был «почетным сотрудником» СД по юридическим вопросам.

Карьера Ротхауга как юриста началась в декабре 1925 года. Сначала он был помощником адвоката в Ансбахе, затем — заместителем судьи в различных судах. В 1927 году он стал государственным обвинителем по уголовным делам в Хофе. С 1929 по 1933 год Ротхауг являлся советником в амтсгерихте в Нюрнберге. В июне 1933 года он стал старшим обвинителем в государственной прокуратуре в Нюрнберге. Здесь он ведал уголовными делами общего типа и являлся помощником главного государственного обвинителя по рассмотрению ходатайств о помиловании. С ноября по апрель 1937 года Ротхауг занимал пост члена ландсгерихта в Швейнфурте. Он являлся членом гражданской и уголовной палат ландсгерихта. С апреля 1937 по май 1943 года Ротхауг являлся директором ландсгерихта в Нюрнберге, исключая период с августа по сен-

тябрь 1939 года, когда он служил в вермахте. За это время он был председателем уголовной палаты, директором ландсгерихта и главным судьей специального суда в Нюрнберге.

С мая 1943 по апрель 1945 года Ротхауг являлся имперским обвинителем при «народной судебной палате» в Берлине. Здесь в качестве главы первого отдела он одно время занимался делами о государственной измене в южных районах рейха, а с января 1944 года — делами, касающимися подрыва общественной морали на всей территории рейха.

Совершение преступлений, инкриминируемых Обвинительным актом, как это уже отмечалось выше в настоящем приговоре, устанавливается доказательствами, представленными по делу. Таким образом, вопросы, которые предстоит решить в отношении подсудимого Ротхауга, сводятся к следующему: во-первых, был ли он осведомлен о каких-либо преступлениях, доказанных таким образом, и, во-вторых, являлся ли он участником совершения этих преступлений либо давал ли он согласие на участие в них.

Об источниках информации Ротхауга, равно как и об источниках информации всех подсудимых, мы уже говорили выше. Нужно, однако, сказать, что осведомленность Ротхауга не ограничивалась этими общими источниками. Ротхауг являлся в Нюрнберге весьма важным чиновником. У него было много связей в политических и официальных кругах. К числу этих связей относится то, что он был другом Хаберкерна, гау-инспектора в области Франкония; Ротхауг был другом и коллегой Ёши. Сам он занимал руководящий пост в лиге юристов. Он являлся «почетным сотрудником» СД. По заявлению свидетеля Элькара, Ротхауг являлся агентом СД в Нюрнберге и окрестностях, а этот пост был значительнее поста секретного агента; в качестве почетного сотрудника Ротхауг принимал активное участие в делах СД. По утверждению Элькара, Ротхауг принимал присягу СС о хранении тайны.

Нам нет надобности устанавливать, знал ли Ротхауг обо всех аспектах преступлений, имевших место. Он знал о преступлениях, устанавливаемых доказательствами по данному делу, и задачей настоящего Трибунала является установить его причастность к этим преступлениям, если таковая имеется.

Подсудимому предъявлены обвинения по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного акта. По разделу четвертому ему вменяется в вину принадлежность к руководящему составу нацистской партии. Ему не вменяется в вину принадлежность к СД. Доказательства по разделу четвертому устанавливают, что он занимал руководящий пост в лиге юристов . Лига юристов была организацией партии, а не частью руководящего состава нацистской партии, как он определяется Международным Военным Трибуналом, судившим главных немецких военных преступников.

На основании представленных доказательств Трибунал не признает подсудимого виновным по разделам второму и четвертому Обвинительного акта. Остается решить вопрос о виновности подсудимого по разделу третьему Обвинительного акта.

Мы располагаем обширными доказательствами о подсудимом и характере его деятельности. Ограничимся решением вопроса о том, давал ли подсудимый согласие на участие в осуществлении плана по преследованию, подавлению и истреблению поляков и евреев.

Позиция злобной враждебности по отношению к этим расам, занимаемая подсудимым, доказывается многими источниками и ни в коей мере не опровергается письменными показаниями под присягой, которые подсудимый давал в свою защиту.

Доказательства этого плана исходят от собственных коллег Ротхауга — от судей, обвинителей, защитников, судебномедицинских экспертов, а также других лиц, с которыми он сталкивался. Среди них мы можем упомянуть показания Дёбига, Ферберa, Баура, Дорфмюллера, Элькара, Энгерта, Гробена и Маркля, хотя список свидетелей по данному вопросу этим не ограничивается. Особое значение имеют показания священника Шоссера. Шоссер привел многочисленные заявления, которые подсудимый Ротхауг делал во время суда над ним, Шоссером. Эти заявления свидетельствуют о враждебности Ротхауга по отношению к полякам и о его общем отношении к ним. Шоссер показывает, что по поводу поляков вообще Ротхауг высказался следующим образом:

«Если бы ему (Ротхаугу) было позволено сделать так, как он считает нужным, то ни один поляк не был бы похоронен на немецком кладбище. Затем он сказал фразу, кото-

рую все слышали в зале суда — он встанет из гроба, если окажется, что поблизости от него похоронен поляк...».

Еще более знаменательны показания Элькара. По показаниям этого свидетеля, Ротхауг стоял за принятие суровых мер по отношению к иностранцам, в особенности по отношению к полякам и евреям, с которыми, по мнению Ротхауга, следовало обращаться не так, как с правонарушителями-немцами. Ротхауг считал, что в этом плане в законе существует пробел. Как показывает Элькар, Ротхауг утверждал, что в своем суде ему удается добиться желаемой дискриминации, должным образом интерпретируя существующие законы, но что другие суды этого не делают. Такой пробел, как говорил Ротхауг, необходимо заполнить, для чего поляков и евреев надо выделить в группу, подлежащую «особому обращению». Элькар показывает, что подсудимый Ротхауг через него представлял рекомендации в вышестоящие органы и что принятый в последующем, в 1941 году, закон о поляках и евреях соответствовал тем идеям Ротхауга, которые он высказывал и которые через свидетеля Элькара препровождал в главное имперское управление безопасности...

Эта враждебность подсудимого по отношению к указанным расам подтверждается далее документами по настоящему делу, свидетельствующими о том, что дискриминация, которую он проводил по отношению к этим расам, распространялась и на других лиц, которым, по его мнению, недоставало необходимой суровости в проведении политики нацистского государства и нацистской партии по отношению к этим расам.

В связи с этим уместно упомянуть о записке Ёши, адресованной заместителю гаулейтера Хольцу, по поводу Дёбига. В этой записке выдвигается много обвинений по адресу Дёбига в связи с тем, что он не принимает меры к находящимся в его подчинении чиновникам, которые не осуществляют нацистскую программу в отношении поляков и евреев. Ёши уверяет в своих показаниях, что эти обвинения он скопировал с письма, присланного ему подсудимым Ротхаугом, и что подсудимый принял на себя ответственность за эти обвинения. Ротхауг отрицает, что имел к выдвинутым обвинениям какое-либо отношение, за исключением одного малозначительного случая. Однако в свете существующих обстоятельств Трибунал принимает показания Ёши по этому поводу, особенно с учетом

письменного показания под присягой секретарши Ёши, которое не было опровергнуто; в показании секретарши говорится, что она переписывала обвинения, о которых идет речь, непосредственно с письма Ротхауга.

Документальные доказательства позиции Ротхауга по этому вопросу мы находим далее в протоколах дел, которые он рассматривал как судья; ниже мы на них остановимся.

Доказательства враждебности Ротхауга не опровергаются, а, напротив, подтверждаются его собственными показаниями.

Объяснения Ротхауга по поводу его отношения к полякам, которые он давал в связи с арестом Шоссера и судом над ним, также проливают значительный свет на позицию Ротхауга, но они слишком подробны, чтобы приводить их здесь.

Обращаясь к участию подсудимого в нацистской политике преследования и истребления представителей этих рас, мы ограничимся тремя делами, которые в свое время рассматривал Ротхауг как председательствующий судья.

Первым делом, на котором мы остановимся, является дело Дюрка и Штрусс. Наши данные об этом деле основываются главным образом на показаниях Ганса Керна, защитника одной из подсудимых, Германа Маркля, выступавшего обвинителем по делу Дюрка и Штрусс, а также на показаниях Ротхауга.

Основные факты по делу вкратце сводятся к следующему: двум польским девушкам — одной из них, по показаниям Керна, было 17 лет, вторая была несколько старше — было предъявлено обвинение в том, что они устроили пожар на военном заводе в Байрейте. Этот якобы устроенный подсудимыми пожар не причинил заводу материального ущерба, однако подсудимые были обнаружены поблизости от очага пожара, когда он начался, и их арестовало гестапо, где они были подвергнуты допросу. Обе подсудимые якобы признались в гестапо в совершенном ими преступлении. Почти немедленно после этого происшествия гестапо доставило их в Нюрнберг в специальный суд.

После их прибытия обвинителю по делу, Марклю, было поручено составить обвинительный акт, основываясь на допросах, проведенных гестапо. Это было в 11 час. того дня, когда состоялся процесс.

Ротхауг вызвал Керна, чтобы тот выступил в качестве защитника по делу, примерно за два часа до того, как началось судебное разбирательство. Керн уведомил Ротхауга, что ему не хватит времени, чтобы подготовиться к защите. По утверждению Керна, Ротхауг заявил, что, если Керн не возьмет на себя защиту, процесс придется вести без защитника. По утверждению Ротхауга, он заявил Керну, что ему придется пригласить другого защитника. Так или иначе, процесс должен был начаться немедленно.

Самый процесс, по утверждению Керна, продолжался приблизительно полчаса; по утверждению Ротхауга — примерно час; по утверждению Маркля, процесс велся со скоростью военно-полевого суда.

Доказательства состояли из признаний, которые подсудимые якобы сделали в гестапо; на суде одна из подсудимых отказалась от своих показаний. Ротхауг сообщает, что после этого заявления подсудимой он вызвал в суд того сотрудника гестапо, который получил от них признания, и допросил его под присягой. По утверждению Ротхауга, сотрудник гестапо заявил, что допросы проводились совершенно правильно. В качестве доказательства фигурировало также письмо, которое, как утверждалось, подсудимые пытались уничтожить перед арестом. Керн заявил в ходе перекрестного допроса, что это письмо имело мало отношения к существу дела.

Ротхауг пытается объяснить быстроту этого процесса правовыми нормами, которые существовали в то время. Он утверждает в противоречие показаниям свидетелей, что был установлен явный случай диверсии. Настоящий Трибунал не склонен принимать ту версию, которую предлагает Ротхауг. Трибунал не считает, что при имевших место обстоятельствах и за короткий период, пока продолжался процесс, Ротхауг мог установить эти факты на основании представленных доказательств.

По показаниям свидетеля Керна, одной из подсудимых было 17 лет. Немка в возрасте 18 лет или около того подпадала бы под германский закон о несовершеннолетних и не могла бы быть привлечена к специальному суду, к ней не могла быть применена также смертная казнь. Каков бы ни был возраст подсудимых по этому делу, их судили в соответствии с процедурой, предусматриваемой в законе против поляков и евреев, который в то время действовал; при этом судья, рассматривавший дело, как видно из по-

казаний по настоящему делу, не верил показаниям подсудимых. Эти две молодые польки были приговорены к смерти и казнены через четыре дня после суда.

По мнению Трибунала, основывающемуся на доказательствах, этим двум молодым женщинам совершенно не было обеспечено то, что можно назвать процессом; их казнили потому, что они являлись польскими гражданками, в соответствии с нацистским планом преследования и истребления.

Вторым делом, на котором мы остановимся, является дело Лопата. Молодой сельскохозяйственный рабочий-поляк в возрасте примерно 25 лет был обвинен в том, что непристойным образом приставал к жене своего хозяина.

В первый раз его судили в ландсгерихте в Неймаркте. Суд приговорил его к заключению сроком на два года. По этому делу в имперский верховный суд было подано ходатайство о признании приговора недействительным, и имперский верховный суд возвратил дело в специальный суд в Нюрнберге для нового судебного разбирательства и вынесения приговора. Имперский верховный суд постановил, что приговор суда низшей инстанции является юридически неправильным, так как детально не был рассмотрен вопрос о том, применим ли в данном случае закон против врагов государства; верховный суд отметил, что если этот закон подлежит применению, в чем, как представлялось, не было ничего невозможного, то по делу необходимо вынести гораздо более суровый приговор.

Дело было вновь подвергнуто судебному разбирательству в нарушение основного принципа правосудия, что никто не может быть дважды судим за одно и то же преступление. На втором процессе Ротхауг послушно установил, что имело место нарушение закона против врагов государства...

Что касается оснований, по которым подсудимого-поляка подвели под закон о врагах государства, то в обоснование приговора приводятся следующие факты: у Лопата были мелкие неприятности с крестьянином Швенцлем, после чего он днем отказался от пищи и уговорил поступить таким же образом девушку-польку, работавшую прислугой. После этого Швенцль в конюшне призвал его к ответу. Подсудимый оказал сопротивление «увещеваниям» крестьянина, вооружившись вилами. Далее отмечается, что на пороге фермы он вновь набросился на своего

хозяина и отпустил его лишь после того, как на него напала принадлежавшая крестьянину овчарка.

Обращаясь к конкретным причинам, по которым этот польский рабочий был приговорен к смерти, приведем следующие знаменательные абзацы из приговора».

«Таким образом, подсудимый создает впечатление абсолютно дегенеративной личности, что характеризуется возбудимостью и явной тенденцией к обману или лживости. Вся неполноценность подсудимого заключается в его характере и явно основывается на том, что он является представителем польских недочеловеков или что он принадлежит к полякам-недочеловекам.

Призыв мужчин на службу в армию вызвал серьезный недостаток рабочих рук во всех областях жизни в стране, в частности в сельском хозяйстве. Чтобы компенсировать эту ситуацию, пришлось широко использовать других рабочих, в частности поляков, главным образом в качестве сельскохозяйственных рабочих.

Власти не могут следить за этими людьми в той мере, как это представлялось бы необходимым, учитывая их нежелание подчиняться и преступные наклонности.

...Действия подсудимого явились значительным нарушением покоя людей и были непосредственно связаны с его злобными поступками. Сельское население имеет право ожидать, что в отношении террора со стороны иностранных элементов будут приняты самые серьезные меры. Помимо того, что подсудимый покушался на честь жены крестьянина Швенцля, его действия были направлены против чистоты германской крови. Если мы посмотрим на его действия с этой точки зрения, то окажется, что подсудимый проявил такое неподчинение, что его действия следует рассматривать как особо серьезные...

Вследствие сказанного, в соответствии со статьей III, абзацем 2 закона против поляков и евреев, преступление подсудимого, которое в связи с прочим его поведением отражает кульминацию неслыханной наглости, следует считать особо серьезным, поэтому ему нужно вынести смертный приговор как единственное справедливое искупление; такое решение представляется необходимым также в интересах безопасности рейха, в целях устрашения поляков с аналогичным умственным складом».

Лопата был приговорен в соответствии с законом против поляков и евреев для присоединенных восточных тер-

риторий. Приговор был подписан (подсудимым) Ротхаугом, он же отклонил ходатайство о помиловании.

Когда Ротхауга допрашивали на суде, Трибунал задал ему вопрос:

«Если бы Лопата был «расовым немцем», то при наличии совершенно аналогичных фактов по делу считаете ли вы, что ходатайство о признании первого приговора недействительным было бы возбуждено и что верховный суд отдал бы распоряжение о возвращении вам дела для вторичного судебного разбирательства? Хотелось бы услышать ваше мнение по этому поводу».

Ротхауг дал на этот вопрос следующий ответ:

«Г-н Председатель, это — очень интересный вопрос, но я не могу даже теоретически представить себе такую возможность, так как самые элементы, представляющие максимальное значение в данном деле, не могли бы быть сходными в деле немца». Лопата был приговорен к смерти и в последующем казнен.

Третье дело, которое мы рассмотрим, — дело Лео Катценбергера. Из материалов этого дела явствует, что Леман Израэль Катценбергер, которого обычно называли Лео Катценбергером, был торговцем и являлся главой еврейской общины в Нюрнберге; известно также, что он был «приговорен к смерти за правонарушение по параграфу 2, что в юридическом отношении идентично правонарушению по параграфу 4 закона против врагов государства, в сочетании с правонарушением, заключающимся в осквернении расы». Процесс состоялся в открытом заседании 13 марта 1942 г.; Катценбергеру в то время было более 68 лет...

Доказательства по этому делу состоят в основном из показаний Ганса Гробена, следственного судьи, который впервые расследовал дело; Германа Маркля, обвинителя, предъявившего обвинение по делу; Карла Фербера — одного из заместителей председательствующего судьи в процессе; Гейнца Гофмана — также заместителя председательствующего судьи в процессе; Армина Баура — судебномедицинского эксперта, выступавшего на процессе; Георга Энгерта — специалиста, занимавшегося процедурой решения вопроса о помиловании, и Отто Анкенбранда — второго следственного судьи.

Основные факты, которые были установлены в связи с этим делом, сводятся к следующему: примерно в первой

половине 1941 года Гробен выдал ордер на арест Катценбергера, обвинявшегося в том, что он находится в интимных отношениях с немкой-фотографом Зейлер. По результатам полицейского расследования не было доказано, что они действительно состояли в интимной связи, и Катценбергер отрицал свою виновность в инкриминируемом ему преступлении. По совету Гробена, Катценбергер согласился на той стадии не предъявлять ходатайства против ордера на арест, а ожидать результатов дальнейшего расследования. Это дальнейшее расследование было очень продолжительным, хотя Гробен торопил государственного обвинителя. Как оказалось, полиция, несмотря на все усилия, не может добыть существенные доказательства по делу, поэтому стало очевидным, что путь к прояснению ситуации заключается в получении показаний Зейлер, данных под присягой, что и было сделано.

В своем показании под присягой Зейлер заявила, что Катценбергер знал как ее, так и ее семью в течение многих лет, еще до того, как она приехала в Нюрнберг; Катценбергер относился к ней дружески и отечески; обвинение в том, что она находилась с ним в интимных отношениях, отрицалось ею. Доказательства свидетельствуют также о том, что Катценбергер в ряде случаев оказывал Зейлер финансовую помощь и что он был управляющим домом, где жила Зейлер; дом этот принадлежал фирме, в которой Катценбергер был компаньоном. После того как Зейлер дала показания, Гробен уведомил о них доктора Герца, адвоката Катценбергера, и посоветовал подать ходатайство против ордера на арест.

Узнав о подаче ходатайства, Ротхауг приказал, чтобы дело Катценбергера было передано из ландсгерихта в специальный суд, первый обвинительный акт был изъят и для специального суда подготовлен другой обвинительный акт.

Свидетель Маркль заявляет, что Ротхауг оказывал значительное влияние на предъявление обвинения, в особенности учитывая то обстоятельство, что он был в тесной дружбе со старшим государственным обвинителем доктором Шредером, являвшимся начальником Маркля.

Обвинительный акт, представленный в специальный суд, был подготовлен в соответствии с указаниями Ротхауга; в этом новом обвинительном акте Катценбергер обвинялся не только в осквернении расы, в него был вклю-

чен также дополнительный пункт обвинения в соответствии с законом против врагов государства; таким образом, возникала возможность приговорить подсудимого к смерти. Новый обвинительный акт включал в число обвиняемых и Зейлер, которой было предъявлено обвинение в даче ложных показаний под присягой. Включение Зейлер в обвинение, предъявляемое Катценбергеру, привело к тому, что она лишалась возможности выступить в качестве свидетеля защиты; такая комбинация противоречила установленной практике. На этой стадии Ротхауг заявил Марклю, что имеется достаточно доказательств наличия интимной связи между Зейлер и Катценбергером, чтобы убедить его, Ротхауга, и что он готов приговорить Катценбергера к смерти. Маркль уведомил министерство юстиции о той процедуре, которой Ротхауг намеревался следовать при рассмотрении дела Катценбергера, и ему разъяснили, что если Ротхауг так желает, то процедура будет утверждена.

До процесса подсудимый Ротхауг вызвал доктора Армина Баура, консультанта по медицинским вопросам в Нюрнбергском суде, в качестве судебномедицинского эксперта по делу Катценбергера. Он заявил Бауру, что хочет вынести смертный приговор и что поэтому необходимо обследовать подсудимого. Это обследование, как объяснил Ротхауг, является простой формальностью, ибо Катценбергер «так или иначе будет обезглавлен». На возражение врача, что Катценбергер стар и представляется сомнительным, чтобы ему можно было предъявить обвинение в осквернении расы, Ротхауг заявил:

«С меня достаточно того, что, как сказала эта свинья, немецкая девушка сидела у него на коленях».

Самый процесс, как показывают многие свидетели, носил характер политической демонстрации. На нем присутствовали высшие партийные чиновники, включая имперского инспектора Ексле. Часть партийных деятелей явилась на процесс в форме.

В ходе процесса Ротхауг делал все от него зависящее, чтобы поощрить свидетелей на изобличающие показания в отношении подсудимых. Обоих подсудимых суд едва заслушал. Их показания суд опускал либо игнорировал. В ходе процесса Ротхауг воспользовался представившейся ему возможностью, чтобы прочесть аудитории лекцию по еврейскому вопросу в духе идей национал-социализ-

ма. Процесс велся таким образом, чтобы свидетелям было крайне трудно давать показания; Ротхауг беспрестанно предвосхищал оценку фактов и излагал свое собственное мнение.

Учитывая атмосферу процесса, было очевидно, что по делу будет вынесен смертный приговор.

После того как представление доказательств было закончено, суд объявил перерыв; во время перерыва Маркль явился в совещательную комнату, где Ротхауг четко разъяснил ему, что он ожидает, что обвинитель потребует смертного приговора для Катценбергера и тюремного заключения для Зейлер. Ротхауг тут же дал ряд рекомендаций об аргументах, которые ему надлежит включить в свою обвинительную речь.

Обоснование приговора было составлено Ферберов на основе записки Ротхауга, в которой была изложена вся аргументация. Значительное место было уделено происхождению Катценбергера и тому, что он принадлежит к иудейскому вероисповеданию, хотя этот факт и был признан Катценбергером. Немало места уделялось также взаимоотношениям между Катценбергером и Зейлер. Из приговора ясно, что доказательства факта интимной связи отсутствуют...

Далеко отойдя от доказательств, чтобы прийти к выводу об осквернении расы, суд затем снова стал далеко отходить от доказательств, чтобы подвести дело под закон о врагах государства. Здесь основные факты, которые были доказаны, сводятся к тому, что муж подсудимой Зейлер находился на фронте и Катценбергер один или может быть два раза посещал ее после наступления темноты...

Трибунал достаточно подробно остановился на доказательствах по данному делу, чтобы показать природу осуществлявшейся судебной процедуры и враждебность подсудимого Ротхауга. Достаточно наличия одного неоспоримого факта, чтобы доказать, что данное дело являлось актом претворения в жизнь нацистской программы преследования и истребления евреев. Этот факт заключается в том, что за осквернение расы не могли судить никого, кроме еврея. К этому преступлению было добавлено обвинение в том, что Катценбергер совершал его, используя условия военного времени и затемнение. Это привело к тому, что данное преступление было подведено под закон

против врагов государства и попало в число деяний, за которые может быть вынесена смертная казнь...

Доказательства вне пределов разумного сомнения устанавливают, что Катценбергер был осужден и казнен потому, что был евреем. А Дюрка, Штрусс и Лопата постигла та же участь потому, что они были поляками. Казнь этих людей находилась в соответствии с политикой нацистского государства по преследованию и истреблению указанных рас. Подсудимый Ротхауг был осведомленным и добровольным орудием осуществления этой программы преследования и истребления.

Из доказательств, представленных Трибуналу, явствует, что в этих процессах отсутствуют существенно важные элементы законности. При рассмотрении этих дел суд под председательством подсудимого невзирая на юридические софизмы, к которым он прибегал, был орудием осуществления программы руководителей нацистского государства по преследованию и истреблению людей. Тот факт, что число людей, которых подсудимый в силу своей власти мог стереть с лица земли, было меньше числа людей, погибавших в ходе массовых преследований и истреблений, осуществлявшихся теми руководителями, которым служил подсудимый, не уменьшает его вклада, который он внес в программу этих руководителей. Его действия были еще более ужасны, так как тот, кто, возможно, в качестве последней надежды рассчитывал на органы юстиции, видел, что эти органы действуют против него и являются частью программы террора и преследования.

Конкретные дела, в которых Ротхауг применял жестокий и дискриминационный закон против поляков и евреев, нельзя рассматривать изолированно. Они относятся к существу предъявляемых ему обвинений в том, что он участвовал в нацистской программе расового истребления. Суть доказательств сводится к тому, что он отождествлял себя с этой нацистской программой и отдал всего себя на ее осуществление. Он участвовал в преступлении геноцида.

В этом случае, как и ранее, Трибунал при определении степени виновности подсудимого принимал во внимание все данные о его деятельности не только в аспекте преследований по расовым мотивам, но также и в других отношениях. Хотя подсудимый и утверждает, что его суждения основывались исключительно на доказательствах, которые пред-

ставлялись в суде, Трибунал твердо убежден в том, что в бесчисленном количестве дел Ротхауг формировал свое мнение и принимал решения, а во многих случаях публично или приватно оповещал о них до того, как процесс хотя бы начинался, и наверняка до того, как он кончался.

Ротхауг находился в постоянном контакте со своим доверенным помощником Элькаром, членом преступной организации СД, который ежедневно совещался с ним в комнатах суда. Ротхауг формировал свои мнения на основании подозрительных материалов, которые представлялись ему до суда. Своими способами и методами работы он превратил суд в средство осуществления террора, население боялось его и ненавидело. На основании свидетельств, исходящих от его ближайших соратников, а также от его жертв, мы узнаем, что Освальд Ротхауг являлся в Германии олицетворением тайной нацистской интриги и жестокости. Он был и остается садистом и злодеем. При любой судебной системе цивилизованного государства он мог бы быть привлечен к ответственности и снят с должности либо осужден за должностное преступление, выразившееся в планомерной злобности, с которой он вершил неправосудие.

На основании доказательств по данному делу настоящий Трибунал признает, что подсудимый Ротхауг виновен по разделу третьему Обвинительного акта. В его деле Трибунал не находит никаких смягчающих обстоятельств, никакого повода для смягчения наказания.

Подсудимый Барниккель

Представленные доказательства не убедили Трибунал вне пределов разумного сомнения в виновности подсудимого Барниккеля. Поэтому он оправдывается по всем разделам Обвинительного акта.

Подсудимый Петерсен

На основании представленных доказательств Трибунал признает, что подсудимый Ганс Петерсен не виновен ни по одному из разделов, инкриминируемых ему Обвинительным актом.

Подсудимый Небелунг

На основании представленных доказательств Трибунал признает, что подсудимый Небелунг не виновен ни по одному из разделов, инкриминируемых ему Обвинительным актом.

Подсудимый Кухорст

Подсудимый Кухорст обвиняется по разделам второму, третьему и четвертому Обвинительного акта.

В данном деле нет доказательств, которые подтверждали бы обвинение, предъявленное ему по разделу второму Обвинительного акта.

Что касается раздела четвертого, то доказательства свидетельствуют о том, что Кухорст был гауштелленлейтером, т. е. являлся представителем аппарата гау и «сочувствующим» членом СС. В его задачу как гауштелленлейтера входили публичные выступления в качестве оратора-пропагандиста.

В своем приговоре Международный Военный Трибунал, принимая решение о руководящем составе нацистской партии как преступной организации в отношении организаций, которые были подведомственны руководящему составу, указал:

«Решение Трибунала по этим руководящим организациям распространяется лишь на амтслейтеров, которые были начальниками отделов в аппарате рейхслейтунга, гаулейтунга и крейслейтунга. В отношении других должностных лиц и партийных организаций, примыкавших к политическому руководству, за исключением амтслейтеров, о которых говорилось выше, Трибунал примет предложение обвинения относительно того, чтобы на них не распространялось это решение»[1].

В материалах настоящего дела нет доказательств, которые свидетельствовали бы о том, что гауштелленлейтер по своей должности являлся начальником какого-либо отдела в аппарате управления гаулейтера.

По поводу СС в приговоре Международного Военного Трибунала говорится:

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 413.— Составитель.

«Трибунал объявляет преступной согласно определению Устава группу, состоящую из тех лиц, которые были официально приняты в члены СС и перечислены в предыдущем параграфе, которые стали членами этой организации или оставались ее членами, зная, что эта организация используется для совершения действий, определяемых преступными в соответствии со статьей 6 Устава...».

Возвращаясь к вопросу о членстве в организации, мы читаем в приговоре:

«Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС, включая членов «общих СС», войск СС, соединений СС «Мертвая голова» и членов любого рода полицейских служб, которые были членами СС»[1].

Настоящий Трибунал не считает, что приведенное определение распространяется на «сочувствующих» членов.

Исходя из сказанного, Трибунал постановляет, что подсудимый Кухорст не виновен по разделам второму и четвертому Обвинительного акта.

По вопросу о разделе третьем положение оказывается значительно более сложным. В протоколах суда имеется много письменных показаний под присягой и много устных показаний, характеризующих подсудимого как фанатика-нациста и безжалостного судью. Имеется также много доказательств того, что он вел процессы произвольно, несправедливо, не так, как надлежало бы судье. Некоторые из показаний против подсудимого были ослаблены в ходе перекрестного допроса, но общее впечатление о Кухорсте, как о таком судье, является именно той картиной, которую Трибунал принимает...

На основании имеющихся доказательств настоящий Трибунал не считает, что он может вне пределов разумного сомнения сказать, что подсудимый руководствовался расовыми мотивами при вынесении тех наказаний, которые он налагал...

На основании доказательств, которыми он располагает, настоящий Трибунал постановляет, что виновность подсудимого Кухорста в инкриминируемых ему преступлениях не доказана вне пределов разумного сомнения и что поэтому его следует оправдать в предъявленных ему обвинениях.

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 427. — Составитель.

Подсудимый Ёши

Подсудимый Ёши вступил в НСДАП 1 декабря 1931 г. Он был военным представителем в управлении гау по юридической помощи и юридической консультации. После занятия ряда других должностей 1 января 1939 г. его назначили на пост старшего судьи в ландсгерихте в Нюрнберге, на этом посту Ёши пробыл до 1 апреля 1941 г. Затем его назначили директором ландсгерихта в том же суде. Он был главным судьей специального суда в Нюрнберге.

Декретом от 30 июля 1940 г., изданным имперским юридическим управлением НСДАП, Ёши было временно поручено руководство юридическим отделом НСДАП и руководство в национал-социалистской лиге юристов в гау Франкония. Ёши осуществлял свои обязанности в руководящем составе нацистской партии и одновременно с этим являлся судьей специального суда.

Из его личной карточки в имперском министерстве юстиции следует, что не менее пяти различных государственных чиновников дают высокую рекомендацию Ёши за его партийную надежность.

8 февраля 1945 г. его призвали в армию, где он оставался до конца войны, однако он был освобожден от этой службы с 4 по 14 апреля 1945 г., когда являлся председателем гражданского военно-полевого суда в Нюрнберге. Доказательства свидетельствуют о том, что Ёши и подсудимый Ротхауг были руководящими, если не господствующими, деятелями в специальном суде в Нюрнберге, который получил известность как самый жестокий из специальных судов Германии.

Из многих дел, которые свидетельствуют о произвольном характере решений, которые принимал Ёши, мы подробно остановимся на двух.

В марте 1943 года Зофья Каминская, сельскохозяйственная работница, полька, вдова, и Василь Вдовен, украинец, предстали перед специальным судом в Нюрнберге. Им инкриминировались следующие преступления:

Каминская привлекалась за нарушение закона против поляков и евреев в связи с преступлением, заключающимся в нанесении оскорбления действием и угрозах и оказании сопротивления офицеру; Вдовену было предъявлено обвинение в соучастии в преступлении по закону против поляков и евреев и в попытке освободить заключенную. Дело

рассматривал специальный суд, председательствовал подсудимый Ёши.

Кратко суммируем факты, на которых основывался приговор, сохраняя полную справедливость по отношению к подсудимому Ёши. Вскоре после вторжения немцев в Польшу Каминская «приехала в Германию, будучи направленной туда на работу». Каминская и Вдовен были любовниками. Оба работали у фермера Гунделя. Они потребовали от Гунделя, чтобы он заплатил им за работу, но тот отказал, и они стали проявлять бо́льшую настойчивость. «Подсудимый Вдовен фактически толкнул фермера». Испугавшись, Гундель позвал на помощь солдата Антона Ваннера, который проводил в доме свой отпуск; солдат был в военной форме. Последовала ссора. Каминская ударила солдата по лицу, после чего солдат ударил по лицу ее. Во время драки боевой пехотный значок солдата упал на землю. Последовало дальнейшее развитие событий. Солдат схватился за свою винтовку, а Каминская выбежала из комнаты и схватила мотыгу; ей, однако, не удалось напасть на солдата, потому что тот закрыл дверь. Вскоре после этого полька Каминская бросила камнем в солдата, ехавшего на велосипеде, но не попала в него. На следующий день на ферму явился сотрудник полиции и арестовал Каминскую, которая последовала за ним «неохотно». Вдовен, нарушая указания сотрудника полиции, последовал за ними. Полицейский дважды ударил Вдовена по лицу и заставил его повернуть обратно. Все же Вдовен последовал за полькой Каминской до двери камеры и пытался помочь ей избежать помещения под стражу.

Максимум, что можно сказать по поводу доказательств по этому делу в том виде, как их изложил сам подсудимый Ёши, это то, что произошла ссора, в ходе которой имели место взаимные оскорбления и угрозы. Необходимо понять, что многие из высказываний в ходе ссоры, которые цитируются из приговора, опровергались подсудимыми на процессе, но, как уже отмечалось ранее, Трибунал не занимается пересмотром данного дела по фактам. Суд уделил много времени рассмотрению аргумента обвинения о том, что камень весил полфунта, поэтому такое действие должно быть приравнено к применению режущего или ударяющего оружия. Суд указывает:

«Подсудимая имела наглость напасть на немецкого солдата; она заняла нападающую позицию, которая привела

бы к кровавой бане, если бы солдат не уклонился от камня, запущенного в него».

Суд записал о Каминской: «Она тем самым охарактеризовала себя как польку-преступницу, оказывающую сопротивление при аресте» и далее постановил:

«Так как подсудимая 1 сентября 1939 г. являлась жительницей территории бывшего Польского государства, ее необходимо было признать виновной в соответствии с параграфами II, III и IV закона против поляков в нанесении оскорбления действием в сочетании с угрозами, в преступлении, предусмотренном параграфом I раздела 1 закона о лицах, совершающих преступления, связанные с насилием, и в преступлении, заключающемся в оказании сопротивления государственному чиновнику».

Тот факт, что в данном деле был применен дискриминационный закон против поляков и евреев, установлен. В приговоре, подписанном Ёши, сказано:

«В соответствии с параграфом III раздела 2 закона против поляков и евреев смертная казнь должна быть вынесена, если закон ее санкционирует».

Вдовен был украинцем, и потому ему не мог быть вынесен приговор по закону против поляков. Суд вменил ему, будто бы он знал, что германская экономика вследствие условий войны в значительной степени находится в зависимости от труда иностранных рабочих, «в особенности рабочих из восточных территорий». Суд пришел к выводу, что Вдовен, который в данном случае применил лишь небольшое насилие, пытаясь защитить Каминскую, был виновен в том, что воспользовался чрезвычайными условиями военного времени и нарушил закон, карающий лиц, совершающих преступления, связанные с насилием. Ёши приговорил обоих подсудимых к смерти. Заместителями председательствующего судьи при рассмотрении дела Каминской и Вдовена были доктор Грос и доктор Пфафф. Они виновны в том, что подписали приговор. Оба они представили настоящему Трибуналу письменные показания под присягой и были подвергнуты перекрестному допросу. Доктор Грос заявляет, что Ёши в аналогичных делах требовал принятия самых суровых контрмер. «Мы, заместители судьи, были бессильны перед такой позицией. Следует упомянуть, что ни у одного из подсудимых не было прежде судимостей, Ёши ликвидировал их самым предосудительным образом, действуя по расовым и политическим мотивам».

Второй заместитель судьи, доктор Теодор Пфафф, называл дело Каминской «самым ужасным делом во всей моей служебной деятельности... Смертный приговор и последующая казнь этих поляков... постоянно давили на мою совесть. Мне бы хотелось заявить здесь, что Ёши навязал нам свою волю»...

В этом деле Ёши, действуя по злому умыслу, принимал участие в организованной правительством системе преследования поляков по расовым мотивам. Помимо этого, данное дело свидетельствует о таком извращении судебного процесса, которое потрясает совесть человечества.

Прогрессирующая дегенерация системы правосудия достигла кульминации в 1944 и 1945 годах. Приказ Тирака от 13 декабря 1944 г. аннулировал правила об обязательном представлении обвиняемых защитой. Вопрос о том, требуется ли в данном случае адвокат, оставался на усмотрении судьи. 15 февраля 1945 г. в порядке последней меры отчаяния перед лицом неминуемого поражения в Германии был принят закон об учреждении гражданских военно-полевых судов. Закон предусматривал, что приговором может быть либо смерть, либо оправдание, либо передача дела в обычный суд. Следуя этому закону, гаулейтер Хольц создал военно-полевой суд в Нюрнберге. В состав суда вошли подсудимый Ёши в качестве председательствующего, заместителями были инспектор гау Хаберкерн и майор вермахта. 2 апреля 1945 г. Карл Шредер был назначен обвинителем. Судьи и обвинитель отправились в кабинет гаулейтера, где тот произнес речь такого содержания:

«Основная цель — остановить продвижение американцев; можно рассчитывать на введение нового оружия; он ожидает, что военно-полевой суд принятием самых суровых мер окажет армии на фронте необходимую поддержку».

3 апреля чиновники принесли присягу. В письменном показании под присягой Шредера, который впоследствии был подвергнут перекрестному допросу, говорится, что Хольц наметил рассмотрение первого дела на 3 апреля. Шредер возражал, указывая, что это невозможно, так как ему понадобится время для изучения дела. Первое дело, намеченное к рассмотрению, было делом графа Монтгеласа. Шредер сообщает, что это дело было самым трудным во всей его практике, но что его надо было рассматривать в судебном процессе, «потому что гаулейтер торопил быстрее принять решение по данному вопросу»...

Нюрнбергский гражданский военно-полевой суд впервые приступил к работе 5 апреля; состоялось десять заседаний суда, были решены дела 12 подсудимых, причем десяти из них были предъявлены обвинения в политических преступлениях. 16 апреля американская армия подошла к Нюрнбергу, а в полдень этого дня гражданский военно-полевой суд прекратил свое существование...

Эйхингер, выступивший перед настоящим Трибуналом в качестве свидетеля, был приглашен в феврале графиней Монтгелас, чтобы защищать ее мужа. Эйхингер показал, что он беседовал с обвинителем доктором Мюллером, последний уведомил его, что «направил материалы дела главному имперскому обвинителю при «народной судебной палате» для принятия решения. Я просил его уведомить меня немедленно после того, как будут возвращены материалы, а также по получении решения главного имперского обвинителя. Он обещал мне сделать это и я совершенно успокоился».

В это время Монтгелас находился в больничной камере тюрьмы. 10 апреля Эйхингер отправился к администрации тюрьмы, чтобы ознакомиться с материалами дела Монтгеласа, и начальник Нюрнбергской тюрьмы конфиденциально уведомил его, что граф Монтгелас 5 апреля в 2 часа дня был вызван в военно-полевой суд, приговорен к смертной казни и на следующий день расстрелян. Преступление, за которое был расстрелян граф Монтгелас, заключалось в словах, сказанных им наедине в номере Гранд-отеля некой даме, г-же Пфлегер из Баберга. Граф сделал оскорбительные замечания в адрес Гитлера, в частности заявил, что подлинная фамилия Гитлера — Шикельгрубер. Он также выразил одобрение по поводу покушения на жизнь Гитлера, которое было совершено 20 июля 1944 г. ...

Единственным свидетелем, который выступил против графа Монтгеласа, является фюрер СС, который в течение многих дней следил за ним с целью добыть против него инкриминирующие доказательства... Таким образом, в последние дни войны, когда американская армия была почти у ворот Нюрнберга, за месяц до того, как Германия полностью прекратила сопротивление, больному человеку, после того как его продержали в одиночном заключении, 3 апреля предъявляют обвинения, 5 апреля подвергают суду и 6 апреля расстреливают, не уведомив его адвоката

об этой секретной процедуре и не предоставив возможности подсудимому вызвать свидетелей, которые бы дали показания в его пользу. Такой издевательский процесс является не судебной процедурой, а убийством.

Закон № 10 Контрольного Совета предусматривает, что преследования по политическим, так же как и по расовым мотивам, являются преступлениями. Если один тот факт, что Монтгеласа преследовали за замечания, враждебные нацистскому режиму, может и не представлять собой нарушение Закона № 10 Контрольного Совета, то обстоятельства, при которых он был предан суду, и то, каким образом его судили, убеждают нас в том, что Монтгеласа судили не за подрыв уже сломленной оборонной мощи... и что гаулейтер Хольц намеренно издал приказ, явившийся последним мстительным актом политического преследования, а Ёши претворял этот приказ в жизнь. Если положения Закона № 10 Контрольного Совета не относятся к этому делу, то мы не знаем, к какого рода преследованию по политическим мотивам данный закон может относиться.

Трибунал уже отмечал выше, что он не намеревается осуждать тех или иных подсудимых без совершения ими других преступлений, только на том основании, что они участвовали в принятии или претворении в жизнь законов о наказании профессиональных преступников, мародеров, лиц, скрывающих запасы продовольствия, а также лиц, подрывающих оборонную мощь страны; но одновременно с этим мы указывали, что перечисленные законодательные акты во многих случаях применялись произвольным и жестоким образом так, что это ужасает совесть человечества и является наказуемым в настоящем Трибунале. Таким является положение по ряду дел, которые рассматривали Ротхауг и Ёши; Трибунал не располагает подлинным производством по этим делам и поэтому по необходимости должен полагаться на показания лиц, причастных к делу, и лиц, непосредственно за ним следивших. В связи с этим Трибунал будет ссылаться на письменные показания под присягой и на показания лиц, работавших с подсудимым Ёши. Мы будем ссылаться на заявления лиц, давших письменные показания под присягой, лишь в тех случаях, когда лицо, давшее письменное показание под присягой, также было вызвано в суд и устно допрошено по поводу своих письменных показаний.

Доктор Герман Мюллер был обвинителем в специальном суде в Нюрнберге. Он заявляет:

«Он (Ёши) часто оскорблял подсудимых и излагал обвинения таким образом, как будто эти обвинения были уже доказанным фактом. Его поведение нередко доходило до такой крайности, что нетрудно было поверить в то, что он психопат. Ругательства и оскорбления, с которыми он обращался к подсудимым, были совершенно недостойны судебного процесса...

Мюллер упоминает о нескольких делах, где Ёши до начала процесса объявлял, что подсудимый будет казнен. В связи с делом по обвинению Шнауса Мюллер рассказывает: «Ёши заявил ему, что, «проведя совещание с правительственными чиновниками, он уверен, что добьется смертного приговора. В то время я еще не знал, что вследствие войны положение в специальном суде изменилось, и обратился к моему непосредственному начальнику за разъяснениями. Тот уведомил меня о тесных связях, которые существовали между судьями и обвинителями»...

Далее Мюллер говорит:

«Ёши был самым жестоким судьей, которого я когда-либо знал в своей жизни, он был самым добровольным орудием нацистской террористической юстиции».

Доктор Армин Баур был судебным медиком при специальном суде. Он показывает:

«Всегда создавалось впечатление, что приговор был уже вынесен заранее и что Ёши и Ротхауг лишь в течение нескольких часов играли с подсудимыми, как кот с мышью. Они не упускали ни одной возможности самым грязным образом оскорбить подсудимых»... Доктор Баур заявляет, что «Ротхауг и Ёши обычно относились к иностранцам, как к существам низшего порядка, единственная задача которых — служить германской расе господ».

Ганс Керн, адвокат, заявил, что «иностранцам с самого начала было сказано и повторялось на протяжении процесса, что их нужно уничтожить». Далее он продолжает:

«Ротхауг и Ёши принципиально отказывались верить польским гражданам, которым было предъявлено обвинение. Их клеймили, как лжецов...».

Керн называл Ёши «пресловутым любителем травить поляков». Свидетель доктор Густав Кунц, ведущий судебный медик в Нюрнберге, ... заявил:

«Оскорбления, унижения и психическая пытка подсудимых были каждодневным явлением, и двое судей, в особенности Ёши, даже не отказывались от них, когда — в зависимости от юридической ситуации — приговор должен был быть и действительно был оправдательным либо выносился приговор к незначительному наказанию».

Курт Гоффман, прокурор в Нюрнберге, заявляет, что «Ёши был суров в отношении подсудимых-немцев» и «еще более суров при вынесении приговоров в отношении иностранцев, при ведении процессов иностранцев он проявлял гораздо больше ярости, в особенности, когда речь шла о поляках».

Адольф Паулус, бывший государственный обвинитель, говорит о «жестокости, на которую был способен только Ёши».

Фридрих Дёбиг, являвшийся президентом оберландсгерихта в Нюрнберге, а впоследствии председателем сената имперского верховного суда, заявил, что «Ёши подобно Ротхаугу был нацистом-фанатиком, который постоянно интерпретировал и осуществлял законы в соответствии с нацистской идеологией».

Доктор Герберт Липпс работал с подсудимым Ёши в специальном суде в Нюрнберге. Он рассказывает, что Ёши был деспотом и не терпел противоречий:

«Ёши оскорблял подсудимых самым обидным образом, кандидатам на смертную казнь он в самом начале судебного заседания говорил, что они поплатятся жизнью.

По отношению к иностранцам, в особенности полякам, Ёши был особенно жесток; здесь он поддерживал национал-социалистскую теорию о ликвидации граждан оккупированных территорий...

Доктор Франц Грос был заместителем судьи в Нюрнберге. Он заявляет, что Ёши следовал жестоким процессуальным методам Ротхауга и был «фанатичным национал-социалистом, который убежденно следовал своим бесчестным целям и добровольно оказывал содействие кровожадной национал-социалистской юстиции».

Доктор Пфафф, являвшийся заместителем судьи в Нюрнберге, подтверждает заявления доктора Гроса.

Доктор Йозеф Майер был референтом в управлении обвинителя в Нюрнберге. По поводу Ёши он говорит:

«Ёши... явно принадлежал к школе Ротхауга. Внешне он производил впечатление мрачного и безжалостного че-

ловека. Я не помню, чтобы у меня когда-либо произошел с ним разговор личного плана. Как правило, он начинал разговор с предвзятого мнения, которого придерживался. Любого, кто пытался противостоять этому мнению, он обрывал самым грубым образом. Он все время самым обидным образом оскорблял подсудимых, неоднократно уведомляя их о том, что он намерен с ними сделать. Для этой цели он располагал обширным словарем ругательств, пользование которым он превратил в тонкое искусство.., выслушивать его тирады, продолжавшиеся нередко часами без перерыва, было буквально пыткой. Когда его лицо из-за его постоянных бранных и оскорбительных речей искажалось в отвратительную гримасу, мне нередко невольно приходили на ум слова Фауста, обращенные к Мефистофелю: «Ты изрыгаешь грязь и огонь».

Йозеф Эйхингер, адвокат в Нюрнберге, заявил:

«Его предубеждение было настолько сильным, что он не относился серьезно к заявлениям защиты, а отметал эти заявления ироническим или грубым замечанием. Даже во время процесса он неоднократно обращался к подсудимым следующим образом: «такие люди, как вы, заслуживают, чтобы их уничтожили»; «вас осудят»; иногда он оскорблял и унижал подсудимых, называя их «преступниками» или «негодяями», «врагами государства».

Далее Эйхингер говорит:

«Как руководитель юридического отдела гау, а после роспуска этого отдела как сотрудник аппарата гау он занимал особое руководящее положение, дававшее ему возможность строго держать защиту под своим контролем; было хорошо известно, что знака властей гау, подстрекаемых Ёши, было достаточно, чтобы передать адвоката гестапо.

У меня создалось впечатление, что он поддерживал сознательно и добровольно политику Гитлера о «казни каждого десятого» иностранца, в особенности поляка, увеличивая число смертных приговоров в отношении этих лиц...».

В ходе перекрестного допроса Эйхингер признал, что ему не известен конкретный адвокат, которого Ёши передал бы гестапо. Ясно, что в своих показаниях Эйхингер, формируя свое мнение, основывался главным образом на общей информации. Трибунал полагает, однако, что это мнение заслуживает внимания.

Доктор Карл Майер, адвокат, заявил, что Ротхауг был судьей самого отвратительного специального суда в Германии и имел обыкновение даже во время процесса говорить подсудимым, что они будут уничтожены. Он добавляет, что, после того как Ротхауг был переведен в Берлин, Ёши злобностью своей манеры даже превзошел его.

Недостаток места не позволяет нам рассмотреть другие дела, иллюстрирующие, насколько произвольно Ёши пользовался своей властью. Следует, однако, упомянуть о суде над группой мальчиков-иностранцев, которые несколько раз дрались с мальчиками из нюрнбергского дома «гитлеровской молодежи» («гитлерюгенд»). Мюллер характеризует действия этих мальчиков как безвредные проказы. В худшем случае они занимались уличными драками с представителями «гитлерюгенд». Ёши постановил, что они олицетворяют собой движение Сопротивления, и приговорил некоторых из этих мальчиков к смертной казни.

Раздел четвертый Обвинительного акта вменяет в вину Ёши принадлежность к руководящему составу нацистской партии на уровне гау, в плане определения данной группы преступной по приговору Международного Военного Трибунала, судившего главных немецких военных преступников.

Выше мы уже приводили приговор Международного Военного Трибунала, установившего те организации и группы в системе руководящего состава нацистской партии, которые объявляются преступными. Ёши было поручено руководство юридическим отделом НСДАП в гау Франкония, этот официальный пост он занимал в течение длительного времени. В своих показаниях он заявляет, что с 1940 по 1942 год ведал юридическим отделом гау... Доказательства ясно указывают, что подсудимый добровольно входил в состав рассматриваемой организации, будучи начальником отдела аппарата гау в период после 1 сентября 1939 г. В приговоре Международного Военного Трибунала к преступной деятельности руководящего состава нацистской партии относится также следующее:

«Руководящий состав сыграл свою роль в преследовании евреев; он был замешан в мероприятиях по экономической и политической дискриминации евреев, которые были введены в действие вскоре после прихода нацистов к власти. Гестапо и СД получили инструкции координировать с гаулейтерами и крейслейтерами действия во время

погромов 9 и 10 ноября 1938 г. Руководящий состав также использовался для того, чтобы предотвратить реакцию германского общественного мнения против мер, предпринимавшихся в отношении евреев на Востоке.

9 октября 1942 г. всем гаулейтерам и крейслейтерам был разослан секретный информационный бюллетень, озаглавленный «Подготовительные меры к окончательному разрешению еврейского вопроса в Европе. Слухи о положении евреев на Востоке». В этом бюллетене говорилось о том, что возвращающиеся с Востока солдаты распространяют слухи относительно положения евреев на Востоке, которые некоторые немцы могут не понять, а далее в подробностях излагалось официальное объяснение, которое следовало давать. Этот бюллетень не содержал определенных указаний на то, что евреи уничтожались, но в нем говорилось, что их направляли в трудовые лагеря, о том, что их полностью отделяли от остального населения, а также о необходимости проявлять к ним безжалостную суровость...

Руководящий состав сыграл важную роль в проведении программы рабского труда. Директива Заукеля от 6 апреля 1942 г. назначала гаулейтеров чрезвычайными уполномоченными по мобилизации рабочей силы в соответствующие гау для координации деятельности всех организаций, имевших отношение к вопросам рабочей силы в пределах их гау, и со специальными полномочиями в области найма иностранных рабочих, в том числе в отношении условий их работы, их питания и расселения. Исходя из этих полномочий, гаулейтеры взяли в свои руки контроль над размещением рабочей силы в их гау, в том числе над размещением рабочих, насильно пригнанных из других стран. При осуществлении этой задачи гаулейтеры использовали многие учреждения партии в пределах своих гау, в том числе подчинявшихся им политических руководителей. Например, директивой Заукеля от 8 сентября 1942 г. относительно размещения по отдельным хозяйствам 400 тыс. женщин-работниц, прибывших с Востока, устанавливается порядок, согласно которому заявления о присылке таких работниц передавались крейслейтерам, чье решение являлось окончательным.

В соответствии с директивой Заукеля обращение с иностранными рабочими непосредственно входило в ведение политических руководителей, причем гаулейтеры были

специально проинструктированы предотвращать «слишком большую заботу и внимание к иностранным рабочим» со стороны «политически ненадежных руководителей предприятий»...

Политические руководители непосредственно занимались вопросами обращения с военнопленными. 5 ноября 1941 г. Борман разослал директивное указание до крейслейтеров включительно, предлагая им обеспечить выполнение армией недавно вышедших директив министерства внутренних дел, в которых указывалось, что трупы русских военнопленных следовало завертывать в листы толя и хоронить в отдаленных местах без всяких церемоний или украшения их могил. 25 ноября 1943 г. Борман разослал циркуляр, предлагавший гаулейтерам докладывать о случаях мягкого обращения с военнопленными. 13 сентября 1944 г. Борман разослал директиву до крейслейтеров включительно, требовавшую установления связи между крейслейтерами и охранниками военнопленных для того, чтобы «лучше согласовать использование военнопленных с политическими и экономическими требованиями...

Механизм руководящего состава также использовался при попытках лишить союзных летчиков той защиты, которая им предоставлялась согласно Женевской Конвенции. 13 марта 1940 г. вышла директива Гесса с инструкциями политическим руководителям до блоклейтеров включительно о руководстве гражданским населением в случае приземления вражеских самолетов или парашютистов, которые гласили, что вражеские парашютисты должны были немедленно подвергаться аресту или «обезвреживаться»[1].

Что касается осведомленности подсудимого Ёши, то он вступил в НСДАП 1 декабря 1931 г. Он возглавлял лигу юристов в гау Франкония и был в системе гау судейским чиновником, имевшим значительный вес. Указанные должности являлись дополнительными источниками информации о перечисленных преступлениях. Далее, эти преступления имели столь широкий масштаб и были столь тесно связаны с деятельностью гаулейтунга, что человек, обладающий интеллектом подсудимого, не мог не знать о совершении этих преступлений если не целиком, то хотя бы частично.

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 410—413.— Составитель.

Трибунал признает подсудимого Ёши виновным по разделам третьему и четвертому Обвинительного акта. Учитывая, что подсудимый вел и проявлял себя как садист, Трибунал не видит никаких справедливых оснований для смягчения ему наказания.

Подсудимый Альтштеттер

Йозеф Альтштеттер родился 4 января 1892 г. Он получил юридическое образование и сдал государственный экзамен по юриспруденции в Мюнхене. В последующем работал в министерстве юстиции земли Бавария и в имперском министерстве юстиции.

В 1932 году он получил повышение и был переведен в имперский верховный суд в Лейпциге. В 1933 году стал членом сената по уголовным делам оберландсгерихта. В 1936 году Альтштеттер был членом имперского суда по трудовым спорам. С 1939 по 1943 год он служил в вермахте. В 1943 году был направлен в имперское министерство юстиции, где назначен начальником отдела гражданского права и процесса министерства юстиции и получил чин министериальдиректора. В этом качестве Альтштеттер прослужил до капитуляции. До прихода нацистов к власти он состоял членом организации «Стального шлема». Когда «Стальной шлем» был поглощен организацией нацистов, подсудимый автоматически стал членом СА. До мая 1937 года он вышел из СА и стал членом «общих СС». Членство подсудимого в СС, по данным, имеющимся в его личных делах, исчисляется с 15 мая 1937 г. В 1938 году он подал заявление о принятии его в НСДАП, и его принадлежность к партии была зафиксирована с 1 мая 1937 г. За свою деятельность в партии Альтштеттер был награжден «золотым партийным значком».

На основании доказательств, представленных по настоящему делу, Трибунал приходит к выводу, что подсудимый Альтштеттер не виновен по разделам второму и третьему Обвинительного акта.

Таким образом, в отношении подсудимого Альтштеттера Трибуналу предстоит выяснить вопрос, вступил ли он в СС и оставался ли членом СС, организации, которая приговором Международного Военного Трибунала была признана преступной, будучи осведомленным о преступной

деятельности этой организации, так как определено в Уставе Международного Военного Трибунала.

Доказательства по настоящему делу, касающиеся связи подсудимого с СС, основываются главным образом на его личном деле, состоящем из нескольких страниц, на его переписке с руководителями СС и на его собственных показаниях.

На основании этих доказательств оказывается, что подсудимый по просьбе Гиммлера вступил в СС в мае 1937 года. Как сообщает подсудимый, Гиммлер сказал ему, что он получит чин, соразмерный с его гражданским статусом. Из материалов не явствует, какой чин в СС считался соразмерным с гражданским статусом подсудимого, являвшегося членом имперского верховного суда, но 20 апреля 1938 г. он получил чин унтерштурмфюрера, что соответствует чину лейтенанта в армии. Впоследствии, 20 апреля 1939 г., он получил чин оберштурмфюрера, 20 апреля 1940 г.— гауптштурмфюрера. 12 марта 1943 г., по данным письма в главное управление по личному составу СС за подписью Гиммлера, Альтштеттер считался получившим чин штурмбанфюрера начиная с 25 января 1943 г. и тем же письмом возводился в чин оберштурмбанфюрера начиная с 20 апреля 1943 г.; было отдано указание изготовить для подсудимого кольцо с черепом и перекрещивающимися костями. В июне 1943 года подсудимый написал начальнику главного управления СС группенфюреру СС Бергеру благодарственное письмо в связи с кольцом, которым наградил его рейхсфюрер СС. В этом письме говорилось:

«И это повышение в чине, и оказанную мне честь награждения меня кольцом с черепом и перекрещивающимися костями я буду рассматривать не только как знак самого глубокого доверия ко мне со стороны рейхсфюрера, но и как толчок к тому, чтобы и в дальнейшем активно доказывать свою верность и самым неукоснительным образом выполнять мои обязанности как члена организации СС».

11 февраля 1944 г. Альтштеттер написал группенфюреру СС и генерал-лейтенанту войск СС профессору Карлу Гебхардту[1] письмо, в котором содержался следующий абзац:

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 451—457.— Составитель.

«Одно замечание личного порядка — Вы любезно присвоили мне чин оберфюрера[1] СС. Это пока не соответствует действительности. Во всяком случае, ранее мне об этом ничего не было известно. Я говорю Вам это только по той причине, что не хочу претендовать ни на какие отличия, которых фактически не имею».

Письмом от 16 июня 1944 г. Альтштеттера уведомили, что рейхсфюрер СС возвел его в чин оберфюрера приказом, вступающим в силу 21 июня 1944 г.

Подсудимый показал, что он был направлен в юридический отдел 48-го штандарта, а впоследствии — в юридический отдел главного управления СС. Он заявляет, что фактических обязанностей у него не было. Однако в его служебной рекомендации от 14 марта 1939 г., подписанной Дальски, оберштурмбанфюрером СС, под заголовком «Характеристика» говорится:

«Унтерштурмфюрер СС Альтштеттер откровенен, честен, выполняет полезную работу. Его мировоззрение твердо стоит на национал-социалистской основе. А. являлся руководителем отдела 48-го штандарта и на этом посту всегда выполнял свою работу удовлетворительным образом».

В докладе из Лейпцига от 10 июня 1939 г. говорится, что Альтштеттер был награжден «серебряным почетным значком за юридическую работу»; датой присвоения значка указано 19 апреля 1938 г.; документ подписан Заксе, унтерштурмфюрером СС и адъютантом.

По всем признакам, Гиммлер высоко ценил подсудимого; 18 сентября 1942 г. Гиммлер при беседе с Тираком и Ротенбергером отозвался об Альтштеттере как о надежном оберштурмфюрере СС.

Представляется также, что назначение подсудимого в министерство юстиции произошло по предложению Гиммлера и что Тирак, принимая меры к тому, чтобы связь подсудимого с Гиммлером укреплялась, преследовал собственные цели.

По настоянию Тирака, Альтштеттер посетил Гиммлера в его штабе и присутствовал в Кохэме во время речи, которую произнес там Гиммлер, там же он принимал участие в обеде, организованном для 12 человек, включая штан-

[1] Речь идет о том, что Гебхардт в письме Альтштеттеру назвал его оберфюрером.— Составитель.

дартенфюрера СС Рудольфа Брандта[1] и обергруппенфюрера СС Поля.

Он посетил высшего чиновника СС Бергера, по просьбе последнего. Он вел значительную корреспонденцию с высшими деятелями СС, включая Гиммлера, группенфюрера СС профессора Гебхардта, группенфюрера СС Бергера и шефа полиции безопасности и СД Кальтенбруннера.

«Если я могу внести свой маленький вклад в помощь, которую мы оказываем нашему фюреру в осуществлении им великой задачи на благо нашего народа, я испытываю по этому поводу огромную радость и удовлетворение, особенно как офицер СС».

Судя по письму Гебхардта, Гиммлер поручил фюрерам СС по ряду вопросов советоваться с Альтштеттером.

6 июня 1944 г. Альтштеттер обратился с письмом к Гебхардту, поздравляя его в связи с недавно полученным награждением. В этом письме он писал:

«Я испытываю особую радость в связи с полученной Вами наградой, потому что вижу в ней не только признание Ваших огромных военных заслуг как врача и хирурга, но также и Ваших заслуг как ученого-исследователя; эта награда вручена нашему старому и доверенному другу».

Доказательства по настоящему делу ясно устанавливают, что подсудимый вступил в СС и оставался членом СС добровольно. Факты свидетельствуют о том, что он проявлял значительный интерес к своему чину в СС и к оказываемым ему почестям. Остается установить тот факт, знал ли подсудимый о преступной деятельности СС, как она определена в Уставе Международного Военного Трибунала, принятом в Лондоне. В связи с этим мы приведем ряд выдержек из приговора Международного Военного Трибунала над главными немецкими военными преступниками в части, касающейся СС:

«Части СС были активными участниками мероприятий, приведших к агрессивной войне. Военные отряды СС использовались при оккупации Судетской области, Богемии и Моравии и Мемеля. «Свободный корпус» Генлейна находился под юрисдикцией рейхсфюрера СС во время операции в Судетской области в 1938 году, а «фольксдойч-

[1] См. «Нюрнбергский процесс...», т. 2, стр. 457—464.— Составитель.

миттельштелле» финансировало там деятельность пятой колонны.

Организация СС была еще более активным участником в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Благодаря своему контролю над организацией полиции, в частности полиции безопасности и СД, организация СС участвовала во всех преступлениях, которые были описаны в том разделе приговора, который относится к гестапо и СД...

Ведомство СС по вопросам расы и поселений вместе с «фольксдойчмиттельштелле» проявляли активность в осуществлении планов германизации оккупированных территорий в соответствии с расистскими принципами нацистской партии и были причастны к депортации евреев и других лиц не немецкой национальности.

Подразделения войск СС и эйнзатцгруппы, действовавшие непосредственно под руководством главного управления СС, использовались для осуществления этих планов. Эти подразделения были также замешаны в широко распространенных убийствах гражданского населения и в жестоком обращении с ним на оккупированных территориях...

Начиная с 1934 года СС были ответственны за охрану концентрационных лагерей и управление ими. Представленные доказательства не оставляют сомнения в том, что постоянное зверское обращение с заключенными концентрационных лагерей являлось результатом общей политики, проводимой СС и состоявшей в том, что заключенные лагерей рассматривались как представители низших рас, на которых следовало смотреть с презрением. Имеются доказательства того, что в тех случаях, когда это позволял наличный состав членов СС, Гиммлер стремился к тому, чтобы состав батальонов охраны постоянно сменялся с тем, чтобы все члены СС прошли инструктаж по поводу тех методов, которые необходимо применять по отношению к представителям низших рас.

После 1942 года, когда концентрационные лагеря были переведены в ведение ВФХА, они использовались как источник рабской рабочей силы. 18 сентября 1942 г. было заключено соглашение с министром юстиции[1], по которому все антиобщественные элементы, отбывшие срок своего тюремного заключения, должны были передаваться в рас-

[1] Речь идет о соглашении Гиммлера с Тираком. — Составитель.

поряжение СС для умерщвления их непосильным трудом...

СС играли особенно значительную роль в преследовании евреев. СС принимали непосредственное участие в демонстрациях 10 ноября 1938 г. Вывоз евреев с оккупированных территорий проводился под руководством СС и при содействии частей полиции СС. Центральные организации СС руководили операциями по истреблению евреев. Фактически это проводилось в жизнь соединениями СС...

Невозможно выделить какую-либо часть СС, которая не принимала бы участия в этой преступной деятельности. «Общие СС» являлись активным участником преследования евреев и использовались для охраны концентрационных лагерей...

...Трибунал приходит к заключению, что преступная деятельность была достаточно широко известна членам организации для того, чтобы оправдать признание СС преступной организацией в той мере, в какой это будет изложено ниже. Есть данные о том, что были предприняты попытки сохранить втайне отдельные фазы этой деятельности, однако преступная программа в целом была настолько распространена и включала в себя убийства в таких колоссальных масштабах, что преступная деятельность организации должна была получить широкую известность.

Более того, следует признать, что преступная деятельность СС самым логичным образом вытекала из тех принципов, на которых строилась эта организация. Было сделано все возможное для того, чтобы превратить СС в высокодисциплинированную организацию, составленную из цвета национал-социалистов. Гиммлер утверждал, что в Германии были люди, «которых тошнило при виде черных мундиров»; он заявлял, что не ждет «проявления со стороны многих слишком бурной любви к членам организации»...

В серии речей, произнесенных в 1943 году, Гиммлер выражает свою гордость по поводу способности СС проводить эти преступные мероприятия. Он побуждал своих подчиненных быть «грубыми и безжалостными»; говоря о расстреле «тысяч видных поляков», он благодарил членов организации за оказанное ими содействие и за отсутствие с их стороны слабости при виде сотен и тысяч трупов их жертв. Он превозносил безжалостность при истреблении еврейской расы, истреблении, которое было названо им

впоследствии процессом «санобработки». Из этих речей явствует, что общие настроения, преобладающие внутри СС, соответствовали тем преступным деяниям, которые совершались этой организацией...»[1].

По этому вопросу Трибунал придерживается того мнения, что деятельность СС и преступления, совершенные этой организацией, как это указано выше в приговоре Международного Военного Трибунала, имеют столь широкие масштабы, что ни один человек, обладающий интеллектом подсудимого, человек, достигший ранга оберфюрера СС, не мог быть не осведомлен о преступной деятельности этой организации, особенно если он был ее членом с 1937 года и до капитуляции Германии. По его собственному заявлению, Альтштеттер вступил в СС с колебаниями не только по религиозным мотивам, но также и из-за практики полиции помещать людей в превентивное заключение в концентрационные лагеря.

Альтштеттер не только имел связи с высокопоставленными деятелями СС, как это отмечалось выше, но и сам занимал высокое положение в министерстве юстиции, он проживал в Берлине с июня 1943 года до капитуляции. Он посещал совещания глав отделов министерства юстиции и по занимаемой должности был связан с чиновниками министерства, включая тех, кто занимался уголовными делами.

Как свидетельствуют материалы настоящего дела, элементом защиты многих из подсудимых, привлеченных к суду перед настоящим Трибуналом, является утверждение о том, что они постоянно оказывали сопротивление вмешательству полиции, подчинявшейся Гиммлеру, и противостояли незаконным действиям полиции.

Как свидетельствуют документальные доказательства по делу, подсудимый знал об эвакуации евреев из Австрии и имел переписку с начальником полиции безопасности и службы безопасности по поводу свидетелей, вызываемых в суды... В этой корреспонденции говорится:

«Если отдел регистрации постоянных жителей или другое полицейское учреждение сообщают, что определенный еврей вывезен, то все дополнительные запросы о месте его нахождения, равно как и ходатайства о разрешении заслушать или допросить его, бесплодны. Напротив, в таких слу-

[1] «Нюрнбергский процесс...», т. VII, стр. 423—427.— Составитель.

чаях нужно считать, что данного еврея невозможно получить для допроса в качестве свидетеля».

В корреспонденции имеется также следующий знаменательный абзац:

«Если в отдельном случае в интересах общества надлежит сделать исключение и создать возможность для получения показаний, мне следует представить доклад с объяснением, почему данное дело имеет значение. Во всех случаях отделы должны воздерживаться от того, чтобы непосредственно обращаться в органы полиции, в особенности в центральный отдел урегулирования еврейской проблемы в Богемии и Моравии, в Праге, для получения информации о месте нахождения вывезенных евреев, о допущении их допроса или обследования».

Подсудимый являлся членом СС в период погромов в ноябре 1938 года, во время «хрустальной ночи»[1], в ходе которой, как установил Международный Военный Трибунал, СС сыграли значительную роль. Вне сомнения, независимо от того, принимал ли Альтштеттер участие в деятельности этого рода и одобрял ли эту деятельность, он должен был знать о роли, которую играла организация, сотрудником которой он являлся. Как юрист подсудимый знал, что в октябре 1940 года СС были поставлены вне досягаемости закона. Как юрист он наверняка знал, что 13-й поправкой к закону об имперском гражданстве евреи передавались в руки полиции и, таким образом, окончательно лишались той небольшой защиты со стороны закона, которую они до того времени имели. Он также знал, так как это было частью того же закона, о мрачных статьях, согласно которым по смерти еврея его имущество конфисковывалось полицией.

Невзирая на эти факты Альтштеттер сохранял дружеские отношения с руководителями СС, включая Гиммлера, Кальтенбруннера, Гебхардта и Бергера. Он говорил о Гиммлере, одной из самых мрачных фигур «третьего рейха», как о своем «старом и доверенном друге». Он принимал и сохранял свое членство в СС, являющихся, можно сказать,

[1] «Кристалл-нахт» («хрустальная ночь») — под таким названием нацистская партия и гитлеровское правительство в ноябре 1938 года организовали одновременно по всей стране еврейские погромы (поджоги и разрушения молитвенных зданий, торговых предприятий, жилых домов, избиение евреев и издевательства над ними).— Составитель.

основным орудием власти Гиммлера. Допуская, что подсудимый мог не знать о массовых убийствах, осуществлявшихся на заключительном этапе в концентрационных лагерях и эйнзатцгруппами, нужно сказать, что он знал о политике СС и частично о преступлениях этой организации. Тем не менее он принимал отличительные знаки и чины этой организации, отдававшиеся ему в данной организации, и почести, сохранял контакты с высокими деятелями нацистского режима. Все это имело в нацистской Германии немалое значение. За такую цену он отдавал свое имя солдата и юриста и помогал скрывать постыдные дела этой организации от глаз германского народа.

На основании доказательств по данному делу настоящий Трибунал приходит к выводу, что подсудимый Альтштеттер виновен по разделу четвертому Обвинительного акта.

* * *

Настоящий Трибунал постановил, что в его юрисдикцию не входит привлечение к суду кого-либо из подсудимых за заговор как самостоятельный состав преступления; мы признаем, однако, что в разделе первом Обвинительного акта имеются положения, которые представляют собой обвинения в непосредственном совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Однако, если исключить из раздела первого обвинение в заговоре, оказывается, что все другие инкриминируемые этим разделом преступные акты, которые были совершены после 1 сентября 1939 г., излагаются как преступления также и в последующих разделах Обвинительного акта. Поэтому мы не видим надобности в том, чтобы выносить формальное решение по остальным обвинениям, перечисляемым в разделе первом. Вынесенные Трибуналом решения о виновности или невиновности по разделам второму, третьему и четвертому охватили собой все вопросы, которые были переданы нам на рассмотрение.

В отношении тех подсудимых, которые были признаны виновными, следует сказать, что наши выводы не основываются исключительно на тех фактах, которые мы изложили в приговоре, особо рассматривая ответственность каждого из подсудимых. В течение девяти месяцев, которые были посвящены процессу и рассмотрению настоящего

дела, мы пришли к таким выводам, основываясь на доказательствах и наблюдении подсудимых, которые мы не можем полностью изложить документальным путем, учитывая, что мы располагаем ограниченным временем и местом. Как мы уже отмечали, подсудимым не вменяются в вину конкретные преступные акты в отношении определенных жертв. Подсудимым инкриминируется преступное участие в организованных правительством зверствах и преследованиях, которые не имеют себе равных в анналах истории. Наши решения основываются на рассмотрении всех доказательств, которые могли пролить свет на то, какую роль играли подсудимые во всей этой ужасающей драме. Вынося приговор, мы должным образом учитываем смягчающие обстоятельства, а также доказанные данные о характере каждого из подсудимых и о мотивах, которыми он руководствовался.

РЕШЕНИЕ ТРИБУНАЛА
О НАКАЗАНИЯХ, ВЫНЕСЕННЫХ ПОДСУДИМЫМ (РЕЗОЛЮТИВНАЯ ЧАСТЬ ПРИГОВОРА)[1]

[1] Затем каждый в отдельности подсудимый вызывался и ему объявлялся приговор. Франц Шлегельбергер, Освальд Ротхауг и Рудольф Ёши приговариваются к пожизненному тюремному заключению; Эрнст Лаутц, Вольфганг Меттгенберг, Вильгельм Аммон и Гюнтер Иоэль — к десяти годам тюремного заключения каждый; Курт Ротенбергер — к семи, и Йозеф Альтштеттер — к пяти годам тюремного заключения. Всем осужденным к заключению на срок зачтено предварительное заключение.

4 декабря 1945 г. в 17 ч. 45 м. Маршал суда объявил, что Трибунал прекратил свою работу. — Составитель.

СОДЕРЖАНИЕ

«НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС»
Суд над нацистскими судьями

Составитель
МАРК ЮРЬЕВИЧ РАГИНСКИЙ

Редакторы *Л. А. Плеханова, В. А. Смирнов.*
Оформление художника *В. В. Максина.*
Художественный редактор *Э. П. Стулина.*
Технический редактор *В. А. Серякова.*
Корректор *Т. М. Воротникова.*

Сдано в набор 9/I-1970 г. Подписано в печать 30/III 1970 г. Бумага типографская № 2, формат 84×108[1]/32. Объем: усл. печ. л. 18,48; учет.-изд. л. 18,81. Тираж 25 000 экз.

Издательство «Юридическая литература», Москва, К-64, ул. Чкалова, д. 38—40.

Заказ 7429.

Областная типография Ивановского управления по печати, г. Иваново, Типографская, 6.

Цена 86 коп.